

ПРАВОСЛАВИЕ В НАШИХ ДУШАХ

КОВЧЕГ

ЛИТЕРАТУРНО-МУЗЫКАЛЬНЫЙ АЛЬМАНАХ

ОРДЕНА Г.Р. ДЕРЖАВИНА
ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

ВЫПУСК 4

ТУЛА

2014

ББК 84 Р7 (Рос.-Рус.)

К 25

Альманах «Ковчег»: поэзия, проза, публицистика, критика и литературоведение, произведения о детях и для детей, песни.— Тула: Изд-во «Папирус», 2014.— 328 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

ISBN 978-5-7679-2336-6

В альманах «Ковчег» вошли стихотворения и рассказы, притчи, эссе и миниатюры, статьи и воспоминания, литературоведческие работы, песни, а также произведения о детях и для детей разного возраста. Участники альманаха — это и самодеятельные писатели, и профессионалы — члены тульских отделений Союза писателей России и Союза российских писателей. Широкий и возрастной диапазон авторов, он охватывает три поколения. В альманахе представлены авторы из Тулы, Москвы, Тольятти, Самары, Серпухова, Алексина, Волгоградской области и Республики Мозамбик. Объединяет же всех — любовь к России, Православию, русской культуре и обеспокоенность судьбами страны и народа, будущим наших детей.

Иллюстрации — художник Елена Соколова

© Авторы, 2014

© Шафран Яков Наумович, идея, составление, оригинал-макет, оформление, 2014

© Яшин Алексей Афанасьевич, составление, 2014

© Соколова Елена Вячеславовна, иллюстрации, 2014

Михаил ДУНАЕВ

**ПРАВОСЛАВИЕ
И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА**

**Литература конца XX столетия
(выдержки из главы 18)**

Кажется, все обрушилось в русской культуре конца века и тысячелетия: литература утратила свое ведущее положение. Тиражи толстых журналов, взлетевшие было к миллиону, едва держатся возле десяти тысяч. Прежние властители дум уступили место наглым малограмотным журналистам и дельцам шоу-бизнеса. “Самый читающий народ в мире” упивается низкопробными детективами, любовными романами дурного тона, вздыхает вслед убогой фантазии авторов несчетных “мыльных опер”. (...) Что это: предвестие близкой окончательной апостасии или предупреждение о необходимости противостоять надвигающейся угрозе?

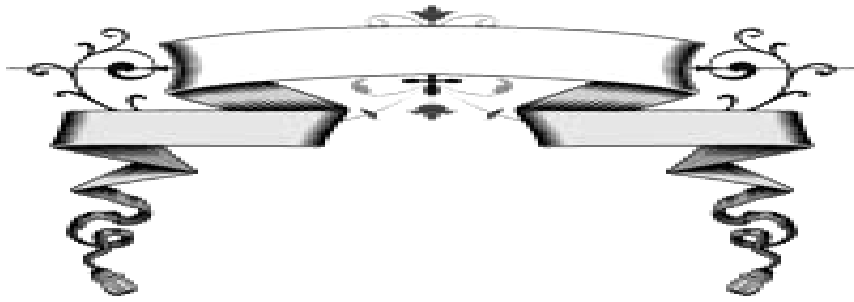
Поддаваться отчаянию никогда не полезно, но должно попытаться хотя бы с краешку осмыслить совершающееся.

(...) Можно долго рассуждать о культуре, но прежде лучше разъяснить, что подразумевается под этим словом. Имеется множество определений культуры, не вполне удовлетворительных, ибо не охватывающих понятие в полноте. На уровне обыденного сознания и того хуже: объем понятия создается по номенклатурному принципу, то есть путем перечисления входящих в него составных частей. (...) Лучшее определение культуры было выработано в русской религиозной философии начала XX века. Это определение дает возможность осмыслить понятие предельно полно.

Культура есть система жизненных ценностей человека и общества, которая обнаруживает себя в их творческой деятельности.

Творчество — вот ключевое понятие в культуре. Высший вид творчества, создание человеком новых духовных ценностей...

Но, как и всякий дар Божий в поврежденном грехопадением мире, творчество может быть обужено человеком и даже обращено им во зло. (...) Поскольку жизненные ценности человека и общества определяются пониманием смысла жизни, места человека в мире, то есть в конечном итоге верою, то... всякая культура имеет религиоз-

ДУХОВНАЯ СТРАНИЦА

МИХАИЛ ДУНАЕВ

ную основу. (...) Православие отвергает две крайности по отношению к культуре. Оно не приемлет культурного минимализма, то есть умаления роли культуры в жизни православного народа. Но оно также не допускает и культурного максимализма, абсолютизации культуры, превращения ее в самодовлеющую ценность. Духовное не может быть поставлено над духовным.

Бескультурие не украшает никого, даже того, кто мнит себя настолько высокодуховным, что уже не нуждается ни в чем земном. Но пока мы в этом мире, мы не можем отказаться ни от пищи для тела, ни для души. Это будет самоубийственно. Проблема в ином: необходима высококачественная пища, не содержащая в себе отравы. Высокая культура потребна человеку и обществу. Один неглупый человек сказал: от того, как танцуют в Большом театре, зависит и то, как кладут камни в стены строящихся домов и как выпекают хлеб, и как соблюдают расписание железнодорожных поездов. Кажущийся парадокс этот, конечно, не следует понимать слишком буквально — стоит лишь понять: культура является сложной системой со взаимосвязанными составными частями, и все в ней зависит от всего. Низкая культура в одном приведет и к падению всеобщего уровня организации жизни человека и общества.

Однако когда культура, как бы высока она ни была, попытается оторваться от духовной своей основы, она неизбежно деградирует. Во все времена абсолютизация душевного (при забвении духовного) не может не стать греховной, а следовательно, и губительной для человека. (...) Православие относится с уважением к нехристианским культурам, исторически неоднократно ассимилировало их достижения, прямо не связанные с вероучительными моментами и духовно-молитвенной практикой.

Можно вспомнить при этом, как святитель Василий Великий научал христиан не отвергать то доброе, что можно обрести в языческой культуре. И это во время, когда язычество было еще живой религией, то есть представляющей угрозу для христианского сознания. Над этим стоит задуматься: христианство никогда не страдало сектантской узостью.

Исходя из того, что Православие проходит свое историческое бытие как сообщество Поместных Автокефальных Церквей, оно постулирует непреходящую значимость национального своеобразия культуры каждого народа.

Православие оценивает состояние культуры по нравственному состоянию человека и общества, а не по материальным проявлениям

этой культуры, ее внешнему блеску. (...) Исповедуя, что дух христианской культуры есть дух любви, Православие видит высшее достижение культуры в установлении соборного единства людей, на любви основанного. Это соборное единство — единство многообразия, которое не допускает нивелирования личности, но, напротив, содействует ее укреплению и развитию. (...) Культура, с точки зрения православного мировоззрения, есть живая, развивающаяся система, а не застывшая форма. И поэтому формализация и механизация культуры — противоречит христианскому духу и свидетельствует о ее вырождении. (...) “Нет ничего раз навсегда установленного, безусловного, святого. Именно это... и есть исходный, первый, кардинальнейший принцип нового мышления”. (...) “Ничего святого” с неизбежностью порождает “все позволено”. Это не может не отзываться, помимо всего прочего, разгулом преступности — уголовной, экономической, политической, организованной, стихийной, обдуманной и бездумной. Что сдержит человека, если — ничего святого? Реальная жизнь подтверждает худшие опасения.

И писатели, русские писатели, принялись предлагать народу новые ценности. Один из них, вовремя примкнувший к прогрессу А. Ананьев, возгласил: “Наполнятся прилавки, начнут наполняться души”. Желудки — да, но не души же... Другой писатель, искренне уважаемый всеми А. Дудинцев, вторил почти в унисон: “...в обществе существует какая-то инертная масса, к которой нам еще предстоит подобрать ключи. Я полагаю, что такими качественными ключами будет дешевая качественная колбаса, обилие хороших свежих овощей, недорогая одежда, а для молодежи — достаточное количество модного тряпья”.

До чего же докатилась отечественная литература, если русский писатель не видит разницы между душою и желудком, а ключом к человеку называет дешевую колбасу и модное тряпье! (...) Не оттого ли и утрачивает литература свое прежнее значение? Впрочем, есть писатели, которые и рады тому. В такой радости — бессознательное чувство облегчения от тягостной ответственности: быть властителями дум. Власть есть прежде всего ответственность. Конечно, само положение властителя дум становится питающей основой для терзающего душу любопытства (Пушкин это остро ощутил), но, кажется, нынешних литераторов эта мысль посетить не может, да и не боятся они греха вообще. Забывается также: человек все равно будет искать для себя авторитетное мнение на стороне — и находит такое у неумных и невежественных журналистов, политиков, даже

у спортсменов. И выходит: отказ от ведущего положения литературы, радость от того, что утрачено оно,— лишь усугубляет бедственное положение общества. Конечно, и вести надобно умеючи. Те, кто радуется падению роли литературы, тем обнаруживают лишь свою неспособность к водительству.

(...) Потребительские вожделения, насаждаемые как абсолютная ценность, как двигатель прогресса, как альфа и омега всей земной премудрости,— губительны для человека. (...) Потребительское сознание среди высших жизненных ценностей признает тягу к удовольствиям при одновременном душевном комфорте.

(...) Укрепление национального самосознания укрепляет личностное начало в человеке. Связь этих двух понятий — нации и личности — уже не раз была отмечена прежде, о том пророчески говорил Достоевский, определявший нацию именно как народную личность. Поэтому космополитизм, отрицающий нацию, направлен на разрушение личностного начала вообще, на обеднение жизни и тем — на разъединение людей: ибо в безликом стаде подлинного единства быть не может.

Общечеловеческие ценности, к которым апеллируют носители космополитического мышления, на деле есть пустая абстракция. Об этом еще в 1856 году писал один из крупнейших столпов славянофильства К.С. Аксаков:

“Общечеловеческое само по себе не существует; оно существует в личном разумении отдельного человека. Чтобы понять общечеловеческое, нужно быть собою, надо иметь свое мнение, надо мыслить самому...” (...) Пушкин: “Не гордиться славою своих предков есть постыдное малодушие”. Мысль эта из тех, что на века. (...)

Промелькнуло как-то забавное утверждение: не нужно требовать правды от искусства, она должна быть лишь в газете “Правда”. Но как обойти неизбежное: ежели не будет в искусстве правды, то будет в нем непременно ложь, ибо третьего тут не дано. (...) Подводит все та же разорванность сознания, дробность мышления. По-русски это называется “за деревьями не видеть леса”. Но системное мышление есть лишь частное низшее проявление соборного сознания. И ясно: при утрате религиозного мирозерцания системное мышление неизбежно рвется, становится дискретным. Разорванное сознание есть одно из проявлений безбожного бытия.

Ныне постмодернистский поток, порожденный раздробленным сознанием, устремлен к расчеловечиванию человека.

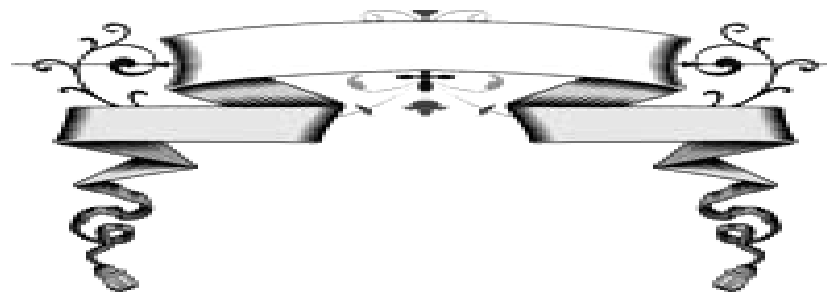

Ограждением пространства художественной деятельности от этого потока может стать лишь художественно-духовная традиция русского искусства. Однако в сознании устремленного к полной свободе художника (в том-то и дело, что не к свободе, а к своеволию и вседозволенности) гнездится лишь крайнее презрение, если не ненависть ко всякой идее подчинения себя чему-либо. Разрыв с традицией понимается как обретение свободы. Но вот бы еще раз над чем задуматься: почему скованные по рукам и ногам жесточайшими требованиями канона художники Древней Руси смогли создать величайшее искусство? Ответ прост: потому что они были внутренне просветлены и оттого свободны в творчестве. А существование канона лишь помогало им.

Разрыв с традициями служит бездуховным целям. (...)

Создается, однако, впечатление, что подобные рассуждения, предупреждения, предостережения мало интересуют нынешних передовых творцов. Ибо приняв такой ход мысли, они вынуждены будут задуматься о последствиях собственной деятельности и о своей ответственности за такие последствия. Все гасится простеньким рассуждением: у искусства нет никакой цели, и оно не может воздействовать на жизнь. Но зачем же “творить” в таком случае? Чтобы самовыразиться и в том самоутвердиться? Чтобы занять себя, убить время? Вот и цель — у кого какая.

Однажды в телепередаче некая поэтесса заявила, что не ставит перед собой никакой цели и что если будут затронуты чувства хоть одного читателя... Стоп. Вот и еще цель: затронуть чувства хоть одного читателя. Поэтесса не дала себе труда осмыслить свою литературную деятельность — не станем разделять ее заблуждений. “Искусство есть деятельность человеческая, состоящая в том, что один человек сознательно известными внешними знаками передает другим испытываемые им чувства, а другие люди заражаются этими чувствами и переживают их” (15,87),— Толстой знал, о чем говорил. Верно: стоит человеку соприкоснуться с произведением искусства — и неизбежен отпечаток на состоянии его эмоций и мысли. Художник обязательно заражает людей — необходимо сознать это и не повторять чужие бездумные благоглупости. Раз заражает, то и влияет на жизнь. Но особым образом...

ПОЭЗИЯ

ВАЛЕРИЙ ХОДУЛИН
ВИКТОР ИВАНОВ
ИГОРЬ МЕЛЬНИКОВ
СЕРГЕЙ НИКУЛОВ
ВАЛЕРИЙ ДЕМИДОВ
ГАЛИНА ЛЯЛИНА
ЛЮБОВЬ САМОЙЛЕНКО
ТАТЬЯНА ЛЕОНОВА
ОЛЕСЯ МАМАТКУЛОВА
СЕРГЕЙ ЛЕБЕДЕВ
ЛЮДМИЛА РЕЗВЯКОВА
ЕЛЕНА СОКОЛОВА
ТАТЬЯНА ШЕЛЕПИНА
ВАЛЕРИЙ ВИНОГРАДОВ
ОЛЬГА ЕВСЮКОВА
СЕРГЕЙ ОДИНОКОВ
МАРИЯ МИХАЙЛОВА
ДАНИИЛ АРТАМОНОВ
ДМИТРИЙ ДАНИЛИН
ВАЛЕНТИНА КАРПОВА
ОЛЬГА ПАВЛОВА
ВАСИЛИЙ ТАРАКАНОВ
КИРА КРУПСКАЯ

ВАЛЕРИЙ САВОСТЬЯНОВ
НИНА ПОПОВА
НАТАЛЬЯ КВАСНИКОВА
СЕРГЕЙ РЕЗВЯКОВ
ОЛЬГА ПОНОМАРЕВА-
ШАХОВСКАЯ
ВЯЧЕСЛАВ АЛТУНИН
ГЕННАДИЙ МИР
ИГОРЬ БОРОНИН
ВЛАДИМИР ПАШУТИН
ЛЮДМИЛА ПЕНЬКОВА
ЯКОВ ШАФРАН
НАТАЛИЯ СИЛАЕВА
СТАНИСЛАВ ВОРОНЦОВ
ОЛЬГА ОСЕНСКАЯ
ТАТЬЯНА ЧЕРНЫШОВА
ЮЛИЯ СЕМИНА
ОЛЬГА БОРИСОВА
МАРИНА КАРГИНСКАЯ
АЛЕКСАНДР КАРПОВ
ВЛАДИЛЕНА СТАНИСЛАВСКАЯ
ТАТЬЯНА ТЮРИНА
ВЛАДИМИР ГУДКОВ

Валерий ХОДУЛИН

(г. Тула)

Валерий Георгиевич Ходулин родился в 1937 году. Член Союза писателей СССР и России, «Заслуженный работник культуры России», почетный гражданин города-героя Тулы. Лауреат литературных премий им. Тульского комсомола, им. Л.Н. Толстого и других, лауреат Всероссийского отраслевого фестиваля авторской песни. Член-корреспондент Петровской академии наук и искусств в Санкт-Петербурге. Имеет благодарность Верховного Главнокомандующего ВС РФ В.В. Путина, награжден медалью «За службу на Северном Кавказе», другими медалями. Член Союза десантников России, Всероссийской ветеранской организации «Боевое братство».

ВОСПОМИНАНИЕ О ЧЕЧНЕ

Над черной землей поднимается чад.
Дух копоты в воздухе смрадном.
Читаю стихи про любовь, про девчат,
На ящике стоя снаряжном.

Читаю стихи о далекой весне,
Читаю о доме родимом.
И каждый солдат улыбается мне,
Я вижу их лица за дымом.

Сгущается мрак среди белого дня,
И солнце чуть светит в сторонке.
Мне видно, как целится снайпер в меня
Из той вон заречной зеленки.

В прицеле оптическом с черным крестом
Стою перед ним, как на плахе.
Надавит на спуск своим грязным перстом
И сгинут все боли и страхи.

Вот линия выстрела четко вошла
В мое беззащитное тело.

Вот пуля уже отошла от ствола,
Беззвучно в меня полетела.

Ворвется в меня обжигающий зуд
И мир в черной пропасти канет.
И в цинковом гробе меня увезут
На Родину в «черном тюльпане».

Газеты напишут, что пал я в бою,
В жестоком бою беспощадном.
Но нет, я пока еще крепко стою
На ящике этом снаряжном.

Но нет, я пока еще вроде бы цел.
И кажется: там, за рекою,
Мой ангел-хранитель отводит прицел
Уверенной, властной рукою.

Я вижу, как тают злорадства штрихи
На черном лице бородатом.
Я жив, я здоров, я читаю стихи
Хорошим российским солдатам.

КОГДА УЙДЕТ ПОСЛЕДНИЙ ФРОНТОВИК

Когда уйдет последний фронтовик
Под вздох друзей и под стенанье близких,
Замрет планета на короткий миг,
И вздрогнув, покачнутся обелиски.

И там, где нет ни ночи и ни дня,
Где ветра нет и нет травы зеленой,
Там ветерана встретят как родня
Все тридцать павших в битвах миллионов.

И ангелы, ведущие учет,
В свой скорбный лист его запишут вскоре,
И визу ставя, Бог произнесет:
— Ну, наконец-то вся команда в сборе.

У Леты на холодном берегу,
В потустороннем хмуrom полумраке,

Он встретит тех, с кем замерзал в снегу,
С кем отступал, и с кем ходил в атаки.

— За Родину! За Сталина! Ура!—
Они кричали, в бой себя бросая.
И вдруг пред ним возникнет медсестра,
Что жизнь отдала, его спасая.

И в сердце хлынет теплая волна,
И тело, как при жизни встрепенется,
И незабытых, нежных чувств полна,
Его душа к ее душе рванется.

Не поглотит забвения вода
Того, кто добывал свободу людям.
Ему не будет Страшного Суда,
Поскольку победителей не судят.

Фронтовику путевку в рай дадут,
Где много райских птиц и райских звуков.
И в гости к нему первыми придут
Весь в черном Сталин,
И весь в белом Жуков.

ДВА СТАРИКА

В саду, на скамейке,
Под солнышком два старика,
Вернее, старик со старушкой,
Сидят, словно два голубка.

Старик, сединой убеленный,
Вихор у него поредел,
Глядит на подругу влюблено,
Как в юности давней глядел.

Уйдут они скоро.
Старушка больна и слаба,
Но он ей, как прежде, опора,
Надежда ее и судьба.

О чем они думают?
Что вспоминают теперь?

Ведут ли подсчет
Невозвратных и горьких потерь?

О чем старики сожалеют?
О чем они кротко молчат?
Детей улетевших жалеют,
А с ними — желанных внучат?

Нить жизни все тоньше.
И людям, давно уж седым,
Хорошее помнится дольше,
Плохое — уходит, как дым.

Все было: тревоги,
Предательство, фронт, лагеря,
Но все же, в итоге,
Их жизнь пролетела не зря.

Все сдюжили, вынесли,
Все завершили дела,
Поскольку по жизни
Любовь их друг к другу вела.

Вот ветка над ними качнулась,
Вот солнце блеснуло лучом,
Сидят они, ласково шурясь,
Друг к другу прижавшись плечом.

Прохожий пройдет, улыбнется,
И многим из нас невдомек,
Что их согревает не солнце,
А долгой любви огонек.

ОСВОБОЖДЕНИЕ КОСОЙ ГОРЫ

Все это было в грозном декабре,
Когда морозы лютые трещали.

Танкисты наши на Косой Горе
Поселок от фашистов очищали.

Летели вести в сторону Москвы
И радовали сердце неустанно.
Уже свободны Струково и Рвы,
На очереди — Ясная Поляна.

И обломав под Тулой свой таран,
По мерзлым кочкам, в снеговой завесе,
На Запад драпал Гейнц Гудериан
В обшарпанном холодном «мерседесе».

И за собой закрыв тяжелый люк,
И подмигнув приятельски друг другу,
Садилась в танки Гетман и Юшук,
Их путь был на Берлин через Калугу.

Танкисты шли, как говорят, ва-банк
Сплошной лавиной из огня и стали.
Лишь на Косой Горе
Один остался танк,
Навеки замерев на пьедестале.

ПЕТРОВ ДЕНЬ

Бурно, в честь апостола Петра
Муж твой – Петька водку пил с утра.
Потому в канун Петрова дня
Ты всю ночь гостила у меня.
На подушке нежно-голубой
Сторожили солнышко с тобой.

На селе в канун Петрова дня
Любит хулиганить ребяшня.
Чтоб тебя никто не обижал,
Я тебя до дома провожал.

Петька на всю улицу храпел.
Я обратно шел и тихо пел:

В праздник, в будни, с радости ль, с тоски
Лишнего не пейте, мужики.

Валерий САВОСТЬЯНОВ

(г. Тула)

Валерий Николаевич Савостьянов родился в Тульской области в 1949 г. С 10 лет живет в Туле. Окончил Тульский политехнический институт. Прошел трудовой путь от рабочего на заводе и шахте до заведующего лабораторией в ТПИ. Стихи пишет с детства. И уже полвека в тульской поэзии. Автор 8 книг, многих публикаций в тульских, российских и международных изданиях. Участник ведущих Антологий поэзии. Руководитель семинаров поэзии Совецаний молодых литераторов. Член Бюро Тульского отделения СП России. Лауреат множества международных и всероссийских литературных премий и конкурсов. Наиболее полно творчество и биография представлены на сайте "Стихи.ру": <http://www.stihi.ru/avtor/airi2>

МАМЕНЬКА

Ветер холоден и выюжен —
Оглашенный снеговой...
Никому-то ты не нужен,
Кроме маменьки своей.
Огонек далекий светит
Из-под ставенки одной.
И никто тебя не встретит,
Кроме маменьки родной.
Ты оборван и не выбрит,
Колесованный бедой —
И никто слезу не вытрет,
Кроме маменьки седой...
Ты уснешь,
Но в сон твой дышит
Огнедышащий дракон —
И никто твой стон не слышит,
Кроме мамы у икон.
За окошком вьюга воет,
Бесы лезут на порог,

Но стоит Великий Воин,
Воин Духа, поперек...
А проснешься — варит, жарит

С торбой снеси и обнов
Так никто не провожает —
Только маменьки сынов!
На развилке у пригорка,
Где поземка иву гнет,
Так никто не крестит горько,
Что-то зная наперед...
И не зря тебе казаться
Стало вдруг на склоне лет:
Богородицей Казанской
Смотрит маменька вослед.

ПСАЛТЫРЬ

Над могилой ива и калина,
Грустные, склоняются в мольбе.
Бабушка моя, Екатерина,
Царствие Небесное тебе.
Сколько отчитала ты, отпела,
Так же вот, склоняясь и скорбя!
Твой псалтырь
Лежит теперь без дела —
Нет у ученицы у тебя.
Горькое торжественное пенье
Непрерывно с ночи до утра
Требуешь особого терпенья —
Не смогли ни мама, ни сестра.
Видимо, не каждому по силам,
Что благословенья благодать,
Все равно: богатым или сирым —
Сопереживать и сострадать!
Ты ж слезу скупую вышибала,
Хрупкая, склоняясь к образам,
У такого грозного амбала,
Что давно не верит и слезам.
И с тобою пела и рыдала
Вся родня печальная подчас.

А ведь ты усопшего видала
В первый раз
Да и в последний раз...
Избранные смотрят, как с вершины,

В наши души, полные страстей —
Ведь не зря же ездили машины
За тобой из дальних областей.
До сих пор тебя не забывают
Люди и Природа:
До зимы
Над тобою птицы распевают
Нежные хвалебные псалмы.
Над могилой ива и калина,
Грустные, склоняются в мольбе.
Бабушка моя, Екатерина,
Царствие Небесное тебе!

ВОЛЯ РУССКАЯ МОЯ

Ласточки над куполами,
Над соборной высотой
Режут острыми крылами
Зной разбрызганный, густой.
Так стремительно паренье,
Так их скорость высока,
Что теряют оперенье
Перистые облака.
Тяготение не давит
На летящие тельца.
С легких крыльев опадает
Золотистая пыльца...
Горд я русскою судьбою!
Мне б свечой среди свечей
Вспыхнуть в сумраке собора
Для Твоих, о, Русь, очей!
Дай мне, грешному поэту,
Прометеева огня —
Чтобы следовать завету
Здесь стоявших до меня!
Здесь, над муками возвысаясь

И о вольности скорбя,
Древний воин — гордый витязь —
Мстить поклялся за Тебя!
Здесь таинственные тени
До сих пор еще со стен,
Опускаясь на колени,
Молят:
«Русь, восстань с колен!
По Тебе волчицей рыщет
Беспощадная Орда:
Вечный сон и пепелища,
Там, где были города!
Лучше сгинуть в Диком Поле,
Быть распятым на кресту —
Но терпеть
Твоей неволи
Сыновьям немоготу!..»
И возносятся молитвы,
И прощаются грехи —
И готовые для битвы
Сами пишутся стихи!

И когда свечей свечение
Ляжет рифмами в тетрадь —
Соберу я в Ополченье
Удивительную рать.
Облака, огонь и воду,

«Вяз, увязший по колено
У стены монастыря,
Что тебе страшнее тлена?» —
«Жить в неволе!
Значит, зря...»
«Ветер, ветер, вольный ветер,
Сын земли родной, ответь,
Что страшней всего на свете?» —
«Жить в неволе!
Лучше смерть...»
«Ворон, ворон, мудрый ворон,
А не проще ль — век ли, три —
Ждать,—
И взять врага измором!?» —
«Жить в неволе?
Не мудри!!!»
Рать моя,
Поэт и воин,
Русской лиры Пересвет,

Свет звезды и солнца свет —
Всех, восславивших
Свободу,—
Призову я на Совет!

Я в любви одной неволен —
И вольней неволи нет!
Как на поле Куликовом,
Злу навстречу выхожу,
Потому что родниковым,
Отчим краем дорожу!..
И когда умру от боли —
От свинца ли, палаша —
Вознесется над собором
Легкой ласточкой душа.
К облакам туманным, росным,
К небу Родины моей
Полетит, роняя россыпь
Позолоченных теней...
Обветшает,
Рухнет камень,
Сгинут, высохнув, моря.
Вечна лишь — под облаками
Воля русская моя!

РОЩИЦА ПРОЗРАЧНАЯ, НАГАЯ

Рощица прозрачная, нагая,
Листья днями прошлыми шуршат.
Есть ли на Земле земля другая,
Чтобы так умела утешать?

Озеро все прожитые годы
Отражает, словно камыши.
Есть ли на Земле другие воды,
Чтобы так смывали боль с души?

Русские холмы — как милой груди,
Буйный бор — как братья во хмелю.
Есть ли на Земле другие люди,
Кои так — без жалости — люблю?

Перекресток Крест на сердце высек,
Чтобы вместе верить и страдать...
Есть ли на Земле другие выси,
Что так обещают Благодать?

Виктор ИВАНОВ

(г. Тула)

Родился в 1962 г. в городе Череповце Вологодской области. В 1989г. переехал в Тулу. В 1994г. окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Автор сборника стихов «Я выхожу на Свет».

МАРИЯ МАГДАЛИНА

Ты рядом с Ним, но как Ему помочь?
Удар копья — и опустилась ночь.
Молитва жжет скорбящие уста.
Ты рядом с Ним, но не спасти Христа.
Не оградить власами от толпы
И не омыть пронзенные стопы.
И из семян твоих бессильных слез
Взойдут ростки кроваво-алых роз.
Во мгле ветра о Боге голоса.
Спасенными он за любовь распят.
Спасенными, молчащими окрест,
Не на престол он возведен — на крест.
Ложится тень тернового венца
С чела Иисуса на чело Отца.
Мария, о, как выстрадала ты
Три долгих дня вселенской пустоты?

ВЫБОР

(Цикл стихотворений)

ФОМА

Все дни, о распятом Иисусе скорбя,
Алая знаменья,

*«После восьми дней опять
были в доме ученики Его...»*

Молясь, я боялся увидеть Тебя
Глазами сомненья.
Все дни я боролся с неверьем своим,
Упрямо... бесплодно...
Ко мне не слетел, не открыл серафим:

Иоанна 20:26

Что Богу угодно?
И вот — пред Тобою. И спрятать хочу
Постылые руки.
«Я верю. Я Твой!» — неустанно шепчу,
Устав от разлуки.
А Ты — без упрека: «Дай руку твою,
Вложи в Мои раны».
Не надо! Я — верю. И рядом встаю
Я с пеньем осанны.
И вновь безоглядно дорогой иду
Мессии угодной,
Оставив свой страх в Гефсиманском саду.
Господь мой и Бог мой!

ПЕТР

Три раза я отрекся от Христа.
И трижды ниспослал Ты мне прощенье.
Не заслужил я Твоего креста.
Не для меня грядущее спасенье.
Испепеляет Богосклонный взгляд.
Твоя любовь страшнее наказания.
О, как!.. О, как Твои глаза слепят
Того, кто не достоин испытанья.
Я предал... Я — ничтожество. А Ты
Мне подаешь опять с улыбкой руку,
Не со Своей, слепящей высоты,
А просто — как помощнику и другу.
Раздавлен отречением своим?
Нет! Ты во мне поддерживаешь пламень!
Я по стопам, я по стопам пойду Твоим!
Я — Петр! Ты Сам сказал: «Ты — камень!»

«...Иди за Мною...»

Иоанна 21:19

ИУДА ИСКАРИОТ

Я — самый преданный.
Я — первый среди первых,
Глядевший на Него всегда, как на Царя,
Что книжник изощрен во всех вопросах веры —

«...Потому, что был вор»

Иоанна 12:6

Как просчитался я!
Смиренней всех земных мой оказался Равви.
Учение Его куда меня ведет?
Та проповедь любви ужели мир исправит?
Где слава? Где почет?
Прилежный ученик — я, сам к Нему пришедший,
Божественных чудес услышав дальний зов,
Внимал Его словам, и ждал, что словно шершни
Мы будем гнать врагов.
Нет, проповедь Христа нас не приблизит к трону.
Пустое для Него и золото, и власть.
Не предал я! Я для Него хотел корону
За поцелуй...

Украсть!

Ради Него привел я стражников толпою —
Он должен был их сжечь! Но все старанья зря.
Мессия осужден. А сатана со мною ...
Где просчитался я?

ПАВЕЛ

«Савл, Савл! что ты гонишь Меня?»
Деяния 9:15

Кто Ты? Кто Ты, явившийся мне на пути,
Ослепивший разящим лучом долгожданного света?
Сколько мне под камнями сомнений случилось пройти,
Чтоб, ослепнув, прозреть от нечаянной вспышки ответа!
Было, было — стоял у греха на краю...
Нет — в грехе пребывал. И не чувствовал боли.
Знаю, кто Ты! Иду, опираясь на руку Твою.
Ощущая ладонями Божьи мозоли.
Вижу, вижу Тебя! И в глазах отражаюсь Твоих.
Покаяньем встречаю рассвет воскресенья.
Каждый шаг за Тобой, словно Библии стих...

Нина ПОПОВА

(г. Москва)

Нина Попова — поэтесса, прозаик, журналист, выпускница Высших литературных курсов, член Союза писателей России и Академии российской литературы. Автор книг, музыкально-поэтических альбомов, литературоведческих работ, руководитель литстудии ВЛК «Путь мастерства». Лауреат многих литературно-общественных премий и номинаций, дипломант музыкально-поэтических фестивалей. Профессиональный путешественник и участник экспедиций высокой степени сложности.

МОЛИТВА

Не прошу я иного счастья:
Пусть не станет чужой — печаль,
Чтобы мимо людского ненастья
Никогда не прошла невзначай.

Дай мне, Господи, крепость духа,
Если радость — в соседний двор,
Пусть не шепчет мне зависть в ухо,
Не метет в мою душу сор.

Дай мне, Господи, щедрость веры,
Чтоб делить — так все — пополам,
Отдавать — так всегда без меры,
И не прятать добро в карман.

Чтобы сердцем могла согреться,
Без корысти людей любя,
Чтобы, Боже, болело сердце,
Да не только лишь за себя...

Качает наша речка синеву,
Соединив прозрачные ладони...
Я в эту невесомость заплыву
И прорасту кувшинкою в затоне.

Там буду слушать звонкий щебет птиц,
Чуть заполошный, но проникновенный,
Черты забуду всех знакомых лиц,
Освобождаясь от суетного плена.

Дай мне глоток воды!
Долгой была дорога...
Шла сквозь метель и дожди,
Шла я, сбивая ноги.

Шла я, стирая в кровь
Душу... Зимой и летом...
Греясь кострами зорь,
Зрея небесным светом.

Дай мне глоток воды,
Долгой была дорога
К дому, в котором ты —
Вымоленный у Бога...

ПОЛЕТ

Лечу, лечу сквозь бесконечность,
Внимая ритмам звездных песен,
И опоясывает Млечность
Ремнями пассажирских кресел.

И словно в чреве дикой птицы,
Ревущей сотней мощных глоток,
Моя душа на волю мчится,
Небес родных заслышав клекот.

Игорь МЕЛЬНИКОВ

(г. Тула)

Игорь Мельников родился 1 января 1981 г. в Туле. Работает фельдшером-лаборантом и учится в университете. Окончил в 2005 г. МГТУ им. Шолохова. Дипломант городского литературного турнира «Венок Пушкину» (1999 г.). Участник областного музейно-литературного объединения «Муза» при Доме-музее В.В. Вересаева (г. Тула). Регулярно выступает на площадках Москвы, Тулы и Тульской области. Автор сборника стихотворений «От и до». Публикуется в журналах и альманахах Москвы, Санкт-Петербурга и Тулы.

ЕСЕНИН В ТУЛЕ

Ноябрь властвует над Тулой.
Трепещут ветви на ветру.
Я открываю не Катутла —
Стихи Есенина беру.

Представлю: первый снег порхает,
А воздух свежий и хмельной.
По тульским улочкам шагает
Поэт, гуляка молодой.

Он от бескормицы столичной
В град оружейников сбежал.
Жил у Повицкого отлично.
Бродил по парку, размышлял.

И друг твердил ему, быть может,
Такие фразы, например:
«Зачем вам Персия, Сережа?
Зачем Москва и «Англетер»?

Останьтесь здесь». А он поддается
Не смог. Уехал в злую рань.
И мне недолго собираться.
Теплее буду одеваться.
На выходных махну в Рязань!

ЗНАЕТ БОГ

Ты шел ко дну в ментальной речке,
Но был замечен и спасен.
Грешил жестокостью извечной,
Как те, кто лаской обделен.

Упрямый, ты не помнил цели,
И выбирал не тот маршрут.
Но твои думы вдаль летели.
А что им было делать тут,

С тобою, в душевной комнатке,
Где ты разбрасывал слова
И полагал, что так и нужно?
Всегда ли наша жизнь права?

Дорог искожено немало,
Но рано подводить итог.
Куда ни глянь — везде начало.
Что будет дальше? Знает Бог...

НИКОЛАЙ РУБЦОВ

«Россия, Русь! Храни себя, храни!» Н.Рубцов

Ты тихо шел дорогой средь полей.
Вдруг, на распутье, книга пред тобой.
«Младой пиит!» — указывалось в ней:
«Даны пути. Ты должен выбрать свой.

Заморским господам хвалу пропеть —
Тревоги да печали позабыть!
Заумствовать — как Крез разбогатеть!
О Родине слагать — убиту быть!

Подумай, что дороже для тебя,
Какие думы, чаянья души
Несет в себе поэзия твоя —
И на странице этой напиши».

...Одних — достаток ласково позвал.
Других — чужого города огни.
А ты, забыв сомненья,

написал:

«Россия, Русь! Храни себя, храни!»

ОБОРОНА ТУЛЫ

Враги под Тулой. Сорок первый.	Уже и в Щекино ворвалась
Бои, бомбежки, хлябь дорог.	Его «Оленья голова».
Гудят натянутые нервы.	
Рабочий формируют полк.	И под пятой Гудериана,
	Что Крупп в броню свою одел,
...На сборном пункте, ранним	Томится Ясная Поляна.
утром,	А ты — не сдался, ты — сумел,
Ты получаешь карабин.	
Взамен тебя, в цеху простудном,	Как встарь, на поле Куликовом,
К станку становится твой сын.	Стать неприступною стеной.
	Простой рабочий из Чулково.
Сражаться! Что еще осталось,	Советский человек!
Когда у немца цель — Москва?	Герой!

Наш конформизм смешон, но неизбежен.
С приставкой «нон», он стал еще смешней.
Взрослеем мы, а глупости — все те же.
И книги нас не делают умней.

Нам нелегко, но тем, кто рядом — тоже.
Еще труднее это осознать.
Набраться сил, нырнуть в толпу прохожих,
И плыть быстрее, чтобы не отстать.

Промчалось лето. Осень на подходе.
И дни летят, как стая журавлей.
...Не говорите плохо о народе.
Пусть даже вы не верите в людей.

Наталья КВАСНИКОВА

(г. Москва)

Наталья Квасникова родилась в г. Абакане в 1963 г. Автор трех сборников стихов, многочисленных публикаций в журнале «Приокские зори», альманахах и антологиях поэзии и прозы, газетах. Зам. главного редактора журнала «Приокские зори». Член МГО Союза писателей России и Академии российской литературы. Лауреат литературных премий им. А.С. Грибоедова и «Левша» им. Н.С. Лескова.

Данная подборка включает 4 стихотворения в жанре баллады.

ЛЕГЕНДА

Когда разбегаются всею волны,
Взгляну на морскую веселую ширь:
Дельфины резвятся, на сердце легко мне,
И в радуге пенной лазоревый мир.
Но часто легенда приходит на память,—
И словно бы туч набегает гряда.
Дельфины беспечно играют с волнами,
Их это приводит к беде иногда.

—
Жестокие штормы рождает стихия.
Дельфины подхвачены мощью воды,
И стаю на берег бросают лихие,
Бурлящие вихри внезапной беды.
Надежда уходит с беспечной волною,
И гибнут дельфины, сминая пески...
Иссушит их солнце горячей рукою.
Дрожат их тела от предсмертной тоски...
Но взгляда не сводит с холодного моря
Один из дельфинов, он молод, упрям.
Решил он с судьбой беспощадной поспорить,
Чтоб снова поплыть по веселым волнам.
Он рвется к зовущей полоске прибоя,
Он корчится, бьется о колкий песок,
Пространство сужается береговое,
Ему остается последний бросок...
И море его обнимает, встречая,
В нем ширится сердце победой без слов.
Он, плача о братьях, в волне остужает
Горячее тело, избитое в кровь.

СТАРЫЙ ПИРАТ

В году примерно тысяча семьсот...
В мою таверну окнами на море
Зашел старик, просоленный, как черт.
Он ром спросил,— и разболтался вскоре
О том, как в молодые он года
Пиратом был у Флинта под началом.
«Мы потрошили всякие суда,
Удача шла на нас девятым валом.
Хороший мы имели гонорар...
Те годы я до смерти не забуду.
У Флинта был всегда особый дар,—
Он чуял носом золото повсюду,
Но даже он однажды изнемог,
Морскую битву проиграв позорно.
Став первым, кто в него спустил курок,
Я не последним улизнул проворно
И не забыл на память унести
Десятка два отличных изумрудов,
Да жемчуга немного — три горсти,
Да серебра немереную грудю.
Затем я ненадолго стал богат.
В каких меня гостиных привечали!
Карманы мне повывернул мой брат...
Ищу его — да уж найду едва ли».
Так он сидел, макая в кружку нос,
И все бранил пронырливого брата,
Но мы отца снесли уж на погост,
А я совсем ни в чем не виновата.

ЧЕРНАЯ СКРИПКА

Бродяга был казнен позорно
За воровство.
Владел он только скрипкой черной
И мастерством,
Играя яростных мелодий
Сплошной узор.
Но стал судьбе вдруг неугоден,
И вот он — вор.
Палач исполнил все, как должно,
Был в деле тверд,

И, скрипку взяв, он потревожил
Живой аккорд.
Ему открыл вдруг безоглядно
Скрипичный ключ,
Что музыка вскипает ядом,
А звук — могуч.
Палач забыл о прежней службе,
Играя всласть,
Закону стал теперь не нужен,
И начал красть.
Коварной скрипки приговором
Он был ведом...
Что ж, — лучше быть казнимым вором,
Не палачом.

ЗОЛОТО ИЗ СОЛОМЫ

Был король на охоте в раскидистой чаще
И укрылся у мельника ночь переждать.
Врал хозяину, как он стреляет блестяще
И медведей убил штук, наверное, пять.
Мельник верил, страдая давно простодушьем,
И ему захотелось — такая напасть! —
Похвалиться любимой дочкой послушной,
Из соломы, мол, золота может напрясть.

—
Не умею я этого! Все, что хотите,
Из обычной кудели спряду на заказ
Белоснежные, тонкие, легкие нити
И сошью сарафан за один только час...
Но король приказал мне напрясть из соломы
Золотую, искристую, длинную нить,
И увез во дворец из родимого дома,
Обещая меня наградить — иль казнить.
Я сижу взаперти. Свод огромного зала
Давит на плечи мне. А соломы вокруг!
Я одна, вы моих не услышите жалоб,
Все мучительней сердце сжимает испуг.
Не выходит, никак из-под рук не выходит
Золотая, соломой рожденная нить...
А в углу кто-то маленький прячется, вроде,
И светящимся взглядом меня леденит.

Сергей НИКУЛОВ

(г. Тула)

Никулов Сергей Александрович родился в с. Морозовы Борки Сапожковского района Рязанской области. С 1979 года, после службы в армии, проживает в городе Туле, работает токарем на заводе. Член Православного литобъединения «Ковчег», литобъединения «Пегас» при Тульском отделении Союза писателей России. Печатается в журнале «Приокские зори», альманахах «Ковчег», «День тульской поэзии», «На крыльях Пегаса». Автор сборника стихов «Радуюсь жизни» (2012 г.).

Бывают в жизни дивные минуты,
Возможно, ради них и стоит жить:
Потребность возникает почему-то —
В молитве сердце Господу открыть.

Волнуясь, перелистывать страницы,
Как книгу — от начального листа.
С Ним самым сокровенным поделиться:
Неизмерима Спаса доброта!

Мне распахнет Господь Свои объятия
И вызволит из пламени страстей.
Мы связаны с мгновения зачатия:
Он — Бог отца, Бог матушки моей.

Мне умолять Спасителя не надо:
Он видит между строк мою нужду.
Пред Ним не раб — возлюбленное чадо!
Он не допустит до меня беду.

Во благо мне духовные ступени.
Живую воду литургии пью,
Склоняя, как на мамины колени,
Повинную головушку свою.

Играет блестками река.
 Жара. Июль — макушка лета.
 Глаз не отыщет уголка,
 Что не был бы заполнен светом.

А коршун замыкает круг
 В своем парении высоком.
 Окидывает взглядом луг,
 Пологий берег и осоку.

На берегу, в тени раakit,
 Устроилось на отдых стадо.
 Земля в полдневной неге спит.
 И мне — спешить уже не надо.

В цветные нити воздух свит,
 Колышется тончайшим шарфом,
 Струится в голубой зенит,
 Переливается, звенит
 Струною исполинской арфы.

Родимый край!.. Кому пенять?
 Стою в волнении средь луга.
 И я сейчас готов обнять
 Чертополоха куст, как друга.

Хочу я надышаться властью,
 Раскинуть руки. Вольной птицей
 На эти травы грудью пасть,
 В них без остатка раствориться.

ЛИХИЕ ГОДЫ

Развалилась на части большая страна
 Как-то разом, в режиме авральном.
 И партийность уже никому не нужна...
 Канул в Лету и «Кодекс моральный».

Словно загнанный конь, что себя не везет,
 Мы не можем ступить и полшага.
 «Будет рынок у нас!» Простодушный народ
 Помешался на ценных бумагах.

Недруг наш, не скрывая под маской лица,
 Подает, ухмыляясь, советы.
 Змей наживы у ног Золотого Тельца
 Брызжет ядом, считая монеты.

Топчем слабых в борьбе за карьеру и власть,
 Препклоняем пред сильными спины...
 Мы же люди! А можем бесследно пропасть
 В лабиринте инстинктов звериных.

Даже семьи свои создаем без венца,
 К первобытным вертаясь потемкам.
 Мы — незрячи! Не видим начало конца!
 Что оставим в наследство потомкам?

Стала важным объектом торгов доброта,
 Милосердие — платной услугой!
 Неразумные! Мы распинаем Христа
 Вновь и вновь! Иль не выйти из круга?!

Как в тумане плушаем, не видя пути...
 Кто же к свету пробиться поможет?!
 Чтоб от тяжких раздумий с ума не сойти,
 Я к тебе припадаю: «О, Боже!

Не остави меня! Будь со мной до конца!
 Вразуми! Научи! Дай мне силы,
 Чтоб остаться любимым созданием Творца,
 А не диким потомком гориллы!»

У ОБЕЛИСКА

Церквушки остов... Вдалеке	Какие тайны сберегла
Гектары зреющего хлеба.	Едва приметная лощина?
И обелиск на бугорке	А чья-то мать всю жизнь ждала
Со звездочкой, летящей в небо.	Безвестно сгинувшего сына...

Поросший разнотравьем склон —	Не здесь ли дед мой пал в бою,
Тут бились люди в рукопашной.	Чтоб не познал я рабской доли?!
Спустя столетие с тех времен	Рыдает чибис. Я стою
Ступать на землю будет страшно.	В молчании на ратном поле.

И с чистым сердцем, видит Бог,
 К надгробью голову склоняю.
 А спросит совесть: «Ты бы смог?»
 Отвечу искренне: «Не знаю».

Сергей РЕЗВЯКОВ

(г. Тула)

Работает токарем. Пишет стихи, в том числе для детей и о детях. Любит природу, увлекается фотографией. Член Православного клуба писателей «Ковчег» при Тульской духовной семинарии.

В зеркале плавном качает река,
Тихой волною едва набегая,
Ветром гонимые вдаль облака,
И, как живые, кусты тростника
Шепчутся с нею о чем-то, вздыхая.

Если с мосточка глядеть на волну,
Камни видны сквозь прозрачные воды.
Рыбки, как птицы, порхая по дну,
Стайкой веселой скользят в глубину
В легком мерцающем мире свободы.

ШМЕЛЬ

Жужжат шмели над розою душистой.
Один из них садится на цветок,
Испачкан весь пылью золотистой,
Он раздвигает нежный лепесток.

Копается смешно и деловито
И лезет в середину с головой;
Взлетает неожиданно сердито
И сразу же садится на другой.

А я стою — боюсь пошевелиться,
Счастливое мгновение спугнуть.
Мохнатый шмель вокруг цветка кружится,
Чтоб снова в сладкой неге утонуть.

Пронесется ветер
Над речной долиной,
Лист сорвется с ветки —
Над водой кружит.
Отзовется небо
Криком журавлиным,
От тоски-печали
Сердце заболит.

Разрумянит гроздь
Горькая рябина,
Клен пылает свечкой
В золотом огне.
Пролетают птицы
Мимо стройным клином
И тоску с печалью
Оставляют мне.

Над рекою ивы
Шелестят листвою,
Отражают воды
Молчаливый лес.
Улетевшим птицам
Помашу рукою —
Криком отзовется
Дальний край небес.

ПОКРОВ

...И вот осенней долгой ночью,
Когда весь город крепко спал
И видел сны, искусный зодчий —
Небесный Ангел пролетал.

Когда невидимо касалось
Земли воздушное крыло,
На спящий город опускалось
Покровом нежным серебро.

Валерий ДЕМИДОВ

(г. Тула)

Родился 17 мая 1948 года в г. Болохово Тульской обл. Окончил историко-филологический факультет ТГПИ им. Л.Н. Толстого. Трудился рабочим, преподавал. Более 10 лет работал в ряде газет Тульской области. Член Союза журналистов СССР. Печатается в журналах и альманахах. Автор двух книг и альбома с песнями на свои стихи.

МЫ ЕЩЕ ПОЖИВЕМ

(Алексее Илюхину)

Мы еще проживем,
мой седой одноклассник
Алешка.
Мы еще удивим
своим словом компьютерный
век.
Нам бы только здоровья —
хотя бы немножко,
да поддержки Господней,
которою жив человек.
Знаешь, друг мой Алеша,
в чем сила терпенья,
без которой, пожалуй, уже
не прожить?—
В нашей нежности,
в наших духовных молениях,
возводящих
на главные рубежи.
Бьют куранты уже.
Тихо колокол слышен.
Под ногами листва
нам о чем-то шуршит...
Слава Богу, что дух наш
не сломлен, не выжжен
и с годами сильнее движенья
души.

Помнишь школьный тот вальс,
уносящийся в своды спортзала,
и последний звонок,
нежной трелью тревоживший
нас?

Наша юность тогда
Свое пылкое слово сказала
И тебя стать врачом позвала,
А меня — на Парнас.
Сколько лет с той поры
пролетело, мой милый Алеша!
Лучше их не считать,
чтобы грусть не рождалась
в душе.

Пусть мы стали с тобою
степенней и строже —
это значит, что мудрость
сумели познать мы уже.
Мы еще проживем,
мы еще эту мудрость раздарим,
чтобы память о нас
на земле этой скорбной жила.
Память — это, мой друг,
поважней, чем медали.
Память, Леша, есть
лучшие наши дела.
Мы еще проживем.

Изольем свои чувства стихами.
Ты опять чьи-то жизни
спасешь из смертельной неволи.
Мы — частичка России,
в которой веками
кто-то болен стихами,
а кто-то призванием болен.
Мы не сядем с тобой
на скамейках у грязных
подъездов
и не станем ворчать
на проблемы и слабую власть,—
есть надежда увидеть
небесные бездны
и в обители

Вечного Бога попасть.
Только б мне и тебе
не ослабиться в вере,
только б нам сохранить
эту веру в душе.
Мы не будем годами
жизнь прошедшую мерить
и страшиться глубин
похоронных траншей.
Мы еще проживем,
дорогой одноклассник,
в синеве тех миров,
где главенствует Дух.
Истин суть — не в земной,
а в Божественной власти,
замыкающей суетный
жизненный круг.

РЫНОК

Я сюда хожу не за товарами,
а затем, чтоб в суете и лжи
вновь понять, какие же мы
варвары,
плотью продолжающие жить.
Нас торговцы бойко зазывают,
хочется побыть и тут, и там.
Рынок — это выставка живая,
где есть место мясу и цветам.
Вот глаза, горящие наживой...
Взгляды бедных и больных
старух.
Здесь слова, по большей части,
лживы,
как и сам торговый этот круг.
Грязный мат. Бродячая соба-
ка.

Где-то врет мелодию баян.
Дремлет бож у мусорного бака,
потому что уже сильно пьян...
А напротив шумного базара
храм стоит, где Божья тишина,
и святые с грустными глазами
на иконах ожидают нас.
Тихо догорают чьи-то свечи,
плача на канон за упокой,
и кадит священник каждый
вечер
ладаном пропахшею рукой.
Он взывает к Господу и верит,
что прервется жизни суета
и с базара в храмовые двери
приведет нас Истина Христа.

У ПАМЯТНИКА Л.Н. ТОЛСТОМУ В ТУЛЕ

Куда идешь, великий Лев,
Своей походкою гранитной?
Ты знаешь, мир наш, изболев,
Стал уступать в великой битве.

И мы уже совсем не те,
Какими в твоих книгах были,—
Мы утопаем в суете,
На нас слои греховной пыли,

Идем мы грузно по земле,
Топча все нежное ногами...
Мы в твой не попадаем след,
Себя не понимаем сами,

Мы искушаемся во всем,
Стремимся плоть свою
насытить,

Мы Слово в массы не несем,
Как делал твой издатель
Сытин...

Была Россия — твоя рана,
И ты скорбел о бедах всех.
Но как же рано, очень рано
Сошел с земли толстовский
снег!

Нет, ты не ангел, не святоша,
Хотя и праведен в словах,—
К земным грехам поникла тоже
Твоя седая голова,

Но ты ведь падал на колени,
Молился Богу, звал Его...

А мы? В своей духовной лени
Не видим серый мрак тревог,

Не замечаем, как природа,
Которую ты нам воспел,
Все чаще стонет, как при родах,
Забыв Божественный распев.

И твой, Толстого, зов не слышен
Средь шума жизни и утех...
Нет, мы не тем «озоном» дышим,
Мы далеко уже не те,—

Забывшие про плуг и землю,
Про веру и любовь в сердцах.
Людские души еле внемлют
Скорбям Христа, словам
Творца...

Куда идешь, великий Лев?
Остановись. Присядь со мною.
Как трудно жить в грехах и зле!
Как страшно к Богу быть
спиною!

Гранитный низок постамент —
С него тебе сойти несложно.
Сейчас — момент. Опять момент,
Когда нам плохо и тревожно.

Найди великие слова —
Ведь ты же знаешь слов тех
силу...

Весна. И скоро уж — трава,
Цветы... На камень. На могилу.

Ольга ПОНОМАРЕВА- ШАХОВСКАЯ

(г. Москва)

Москвичка, окончила Московский электротехнический институт связи, инженер-электромеханик. Работала в проектных институтах. Стихи и прозу пишет с 1998 г. Публиковалась в альманахах: «Истоки», «Озарение», «Стихосвет», «Протуберанцы», «Московский Парнас». Автор 4-х книг (2000 — 2008 гг.). Подборка стихов вошла в Антологию Современной поэзии «Созвучья слов живых», т.6-й (2011г.). Вышла в свет болгарско-русская книга стихов «Голос тишины» (2013г.). Член Международного Сообщества Писательских Союзов и Союза Писателей России. Имеет награды.

СОВРЕМЕННАЯ БОЛГАРСКАЯ ПОЭЗИЯ

(ПЕРЕВОДЫ О. ПОНОМАРЕВОЙ-ШАХОВСКОЙ)

БУДЕМ ДОБРЫ! Мария Шандуркова

В Божьем храме вижу преломленный свет,
он смиренную отогревает душу,
а она в молитве обретет совет,
верой крылья тут залечит и просушит.

В сердце звон малиновый течет рекой,
дивный распускается цветок надежды,
Богородица врачующей рукой
душу раненую гладит нежно-нежно.

Смолк торжественный молитвенный триглас,
словно невидимка отворяет двери,
разом благодать по храму разлилась,—
отыскать там чад,— чтоб дело им доверить...

Завладев душой, Пречистая живет,
торопливы, сладки радостные слезы.
Нас Господь всегда любовью бережет.
Будем же добры, пока еще не поздно!

СВЕТЛЫЙ АНГЕЛ

Светлый Ангел в небо устремлен,
над Землею пролетает — ранен,
ласково лучами озарен,—
я шепчу тихонько заклинанье:

У тебя божественное сердце,
мудр и радость даришь, гонишь беды,
добр и смел, безгрешен, мил и честен —
путникам судьбы несешь победы.

Верю, твоя мудрость безгранична,
нежность и любовь к родному краю.
Полетим к мечте дорогой птичьей,
молча, стоны, слезы не роняя.

Ангел Светлый — сломано крыло:
среди любви земной искал ты Рай.
Добрый человек идет — тепло,
странник, ты наш зов не пропускай.

ЗНОЙ. Генка Богданова

Летом воздуха молю глоток.
Птицы в дикой жажде онемели.
Листики грустны, и тополь плох —
о дожде мольба поникшей зелени.
Сушь, реки унылое корыто.
Как пуста бесплодная утроба!
Унеслась мечта, и жизнь испита,
Смысл пропал, оставив знак, прообраз.
Солнце в небесах торчит как вкопанное,
а земля плащом из пламени одета,
птички звонкие умолкли во поле,
блекнут, чахнут, вянут божьи дети.
Захлебнулся смех, пропала радость,
погибаем, все вокруг в золе.
Ежедневное дыханье ада,
выжигая нас, отдаст земле.

РОДИЛСЯ СТИХ. Юлиана Донева (Калчева)

Я не его искала,	Течет молитва
не его звала,	среди волненья быстро,
вдруг белая волна нахлынула,	и слово душу трепетно рисует.

как будто сноп лучей
заря в мир принесла,
как в день весенний буря
вклинилась.

Я не его искала,
не его ждала,
сама иду — то мыслей шум, то
разум тих.

Дыханье затаила...
А сердце светло, чисто
стучит, стенает, рвется и
бушует.

Чу, слышу как внутри
звонят колокола —
наверное, на свет родился стих!

ЗАКАТ. Янко Стефов

По горе напротив
лес сползал горбатый,
в темени дремотной —
солнца шарик спрятан.

Долго тьма таилась,
подойти не смея,
синьверху кружилась,
свет и явь лелея.

Горизонт горящий
восхищает так,
как рубин блестящий.
Наверху Рука.

Солнечное сердце
в счастье, словно горн,
Боже, Твои Длани
славят птичий хор!

ВЕСЕННЕЕ УТРО. Антонина Димитрова

Среди ясной синевы весны,
Краснея, маки разгорелись.
Восход — они нежны, влажны,
и травы глянец заблестели.

Вот сотни отражений солнца
у ног блаженство льют тепла.
Чудесна песня жаворонка,
тебе ее приберегла.

Симфонию цветов и звуков
рождает каждый миг для нас.
Приди! Переплетутся руки,
подарит танец ласк атлас!

Галина ЛЯЛИНА

(г. Донской Тульской области)

Родилась в г. Донской Тульской области. Внештатный корреспондент «Донской газеты». Член Новомосковского литературного объединения и Тульского Православного клуба «Ковчег». Печатается во многих коллективных сборниках, альманахах и газетах. Автор 6-ти сборников стихов. Награждена почетным дипломом Международной премии «Звезда Чернойбыля» в области литературы и искусства (2010 г.). Лауреат областного конкурса «Женица года» в номинации «Женица — культура и духовность». Награждена дипломом за лучшую публицистическую работу о г. Донском. Лауреат Тульской областной литературной премии им. Ярослава Смелякова (2013 г.).

ВСЕЙ ДУШОЙ ПОМОЛЮСЬ

Всей душой помолюсь
За себя и за други своя
И слезой обольюсь,
От небес ничего не тая.

Помолюсь я за всех,
Не имеющих в сердце огня,
Помолюсь и за тех,
Кто обиду держал на меня.

Жаль того, чья душа
Никому не прощает обид,
Кто живет, все круша,
И не ведает то, что творит.

Почему, отчего
Кто-то носит в себе этот грех?
Помолюсь за него,
За друзей и за недругов всех.

ЧТО ДЛЯ РУССКОГО СЕРДЦА – РОССИЯ?

Что для русского сердца —
Россия?
Здесь скажу, теплых чувств не
тая —

Это клены, ракиты, осины,
Это милые сердцу края,
Где тропинка бежит
междулесьем

И спускается плавно к реке.
Это старая русская песня
О замерзшем в степи ямщике.
Это поле в ромашковых ситцах
В полукружье кудрявых берез,
Это добрые русские лица
И купели в Крещенский мороз.

Что для русского сердца —
Россия?

Здесь не сразу подыщешь слова.
Это осень в нарядах красивых
И восторженных глаз синева.

ЗДРАВСТВУЙ, ЯСНАЯ ПОЛЯНА

Снова осень. Лист багряный
Мягким стелется ковром.
Здравствуй, Ясная Поляна,
Льва Толстого старый дом.
Здравствуй, тополь и осина,
Дуб старинный вековой.
В уголке родной России
Ты шумишь еще листвою.
Средь деревьев самый старший,
Ты свидетель многих сцен.
Вид твой, явно патриарший,
Знал немало перемен.
Вот и ельник, и скамейка,
Где любил сидеть Толстой.
Роща, рыжиков семейка,
Старый сад полупустой.
И осинник, и поляна,
Красный сад, Калинов луг
И Засечные деляны —
Все толстовское вокруг.
Снова осень. Лист багряный
Мягким стелется ковром.
Здравствуй, Ясная Поляна,
Льва Толстого старый дом.

ТЫ, РОССИЯ, ПОХОЖА НА СОЛНЦЕ

Майский ветер, приятный и
свежий,
Так волнующе пахнет весной.
Не один километр мной
изъезжен
По просторам России родной.
Не один километр был исхожен
По равнинам, пригоркам,
холмам...

На весну ты, Россия, похожа.
Я тебя никому не отдам.
Никаким чужакам-инородцам,
Никакому злодею-врагу.
Ты, Россия, похожа на солнце,
А без солнца я жить не смогу.
Майский ветер приятный, певучий
Нежно пахнет фиалкой лесной.
Слух ласкает весны многозвучье
На просторах России родной.

Тульский край премногославен
Тульским мастером Левшой,
Красотой оконных ставен,
Хлебосольною душой.
Славен пряником, баяном,
Самоваром и ружьем.
Славен Ясною Поляной,
Тульским каменным кремлем.
Оружейною Палатой
И плеядой мастеров,
Родом вышедших когда-то
С тульских улиц и дворов.
Славный Тульский полк рабочий
Вел неравный бой с врагом.
Слышно было днем и ночью
Взрывы бомб, орудий гром.
Шли бои в районе Тулы
С двух сторон наперекрест.
Оглашалось страшным гулом
Все вокруг на сотни верст.
Бились стойко и бесстрашно
За клочок родной земли.
Так луга, леса и пашни
От фашистов сберегли.
... Не дымят орудий дула
Под Калугой и Москвой.
Ведь не зря наш город Тула
Носит звание — Герой.

ВСЕ В ВОЛЕ ТВОЕЙ

Сколько, Господи, дашь Ты мне лет,
Сколько дашь мне увидеть восходов,
Ощущать Твой живительный свет,
Что струится всегда с небосвода?

В круговерти мелькающих дней
Сколько зим мне отпустишь и весен?
Понимаю — все в воле Твоей.
А сегодня за окнами осень.

Мчатся годы мои скакуны,
Развеваются по ветру гривы.
Дай, Господь, мне дожить до весны
Несуётно и неторопливо.

ТУЛЬСКАЯ ЗЕМЛЯ

Чуть шумят зеленые дубравы,
Вторят им негромко тополя.
Всей душой горжусь тобой по праву,
Тульская любимая земля!

Да и как тобою не гордиться?..
Я отвечу сразу на вопрос —
Только в снах волшебных может сниться
Край в зеленой дымке от берез.

На края другие непохожий,
В нем нежней и звонче птичья трель.
Не кривлю душой — мне он дороже
Всех других диких и диквинных земель.

Любовь САМОЙЛЕНКО

(г. Донской Тульской области)

Любовь Георгиевна Самойленко (Домбровская) родилась в г. Днепропетровске. В настоящее время проживает в г. Донском. Член Новомосковского литобъединения, тульского Православного клуба писателей "Ковчег", Тульского литобъединения "На крыльях Пегаса", Регионального общественного фонда содействия развитию современной поэзии "СВЕТОЧ". Член Российского межрегионального союза писателей и Чеховского общества при СПР. Награждена многими памятными медалями. Публикуется в журналах и альманахах Москвы, Санкт-Петербурга и Тулы, в коллективных сборниках. Автор 12 сборников стихотворений.

У ЗЕЛЕНОГО КЕДРА

Я писала стихи... небу, солнцу и ветру.
И мелодии пела говорливой реке.
Я любила сидеть у зеленого кедра,
Всю себя, отдавая вдохновенной строке.

Я была опьяненной поздней осени чувством,
Гроздь алой рябины вплетала в венок.
Расправляла в саду разраставшийся густо
Украшавший веранду вьюнок.

Но пришедшие тучи занавесли небо...
Поливали дождями скверы, улицы, сад.
И, склонившись к воде, горько плакала верба.
Понимая, прощался, уходя, листопад.

И ушло вдохновенье с чувством горькой печали.
Замолчала гитара, нотный сбросила лист.
Лишь в окно ветки клена громко-громко стучали,
И далекой той жизни вальс играл гармонист.

Я ЧУВСТВУЮ ОСЕНЬ...

Я чувствую Осень, дыхание слышу.
Волнует палитра сентябрьского дня.
Я слышу, как дождь барабанит по крыше,
Рождается музыка, к лире маня.

Еще не написано с лета ни строчки,
И мной не доделаны с весен дела...
В стихах не поставлена прошлому точка,
А осень листву уж под дверь намела.

В ажурную шаль я укутаю плечи
И выйду во двор, в золотой листопад.
Печаль мою, боль мою Осень излечит.
В рубиновом свете свой встречу закат.

ВЕСЕННИЙ ВАЛЬС

Звенит струна. Пою для Вас.
Я Вам открыла дверь и душу.
В моей судьбе весенний вальс,
Его звучанье не нарушу...

Весенний вальс, весенний вальс
В цветах черемухи закружит...
Такая синь в глазах у Вас...
Мне этот вальс так нужен, нужен.

Так сердце сладостно стучит,
Так голова моя кружится...
И ветер северный молчит,
И мне не спится, мне не спится...

Весенний вальс, весенний вальс
В цветах черемухи закружит...
Такая синь в глазах у Вас...
Мне этот вальс так нужен, нужен.

Вячеслав АЛТУНИН

(г. Тула)

РОДНЫМ

Как живете, родные?
Мне вот зябко без вас.
Будут люди иные,
Но не будет уж нас.
Проживаем устало
Среди буден, потерь.
Нас судьба разметала —
Что ж поделывать теперь!?
Счастья — малая толика,
Зато груды забот.
И встречаемся только,
Если кто-то умрет.
Закружила нас вьюга —
Холода, холода —
Так теряем друг друга
Навсегда, навсегда.
Средь сурового мира,
Что, как Спас — на Крови,
Можно жить без квартиры,
Но нельзя без любви.
Сердце — странное дело!
От невзгод и обид
Никогда не болело.
А теперь вот — болит...

«РОССИЯ — СВЕТОЧ НЕГАСИМЫЙ»

(Из цикла «в поисках света»)

*«И свет во тьме светит, и тьма
не объяла его...» (Иоанна 1.5).*

ЧУДО

Какое чудо Господом дано!
Какие во глубинах русских силы!..

Дороги плохи, дураков полно,
А все ж Россия — светоч негасимый!..

Россия... Сурово и глухо.
Пространства светлы и тихи.

Не плоть — только светочи духа.
Не песни — Писанья стихи.

Где Божия правда — там сила...
И смерть за Христа — благодать...
Своих сыновей ты учила
Сокровищ земных не собирать.

И жили под нищенским кровом
И Страшный предчувствуя Суд,
Крестом осенившись суровым,
Шли с Богом на брань и на труд!

Венцы обретая у Бога,
Земное откинув, как прах,
О как просветленно и строго
Они возлежали в гробах!

Заморских затей и соблазнов
Милее родимая грязь...
И ныне в полях непролазных
Живешь, в небеса устремясь!

ВОСКРЕСЕНИЕ

Над Россией сгущаются тучи.
В небе сумрачном — знаки беды.
Это день настает неминуемый,
День пришествия новой Орды!

Лес, курганы да речка, да поле...
Тишина и безлюдье окрест.
Русь! Россия! Тяжка твоя доля —
Потемневший в столетиях крест!

Сберегла ты в безбрежных просторах
Образа, родниковую речь...
Может, скоро неведомый враг
Будет сызнова грабить и жечь.

Но в огне не погибла, окрепла.
Не сдавала свою высоту...
Пусть столетья пройдут — и из пепла
Ты воскреснешь, идя ко Христу!

Я НЕ ПОМНЮ, В КАКУЮ ДАТУ...

Я не помню, в какую дату:
Замело, не сыскать следа.
Но я помню: в ночи когда-то
Загорелась во мне звезда.

Стала былью бывая небыль,
И отныне всегда уже
Я искал отражение неба
В лицах, в судьбах, в каждой душе.

Я не знаю, как будет дальше,
В непроглядном, дальнем году.
Мне бы только пропеть без фальши
Перед тем, как навек уйду.

Чтобы в песнях — простор да ветер,
Чтобы в песнях — синь-синевая,
Чтобы жили они на свете,
Как живут кусты и трава...

Татьяна ЛЕОНОВА

(г. Щекино Тульской области)

Т. Леонова (Абинякина), поэт, композитор, автор и исполнитель песен, член СРП, Союза журналистов и Союза песенников России. Родилась в г. Ставрополе. На стихи Т. Леоновой ею и другими композиторами написаны песни, романсы и баллады. Изданы 10 сборников стихов, нотный сборник, 5 альбомов песен и романсов и музыкальный аудио- и видео-альбом.

Публикуется во многих литжурналах и альманахах. Организатор клуба «Поэтическое братство», творческого объединения «Орфей», Областного фестиваля поэзии и авторской песни им. И. Талькова. Организатор и руководитель ежегодного Всероссийского фестиваля поэзии и песни «Яснополяские зори». Лауреат и дипломант многих фестивалей и конкурсов. Отмечена Грамотой Тульской Духовной семинарии. Имеет сайты: <http://leo.genmir.ru>, <http://www.genmir.org>

Странное время, верней безвременье,
Время упадка страны и невзгод.
Скоро уйдет и мое поколение,
То, что культуры запомнило взлет.
Все у нас было — наука и знания,
Но посягнув на основы основ,
Начали рубку с образования,
Нас возвращая в эпоху рабов.
Что нашим детям и внукам досталось?
Мода на тощих, в глазах пустота?
Мусор в компьютере, в мозге усталость,
Жизни бессмысленность и суета?
Сколько во мраке пройдет поколений,
Прежде чем истина снова взойдет!
Как же мы нашу страну проглядели,
Как же пустили все на самотек?

Молю тебя, о Боже Всемогущий,
Творец Вселенной, Неба и Земли,
Чтоб на Земле сиреневые кущи
Еще миллионы новых лет цвели.

Благослови сурепковое поле,
Лесов прохладу, речек благодать,
Чтоб никогда чужой враждебной воле
Просторов наших не завоевать

Налей мне чай в фарфоровую чашу,
На блюде мед янтарный положи,
О том, что нет на свете счастья слаще,
Ты мне тихонько на ухо скажи.
Пришла пора, и вот мы вместе снова,
И небо очищается от туч,
И музыка Божественного слова
Поможет нам в преодоление круч.
В бреду разлук, потерь и отречений
Соединяет Небо вновь и вновь,
Неудержимой силою влечения
Дарованная нам с тобой Любовь.

Я ехала в юность,
Не спала две ночи,
Но юность никак
Возвращаться не хочет.
Тот город, что в юности
Сердце мне грел,
Хоть был вдалеке,
Но со мною старел.
И там, где цветами
Пестрела земля,
Сегодня седые
Стоят тополя.
Разрушенный дом
Утопает в пыли —
А здесь мои лучшие
Годы прошли.
Затянуты ряской
И речка, и пруд.

А сколько здесь было
Счастливых минут!
И грудь мою сжало
Смертельной тоской,
Но сердце сказало:
«Постой, друг, постой!»
Пусть грусть твоя
Будет тиха и светла.
Смотри, уже в небо
Глядят купола,
На фоне небес
Золотеют кресты,
И тянутся к Богу
Сердца и персты.
Никто уничтожить
Россию не смог,
Пока с нами —
Вера, Надежда и Бог!

Загрустила моя береза,
Как слезу уронила лист,
В изумрудные длинные косы
Золотистые искры вплелись.

Золотые на ней украшения
Словно лучики света горят —
Осень поздняя ей в утешенье
Подарила роскошный наряд.

Только радоваться подаркам
Мысли грустные не дают:
Отцвело и ушло лето жаркое,
Холода скоро ветки скуют.

Ветр-разбойник наряды снимет,
Обоймет, приголубит Мороз,
Запорошена снегом и инеем
Погрузится в анабиоз.

ЧЕЛОВЕК

Из праха созданный, из праха,
Он дух Божественный впитал,
И был бы счастлив словно птаха,
Когда б не допустил греха.
Познания плод, вкусив от древа,
Стать равным Богу возжелал —
И соблазнительница Ева
Виной наполнила бокал.
Струились реки преступлений
Из года в год, из века в век,
Но выпил чашу искупленья
Сошедший Богочеловек.
Чтоб донести нам волю Божью,
Познал Он тяжесть бытия,
На человека стал похожим,
Он стал таким, как ты и я!
Ужели, чтоб Его понять,
Нам нужно все перестрадать?

*Памяти моей матери
Леоновой Лидии Алексеевны*

Поднималась душа легким маревом ввысь,
Покидая телесное лоно,
А за нею вослед словно слезы лились
Колокольные чистые звоны.
Где-то слева зловещая тень пронеслась
Протянула к ней жадные руки,
Только перышком легким она вознеслась —
Все грехи сожжены через муки.
Перед нею вся жизнь пронеслась словно сон,
Все раскрылось пред ней и пред Богом.
И молился о ней Светлых Ангелов сонм
Перед Божьим Небесным Порогом.

СТАРЫЙ ДОМ

В старом доме из окон свет,
А людской так не долог удел,
Кто-то давний, кого уже нет,
Здесь с балкона на звезды глядел.
Много радости видел тот дом:
В нем рожали, растили детей,
Ждали внуков и внучек потом,
И радушно встречали гостей.
Кто-то добрый каштан посадил,
Удобрял его, поливал,
И цветет он, набравшись сил,
А хозяин давно почивал.
А теперь здесь другие живут,
И другие звучат имена —
Благодарны они за уют
Тем, кто в прежние жил времена.

Геннадий МИР

(г. Щекино Тульской области)

Геннадий Мирошниченко (Геннадий Мир) — поэт, прозаик, философ, ученый, автор 30 книг, академик. Член СРП, член Союза песенников России. Поэма «Начало» в конкурсе ЦТ СССР заняла 1-е место (1978 г.). Некоторые песни, написанные им и другими композиторами на его стихи, стали лауреатами конкурсов и фестивалей. Главный редактор Антологии русской народной поэзии XXI века, альманаха «Яснополяские зори», альманаха «Тула литературная». Публикуется в Интернете в своем портале: <http://genmir.ru>, <http://genmir.org>.

МЫ ЗАСЛУЖИЛИ ДРУГ ДРУГА

Мы все заслужили друг друга —
Собрал нас не случай, а Бог.
Пределами общего круга
Нам стало единство дорог.
Вобрать интересы и смыслы
Не мной и тобой решено.
Рождений и памяти числа
Сошлись Божьей властью в одно.
Один дополняет другого,
Другой помогает в беде.
И не изменить хоть немного
Нам времени хода в судьбе.
Эрозией душ и потерей
Аукнется злость и уход.
Трагичности сей не измерить.
Нет сил растопить этот лед.
Как лучшее ищем в кумире,
Наш поиск — грядущего знак,
И звук той Божественной лиры,
Что нам суждено было знать.

МОЯ ОПТИНА ПУСТЫНЬ

Мне говорят — пребуду весь
Я в этом лучшем из миров,
А кажется, живу не здесь,
И далеко — душевный кров.

Который раз приходит сон
В ночи и даже среди дня —
Как будто колокольный звон
Благуя песню льет в меня.
И будто Оптина вдали
Сквозь ветви сосен вековых
Призывно, радостно манит,
И дольше жизни длится миг.
Жизнь прожитá. Познал и зло.
И если в молодость нырнуть,
Я знаю, что бы ни пришло,
Мне Бог сюда укажет путь.
И смысл сошел своей звездой,
И стало пусто средь людей.
И никакой теперь уздой
Не оторвать, что мне родней.

РЯДОМ — РАДОСТЬ

Рядом — радость, не во мне.
Мне бы чуть — для ощущения.
В человеке, что родней,
Мне бы вымолить прощенья
За угрюмость и тоску,
За свое непониманье,
За ушедшую весну,
Предстоящее прощанье.
Я с тобой не говорю,
Лишь себя обозначаю,
Где-то в облаках люблю,
На земле узнать не чаю.
Радость принести хочу —
Свое малое участие,
Чтоб летела по лучу,
Чтобы пела ты от счастья,
Рядом — радость. Это — ты.
Я себя теряю в жизни.
Мои звонкие мечты —
Все сбылись в горячке тризны.

Олеся МАМАТКУЛОВА

(г. Алексин Тульской обл.)

Преподаватель биологии. Пишет лирику: философскую и любовную, стихи для детей. Автор сборника «Волшебный лепесток» (2010 г.). Публикуется в журнале «Приокские зори», альманахах, коллективных сборниках и газетах. Лауреат районных литконкурсов. Дипломант XI конкурса «Мой Пушкин» (г.Тула) и конкурса Московского Совета ЛИТО в номинации «Художественные достоинства поэтических произведений». Член областного МЛО «Муза» при Доме-музее В.В. Вересаева (г.Тула).

Усыпан город блестками,
Очищен до бела.
Зима ветрами хлесткими
Всю ночь дворы мела.
От шквала мчались быстрого,
Искрились до утра
Снежинки серебристые
От звездного костра.

Слетались с неба серого
Несбывшейся мечтой.
И от того, наверное,
Сугробы в рост с горой.
Как много в мире лишнего,
Ненужного вовек.
Горит костер Всевышнего,
Но греет он не всех.

ПРОЩЕНОЕ ВОСКРЕСЕНИЕ

Весеннее солнце горячим блином
На блюде лазурного цвета.
Пророчит капель за прозрачным окном:
Вернется к нам теплое лето.
Колышется тюль, ему ветер шепнул,
Ворвавшись сквозь форточку дерзко:
«Пора просыпаться, встречай, друг, весну!»
И тут же умчался, по-детски.
Улыбки на лицах, прощенья слова —
Воскресное утро неспешно.
Разлиты повсюду небес синева
И запах настоящий, вешний.
Легко на душе и на сердце светло —
Обиды разорваны нити.
И, кажется: птицы поют за стеклом:
«Простите, простите, простите!»

Остановить свои часы —
 Не упустить мгновенье!
 Запомнить каждую деталь,
 Все рассмотрев кругом.
 Расхорохорился февраль,
 Метелями оваян,
 Зимы он чувствует посыл
 И платит серебром.
 Понять, что в мире все не зря,
 Что счастье где-то рядом.
 И надо только разглядеть
 Его сквозь вьюги лет.

На ветках — кружевная сеть —
 Слетаются плеяды
 Снежинок, что огнем горят,
 Прольет лишь солнце свет.
 Деревья знают и февраль,
 И снег, и ветер пришлый —
 Все не случайно, неспроста,
 У каждого свой крест.
 А мы несем его, устав
 И сетуя: так вышло...
 Но впереди — белеет даль,
 И льется благовест!

Я уйду, не прощаясь, и тихо
 Скрипнет старый порог у двери.
 В путь проводит меня облепиха,
 Подарив красных ягод зари.
 Ожерелье сплету и повешу.
 Оборвется со временем нить.
 Всем на свете, святым или
 грешным,
 Вдаль придется навек уходить,

За собой оставляя частицы
 Доброты или горького зла.
 Память вычеркнет даты и лица,
 Но живут дольше тела дела.
 Потому и не стану бороться,
 Пусть уйду совершенно ничья.
 Мягким светом осеннего солнца
 Я хочу в мир тепло излучать.

Огненная птица летнего заката
 Облаков коснулась розовым крылом.
 Опустился вечер, звездами распятый,
 Возвращая снова в мысли о былом.
 Ветер травы гладит и ласкает нежно.
 Нитью Ариадны светит Млечный путь.
 Пусть остались в прошлом, не сбылись надежды,
 Разве только в счастье бренной жизни суть?
 Небо потемнеет, сложит крылья птица,
 Ночь окрасит дали в черно-серый цвет.
 Для чего, кто знает, мне пришлось родиться?
 На вопрос ответа не было и нет.

Игорь БОРОНИН

(г. Тула)

Родился 26 мая 1959 г. в Охе на севере Сахалина. В 5 лет переехал в Богородицк Тульской области. Окончил машфак ТПИ. До 2002 г. служил в армии. Уволился в звании майора. Стихи и песни стал писать еще в армии. В Интернете подружился со многими замечательными людьми, повлиявшими на творчество поэта и барда. В Туле для него распахнули свои двери клуб авторской песни «Бригантина», клуб «Пегас», Православные клубы писателей «Ковчег» и «Родник», Конгресс интеллигенции Тульской области.

РОСТОВ ВЕЛИКИЙ

Ощущения

(Из цикла «Золотое кольцо России»)

Ростов Великий — перезвон
 Поет о чем-то сокровенном...
 Там Русский дух былых времен
 И запах святости нетленной.
 Довлеет мощью старина,
 Что в каждом камне обитает...
 Такое чувство — из окна
 Царева стража наблюдает.
 Взор обжигает красота
 От башен, стен и куполов,
 Струится Божья чистота
 С горящих золотом крестов.
 Подворье, яблоневый сад
 Присесть под деревом зовет,
 Плоды — нектар и аромат
 Из детства памятью плывет.
 Кругом заморский говорок
 И фотовспышки — там и тут!
 Я — Русич и безумно горд
 За корни, что во мне живут!
 Ростов Великий — перезвон
 Поет о чем-то сокровенном...

Там Русский дух былых времен
И запах святости нетленной.

ПАРОМЧИК

(г. Мышкин. Из цикла «Золотое кольцо России»)

Бурлит забортная вода:
Тяни-толкай и переправа...
Влачит баржу — туда, сюда,
Меняя берег — слева, справа.
Народ, машины, суета...
Всем надо срочно, побыстрей!
Плывет баржа, скрипят борта
В пометках-кляксах голубей.
Который месяц: «Чух! Чух! Чух!»
С утра до ночи, каждый день,
Солярный испуская дух,
Плывет железный муравей!
А мимо яхты, корабли
Идут, неведомо куда...
Гремит шансон, манят огни
И исчезают навсегда.
Вот так и мы — в плену забот:
Квартира, офис и назад...
А хочется туда... вперед,
Где солнце падает в закат!

БОРИСОГЛЕБСК.

Ощущения

(Из цикла «Золотое кольцо России»)

Борисоглебск — не город, так...
Сказать бы можно — захолустье!
В кустах ГАИшник, хитрый знак
И дух какой-то древней грусти.
А в центре — Кремль, как инвалид,
Сжимает сердце запустенье,
Сейчас он — для монахов скит,
Укор «совковому» забвению.
А может, память веет грусть?

Звенит в набате чей-то стон.
Борис и Глеб ушли в Тот путь,
Чтоб Ярослав вступил на трон.
Не по себе мне было там.
И что-то гнало прочь, подальше...
Не виноваты Кремль и Храм,
Что в стенах тех безмерно фальши.

НА ЗОРЬКЕ

Люблю я это дело — порыбачить!
И к водной глади непонятный трепет:
На зорьке тихо, не тревожит ветер,
И поплавок антенною маячит.

По зеркалу воды ползет туман,
Пичуги для меня выводят трели,
Надувшись, лягушата осмелели,
Выплясывая лапками канкан.

Но некогда смотреть по сторонам,
Ведь поплавок, не ведая покоя,
Качается, бродягой с перепоя,
Сигналия этим: «Ждите гостя к вам!»

И вот в руке — живое серебро!
Трепещет, бьется, солнышком играя,
Костюм рыбацкий, блестками марая...
«Плыви назад! Нам вместе повезло!»

Не хочется над рыбкой издеваться,
Пушай растет и в весе набирает,
Потом, быть может (кто об этом знает?),
Мой внук тобою будет любоваться.

А мне и так сегодня хорошо!
Спокойно, радостно, уютно,
Внутри мотив какой-то смутно,
И бриз предутренний в лицо.

Сергей ЛЕБЕДЕВ

(г. Тольятти Самарской области)

Родился в 1949 году в Рязанской области. В 1972 г. окончил Куйбышевский политехнический институт по специальности химик-технолог. С тех пор живет и работает в г. Тольятти. Дипломант и лауреат Межрегионального поэтического конкурса, посвященного 190-летию со д. р. Н.А. Некрасова, лауреат Всероссийской литературной премии им. Н.С. Лескова

«Левша», дипломант и лауреат 4-го Международного поэтического конкурса «Звезда полей». Член Российского союза профессиональных литераторов.

МОЛИТВА

Пошли ей, Господи, спасение
От злого глаза и молвы,
Все можешь ты от сотворения;
Пошли ей, Господи, Любви.

Мое прими, Господь, раскаянье,
О том, что я творил грехи,
Мольба моя не от отчаянья,
Пошли мне, Господи, Любви.

Храни, Господь, нас от затмения,
Пусть не клянемся на крови,
Не тронет души ржа сомнения;
Пошли нам, Господи, Любви.

В РОДНЫХ МЕСТАХ

С глазницами пустыми вместо рамы,
Покинутые избы вдоль дорог.
Давно, как мертвые, не имут сраму
И никого не ждут на свой порог.

Погост за храмом, где трава с крестами
Среди могучих елей и берез,

Тропинки все заросшие кустами,
Не слышно здесь ни шепота, ни слез.

Грехи прощая всем давно умершим,
Над ними плачет деревянный храм,
А дивный свет, с небес сошедший,
Струится по зеленым куполам.

Картина эта Родиной зовется?
Так почему ж грустит душа моя?
Хотя в тиши деревни мне поется —
Кругом леса, озера и поля.

Покинутые избы у дороги,
Среди травы забытые кресты,
И в храме на иконах лики строги.
Прости, деревня, Родина, прости.

Уходит Русь в нескошенные травы,
Нас не простит, непомнящих, она,
Вкусивших горечь импортной отравы,
Забывших все родные имена.

НА ТЕПЛОХОДЕ

Берег лижут волны теплохода,
От него барашки по реке.
Солнце окровавило заходом
Небо с облаками вдалеке.
Тучи хмурят брови надо мною,
В тишине стоит прибрежный лес,
Берег оцетинился сосною,
Посреди деревьев вижу крест.
Стены облупились колокольни,
Почернела крыша, водосток.
Грустно от картины стало, больно,
Закрывая горло, встал комок.
Люди позабыли о дороге,—
Заросла у церкви лебедой.

Волны прошуршали что-то строго.
Чайки тосковали над водой.
Дует ветер через двери вольно —
Забываем Бога и Завет.
Долго вижу в небе колокольню,
Пустотою смотрит арка вслед.
Тучи грозно хмурят свои брови,
Догорает розовый закат.
И дождинки, словно капли крови,
Потекли на храмовый фасад.

ПОМИНАЛЬНАЯ СВЕЧА

*Посвящается памяти моей матери,
Валентины Михайловны Лебедевой.*

На рассвете, блестя куполами,
Звоном храм одиноко позвал.
Что могу сотворить я для мамы?
К литургии помин заказал.
Вопрошают иконы устало,
Сколько можно прощаться грехам?
Хулиганил, не слушался, мама,
Не внимал я добру и словам.
Опływают горящие свечи,
Тает воск, и уходят года.
Не обнять твои теплые плечи,
Не уткнуться лицом, как тогда.
Обрываем домашние связи,
Для себя обрета новизну.
Нахлебавшись и горя, и грязи,
Вспоминаем про маму свою.
Сожалею о шалостях в детстве
И о грусти в глазах своих мам.
Сокрушаясь, приходим на место,
Где погост и бревенчатый храм.
На рассвете, блестя куполами,
Звоном храм одиноко позвал.
Я сегодня, вину искупая,
Лишь свечу на помин зажигал.

Владимир ПАШУТИН

(г. Тула)

Родился 3 марта 1939 г. в г. Туле. В 1958 г. окончил ПТУ по специальности «столяр-краснодеревщик». Работал учителем труда. В 1959 — 1962 гг. служил в армии. Окончил Тульское музыкальное училище им. А.С. Даргомыжского в 1966 г. Работал директором детской МШ в г. Чернь Тульской обл., педагогом дополнительного образования в Туле в городском Дворце пионеров. Первая песня — «Октябрятская звездочка». В 1985 г. награжден почетной грамотой за песню «Тула — город-герой» и значком — «Победителю всесоюзного смотра в РСФСР». Песни печатались в «Молодом коммунаре», звучали по тульскому радио. Автор 3-х сборников песен под названием «Мы — наследники Левши» (1994, 1998 и 2008 гг.).

ПРИЗНАНИЕ

Узнал я тебя и... остался без сна,
Без сказочной, тихой ночи.
Но если засну,— ты, как будто Весна,
На сердце роняешь лучи.

Светло и тревожно бывает потом —
Боюсь я тебя потерять.
В тебе я увидел родительский дом,
Сестренку и нежную мать.

Так можно лишь только невесту любить
С отчаяньем в сердце своем.
Скажи мне, как счастье такое продлить,
Как вечно остаться вдвоем?

УЖ В ПРОШЛОМ ВСЕ

Уж в прошлом все, а я — все помню.
Весь день тот был наполнен грез.

В аллее тихой полутемной
Ты рядом шла среди берез.
Березки стройны и красивы,
Нельзя их видеть не любя.
А я, как мальчик шел счастливый —
Ведь это я — ЛЮБИЛ ТЕБЯ!
Среди березок ты — Царица!
И в летнем платье так стройна,
Что младшей кажешься сестрицей
И сладкой прелести полна!
Уж в прошлом все. Есть лишь разлука.
Бывает — счастье промелькнет,
Но вновь опять на сердце скука
И вновь в груди как будто лед...
Молю опять увидеть чудо,
И, словно в сказке, образ твой
Среди березок и повсюду
Опять встает передо мной.

Автор фото - senyak

Людмила ПЕНЬКОВА

(г. Тула)

*Живет и работает в Туле. Автор двух поэтических книг.
Публикуется в коллективных сборниках Регионального Обще-
ственного Фонда содействия и развития современной поэзии
"Светоч" (Москва).*

День брел себе в тоске, едва не плача,
И ночь пропела на его же лад.
Настроил день гитару на удачу,
И ночь ему дарила звездопад.
Спасибо день! С тобой себя узнала.
Ты превзошел весеннее тепло.
Дал сердцу крылья! Как же я летала
В сиянии гармонии! Ушло,
Ушло в небытие сомнений бремя.
У мудрости — небесные глаза.
Душа моя, запомни счастья время!
Спасибо день! Спасибо Небеса!
Несу тебе сердечное признание.
Пусть радость вдохновением лучится,
Чтоб новый ты с прошедшим на свиданье
Писал любовью светлые страницы.
Но день сменяет ночь, что неизбежно,
А ночь поет на свой заветный лад.
Спасибо ночь! И ты в любви безбрежна,
Когда ведешь в осознанности сад.
В твои глубины, молча, погружаюсь
И обретаю мудрости покой,
И в тишине я заново рождаюсь,
Чтоб день начать счастливою строкой.

Любовь в моем сердце — Творца проявление,
И в сердце твоём она тоже Его.
Душа нам дана для любви при рождении.
Мы с Небом в родстве! Как прекрасно родство!

Оно отменяет земные пороки,
Ведет по дорогам счастливого дня.
С ним пишет судьба наша светлые строки.
В нем солнце любви для тебя и меня.
И, если его мы друг в друге увидим,
То нам не страшна отчуждения суть,
То мы не оглохнем и мы не обидим.
Мы вместе разделим божественный путь.

Путешествие в день завершаю без боли.
Не дожидаться сомненьям «зефира Санже».
Я собою была, расцветала на воле,
Отделилась от эго на крутом вираже.
Отыскала в себе песни звезд, радость вод
Бирюзового моря под солнечным взглядом.
Лишь с любовью в пути, только вверх и вперед,
Только к небу в себе, что ж еще сердцу надо.

Я говорю с Тобой зимой и летом,
Как говорят снежинки и цветы.
Душа моя в небесное одета,
Когда со мною рядом, Отче, Ты.
Я говорю с Тобой молитвой сердца,
Полетом птицы в синей глубине.
Любовью той, что не имеет дверцы,
Ты отвечаешь светоносно мне.
Я говорю с Тобой глазами счастья
И мудростью речей Твоих лечусь,
И, совершая к вечному причастие,
Учусь Любви, счастливой быть учусь.
Я говорю с Тобой и звезд я выше,
А мир вокруг божественно хорош!
Спасибо, Отче, что меня ты слышишь,
К преображенью ласково ведешь.

Танцуют солнечные строчки
В осеннем золоте каштана.
Огнем рябина ставит точки
В конце сентябрьского романа.

Танцуют звезды в неге ночи.
Кружится сон по шелку роз,
А я к тебе хочу и очень:
Танцует сердце в счастье грез.

Солнце утонуло в молоке небес,
И последний листик жметесь к мокрой ветке.
В ягодах рябины, как в краю чудес,
Поселилось лето в платице кокетки.
Взгляд рябины красной ловит ветер вольный
Звезды, зажигаясь, манят за собой.
Отчего ж рябине не парить довольной,
Не гордиться яркой, песенной судьбой.
И ноябрь добреет от такого чуда,
И журчат дождевики по его щекам.
Аромат весны в нем. Как же так! Откуда?
— От любви, из сердца,— отвечает нам.

Грядет Христово Воскресенье!
И все живое — у свершенья
Великого! К нему стремится.
Поет о том в лазури птица.
Листок спешит, проклюнул почку,
Родился, счастлив. Пишет строчку
Пасхальной песни ручеек,
Травы весенней стебелек
Натер до блеска изумруд,
И радость будущих минут
Готовит скорби спич прощальный.
Он близок час святой пасхальный.
Объяты все единой властью:
Являть собою Жизни счастье.
Не гонит ветер облака.
Любви дарящая рука
Несет светильник возрождения.
Грядет Христово Воскресенье!

Людмила РЕЗВЯКОВА

(г. Тула)

Родилась 4 апреля 1955 года в городе Туле. Окончила среднюю школу, и пошла работать на завод.

ДОЧЕРИ

Как я тоскую по тебе —
Не выразить двумя словами.
И наяву, и в тяжком сне
Все думаю о расставанье.

Тебя здесь нет, ты где-то там,
В краю степном, на дивной Волге.
А мне все кажется, что мы
С тобой расстались ненадолго.

Ты — мой ребенок, дочь моя,
А, может, даже и подруга.
И мысли все в том чудном дне,
Когда увидим мы друг друга.

Ты далеко, ты не со мной,
Но ты с любимым — это важно.
Я так хочу, чтобы любовь
Всегда царила в жизни вашей.

ВЕСНА

Воздух чист и свеж. Солнце яркое,
Звон капли на улице слышится.
Голубым блестит даль далекая,
И весной душа не надышится.

Уж грачи летят стаяй черною,
Заслонив собой небо светлое.
Снегири в снегу, словно яблоки,
Все хлопочут, шумят по-весеннему.

На припеке снег потемнел чуть-чуть,
Вдоль дорог появились проталины.
И под коркой льда уж бежит ручей
И несет к реке воды талые.

Надо уметь и любить, и прощать,
Делать добро и шутя, и серьезно.
Мать и отца старых не забывать —
Может случится, потом будет поздно.

Сердце с душою тебя позовут
Помнить о Боге и верить в хорошее.
Делать добро не такой уж и труд —
И без стыда тогда вспомнится прошлое.

Елена СОКОЛОВА

(г. Тула)

Родилась в Туле 14 апреля 1976 года. В 1993—1996 гг. обучалась на факультете русской филологии ТГПУ им. Л.Н.Толстого, окончила факультет психологии, сдала экзамены кандидатского минимума. Автор исследования «Диссимилиация с обыденным в архетипах мифопоэтики». Руководит от-делом воспитательной, художественно-творческой работы и общественных связей Тульской им. В.Д. Поленова детской художественной школы. Автор иллюстраций в 3-м выпуске альманаха «Ковчег».

СУДЬБА

В Книге Твоей записаны все дни, для меня назначенные, когда ни одного из них еще не было (Псалмы 138: 16)

Все предначертано, малейший штрих.
Уже давно заполнены страницы.
Оставь сомненья и останься тих:
Как на любовь Отца не положиться?

РОК

Замысел Божий державным потоком
Нас неизменно ко благу несет,
Если поверим Реченному Роком,
Волю пустив по теченью, как плот.

ПОЛЕТ

Все к лучшему, что Ты ни сотворишь —
Неси нас, как полет гусиных стай*.
Во тьме любой Ты пламенем горишь,
И в каждой буре глас Твой слышать дай.

СЛАВОСЛОВЬЕ

Кто в Царство Света вникнет без скорбей? —
Но да не станем душами грубей.

* «Его совершенно зачаровала фраза «Гусей караваны несутся к лугам...» Он все повторял ее и утешал ею маленького брата, плакавшего по ночам» (В.К.Олленгрэн о детстве Государя)

Покой храня и не сдвигая брови,
Не в ропоте востерпим — в славословье.

ВОЗДВИЖЕНИЕ

Огонь пришел Я низвесть на землю (Лк 12: 49)

Днесь Константин с царицею Еленой
Являют Крест — спасение вселенной,
Земную огнедышащую ось,
Где всех начал Начало вознеслось!

ПОКРОВ

Святая Мати! От жестокосердия
Не дай погибнуть, но умили.
И, единя нас с необъятной твердью,
Своим Покровом землю убели.

СНЕГ

Как много снега и как много Света! —
Пречистыя, Пресветлыя Покров.
В такие дни не жалко даже лета,
И разум к чуду каждый миг готов.

РАДОСТЬ

Войди в радость Господа твоего (Мт 25: 21)
Сеющий есть Сын Человеческий (Мт 13: 31, 37)

Полынь нам долго заменяла мед*
И сокрушение духа — торжество.
Но се, сладчайший Иисус идет
И посеивает Царствие Его.
Расплескан Воскресением настой
Змеиных горьких ядовитых жал.
Кто Радости не чувствовал святой,
Тот не вполне Христу принадлежал.

* Wermut — полынь, Wehmut — печаль

Яков ШАФРАН

(г. Тула)

Член Союза писателей и переводчиков МГО Союза писателей России, лауреат Всероссийской литературной премии им. Н.С. Лескова «Левша», член редколлегии и ответственный секретарь журнала "Приокские зори". <http://stihi.ru/avtor/byans3> <http://www.proza.ru/avtor/byans>

Когда бессмысленность во взоре И позабыто мастерство, Когда уж и чужое горе Не будоражит естество, Когда и дети уж не дети, А марсиане на постой — Висят в бездонном Интернете, Не отрываясь, день-деньской; Когда мой дом уже не крепость, А телевизор — брешь в стене: Оттуда грязь, вражда, нелепость Да ложь в туманном телесне, —	Так хочется воскликнуть: "Боже, Верни мне гордость за страну, Да чтоб она вместила, может, И ту Великую войну, И труд, и ум, и милосердие, Детей и дружбу, и любовь, И мудрость знания, и усердие, И милый безопасный кров; Чтобы ее предметом стала Забота в старости седой, Чтоб память наша не устала Гордиться гордостью такой!
---	--

Я верую, а значит верю,
Однажды каждую потерю
Нам восстановит жизнь с лихвой.
Лишь не поддаваться б воле злой!
Полям пустым на смену нивы
Под ветром запоют игривы.
И возродятся ото сна
Заводы, как и вся страна.
Я верую, а значит верю.
Спасением людским измерю
Благословенье и Любовь.
Лишь бы не впасть в соблазны вновь!
И запоют сердца ответно,
И души создадут несметно
Творений радости, любви.
Господь, народ благослови!

СОН

Все темнее лес и гуще,
 Все извилистей тропа.
 Волчий вой за мной все пуще.
 Видно, уж совсем пропал.
 Я налево, я направо —
 Лес стоит сплошной стеной.
 И совсем не трус, но, право,
 Стал уже я сам не свой.
 В чем пред лесом был повинен?
 Иль не холил, не любил,
 Сохранял в жару и в стыни,—
 Чтобы он меня сгубил?
 Но не зря добра работа.
 Вижу: свет, опушка, дом.
 Смалодушничал, а вот как
 Лес помог мне — в горле ком.
 И, спасенный, перед лесом
 Я, пристыженный, стоял.
 Лес глядел же с интересом,
 Словно все он понимал.

ЛИШЬ ДОБРОТОЮ

Я неспешно иду через смех,
 Освещая свой путь улыбкой.
 Обижать, и обидеться — грех.
 Забываю — и делаюсь зыбким.
 Я неспешно иду через лед.
 Тают, тают на сердце снежинки.
 Обособишься — прерван полет,
 Растворишься — по ветру песчинки.
 Я неспешно иду через мрак.
 Слово, чувство, молитва со мною.
 Скажут: «Господи, что за дурак?—
 Защищается лишь добротою!»

Наконец наш морозец-пострел
 Разбросал по земле зеркала.

У лета я не попрошу
 Тепла, прохлады или уюта.
 И снисхожденья не спрошу,
 Кляня стихии поминутно.
 Я в лете принимаю все —
 Дожди, тепло, жару и холод.
 В любой погоде есть свое,
 Когда душой как прежде молод.
 Найду приятное в дожде,
 Найду в жару себе работу.
 И буду сам во всем везде
 Получше, ну хоть чуть, на йоту.

Ночью он за дождями поспел,
 Пока вьюга еще не мела.
 И лежат поскользущи разинь
 И забавы для звонких детей.
 И глядятся в них солнце и синь,
 А ночами огни фонарей.

Возлегла зима на землю —
 Белым снегом пеньюар,—
 Сделав собственной постелью
 Крышу, дверь и тротуар.
 Распахнула шелк свой белый
 И покрыла рошу им.
 — Приходи, Морозец смелый,
 Чтоб любиться нам, двоим!

Но Мороз, наверно, "в пробке"
 На дороге, на пути...
 И раздался тихий, робкий
 Вздох из девичьей груди.
 Пеньюар опал и сник весь.
 И, зарыв лицо в постель,
 Плачет тихо, не противясь.
 И звенит, звенит капель.

Весна поторопилась — ранним
 рейсом,
 На всякий случай, чтоб не опоз-
 дать,
 Сошла на землю за ближайшим
 лесом
 И принесла с собою благодать:
 Зовущую прохладу синих далей,
 И ласку первых утренних лучей,
 И зов земли — о чем скучали
 Мы долгой чередой зимних
 дней.

Душа обнять стремится споза-
 ранку
 Воробушки крапивы молодой
 И желтую мать-мачехи полянку,
 И юный одуванчик озорной.
 И хочет вместе с птичьей песней
 Петь о любви к весне, земле,
 траве.
 Душа жива, душа воскреснет
 Назло морозцам, белой пелене,
 Назло холодно-ветренной молве
 О якобы вернувшейся зиме.

Гибкая молодуха, неброска,
 Крону окуная в голубень,
 В зелени воскресшая березка
 Радует прохожих целый день.
 На ветру полощутся одежды,
 И шелками тонкими блещут,
 Словно воплощение надежды,
 Словно возрожденья стяг.

Татьяна ШЕЛЕПИНА

(г. Алексин Тульской обл.)

Родилась в г. Алексине 27 ноября 1945 г. Руководитель алексинского литобъединения "АЛЛО", член литобъединения "Пегас" г. Тулы, МосСовета ЛИТО. Член СПР. Публикуется в периодической печати и альманахах. Многие стихотворения положены на музыку. Автор 4-х сборников.

МОЛИТВА

Едва лишь проснувшись — молитву вершу
У Господа Бога прощенья прошу:
Что, может, кого я задела, браня,
А может быть, кто-то обидел меня.
Прости меня, Боже, ведь то не со зла,
Наверно, сказала плохие слова.
Прости меня, Боже, и их всех прости.
И радость Ты в души нам всем возврати.
Еще Тебе, Боже, спасибо за все:
За то, что имеем мы хлеб и питье,
За то, что сейчас у нас мирные дни.
Спаси же нас, Боже, и всех сохрани.
Спасибо Тебе говорю я всегда,
Спасибо за то, что живу не одна,
Спасибо за то, что ногами хожу,
Спасибо за то, что глазами гляжу.
Спасибо за то, что люблю я, ценя,
Спасибо за то, что так любят меня,
Спасибо за то, что моя доброта
Душою с рождением воспринята.
Спасибо за то, что не злобная я,
Спасибо за то, что прощаю, любя,
Спасибо за то, что обид не таю,
И даже врагам я прощенье даю.
Спасибо за то, что умею страдать
И помощи руку больному подать,
Спасибо за то, что совсем не жадна
И хлеба кусочек не съем я одна.
Зажгу поутру восковую свечу,

Пред образом светлым молитву прочту.
О, Господи Боже, избавь от суда,
На грешной земле Ты продли мне года.

МОЯ РОССИЯ

Никуда не уеду	И подснежник встречает
Из России своей!	Самый первый весну,
Мне в березовой роще	И она наряжает
Все поет соловей.	Все деревья в лесу.
Я поеду в деревню,	А в лазоревой выси
В край, где зори встают	Вновь летят журавли.
И где вольные ветры	С возвращеньем, родные,
Свои песни поют.	Мы вас вновь дождались.
Где шумит, просыпаясь,	Никуда не уеду
Старый клен над рекой,	Из России своей!
И целуются звезды	Возродится родная —
С перекастной волной.	Я всегда буду с ней!

Я про войну, быть может, знаю мало,
От ветеранов знаю, из кино,
Про подвиги солдат и генералов
Еще не все прочел, быть может, но
Ведь я запомнил слезы нашей мамы,
Когда беда вдруг постучалась в дверь,
И как в деревне зарыдали бабы —
В предвиденье всех будущих потерь.
И помню: за околицей прощались,
Отцы детей подкидывали вверх,
А жены через силу улыбались
И вслед крестом их осеняли всех.
Всю жизнь я буду помнить женщин милых,
И как они трудились на полях,
Недюжей просто обладая силой,
Чтобы бойцам помочь на всех фронтах.
И день Победы век я помнить буду —
Деревня ликовала в этот час.
Как и страна, героев не забуду,
Кто нас от рабства и от смерти спас.

Наталия СИЛАЕВА

(г. Серпухов Московской обл.)

Силаева Наталия Андреевна (Натали) родилась в 1989 г. Начала писать стихи в 16 лет. Член МЛО «Муза» при доме-музее В.В. Вересаева г. Тулы. Состоит в Московском Совете литобъединений. Имеет многочисленные грамоты и дипломы. Публикуется в коллективных сборниках, альманахах, периодических изданиях, в т.ч. и в журнале для детей. Вышли в свет

два сборника стихотворений. В 2010 году создала молодежное литобъединение «Клио» в г. Серпухове, руководителем которого сейчас и является. Имеет личный сайт: www.stihi-natali.ru

МОЯ РОДИНА ТАМ, ГДЕ...

*«Дороги дорог, бездорожье доро-
же» (Киров)*

Моя Родина там, где березы
И где ветка полыни растет,
Там, где ивы хрустальные слезы,
Где река превращается в лед.
Моя Родина там, где просторы
И на карте дорог почти нет —
Лишь зеленым оттенком узоры
И полосочки тонкие рек.
Моя родина там, где Россия
Сохранила свою красоту.
Мегаполис кипящий, прости! Я
Лучше тихую глушь предпочту.

Я открою один свой секрет:
Я когда-то парила над небом,
Мой наряд безупречно был
белым...
Только больше его уже нет.
Я смотрела на жизни людей,
Я вела свою летопись мира...
Но однажды все это затмила

Полоса непонятных идей.

Небу синему крикнув:

«Прощай!» —

И на землю упав от бессилья,
Потеряла в пути где-то крылья...
Помню голос: «Ко мне
прилетай».

Я не знаю, что было со мной.
Может, это слепая беспечность?
Променяла небесную вечность
Я на смертную жизнь, но с
тобой.

Я узнала, что значит любить,
Поняла, что с небес наблюдала.
Я бы в летопись так записала:
«Ради этого стоит нам жить!»
Только этого ты не ценил,
В чистоту мою ты не поверил...

Для меня не откроются двери
И не пустят в обитель светил.
И теперь стала мутной вода
Из источника чистого неба.
Я, как феникс, свою песню
спела —

Ухожу в новый мир навсегда

Я за мечтою не гналась,
Ее нигде я не искала:
Мечта сама пришла — нашлась,
А с ней и счастье прибежало.

Я уделила время им,
Держать их в клетке я не стала.
Они нужны сейчас другим.
В гостях побыли — да и ладно.

Но не одна я остаюсь:
Ко мне придет сейчас разлука.
Вот только с радостью прошусь —
И заходи, моя подруга.

А может, слезы пригласим?
Ведь боль придет без приглашенья...
И вместе дружно погрустим
К приходу странника — прощенья.

Посмотри за окно — это я
Разбиваюсь о землю... каплями
Для того, чтоб увидеть тебя.
Небеса снова тихо заплакали.

Посмотри за окно — там моя
В одиночестве бродит... искренность.
Не найдет она цель бытия,
Чтобы спрятаться, бросится в низменность.

Посмотри за окно — не твоя
Заблудилась душа между звездами?
Присмотрись: там любовь как маяк
Путь осветит чистейшими грезами.

Валерий ВИНОГРАДОВ

(г. Алексин Тульской области)

Валерий Виноградов родился в 1948 году в далеком Казахстане, но волею судьбы попал в Тульскую область. И с 1985 года живет в городе Алексине.

ОЖИДАНИЕ

Ну, что, мой друг, опять хандришь?
Совсем раскис, невесел,
О прошлом, о былом грустишь,
Не слышно больше песен.

К тому же сыплет мелкий дождь,
Он всю округу залил,
А ты еще чего-то ждешь,
Все вглядываясь в дали.

Увы, там не видать ни зги,
Надежда лишь на случай,
Насквозь промокли сапоги —
Не ждать нам доли лучшей.

А может, быстрые ветра
Помогут, в самом деле?
Спадает мокрая чадра —
О чем мечтать не смели.

Сквозь мглу пробьется светлый луч,
И радуга цветная
С улыбкой глянет из-за туч,
Полнеба обнимая.

Прозреют синью небеса,
Надежда к нам вернется.
Разбудят птичьи голоса,
И свет души коснется!

ГОЛУБИНАЯ СТАЯ

В чистом небе высоко
голубиная стая,
Уходя в поднебесье,
затерялась вдали.
За чертой горизонта,
Где, перья роняя,
Простирается вольно
край родимой земли.
Взмахи крыльев упруго
рвут небес синеву,
Чтоб вернуться домой
через самую малость,
И спешили назад,
обгоняя молву,
Не жалея силы,
позабыв про усталость.

Воздух Родины пряный,
день весенний, погожий.
Только крыльев шуршанье
и свободный полет
Нежат слух и ласкают,
будто Промысел Божий,
Истомленную душу,
вмиг пронзив наизлет...
В чистом небе высоко
голубиная стая,
Одолев притяженье,
все кружит надо мной.
На небесный храм
с умилением взирая,
Душ святое родство
нас венчает с тобой.

РОДСТВО

Три сестры, три судьбы,
Три избитых дороги,
Бесконечность борьбы,
Перемены, тревоги...
Свет далекой звезды
И туман Андромеды,
Синий отблеск воды,
Уходящие беды...
Долгожданной мечты
Бесконечные дали,
Лиц любимых черты,
Чувства сродными стали...
Кратковременность дней,
Заплетенная в косы,

Все дороже, родней,
Как весенние росы...
Не отыщется сил,
Не придумать причину,
Чтобы вас разлучил,
Загасил бы лучину.
Ветров буйных порыв,
Грома крики, раскаты,
Двери дома закрыв,
Увели вас куда-то.
Взяв судьбу за узды
И храня, как святыню,
Три далеких звезды
Светят вам и поныне!

МОЛИТВА

Услышьте, небеса, я к вам взываю, Болит моя душа — слез не скрываю... В подлунной тишине и в брэнной суете Живу я на земле, порой тоскую... Но есть Один, кто мне протянет руку И даже в тяжкий час облегчит муку... Зову Тебя, Господь, и ставлю свечи, Молюсь я светлым днем и каждый вечер... И открывает Бог тугие двери,	Чтоб спала пелена — глаза прозрели... И отступает боль, что сердце гложет. Ну, а не станет сил — Господь поможет! Слова мои звучат, и тают свечи, Глаза Христа глядят, и Мир наш вечен! За все благодарю, елей вдыхая, Я вновь и вновь молюсь, к тебе взывая. И благодать вносит в грудь дух умиления, И наступает вдруг дум просветленья!
--	---

ЦВЕТУЩАЯ ВИШНЯ

Когда в одиночестве тихо грущу,
О прошлом, забытом, давнишнем,
Цветущую вишню увидеть хочу,
Цветущую вишню...
За все, что когда-то любил горячо,
Наивно, смешно, по-мальчишьи,
Цветущую вишню целую в плечо,
Цветущую вишню...
Подули ветра, и осыпался цвет,
Расстались надолго, так вышло,
Но вижу сквозь призму потерянных лет
Цветущую вишню...
Как будто бы рядом любимой лицо,
В молитвах явил мне Всевышний,
Цветущую вишню целую в плечо,
Цветущую вишню...

Мне память забыть все никак не дает,
Сюжет тот до боли привычный,
В саду, по весне, там, у старых ворот
Цветущую вишню...
Меня, как и прежде, в тот дворик влечет,
(Не может быть прошлое лишним),
Цветущую вишню целую в плечо,
Цветущую вишню...

Станислав ВОРОНЦОВ

(г. Серпухов Московской обл.)

1986 года рождения. В 2005 г. окончил Серпуховский технический колледж по специальности «Программное обеспечение вычислительной техники и автоматизированных систем», а в 2010 г. — Московский авиационный институт по специальности «Комплексная защита объектов информатизации». В настоящее время получает 2-е в/о на юридическом факультете Национального Института им. Екатерины Великой. Член МЛО «Клио» (г. Серпухов), а также Московского Совета литобъединений.

- 1(В): Впишу в Книгу жизни витую строку,
2(О): Последней страницы заполню пробелы,
3(Р): В орнаменте слов след оставляю неспелый,
4(О): Похожий на дым на чужом берегу.
5(Н): Я жизнь называю то адом, то раем,
6(Ц): Путь в центр ее я держу не спеша,
7(О): Чтоб у поворота суметь задышать,
8(В): Оставив всем любящим то, что я знаю.
9(С): Успеть бы сказать тебе эти слова,
10(Т): Оставить в тебе не гнетущую сладость,
11(А): Ты грусть удалишь, ну а я — твою радость,
12(Н): Животная жизнь — непростая игра...
13(И): Мне не забыть лиц на последнем кругу,
14(С): Все, что я могу, — достучаться до неба,
15(Л): Чтоб Высь не остыла в беспмятстве тлена,
16(А): В веках имена я оставить смогу —
17(В): Впишу в Книгу жизни витую строку.

Ольга ЕВСЮКОВА

(г. Тула)

Первой стала книга «Милая Ясная» (2007 г.), в которой описывается усадебная жизнь с народными традициями на протяжении от Троицы до Масленичных гуляний. К 180-летию со д.р. Л. Н. Толстого вышел поэтический сборник «Яснополянский ноктюрн». Духовно-православная страница в ее творчестве — сборники: «Роза — Богородицы цветок», «Неувядаемый цвет» (2007-2008 гг.) и «Осень крестом вышивает» (2012 г.). О. Евсюкова является инициатором и руководителем музея «Русские узоры» в МУК «Центр культуры и досуга», редактором «Юного журналиста» и «Тульско-го художника».

СВЯТЫЕ РОДНИКИ РОССИИ

Святые родники России.
Душа у них прозрачна и чиста.
Мы исцеление просили
В дни летнего Петровского поста.

Они нам силу придавали
По воле Божией через святых,
Что сами здесь тогда копали
Источник сей в годах своих седых.

Благодаря живой воде
Живут леса и жители лесные.
Пока бьет ключ — не быть беде!
Ведь родники — защитники родные!

К святому роднику у Дона
С победою пришел и князь Донской.
И, слушая доспехов звоны,
Родник сказал: «Ты раны здесь омой».

Прошли века. И вновь ручей
Встречает нас все так же говорливо
Средь Красного Холма, полей —
Потомков, тех, что Битву не забыли.

СПАСЫ

Ах, не успело лето полежать
В густых зеленых и высоких травах
И в заводи глубокой понырять —
Ему уж надо почивать на лаврах.
И людям отдавать свои дары:
Рожь золотую, кисти винограда,
В садах созревших яблонек плоды
И монастырский мед большого сада.
Пришла пора — настал Медовый Спас:
Душистый мед уж в сотах преломляют,
И на заутренний, церковный час,
Сей сладкий дар земли благословляют.
Стекает Божия вода с креста.
В Спас Яблочный священник окропляет
Плоды земные. Слава небеса,
Христа Преображение вспоминают.
Струится ласковый и тихий свет
Святого праздника Преображенья.
Прошло уже земных так много лет лет,
Но не забыто Божие ученье.

КРЕСТНЫЙ ХОД

Под палящим июньским солнцем
Крестный ход по Руси идет.
Трав лесных расстилаются кольца,
И кругом земляника цветет.
Золотые хоругви все выше
Поднимает наш русский мужик.
Крепость тела и духа в нем дышит.
Все светлее паломника лик.
На пути деревеньки простые,
Церковь сельская, отчий погост.
И встречают цветы полевые —
Украшения пройденных верст.
В том пути — и мое покаянье
За грехи, за Великую Русь.
Я молюсь и предвижу Стоянье.
И делам всем Господним дивлюсь.

СОВЕТЫ СТАРЦЕВ

Вот говорят, что старцев нет.	Христовых тайн ты причастись.
И как в миру несть послушания,	Они душе всего дороже.
Ты сердцем попроси совет	
У Оптинских провидцев дальних.	Духовным чтением Посты,
	Как храм цветов благоуханьем,
«Молись, молись, дитя, молись»,—	Укрась. И лики доброты
Простой Иисусовой молитвой.	Увидят все твои старанья.
Ее слова уходят ввысь,	
Со злом, с грехами будет битва.	Господь твой ум да просветит
	В благих, хороших начинаньях.
«Молись, молись, дитя, молись»,—	Хранитель-Ангел возвестит
И Бог всегда тебе поможет.	Пред Богом о твоих деяньях.

(Посвящается женам Декабристов)

Ветер. Вьюга. Одиночество.
За окном зима дает концерт.
Ожидание пророчества.
В кружевах метели жду ответ.

И в смятении тревожном,
Подойдя к морозному окну,
Вижу след по бездорожью
И в снегах душой тону, тону.

Я не буду одинокой,
Если мужу до конца верна.
Я храню любимый локон.
Верю, будет светлая пора.

В церкви мы услышим пение.
Помнишь, как тогда пред алтарем,
Обещали быть друг другу верными,
Что мы все переживем.

Ольга ОСЕНСКАЯ

(г. Тула)

Ольга Осенская (Кутлина) имеет высшее экономическое образование. Пишет с детства. Вышли в свет 3 книги стихов. Печатается в коллективных сборниках и альманахах. Участник поэтических фестивалей в Струге (Македония).

«Потому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собой» (Иоан. 13.35)...

Узнают в вас моих учеников.
Любовь меж вами, вера, уважение.
Готовы разделить и хлеб, и кров.
Любовь не мыслит зла. Долготерпение —

Залог любви, завещанный Творцом.
Любовь — доверье, милосердие, сострадание.
Свой путь терновым завершу венцом.
Несу свой крест покорно, без отчаянья...

Я все приму, любя народ Земли.
Живите, люди, сострадайте истине.
С любовью вы надежду обрели.
Раскаянье души наступит. Искренне

Я верю в вас. Страдания за вас
Вселяют дух: спасение в смирении.
Прощайте все. Любите. Пробил час.
Не предавайте Божий дом забвению.

ВАСИЛЬКОВЫЕ ГЛАЗА РОССИИ

Колючки, вы злючки... Но вы не страшны мне
Когда я брожу, созерцая красу.

Прекрасны Помпеи, хоть Капри милее.
Но все же люблю я свою полосу:

Поля, степи, реки; Борок, Питер, Тула...
Где пишется, дышится легче, поверь.
И все ж за кордоном — иная культура:
Открыто в Европу окно или дверь.

Пишу эти строчки, споткнувшись на кочках
Родных и забытых глухих деревень.
И я с теплотою пишу о листочках
Кленовых, березовых... Вот и теперь

Костер разгорается листьев багряных
С оттенком кораллов, каемкой зари.
И только в России средь сельских бурьянов
Глаза васильковые с колосом ржи

Вплетаются в сердце... И нет мне дорожке
Российской природы: Поленов, Ока...
И сердце мое вечерами тревожит
Дымок над деревней, родной на века.

*"И одному дал Он пять талантов, другому два, иному один,
каждому по его силе..." (Евангелие от Матфея, гл. 25 стих 15)*

Любой талант даруется по силе.
Господь дает лишь то, что заслужил.
Сын Человеческий, Спаситель иль Мессия
Чашу сия лишь миновать просил.
И испытание дает Господь такое,
Какое может вынести любой —
Не больше и не меньше. И покоя
Не обретешь — пока весь род людской
Раскаяньем прощенье не заслужит.
Пришествие Христа дождется люд.
И вера укрепит в поступках Мужа.
Ждет впереди всех Высший Божий Суд.

Строка поэту послана Всевышним,
Художник видит красочность Земли.
Его талант весом — мазком привычным
Рисует церкви, лики, корабли...
Божественные звуки возвышают.
Душа взмывает вверх на небеса...
Орган или виолончель играет,
Переполюет музыкой сердца.
Так пусть таланты служат всей России.
И выше поднимается Душа.
Дождутся православные Мессии.
А значит сокровенная мечта
Исполнится. Я верю! Знаю это!
Всесильно ли желание поэта?

ПОМЕДЛИ, ЖИЗНЬ

Помедли, жизнь. Дай время насладиться
Тем, что даешь: то жизнеощущение
Осознаешь с годами — не напиться
Из родника. А далее — забвение?
И по-другому ощущаешь море,
И ветру, солнцу кожу подставляешь,
Произнося при этом снова: "Боже!
Благодарю за то, что привечаешь...
За то, что даришь светлые мгновения,
За то, что жаждой жизни наполняешь.
За то, что в мудрость вплетено сомнение
И недругам плохого не желаешь.
Одна лишь мысль — побыть еще немного,
Познать такое, отчего светлеет
Душа моя, просящая у Бога:
«Красоты созерцать. Ну, хоть бы клевер».
О, Боже, стала жадной я до знаний,
И познаю, и в знаниях немного
Участь, стремлюсь. И мой огонь желаний
Поддержку получает. И дорога —
Уже не так грустна, но интересна.
И в мире так прекрасно и не тесно.

Сергей ОДИНОКОВ

(г. Тула)

Сергей Одинок — выпускник филологического факультета ТГПУ им. Л.Н. Толстого, аспирант; студент 4-го курса Тульского областного колледжа культуры и искусств, артист Тульской областной филармонии им. И.А. Михайловского. Пишет стихотворения и рассказы. Публикуется в журналах, коллективных сборниках, альманахах и газетах.

ГОРЬКАЯ ПЕСНЬ ВЫПУСКНИКА (студенческая лирическая)

Не для меня придет весна...
Казачья песня

Не для меня придет начало дня.
Восток зарею розовой проснется,
И солнца первый нежный луч коснется
Кого-нибудь — но только не меня.
Не для меня полям цвести. Пшенице,
Головушки колосьев наклоня,
Уж больше не играть в моей деснице —
Теперь она растет не для меня.
Не для меня прогулки при луне,
Прохлада и покой весенней ночи.
И девица, в смущеньи пряча очи,
Слова любви прошепчет... но не мне.
Не для меня веселья озорные,
Лесные посиделки у огня
И светлой юности пиры хмельные —
Все это, брат, совсем не для меня.
Не для меня снег белый у плетня,
Осенние дожди в родных Глушанках
И песни летних птишек на полянках
Игриво прозвучат не для меня.
Не для меня все радости на свете —
Лишь черный ворон в небе бьет крылом...
Не для меня любовь, семья и дети,
А лишь — зачеты, сессия, диплом!

Татьяна ЧЕРНЫШОВА

(г. Тула)

Родилась в 1949 г. Образование — высшее. Член Правовых клубов писателей “Ковчег” и “Родник”. Стихи печатаются в коллективных сборниках и альманахах.

ВАЛЬС ЦВЕТОВ

Старые, забытые пластинки.
Среди них — любимый вальс цветов.
В детстве представляла я картинки,
Слушая мелодию без слов.
Будто в вальсе с легкостью пушинки,
В грациозном танце неземном
Лилии кружились и кувшинки,
С грустью вспоминая о былом.
Словно собрались на бал прощальный
Гордые, красивые цветы.
Вальс цветов и нежный, и печальный —
Музыка несбывшейся мечты.
Радость встреч и горечь расставаний.
Промелькнула жизнь в десятки лет.
Вальс цветов — букет воспоминаний.
Грустный вальс. Из прошлого привет.

ИЮНЬ

Июнь. Ромашковое лето.
И травный запах на лугу.
Земля уже теплом согрета.
Я босиком по ней бегу.

И слышу соловья руладу
В ближайшей лесополосе.
Мне дарит свежесть
и прохладу
Купанье в утренней росе.

В хрустальных каплях
очищаясь,
С улыбкой в небо я смотрю
И, новой силой наполняясь,
За все судьбу благодарю.

Спасибо, лес. Спасибо, поле.
Люблю тебя, мой край родной.
Люблю и в радости, и в горе.
И только здесь мой рай земной.

ЛАНДЫШ

Весенний лес. Цветов благоуханье.
 Среди них один, любимый мой цветок,
 Изящное и хрупкое создание —
 Прелестный ландыш распустился в срок.
 Как будто крупным жемчугом расшиты
 На тонких стеблях белые цветы.
 В них слезы Богородицы сокрыты
 Святой, непостижимой чистоты.
 Смотрю на ландыш скромный, белоснежный
 И, восхищаясь строгой красотой,
 Вдыхаю аромат пьяняще-нежный,
 Что наполняет сердце теплотой.
 Цветок как будто звонница лесная
 Усыпан колокольчиками в ряд.
 И слышится мелодия простая,
 То ландыши о радости звонят.
 Весенний лес. Цветов благоуханье.
 Прелестный ландыш распустился в срок.
 Возьму его и, затаив дыханье,
 Поглажу нежно каждый лепесток.

АЛЫЕ ПАРУСА

Снятся алые паруса —
 Символ счастья в житейском море,
 Если веришь ты в чудеса
 И в корабль на морском просторе.
 Чудо-счастье Ассоль ждала.
 И надежда сбылась как в сказке,
 Алым парусом приплыла.
 Грей принес и любовь, и ласки.
 Веру в алые паруса
 В сердце юном я сохраняла.
 Счастья пенная полоса
 Непременно придет, я знала.
 Вновь и вновь наступал апрель,
 Согревая меня надеждой,

Что откроется счастья дверь
 И я встречусь с любовью нежной.
 Солнца луч засиял в окне,
 И с улыбкой весна примчалась.
 Алый парус приснился мне,
 И с любимым я повстречалась.
 Зазвенели струны души.
 И мелодия вальса счастья
 Зазвучала в ночной тиши,
 Закружила нас в одночасье.
 И сиянье влюбленных глаз
 Отражало сердец волненье.
 И свиданья желанный час
 Подарил нам любви мгновенья.
 Танго жизни танцуем вдвоем.
 Чаши счастья еще не испиты.
 Мы дорогой любви идем,
 И сердца воедино слиты.
 Мои алые паруса
 Не исчезли в житейском море.
 Верю в сказки и чудеса,
 И в корабль на морском просторе.

ГОРДЫНЯ

К Тебе, Господь, душа взывает,	Застыла жизнь.
Услышь мой голос в тишине.	Любовь в изгнание.
Вновь сердце слезы проливает,	И не вернуть счастливых дней.
Сгорая в адовом огне.	И по заслугам наказание:
Гордыня — главная причина	Гордыня — грех души моей.
Всех бед, несчастий и потерь —	Иду на исповедь и каюсь.
Меня с любовью разлучила,	Ты, Боже Мой, прости меня.
И я в отчаянье теперь.	Я от гордыни отрекаюсь.
Мой дух ослаб и впал в унынье.	Прости, Мой Высший Судия.
Проходят дни в немой тоске.	К Тебе, Господь, душа взывает,
Нет сил. Душа, поранив крылья,	Услышь мой голос в тишине.
Не ищет счастья вдалеке.	Твоя Любовь преград не знает,
	Будь милостив, Господь, ко мне.

Мария МИХАЙЛОВА

(г. Тула)

Автор и исполнитель собственных песен. Работала в Тульской областной филармонии артисткой оркестра русских народных инструментов «Тула» и артисткой государственного хора имени Михайловского. Выпустила 11 музыкальных дисков. Печатается в литературных сборниках, в газете «Провинциальный интеллигент». Член литературно-музыкальных клубов: «Лира», «Ковчег», «Отражение». Сотрудничает со многими тульскими поэтами. В настоящее время является преподавателем по классу гитары и работает с молодежью. Руководитель группы «Revelation».

ЗВОН ЗВЕЗД

Часы вновь бьют двенадцать раз.
И полночь — в белом на пороге.
И зеркала лукавый глаз
Откроет образ полубога.

— Я призрак, вечная душа,—
Во тьме шептало приведенье:
— Поверь, не стану я мешать
Твоим мечтам и сновиденьям.

Но месяц ночь посеребрил
Росою звездного тумана.
И ветер зеркало разбил
Потустороннего обмана.

Разбудит явь хорал планет:
— Любовь потребность, а не крайность!
И спрячет ночь под лунный плед
Иллюзию и нереальность.

ЛЮБЛЮ, СКАЖУ

*(по мотивам стихотворения «Люблю, скажу»
Аркадия Миража)*

«Люблю! — скажу единственному все же,
Создателем ниспосланному мне.—

Мы друг без друга больше жить не можем!
Когда мы вместе — счастливы вполне!

Ты, для меня — источник вдохновенья!
Навек союз наш верностью скреплен!
Уста в уста — прекрасные мгновенья!
И Божий мир сойдет на брачный трон!

Мне в мире этом ничего не надо,
Когда тебя со мною рядом нет.
И станет жизнь моя крошечным адом,
Расплавив душу в призрачном огне.

Любви волна, надежды парус алый.
И неба высь прозрачна и светла.
О, Адонай! Бог брачных уз желанных,
Надежный страж семейного тепла!»

Юлия СЕМИНА

(г. Тула)

Член литературно-музыкальных клубов «Лира» и «Ковчег». Исполняет партии бэк-вокала в группе Revelation, под управлением Марии Михайловой. Принимает активное участие в записи музыкальных альбомов. Является автором дизайна обложек музыкальных альбомов Марии Михайловой. Печатается в коллективных сборниках.

Сном любви упоена,
Наяву тебе верна.

Мира — звездопад безбрежный.
Друг явился — рыцарь нежный.

Ласки сладкой ожидая
И познания неги рая.

Ниспослал эфир чудесный
Ангел благодати небесной.

Грусти томная волна
Красоты немой полна.

МУЗА ВСЕЛЕННОЙ

Муза Вселенной
Эхом зовет.
Образ нетленный
Сердце влечет.

Огненной страсти —
Звездный поэт.
Призрак прекрасный
Чудится мне.

Бисером крылья
Дальних планет.
Негой укрыли,
Грез силуэт.

Муза Вселенной —
Лира любви.
Роз вдохновенья
Созвездья
Рви.

ПРАВДА И ГРЕЗЫ

Улыбкой воздушною нежно касаясь,
Тебя целовала в пленительном сне.
Снежинки — пушинки звезд небом играя,
Изящный ковер выплетали во мгле.
Любовным покровом тепла обнимала,
Мир жарким дыханьем пытаюсь сберечь.
Я сладкой истомой волнений пылала,
Мой слух будоражила страстная речь.
И правда, и грезы слились в одночасье
Гармония верности — дивный магнит.
Чарующий взгляд твой сияет участием.
Блистающий рыцарь на встречу манит.

Даниил АРТАМОНОВ

(г. Тула)

*Ученик 10 «В» класса МБОУСОШ 31 им. В.П. Храмченко.
Юнкор школьной газеты «НАДЕЖДА». Награжден грамотой
партии ЕР, дипломами Фестиваля Молодежных Инициатив
«Тула молодая» и конкурса социального плаката ОАО «Рос-
телеком». Призер городских конкурсов и викторин.*

МАМИНЫ ГЛАЗА

Они пронизаны теплом и светом,
Любовью, что не передать поэтам,
В них много ласки, доброты,
И сказки сладкие мечты.

Они — зеленые, как листики березы,
Я не люблю, когда из них стекают слезы.
Люблю, когда они блестят
И светлым солнышком горят.

Когда посмотрит мама на меня,
То так становится тепло и мило,
Ее глаза всегда манят
И для меня всегда красивы.

Бывает, тухнут в них огни,
И грустным взгляд тогда бывает.
Но даже в строгости они
Зла никогда не излучают.

Люблю я мамыны глаза,
Люблю их горячо и сильно!
Они в душе, как образа
Любви божественной обильной.

Ольга БОРИСОВА

(г. Самара)

Борисова Ольга — поэт и переводчик поэзии с болгарского и французского языков. Живет в г. Самара. Член Российского Союза профессиональных литераторов. Автор книги стихов "Как мимолетен день. Победитель 35 Международного поэтического конкурса «Цветочные игры в Пиренеях».

ЛЮБОВЬ УНДИНЫ

Средь темного леса змеится дорожка,
К таежной реке протянулась она,
Где словно бы дремлет рыбачья сторожка,
Да лижет пески голубая волна.

Рыбак молодой жил в сторожке когда-то.
Закидывал невод на ранней заре.
Под вечер, любясь багровым закатом,
Варил, как бывало, уху на костре.

И было ему здесь привольно, спокойно,
Вокруг ни души, только лес вековой,
Шумевший под маетный ветер нестройно
И листья ронявший на берег крутой.

Но как-то ундина в сиянии лунном
Ему улыбнулась под звоны небес.
Русалка была ослепительно юной,
Явившись из светлого мира чудес.

Прекрасна, бледна, как сама Лорелея,
Волшебные чары струились из глаз.
Полночной порою в желании млея,
Ждала, что наступит свидания час.

Зеленые волосы как в изумрудах
Послушно качала волною река.

А руки и губы в коварных причудах
Влекли и манили к себе рыбака.

Русалка его зазывала в объятья.
И кинулся в омут рыбак молодой.
Сбылось и над ним, видно, чье-то проклятье,
Что "счастье" найдет он под темной водой.

С тех пор заросла толокнянкой дорожка,
И больше не ходят по ней через лес.
Пустыми глазницами смотрит сторожка
На синюю даль, где хозяин исчез.

ОТШЕЛЬНИК

*Всем святым, в земле Русской просиявшим.
«Праведник смел, как лев» (Пр. 28, 1)*

Холмы, поросшие лесами:
Колючий ельник, бурелом.
Там на пеньке грустит часами
Лешак с печальными глазами,

И шумно бьет сова крылом.
Змеится узкая дорога.
Ведет она с далеких пор
Туда, где, славя день и Бога,

Отшельник в рубище убогом
Себе воздвиг глухой затвор.
С молитвою в тиши глубокой
Он нес с усердием труды

Вдали от суеты, пороков
И лести, правды кривобокой,
Людской убогости, вражды.
Любили праведника звери,

Слетались птицы на порог.
И даже сам аркуда¹ в двери
Стучался утром, чтоб проверить:
А вдруг отшельник занемог?

И вынесет ли снова хлеба,
Положит ли кусок на пень?
Медвежий ритуал и треба²,
Как дань зверюге на потребу,

Иль угощение на день.	За землю Русскую радетель,
И навещали часто бесы	Преумножая добродетель,
И рыкали: «Покинь сей скит!»	Он показал пример любви.
Лукавых злобны интересы,	В лесу таится и поныне

Видения — сценарий пьесы ³ ,	Поросший мхами строгий скит.
Но от креста и бес бежит.	Сияет он под небом синим,
Народа славный благодетель	Слывет народною святыней,
Сносил все тяготы свои.	И тихой славою звенит.

¹ Аркуда — на древнеславянском языке означает медведь.

² Треба — просьба.

³ Святым посылались от бесов различные ведения, чтобы они покинули скит и бросили свой подвиг.

СРЕДИ КАМНЕЙ НА ГОРНОМ СКЛОНЕ

Среди камней на горном склоне,
Раскрылся маленький цветок.
Его прозрачный стебелек
Склонился в царственном поклоне,
Дрожащий вытянув листок.

И заалел благоуханный,
Найдя в расщелине приют,
Где ветры шумные поют,
Хребты седы и бездыханны,
И цепко мхи наверх ползут.

И вижу, тянется он к свету,
Живя судьбе наперекор,
Среди высоких стелющихся гор...
Стремится и душа поэта
Из тесных рамок, на простор!

Дмитрий ДАНИЛИН

(г. Тула)

Родился 9 апреля 1969 года в г. Тула, в семье служащих. Окончил колледж по специальности правоведение и Московский государственный университет культуры и искусств по специальности «Менеджер социально-культурной деятельности». Работал рабочим, юристом, социологом на радиостанции. Публикуется в альманахах и коллективных сборниках.

МОЛИТВА

Преврати мою волю в гранит,
Боже праведный и милосердный,
Пусть в терпенье меня утвердит,
Она в бедах средь жизни сей брэнной.
Придави, как могильной плитой,
Состраданье к себе и жалость,
Чтобы в мыслях, в беседах с собой
Не сквозила роптаний и малость.
Когда вьюга, чтоб выть не хотелось,
Когда дождь, не хотелось плакать,
Чтобы сердце имело смелость
Лишь смиряться, любить... и не якать.

ВСТАНЬ И ИДИ

Иди, отбросив костыли,
Руками разрывая ночь,
Пускай измажешься в пыли,
Иди от прошлой жизни прочь.
Встань и иди! Оставь могилу,
Воскресни, измени судьбу,
Прочувствуй неземную силу,
Чтоб, не боясь, пройти сквозь тьму.
Пройдут года и не забудь,
Свой путь, живя и умирая,
И свет свечи не дай задуть —
Лишь так мы Рая достигаем!

Марина КАРГИНСКАЯ

(г. Алексин Тульской обл.)

Родилась 17 ноября 1967 года в г. Алексине Тульской области. Писать начала в девяностых. Любит природу: грибы, рыбалку, туман и тишину, шум дождя и шелест трав. Любит и ценит свое окружение. Любит готовить и баловать своих близких разными вкусностями. Не терпит лицемерия и лжи. Обожаает вдохновение, которое приходит, когда ему удобно, требуя взять в руки карандаш, заставляя писать — любить, страдать, дышать, — даря ощущение счастья...

ПАМЯТИ ПОЭТОВ РОССИИ

Судьба, как злобная старуха,
По избранным идет.
Поэтам смерть пророчит сухо
Свинец и эшафот.

И рок висит, веками поднят
Над их главой.
Поэт — изгой. Поэт не понят,
Пока живой.

Его косили равнодушьем.
Оно — острей.
Изобретательным удушьем.
Оно — быстрее.

Так было и так будет веки.
Поэт в безвременье живет,
Вспять поворачивает реки,
Рукою — звезды достает!

Размытость образов
Иль образов
Всплывает в памяти.
Я слышу зов
Времени
Или набат, что по вискам
Моим стучит,
По темени.
И по сердцу, как молотком.
И в горле, как в пустыне,
Жар и ком.
И много-много рук и глаз...
Жизнь — ты повержена?
Сдалась?
Нет! Нет, конечно!
То — наука согбенная —
Седая сука —
Всех тех, в кого вросла.
Взрастила.
Лелеяла и холила,
И льстила.
И никогда уже
Не отпустила.
Но сколько б ни старалась
Власть
Их вскармливать —
Не удалась
Попытка всех накрыть
Крылом
Черным.
Хоть нагло, дерзко,
Напролом
Перла.
Как разъяренный бык,
Чтоб отстоять добычу.
А я стою лицом и не боюсь

Ту морду бычьую.
Остановлю!
И нет в глазах ни страха,
Ни тревоги.
А есть Любовь и Доброта,
И Их Чертоги.
И много по-Пути таких
Встречается.
Им даже многие грехи
Прощаются.
Им даже по-иному
Дышится.
Глас Божий им повсюду
Слышится.
И колокольный звон
Им душу лечит.
То тонким тихим голоском,
То низким — Вечным.
И если вам удастся вдруг
Расправить плечи
И сбросить черноту
Оков
И пут беспечных,
Увидеть неба лучезарные
Мотивы
И нежный стан
Младой плакучей ивы,
То первый луч очнувшегося
Солнца
По-праву будет Ваш. И к вам
Вернется
Вся прелесть Мира — только
Оглядитесь
Вокруг.
И никогда уже не становитесь
В порочный круг.

Валентина КАРПОВА

(г. Тула)

Родилась в 1954 г. на станции Скуратово Тульской области в семье железнодорожника. В 1960 году семья переехала в г. Белев Тульской области, а в 1969 г. в поселок Плеханово Ленинского района Тульской области, где проживает до сих пор. Поэзией увлекается с ранних лет. Печатаются в коллективных сборниках и газетах. Неоднократный лауреат поэтических конкурсов среди самодеятельных авторов. Автор сборника стихотворений "И жизнь, и слезы, и любовь..." (2008 г.).

ПОЧАЕВО

Меж Кременцом и Бродами
Почаево село.
Красивою природою
Прославилось зело!

Гора стоит высокая,
Зеленый лес стеной,
Речушка синеокая
С прохладною волной.

Два инока отчаянно
Искали там приют
И набрали нечаянно:
"Пещера! Станем тут

Искать пути спасения!
Безмолвие кругом,
От всех уединение —
Сразимся здесь с врагом..."

День начинали затемно
С молитвы к Небесам,
Как должно, основательно,
Не скоро по часам.

Питались скудно, мало,
Лишь тем, что лес давал.

К зиме сушили травы —
И чай, и сеновал...

К вершине как-то утром
Пошел один монах.
Край неба перламутром
Завернут, яко в снах!

Мир тишина объяла!
Покой и зла не жди...
Вдруг словно просияло
Немного впереди!

Еще чуть вверх поднялся:
Столп света и огня.
Сказать — язык отнялся:
"Господь! Храни меня!"

В хитон-лазурь одета
На камне Божья Мать!
Сумел чрез все тенета
Товарища позвать!

Свет озарил вершину,
Сверкающей росой!
Там рядом пас скотину,
Пастух Иван Босой.

И он, забыв про стадо,
К вершине поспешил,
Припал к виденью взглядом:
"Прости! Не так я жил!"

Вдруг разом все пропало —
Была и больше нет...
Оставила немало:
Стопы на камне след!

Водицей святой полон!
Попьешь — уйдет беда!
До сей поры наполнен!
За край же — никогда!

Сияньем Божьей славы
Та сделалась гора!
Взрос монастырь до Лавры!
Кружили здесь ветра

Недоброй, черной силы,
Пытаясь разметать.
Молитвы возносили.
Упал? Вставай опять!

Меж Кременцом и Бродами
И ныне виден Свет!
Царицей над природами
Оставлен людям След!

ВЗЫСКАНИЕ ПОГИБШИХ

Рассуждения

"Погибший!" — ужасное слово...
Полнее как понять его?
Добра утрачена основа,
Враг в темноту поверг всего...

Но и врагу уже не нужен.
Обузой стал и для себя.
Бредет по грязи и по лужам,
Забыв родство и не любя.

Потерян для земли и Неба —
Посмешище, не человек.
Еще вчера таким он не был —
Таким вот доживает век.

Куда идти, к кому стучаться
И где пристанище искать?
К кому кричать,
чтоб докричаться?
Едино к Ней! Она — всем Мать!

Она с Небес давно узрила
Печаль и боль такой души...
Давно объятия раскрыла —
К Ней обратиться поспеши!

Услышишь сразу Ее шепот
К тебе едино, для тебя!
Спадут на вовсе зло и ропот —
Внимай словам Ее любя!

Бальзам целительный
прольется
На душу в язвах... Исцелен
Тот человек. Домой вернется,
Для жизни, в кою рожден!

Пред этим образом молиться,
Конечно нужно и о нас.
Столько грехов в душе таится...
Но близок, близок судный час.

ВЗЫСКАНИЕ ПОГИБШИХ**Первое упоминание**

Когда-то в доме архиерея
Был экономом Феофил.
Жить по другому не умея,
Благочестиво, честно жил!

Случилось так, что обвинили
Не за свои дела его —
Покражу в грех ему вменили,
Прогнали прочь, лишив всего.

Обида так взыграла в сердце,
Что он на Бога возроптал.
Раскрыл пред сатаною дверцы,
Все подписал, что начертал

Враг человеческого рода,
Змей-искуситель всех времен,
Коварством полная порода,
Кто по сей день не истреблен.

И вот у пропасти, на грани,
Узрив погибель вдруг свою,
Тот Феофил в смущенье крайнем
Воскликнул враз: "Пред кем стою?"

Скорее в храм!" В нем затворился,
Все двери, ставни на замок.
К Нему вопил, пред Ней молился:
"О, Божья Матерь! Как я мог?"

Не оттолкни души погибшей!
О, Ты, нам давшая Христа!
Прах пред Тобой... но прах любивший
Его, прощавшего с Креста!

Поддался гнусному смущенью
И откачнулся, как предал.

Зло совершил по наущенью,
Но спохватился, увидал

Всю мерзость данного решения.
Молюсь к Вам слезно, горячо!
Простите мне те прегрешенья!
Я не погиб! Я жив еще!"

И услышала Всецарица,
Вернула хартию ему!
Спустился Ангел, аки птица,
Стал не чужим в родном дому!

Он называл тот образ чудный
"Взысканию погибших" глас.
Упасть легко — подняться трудно...
О, Небеса! Храните нас!

НЕЧАЯННАЯ РАДОСТЬ

"Нечаянная Радость" — икона в Божьем храме.
Заступница Небесная с Иисусом на руках.
Разбойник на коленях пред ней, во зле упрямый,
В слезах и покаяньи он восклицает: "Ах!
Святая Богородица! Прости мне окаянство.
Великий грешник аз, деянья мои злы.
Препакостно я жил, но с верой в Постоянство
И никогда на Небо не возводил хулы.
Родившая Христа! Взмолись о мне, о грешном!
Он Сын Твой! Он услышит! Не сможет отказать.
Устал я пребывать в смятении кромешном.
Ты зришь в душе моей! Тебе ль того не знать.
Нечаянную радость пошли мне о прощенье!
Молю и уповаю! К кому еще кричать?
К Тебе и ко Христу я возношу прощенье:
"Отринут навсегда!" — молю, не шли печать..."
"Нечаянная Радость" — надежды теплый образ:
Взмолитесь — и услышат, просите — и дадут!
Заступница Благая подаст в защиту голос —
Не отвернутся — впустят. Там любят нас и ждут!

Александр КАРПОВ

(г.Тула)

1975 г.р. Стихи пишет давно. Тематика самая разнообразная: от притч и басен, до пейзажной и любовной лирики.

В СТАРЫЙ ХРАМ ПОТИХОНЬКУ ВОЙДУ

В старый храм потихоньку войду
И зажгу пред иконою свечи,
В тишине помолюсь, постою —
Пусть грехи мои давят на плечи...
Отче наш! Вот я каюсь! Прости!
Жил, подчас Твой закон нарушая.
А кого-то винить — грех нести.
Сам виновен, что доля лихая...
Пред Тобой я исписанный лист,
Опаленный, потертый судьбою.
Только в вере я, Господи, чист!
Все грехи мои вот, пред Тобою.
Ты прости меня, Боже, пойми —
Ты последняя в жизни надежда!
Грешен я. Покаянье прими,
Пока смерть не сомкнула мне вежды.
В старый храм на рассвете войду,
А покину его уже ночью.
Бог простит, значит, дальше пойду,
Стоя вновь на ногах своих прочно.

БОКАЛ ЛЕТА

Ночь за окном, далеко до рассвета.
Падает снег в свете ламп фонарей.
Чаша вина меж ладоней согрета —
Летнее солнышко плещется в ней!
Тихо на улице, только снежинки

Падают, в вальсе беззвучном кружа.
Город в окне черно-белой картинкой
Дремлет чуть слышно, почти не дыша.
С неба сорвалась звезда, на желанье.
Я, как всегда, не успел загадать.
И до рассвета в немом ожиданье
С каплею лета я буду играть.
Кто-то все ждет окончания света,
Кто в суете новогодней увяз.
Я же с бокалом наполненным летом
Звезд и снежинок вновь слушаю вальс!

НАРИСУЙ МОЙ ПОРТРЕТ НА СТЕКЛЕ

Нарисуй мой портрет на стекле,
Что в поту от тумана холодного!
Пожелай возвращения мне
Побыстрее из странствия долгого!

Разожги ты камин потеплей,
Да в подставках зажги дома свечи,
Чтобы было в пути мне светлей
В этот серый ноябрьский вечер.

Отпусти всю прислугу домой —
Не хочу, чтобы нам помешали.
Этот мир дорог мне лишь тобой,
Без тебя он мне нужен едва ли.

Я приду, только спустится ночь
Шалью теплой на голые плечи.
Будет все как мечтали, точь-в-точь,
В этот вечер с тобой нашей встречи!

Нарисуй мой портрет на стекле.
И пускай за окошком ненастье,
Я вернусь, верь, пожалуйста, мне,
Мое самое хрупкое счастье.

Ольга ПАВЛОВА

(г. Алексин Тульской обл.)

Родилась в апреле 1956 г. в г. Алексин, училась в известной далеко за пределами Тульской области и прославленной успехами своих маститых выпускников 9-й школе. В 2010—2011 гг. работала в газете «Среда». Печатается в журналах, альманахах, коллективных сборниках и газетах. Готовит к изданию новый авторский сборник, где впервые будет представлена и проза.

СВАТОВСТВО НА МАСЛЕНИЦУ

Обещал веселый, синеглазый,
Что сватов на Маслену зашлет.
И ведь как сказал, он так и сделал:
Тройка у ворот снежок толчет.

В дом ввалились гости. Шумно, весело.
Завели занятный разговор.
Мы с подружкой тихо пели песенки.
«Дочь, к тебе?» — спросил отец в упор.

Я глаза потупила, а щеки
Ярким полыхают огоньком,
А подруга — шмыг из дома мышкой —
«Настя, забеги к тебе потом».

Долго сваты с батей толковали.
Спрашивал отец чего и как.
И кивнул: «Добро, мол, дело слажено».
Дал гостям на пряники пятак.

Ну, а мне велел одеться поскорее.
Приказал и вышел со двора.
У калитки милый, синеглазый!
Маслена гудит, шумит с утра.

Отпустил родитель покататься
С женихом на горках ледяных:
«Только, парень, чур, не баловаться.
Не забудь: не муж еще, жених».

Где еще нам с милым повидаться?
Где друг другу поглядеть в глаза?
Все плывет: качели, карусели
И от счастья катится слеза.

«ПРОВОДЫ» ЗИМЫ

Засиделись за столом
Зимушка с Весною,
Где горячий самовар
Да блины горою.

Где сметана, пироги,
Пряники печатные...
А потешные столбы!
А веселья знатные!

Говорили обо всем,
Пели да судачили.
Попивали мед хмельной
А потом чудачили.

Целый день горланят песни,
Водят шумный хоровод.
Зиму ли Весна встречает,
То ли все наоборот.

Посыпали всех снежком,
Пели да кружили.
То ль Весна совсем уходит...
Словом, все забыли.

Засиделись как то раз
Зимушка с Весною...
На дворе уже апрель,
А снега — горою...

Нагулялись, напились,
Ох, и накрутили!
Провожает кто кого —
Напрочь позабыли.

ПРОВОДЫ МАСЛЕНИЦЫ

Отгуляла маслена веселая,
Отплясала с шумом у костра.
Проводила всех нас до околицы,
И ушла. На целый год ушла.

Смолкли песни. Шутки вдруг растаяли.
Горки без саней совсем пусты.
Не звенят поддужные бубенчики,
И остыли вкусные блины.

Плачет дождик, злится непогодушка,
И метелица несется вскачь.
И глядит на снег с недоумением
Прилетевший к гнездам черный грач.

Что, весна, придешь или удержишься?
Ты снега хотя бы растопи.
Песнями задорными, синичьими
Веселить пора нас от души.

Отгуляла масленица пестрая.
Хороводы, игры унялись.
И замолкла звонкая гармоника,
Да и люди тихо разбрелись.

Владилена СТАНИСЛАВСКАЯ

(г. Серпухов Московской обл.)

Родилась 12 декабря 1989 г. в г. Канск Красноярского края. В 2006 г. переехала в Серпухов, окончила факультет английского языка МОПК. Учится в МГОУ на факультете романо-германских языков. Член МЛО «Клио» г. Серпухова и Моссовета ЛИТО. Публикуется в газетах и сборниках.

Лауреат и дипломант театральных конкурсов, дипломант фестиваля «Единая страна, Великая Россия» (Алексин), награждена грамотами ряда литературных конкурсов.

Ужасно хочется тебя обнять,	Хотя я мысленно кричала
А потом уйти, сбежать, забыться,	И рыдала тоже про себя.
Чтоб писал ты новые страницы,	Хоть не до конца,
Чтобы больше не нашел меня.	но хоть сначала.
Так лучше. Так решила. Я ушла.	Я была по-своему права,
Тихо. Мирно. Без скандала.	Знаешь, ведь была жива тогда,
	В час, когда я крепко обнимала.

ВСЕГО ЛИШЬ

Я всего лишь обычный ученый.
Я всего лишь тут мою пробирки.
Я всего лишь один заключенный,
Отключен от того, к чему все привыкли...
Я всего лишь обычный философ.
Я всего лишь сижу на том камне.
На меня как-то смотрят все косо.
Но бегу от мирового признания.
Я всего лишь обычная спичка.
Я всего лишь забыта в коробке.
Я всего лишь взяла вдруг в привычку,
Лежать одинокой и от воды мокрой.
А еще... Я всего лишь кто-то.
Я всего лишь песчинка планеты.
И всего-то, что нужно заботы —
На рубашке были чистые манжеты.

Василий ТАРАКАНОВ

(г. Алексин Тульской обл.)

Первые пробы пера относятся к периоду срочной службы в Армии. Автор девять песен. Член литобъединения «АЛЛО»

ОПЯТЬ НА СЕРДЦЕ ГРУСТЬ И РАДОСТЬ...

Мелкий дождичек осенний
За окном моим шумит.
Он рождает вдохновение,
И стихи писать велит.
Расскажу ему я сказку,
Про жите-бытье мое.
Он послушает ее,
И в ответ подарит ласку:
Тум-дон-дон опять свое.
В них и радость, и печаль,
И чего-то будто жаль,—
Не исполнилось наверно!

Затушеванная даль
Шепчет что-то откровенно!
Только это тум-дон-дон,
Забывает тихо — слово.
Этот шорох-перезвон
За окошком слышен снова,
Это капли — все они!
Ах вы, дали, ах, печали,
Затуманенные дни.
Ох, не сбылись да пропали.
Ты пропой мне, как в начале,
Дождик, тихо прозвени.

В переливах неба света
Я возьму перо поэта,
В грезы листьев окуну!
На краю его, воспета,
Радость плещется рассвета,
Прославляя желтизну!
Вдохновенные порывы,
И листвы под ветром взрывы —
Это осени пора!

А листочки так игривы
И, как кони, ох, ретивы —
Им понравилась игра!
И сияют ярко зори
В этом сказочном просторе —
Грусть немного в них видна...
Но не капля это горя,
И с туманом снова споря,
Выпью утро я до дна!

Мне осень милая подруга
Расскажет сказку о любви!

И листьев желтых взмоет вьюга,
Разбудит ток в моей крови!
Печальней может что случится,
Чем тихий-тихий тот рассказ.
Но изначально все ж струится,
Отрада в днях ее для глаз!
Она сотрет мои заботы,
Вберет в себя мою тоску.
Венок веселой позолоты,
С собой по жизни увлеку!
Не плачь душа над летом красным,
Мне осень дымная милей.
Сентябрьским днем шальным, ненастным,
С ней обручусь до зимних дней!

Тягучим, ватным одеялом,
Сползет рассвет на край земли.
И вдруг лучом пробьется алым —
Заря засветится вдали!
И вновь рассветной мутной дымкой,
Сокроет осень небосвод,
В ней луч гуляет невидимкой
По берегам холодных вод.
Но вижу всплеск, он ярче, ярче,
И все лукавей, все теплей.
И быть не может уж иначе,
И скоро станет уж светлей.
Вот сдвинув грустный сон к низине,
Размыл он окна в небесах.
Еще чуть-чуть, и ярость ринет
На темной ночки мутный прах!
И вот уж облако проснулось,
Летит как парус в вышине!
И солнца радость к нам вернулась,
Домой, как птица по весне!
Пускай вокруг гуляет осень,
Туманы стелет по реке,
Но видны нам верхушки сосен,
И луч веселый вдалеке!

Татьяна ТЮРИНА

(г. Алексин Тульской обл.)

Родилась в 1956 г. в Ярославской области, в селе Артемьево. В 1980 г. окончила Ленинградский технологический институт. В г. Алексине работала инженером-конструктором на химическом комбинате, затем рыбоводом. Стихи пишет с детства, печататься начала с 2012 г. Публикуется в коллективных сборниках.

НАДЕЖДА

Как линия, надежда бесконечна,
Так ищет вечность грешная душа.
Как мы порой бездумны и беспечны,
И как печаль моя еще свежа.
Не верит сердце, что грядет разлука.
Не верит разум, расставанье — быть.
А одиночество — такая скука,
Как вездесуща будничная пыль.
Один, как и в бою, совсем не воин.
И я опять спою о небесах.
И нас тогда в команде будет двое,
И будет точно светлым альманах.
Цветы, деревья, облака и ветер.
Луна и звезды, вечная трава.
Я не одна на этом белом свете.
И в этом точно буду я права.

Кира КРУПСКАЯ

(г. Серпухов Московской обл.)

Член литобъединения «Клио»

О, если бы знать мне заранее,	Душе чтобы в этом не сгинуть,
Что будет со мной через год,	Не нужно с судьбою играть.
Душа не была бы как маятник —	С судьбою шутить мне не стоит —
Всегда то назад, то вперед.	Что если начнет она мстить?
А может, мне карты раскинуть,	Но хочется жизнь так устроить,
На гуще кофейной гадать? —	Чтоб к небу свой взгляд устремить.

Владимир ГУДКОВ

(г. Тула)

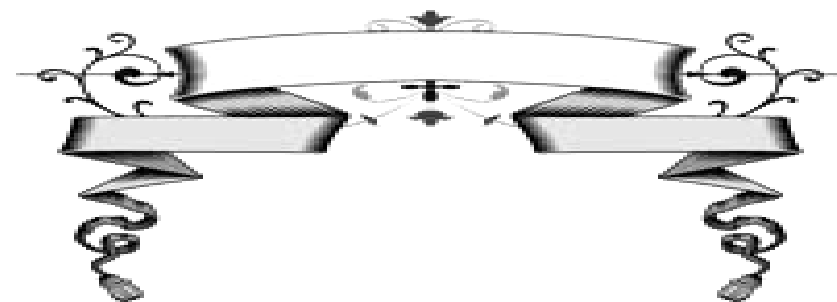
Печатался в журналах «Природа и человек», «Приокские зори», «Ковчег», «Пегасик». Издал две книжки стихов для детей: «Тучка, слон и два жирафа», «Птичья азбука». Детские стихотворения в 2011 г. вошли в сборник «Лучшие стихи для малышей».

ГИМН ТУЛЕ

Край родной — и щедрый, и красивый!
В Туле дуют ратные ветра:
Здесь куют оружие России
Триста лет умельцы-мастера!

С Куликова поля веет славой:
Здесь Донским повержена орда!
В сорок первом тульские заставы
Отразили танковый удар!

Самовары и гармони лучшие
Пусть теплом согреют каждый кров!
Слава Туле — кузнице оружия!
Процветай, наш город мастеров!

ПРОЗА

АЛЕКСЕЙ ЯШИН
СЕРГЕЙ КРЕСТЬЯНКИН
ЕЛЕНА СЕМЕНОВА
ЛЮДМИЛА АЛТУНИНА
ТАТЬЯНА РОГОЖИНА
ГАЛИНА КЛИНКОВА
НАТАЛИЯ СИЛАЕВА
РОМАН РОМАНОВ
ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВА

СЕРГЕЙ НОРИЛЬСКИЙ
СЕРГЕЙ ОВЧИННИКОВ
ВЯЧЕСЛАВ АЛТУНИН
ЕЛЕНА ГАДЕНОВА
ВЛАДИМИР ГУДКОВ
СЕРГЕЙ ОДИНОКОВ
НАТАЛЬЯ ПРИХОДЬКО
ВЛАДИЛЕНА СТАНИСЛАВСКАЯ
МАРИЯ ЯКОВЛЕВА-АЛЕКСЕЕВА

Алексей ЯШИН

(г. Тула)

Алексей Афанасьевич Яшин родом из Заполярья. В числе его Высших образований — Литинститут им. А.М. Горького. Член Союза писателей России (СССР) с 1988 года. Автор 25 книг прозы и свыше 500 публикаций в периодике Москвы, Тулы, Воронежа, Екатеринбурга и др. Главный редактор всероссийского ордена Г.Р. Державина журнала «Приокские зори», член редколлегии ряда московских и тульских периодических изданий. Лауреат многих литературных премий. Награжден рядом орденов, литературных медалей и почетными грамотами. Академик Академии российской литературы, член Правления. Литературное творчество совмещает с научной работой. Ученый-биофизик с мировой известностью. Заслуженный деятель науки РФ, дважды доктор наук, имеет два ученых звания профессора, лауреат ряда премий, удостоен почетных наград, в том числе медалей в области науки. Академик российских, иностранных и международных академий. Почетный член Международного биографического центра (Англия. Кембридж. Имеет академические звания «Основатель научной школы» и «Заслуженный деятель науки и образования».

ДУШИ НА ОСТРОВАХ*

♦ Вы жили на Севере? Тогда трудно, может быть, вам будет представить. Для этого родиться там нужно, чтобы вообразить от веку забытую Богом землю. Землей-то трудно ее назвать: гранитные, двухсотметровой высоты обрывы берегов. С самой высокой сопки, куда ни помотришь,— на три стороны только камень, камень, лишь в ущельях, где срастаются основания сопки, видна земля или то, что можно назвать землей: тонкий мазок древнего торфа, лежащий пылью тысячелетних ветров, что со свистом и звериным воем проносятся по извилинам межгорий. Это и есть земля, а вы: поэзия, колорит!..

С четвертой стороны, северной, где отвесной стеной обрываются гранитные скалы,— ужас: каменяющий душу ледяной океан. Зимой прибрежное море не замерзает, пересиливает Гольфстримом мороз,

* Впервые опубликовано под названием «На островах» в книге: Яшин А.А. На островах: Рассказы; Повесть.—Тула: Приок.он. изд-во, 1987.

но от этого тоже мало радости, любоваться тут нечему: вода-то переохлаждена, кипит и извергает туман, да не простой, а такой, что легкие душит. Адское варево изо льда, замерзающего пара и ртутно-холодной, тяжелой, как паста, густой, воды. А когда ударит снежный заряд, заштормит на месяц — еле-еле тлеет жизнь на побережье, жизнь и без того искусственная, единственно возникшая по случайному капризу моря: не замерзает в сорокаградусный мороз. Живых же людей держит здесь удвоенный с половиной оклад.

Но совсем прячется жизнь на продуваемых сквозными ветрами, обкатываемых со всех сторон ледяными валами островах. Ни один отблеск огня не пробивается сквозь туман, снежный заряд, крошечную смесь падающих, вздыбливающихся, разбивающихся в ледяную пыль волн. Только рев и посвист звуковых маяков обнаруживает острова для пробивающихся к портам рыбацких сейнеров и торговых судов — «купцов».

Все население острова — три-четыре семьи — живет чаще под одной крышей: так уютнее и легче поддерживать существование. И как бы ни плясала, ни грохотала, ни сходила с ума сорвавшаяся со всех мыслимых и немыслимых цепей дикая природа, по издавна заведенному маячному порядку по субботам хозяйки ставят хлеба на под большой русской печи в комнате-пекарне. Это и клуб: женщины не отходят от печи, то и дело приотворяя дверцы и пробуя вилкой запекающиеся корочки пшеничных буханок, поворачивая противни с пирогами. Ах, эти пироги! С чем только их не пекут по субботам матери с наследным мастерством поморок Архангельска и Терского берега? Ребята притихли на лавках вдоль стен, но зорко смотрят: не опоздать бы и, обжигая пальцы, побыстрее схватить с вытасченного матерью противня раскаленный сладкий пирог или творожную шаньгу и со вздохом проводить глазами отправляемый остывать рыбник — запеченную в хлебном домике трехкилограммовую треску или плоскую, истекающую жиром камбалу. В самом же большом, к ближнему празднику заготовленном рыбнике — распластанная пятнистая зубатка с волчьими клыками. Но еще более влекут руки и источают слюни открытые и на весь противень пироги с засахаренной моршкой, черникой, голубикой и клюквой. Поверх же пирогов — корочка сахарной глазури. Несколько менее интересны пироги с грибами... Попозже, когда пироги сняты, а хлеба доходят, подтягиваются на огонек мужики, все, кроме дежурного, ушедшего в чертово месиво пурги на маяк в ночную вахту.

♦ Ребята сидят, раскрыв рты, а в них влетают горячие пироги и рассказы, одни занятнее других. Место здесь глухое, одинокое, а рассказы чем страшнее, тем интереснее. Та же сказка на ночь. За окнами, облепленными снегом,— злобное, воющее, черное и дикое,

а в пекарне — хлебный дух, банная жара, отблески печного пламени. Маячники — среди них помнящие даже предвоенные годы — не первый десяток лет живут на островах, старожилы побережья. Для них острова, море, вечные шторма — не такая уж серая и одноликая нежить. За все есть зацепка в памяти, а в субботу в пекарне сами собой, без особых усилий памяти и побуждений разматываются воспоминания, быть мешается с небылью. Дети же знай только подхватывают пироги с остывающих протвинец да ловят ушами рассказы о былом, давнем. Чего только не узнаешь? Многие повидали за свою жизнь маячники, люди с родовой, не в первом колене профессией, привыкшие впятером-вдесятером годами жить на отдаленных островах, при этом исправно, с точностью безотказных часов нести вахты, не спиваться, не сходить с ума от однообразия жизни и малой комфортности ее.

Помнили старожилы папанинцев, их первую остановку на твердой земле. Всю войну также точно и размеренно несли вахты на маяках. Помнили, а мать говорит, что я и сам смотрел, да от крайнего младенчества не упомянул, как касатки загнали в залив молодого кита и тот, пуская фонтаны, добежал почти до Мурманска, но, оправившись от страха, снова уплыл в море. Много чего порасскажут маячники, знай только слушай!

Получается, не такая и бедная событиями жизнь, если человек научился отмечать обычные ее явления даже среди серых гранитных обрывов, ледяного и кипящего холодом моря, раздражающего душу крика чаек. А ведь говорили раньше: только волк тундры — росомаха может здесь жить? Получается — жить можно, если есть что вспомнить и через десять, и через пятьдесят лет.

Да, я помню. О страхе мы говорили. У него, страха-то, глаза большие, разный он бывает: когда тебя напугают и когда сам напугаешь. Две истории хочу вам рассказать, а вы сами решите: сколько оттенков у детского страха?

Еще раз повторю: острова — места уединенные, до семи лет ребята растут, чужих людей почти и не вида. Раз в месяц, а то и реже, по казенной надобности приедет на катере техник, покопается на маяке и опять на катер. Вот и все «чужие». Да и взрослые на островах, что дети становятся.

Как-то раз наслушался я разных историй в субботней пекарне, таких невероятных и страшных, что даже стихла резко, как бывает в тех местах, пурга, осели на землю взвешенные в воздухе хлопья снега, а на небе выступили звезды, включив в центр своей россыпи холодную Луну.

— К морозу,— говорили, расходясь маячники. Действительно, наутро светило низкое зимнее солнце, воздух замер, море успокои-

лось, а тихий ветерок-поземка срывал с его поверхности плоские, прилипшими тучками бредущие в открытое море густые туманы. Остров — белый платок, накинутый на россыпь снежных камней.

♦ Ловя недолгий дневной свет, каждый, от мала до велика, принялись за свои дела: кто топит баню — на маяках банный день в воскресенье — и носит дрова, другой раздалбливает на озерке промерзшую за ночь прорубь. Женщины с ведрами идут за водой, начальник маяка Федоров с помощником торопятся с регламентной работой: меняют шкивы на движке электрогенератора. Федоров спешит, до темноты бы успеть. Отец, свободный от вахты на маяке, засыпает заготовку дрови — кубики нарезанных свинцовых блинов — в барабан ветряка: маленькой ветряной мельницы. Ребята прямо от крыльца дома съезжают на лыжах по пологому спуску в лошину между сопок. Время спешит вместе с людьми.

Отец засыпал дробь в мельницу и пошел на маяк заступать на вахту. Значит, уже двенадцать. Солнце заиндевело, задрожало и очень быстро спряталось. Потянуло с залива сырым холодом, затемнело. Матери выглядывают из форточек и зовут обедать. А тут малец кричит:

— Па, смотри, люди идут!

И показывает пальцем на дальнюю, противоположную оконечность острова. Люди? На острове! Это почти диловинка. Ими могут быть только свои, возвращающиеся из города, знающие час отлива, когда обсыхает насыпной перешеек на соседний остров. А все чужие — техники либо начальство, комиссии с урной для голосования в дни выборов — приезжают на катере со стороны залива. А ведь все маячники дома, в город никто сегодня не ходил?

Федоров сбегал в дом, вынес бинокль, посмотрел и только сказал со значением:

— С ружьями!..

Всплывшим ужасом вчерашних рассказней дунуло на всех: детей и взрослых, даже Федоров, на что мужик основательный, поколебался:

— Бабы, заберите-ка ребят по квартирам, да чтобы по коридору без дела не бегали. Сами тоже! — И жене:

— Клава! Готовь ужин, рыбников принеси, уток со вчерашней охоты разморозь, зажарь, сообрази еще чего...

— Не слишком ли того, Николаич, думаешь? Охотники, наверное, из города забрались,— спросил Гусев, помощник Федорова.

— Ничего я не думаю, а охотников отродясь на острове не помню.

Федоров вроде как опомнился, чего-то еще хотел сказать, махнул неуверенно рукой, но и досадливо в то же время. Все-таки ответственность на нем!

Но Федоров явно что-то думал и готовился, а к чему готовился? А к чему готовиться нам, ребяташкам? Все трое мы с братишками забились в темной спальне, накрывшись от разыгравшегося страха одеялом. Как огордились от всех напастей. Оно-то спасет, теплое, на гагачьем пуху.

На кухне мать стучит посудой, ставит ужин на стол отцу, пришедшему с маяка. Тот посмеивается над осторожностью начальника, однако в смехе-то есть что-то стеклянное? Мы шепчемся. Проходит неопределенное время, незамеченное, в зимних сумерках безразмерное. Не схватишь: откуда пришло, куда ушло? В нестойкой полудреме узнаем из разговора родителей: Федоров встретил и привел обоих чужаков к себе, устраивает пир горой, даже выставил две бутылки! Это на острове-то! Слышим, как отец облизнул губы и крикнул.

Дрема отброшена, понемногу смелеем и выскакиваем в коридор, а там уже другие ребята. Федорова жена шепотом прикрикивает на нас, таща бегом к гостям всякую всячину из кладовой. Из полуоткрытой двери начальника квартиры валит папиросный дым, а с ним и смех, голоса мужиков, звон посуды, довольное покашливание. Федоров заливается без умолку, врет веселое, гости хохочут в голос. Наконец, он уводит обоих в вытопленную баню, а те хвалят, не жалея слов, маячное гостеприимство. В растворенную для проветривания дверь видим: Федорова жена по новой накрывает на стол, ставит жареных уток, рассыпает по тарелкам грибы, пироги, всякой выделки рыбу, даже тарелку с мандаринами ставит! Сын Федоровых Сашка в коридор не выходит, важничает из-за гостей.

В кладовках Федорова шепчет женщинам, что-де сам отослал Гусева в город, пусть, мол, поинтересуются: кто такие? Женщины охают, кудахчут, в который раз загоняют ребят по квартирам. Тем временем с улицы — смех и голоса. Распаренный Федоров с такими же гостями вваливаются в коридор и — прямо за свеженакрытый стол. Хитрит, думаем, Федоров, заманивает, задерживает, вот и ружья чужаков — мол, здесь тесно, ребята бегают — выносит в пекарню и — на ключ! Зовет к себе маячных мужиков. Из-за двери шум, анекдоты, смех. Голос Федорова — веселый, довольный и полный самого разудалого гостеприимства — гремит по всему дому. Но от этого, как нам чудится, притворного веселья на душе страшно невсамделишным страхом. За тонкой дверью, которая не спасет от пули, в темноте спальни, под пуховым одеялом, тесно прижавшись друг к другу, а старшему мне шесть с половиной, шепчемся:

— Шпионы!

— Сколько-то времени прошло? — выглянул из-под одеяла. В квартире тишина, в темную комнату падает ослабленный занавеской свет с кухни, что-то шелестит. Догадываюсь: мать, надев очки, по причине свободного времени пишет письмо сестре в Архангельск. Тишина, чуть потрескивает натапливаемая на ночь печь, за окном — белесая тьма: снова пошел снежный заряд, но уже без ветра. А со стороны коридора все тот же отдаленный хохот, голоса и развеселые крики. Все то же нарочитое веселье, пир без конца и умолку, как пируют в сказках хорошо поработавшие богатыри. И отец не возвращается оттуда, да кто же уйдет от редкого для маяка застольного веселья?

Время идет. Снова под одеяло. Братья размеренно сопят. Заснули, счастливые, а ко мне сон не идет. Временами от тишины, тепла начинает чудиться: смолкли песни, настала секундная тишина, а потом вдруг злые окрики, ругань, выстрелы, взрывы припрятанных гранат. Всюду огонь, женщины с криком бегут, горит дом, дышать нечем, кто-то ломится в дверь. Душно!

Выкарабкиваюсь из последних сил из-под одеяла и ловлю ртом воздух. Уфф! Примерещилось под пуховиком. Вокруг все та же тишина, вдали уже поют нестройными голосами, а стук — это мать задвинула чугунную вьюшку в дымоходе натопленной печки.

Сердце стучит, но отходит: чуть не задохнулся под одеялом. Лежу, откинув его. Когда же начнется, наконец? Когда же кончится, думаю... Тикают часы на кухне: тик да тик. И вот вроде как в бухте застрекотал мотор. Катер! Послышались дальние голоса с улицы. Прошипела за окном красная ракета, за ней — зеленая и еще одна — желтая. Условный сигнал: братья осторожно — с оружием! Сразу вслед раздался топот по коридору, крики:

— Руки вверх!

И случилось все-таки, захолонуло сердце холодом отчаяния, от которого нет защиты и спасения. Загремели выстрелы, застрекотал автомат. Крики, стоны раненых. Всполыхнула граната, и зашатался дом. Грохотом сорвало меня с постели. Голышом выбежал в коридор, а в глаза брызнуло ярко и беззвучно, едва успел упасть и закрыть голову ладонями — граната прямо передо мною разорвалась. Бежали люди с катера, дергая на ходу затворы карабинов, а в дальнем конце коридора стоял кто-то огромный и темный и беспрерывно строчил из автомата. Долго и непонятно шел этот бой, а я, распластавшись на полу в тупике коридора, никем не замечаемый, с ужасом ждал и смотрел... И вдруг запыхал дом, стало невыносимо жарко, жаром опалило глаза, я рванулся и — проснулся вновь!

♦ Утро. На улице чуть забрезжило, а в спальне включили свет: лампочку без абажура прямо над моим лицом. Братья пыхтели и тол-

кались, играя спросонок в бессмысленную игру. На кухне, уже давно вставшие, разговаривали отец с матерью. Не вставая с постели, выглянул в открытую дверь: отец пил чай, мать что-то жарила на плите.

— Ну как, взяли их?— сорвался на хрип мой голос.

Отец рассмеялся.

— Взяли, взяли,— ответила мать,— в час ночи катер приходил. Обоих в город до дома и подвезли. Спасибо, говорят, маячникам, хоть охота не получилась, зато в баньке попарились и отдохнули. Один-то, слышь, что постарше, зубной врач. Федорову обещал протез безо всякой очереди сделать.

Отец хмыкнул, но уже скорее зловредно, чем сконфуженно: зря, мол, Федоров припасенной к празднику водкой охотников и маячников на дармовщину поил.

Я пошлепал умыться, а субботние байки в пекарне с тех пор слушал вполуха, тем хуже... для пирогов.

Извините, забыл: вы жили на Севере? И никогда не были? Впрочем, это не помешает, хотя и хочется рассказать земляку. Не то, что лучше поймет, нет-нет!— Легче и приятнее будет рассказывать. Вы, ради бога, не обижайтесь. Да никакой обиды в этом и нет". Просто когда говоришь с человеком, с которым есть схожее у тебя, общее, тайное, то даже голос меняется.словно струна в голосе натягивается, трепещет она, голос осекается на ней, а душа-то собеседника открывается при первом уже замеченном трепете такой струны. И станет он самый размытый и разлюбезный тебе человек. Всех забудешь в тот час, лишь в глаза ему будешь смотреть не нарадуясь. Уже и струны голоса, души трепещут, встретившись, разыскав друг друга в пустыне расстояний и времен, в песке людских голов различив ту песчинку, что от одной с тобою скалы ветром сдуло и понесло по миру.

И можно час и два говорить, а помниться после будет: как год минувший только с ним одним и виделся и говорил, а приятное до сладости вспоминается и день, и два, и три...

Да-да, я помню. О страхе. Я слегка захмелел, видите ли, небольшой сабантуй после работы и с поводом: статью у меня напечатали в очень престижном научном журнале. На английском языке полный перевод в Штатах издается... А на хмельной-то вид все люди одинаковы. Не как инкубаторские курицы, все белые. Нет, в лучшем смысле, в понятии души. Она, твоя-то расслабившаяся и добрая душа, от такого качества и наделяет всех избытком выхлестнувшейся доброты, любви и услужливости.

Вот опять сбился, уже который раз нить разговора упускаю. Нет, я не учитель.

Я вот только что о малом, надуманном страхе рассказал, который по малолетству, почти младенчеству случается. А вот постарше когда

становишься — другой уже страх может случиться.

Страх! А что страх? На то и дан человеку: пугать его, но лишь на минуту, на час, на день, ну... много на неделю. А потом обязательно отпустит. Да-да, я вам говорю.

Все мы здесь, вон только дед у буфета,— родились после войны или голоштаннскими застали, не знаем того страха. И бывшие там рассказывают: страх-то не длится больше положенного времени, вспыхнет и угаснет. А если ужас годами длится, то совсем не означает беспрерывного зуда страха. Не один ведь он схватил и держит в цепких лапах человека. Есть и другие чувства в самых лютых обстоятельствах. А тот... вспыхнет, но здесь же и отступит. Иначе бы жизнь была невозможной, люди без конца самоистребляли бы себя.

Страх обязательно отпустит, как только ужас отдалится, либо станет нормой самой жизни.

Где-то есть в голове человека место, куда старается каждый быстрее затолкнуть, упрятать страх, пока не захватил он всю душу и не вверг в безумие. И так устроена человеческая природа, что ужас, страх, боль только сиюминутно чувствуешь. А потом все отбрасывается, убирается в темную кладовку памяти и кладовка накрепко зашелкивается, чтобы и помину не было. А иначе что? Не знаете?

Ерунда, водкой не зальешь. Водка малый страх, пустячок выгонит и то до протрезвления. А было бы то, что воспоминание о пережитом страхе сидело сиднем в душе, в голове, в каждом нерве тела, и человек боялся бы, как стреляный заяц, всякого куста и слова. Большой зуб в петлю загонял!

Странно, но ты всегда должен готовиться и быть открыт для нового страха и новой боли, иначе прожить невозможно. Учился, помнишь экзамены в институте?

Сейчас расскажу, только мысль dokonчу. Об экзаменах.

Ясно, как их сдаешь: за два дня учебник в пять сантиметров толщиной запоминаешь, не зазубриваешь даже, а просто запоминаешь, сознательно, на время. Сдашь, а к вечеру начисто все забудешь и также сознательно освобождаешь голову для следующего заполнения. Так несколько раз за сессию: наполняешь и опустошаешь голову. То же и со страхом: выкидываешь и прячешь его.

Нет-нет, все помню, к этому и веду. Неужели не замечаете? Я об обычном говорил страхе, прямом, непосредственно осязаемом ужасе, что немедля заставляет бледнеть, когда вмиг седеют волосы. А я о детском хочу, прошлом страхе рассказать.

Детей у меня нет? Опыта нет?— Хуже, сам был ребенком. Так вот, опять не о страхе, что сразу в крик, в плач, а о том специальном детском чувстве страха. Он и взрослых не всегда минует. У детей просто чаще случается. Оттого не поймут порой матери: почему ребенок но-

чью проснулся и заплакал? Ведь не обязательно сон дурной приснился. — То пришел осознанный прошлый страх. Ужас, его причина, прошел где-то днем, не зацепив душу ребенка, живую, не умеющую еще сосредотачиваться, непосредственную, а отложился в той самой кладовке, о чем я говорил. И особенность души ребенка, детской психики в том, наверное, и состоит. Щадя ее, природа человеческая прячет страх до поры, до времени в кладовку и потом лишь выпускает. Не выпустить никак не может, это будет человек без впечатлительности. Выпускает в подходящее время, когда осознание страха менее губительно для здоровья, когда ужас выходит со слезами на материнской груди, на отцовских коленях.

Только такое объяснение и могу дать случаю, что вспомнил, слушая вас.

♦ Как было давно! Хотя и помню до мелочи, но время выжигает в памяти не очажки забывчивости, а осаждают тот туман, мглу расстояния во много лет, что делают любое, самое яркое и запечатленное воспоминание зыбким. И труднее всего одеть воспоминание в одежду колорита, если хотите — словесного выражения давно прочувствованных переживаний, волнений и бурь души.

♦ Летом на Севере плохо засыпается. Даже уставшие на работе, утомленные дневной суетой, долго ворочаются с боку на бок, пока не поймут сон. Первый час ночи, а солнце не думает уходить за горизонт даже на самую малую толику времени. В полночный час лучи его текут вровень с землей, переваливаются через окно в комнаты, рисуя на стенах решетки оконных переплетов и четкую вязь тюлевых занавесок. От солнца завешивают окна плотными шторами, и только тогда в помещениях умирает вечный день, а наступивший полумрак отпускает в сон измаявшихся в борьбе со светом людей.

А дети? Им вовсе невозможно заснуть. Их на лето укладывают в комнатах без окон, если на счастье родителей такие есть в доме, а чаще в кладовках с маленькими оконцами, завешанными плотной тканью тряпками.

И если взрослые со знанием пользы регулярного сна побеждают вечный свет, убеждая себя, что искусственный полумрак заменяет нормальную ночь, то дети не думают о том: для них все естественно. Если над миром стоит трехмесячный день, зачем же делить его на отрезки действительного светлого времени и выдуманную ночь? А «ночь» эта — лучшее время для своих, ребячьих дел на улице, где нет взрослых и машин, родительских понуканий и толчеи, нет школы и учителей, всего, что усложняет жизнь днем. Родители не в силах удержать их от соблазна воли и с отчаянным: «А иди куда хочешь! Можешь не возвращаться!» — отмыкают двери и выпускают

на улицу в час ночи. Не правда ли — дико по здешним местам звучит?

Радость-то! А поспать можно утром; детский сон, сморивши ребенка, не боится света, не выискивает затемненных уголков. А пока — величайшая из детских свобод: на несколько часов им отдан опустевший, спящий город. Им и не мешающим никому парочкам.

Это в соседнем городке. Мое же детство прошло на островах. Представляете? То же солнце, скользящее в час и в два ночи по выпуклой крышке мира и моря там, вдали, на невидимой, на воображаемой составителями географических карт границе прибрежного моря и великого ледяного океана. И густо разбросанные по морю острова: бурые, скалистые с обрывов берегов, зеленые сверху, сплошь белые зимой.

Много островов на выходе из залива в море, но совсем мало живет на них людей: рыбаки, а чаще стоят на островке три-четыре домика, в них столько же семей маятников. Вся их жизнь и работа связаны с проходящими судами. Наш остров двойной, собственно наш, где живем, — поменьше, а рядом, отделенный полусотней метров мелкого проливчика, другой, гораздо больший, и названный Большим. Во время отливов, утром и ранним вечером, вода оттекает с обеих сторон пролива и открывается песчаная дорога между островами. Еще в начале пятидесятых и в полную воду она была проходимой, насыпанная в войну. На островах установили тогда зенитные батареи для защиты от налетов Мурманска и лендлизовских караванов. По насыпи подвозили снаряды, стройматериал. Но батарею убрали, а монотонные приливы-отливы постепенно и незаметно растащили песок насыпи. Но, тем не менее, светло-желтая полоса была и осталась дорогой, даже в начинающемся приливе по ней можно перейти с острова на остров, засучив штаны. Летом, конечно, когда вода на мелководье теплеет.

Вечером, ближе к ночи, по всем приметам тихой и теплой, мы, четверо — вся самостоятельная ребятня острова, перебежали, брызгаясь, по залитой морем дороге на Большой остров.

Со стороны, верно, интересно посмотреть: по проливу, зеркалу воды, ломающему скользкие лучи ночного солнца, бегут четверо мальчишек, лишь до середины икр замачивая ноги. Но некому и посмотреть: тихий и светлый мир вымер...

Вы не смейтесь! Это не брод на обмелевшей речке, все же море, зовущееся Студеным. И вправо, и влево от заливого перешейка берега островов быстро разбегаются на закруглениях друг от друга, а десяток шагов от насыпи — настоящий морской залив с невидимым дном; где спят в густых водорослях рыбы и ползают крабы, перекачиваются колючие известковые морские ежи, откуда высовывается поглядеть на мир божий усатая песья голова тюленя, где с плеском и

уханьем прорезают воду стаи касаток. А вода — не парное молоко деревенской речушки, а ртуть холодного моря, и в жаркий июль не теплее десяти градусов.

...Уже полтора десятка лет не видел того моря, но ощущение холодящей ноги воды, перешеек с песчаным дном, скрытую морем дорогу помню хорошо и запомню, наверное, на все оставленное мне время жизни.

А тогда, как и сотни раз до этого, мы перебежали на Большой остров. Теперь же в памяти как со стороны вижу четверых ребяташек. И говорить буду: они.

Второй остров действительно большой, не наш. Тот за полтора часа по берегу кругом обегашь, а на Большом за это время на всех рысях только что до противоположного берега доберешься.

Но если наш, на судоходном траверсе залива, многолюден: семьи маячников, пост службы связи, — то тот, большой, пуст. Только на противоположной стороне, отделенной проливом от городка на материковом берегу, живут несколько семей. Летом, правда, бродят по острову ягодники-грибники и парочки из города; редко-редко это люди гражданские, все больше матросы с подругами — и те в самоволке. Светлая ночь на Севере устав не отменяет. Дети объедаются морошкой и голубикой, не замечая скучные, в натуре несъедобные грибы. А парочки ищут уединения.

♦ Четверо ребяташек пошли наискосок острова в дальнюю бухту через болотистые площадки меж сопок, сплошь усыпанные перезрелой влажно-багровой морошкой. Излюбленная бухта, ничем не заслоненная от залива. Противоположный его берег чуть виден за плоскостью тихой, зеркально отсвечивающей лучи купающегося солнца водой.

Тишина, и дымка, и запахи — терпкие запахи северных ягод, вереска и вороничника на сопках. Сопки торфяной попоной сбегает к берегу, а берег очерчен полосой выброшенных осенними и зимними штормами обкатанных камней и плавающих обломков: бревен, досок, ящиков. Деревяшки холстами выбелены морской солью и солнцем. Любимое занятие ребят — часами, днями бродить по берегам бухт, выискивая невесту что, принесенное морем. А оно, щедрое, несет все что ни попадя, деревянный хлам всех пород, видов и форм с надписями на всех языках мира, бутылки и большие жестяные банки с испорченным яичным порошком, обрывки сетей и спичечные коробки, пробковые аварийные плотики, спасательные круги с названиями судов и портов: «Kobenhavn», «Norge-Bergen», «Adlermeeraus

Lubeck», «БМРТ-2, п/п Мурманск», МБП «Ревущий»...¹ Тут же промокшие, засоленные навеки тюки прессованного сена, ломаные весла и продырявленные шлюпки. И великое множество поплавок с промысловых сетей: целые вязанки пенопластовых шашек с дыркой посредине, нанизанных на пеньковые тросики, большие стеклянные шары темно-зеленого, бутылочного оттенка в веревочных сетках-авоськах, кухтыли — металлические полые ядра с приваренными ушками, огромные, как бомбы, понтоны.

Все, все выбрасывает штормовое море...

В бухте разожгли костер из досок, ящиков из-под масла, вина, консервов — из всего, что оказалось поблизости. А после ухнули и пару целиковых бревен в разгоревшийся костер.

Дурачились, лихо пропели «Кирпичики», бросали в сторону лежащего на море огромного и тускло-красного солнца плоские камешки, считая подскоки:

— Раз блин, два блин, три блин...

Бревно занялись ровным, облизывающим пламенем, начали утомлять тишина, зеркально-неподвижная вода и замершее над морем солнце. Даже в этот полнолуночный час лучи его были во сто крат ярче струй пламени костра, вокруг которого прилегли ребята на постеленных поверх теплых белесых досок телогрейках. Кто-то читал, а кто и прикорнул. Двое тихо разговаривали.

Прошло время. Иногда подтаскивали к костру новый ящик, подпихивали в пламя отгоревшую доску, бревно, тогда костер разбухал с новой силой. Кто-то отодвигался вместе с телогрейкой, а кто и оборачивался к огню менее чувствительной спиной.

Представляете это блаженство? И у вас ведь в детстве было подобное? Эта солнечная, тихая до глухоты ночь, блестящее и синее море, нет, именно синее, светлое. Не гомеровское море в романах, те — южные, виннопенные, зеленые... Синее это море то ли оканчивается вдали берегом или берег прячется в дымке? Бесшумно, как само море, милях в десяти скользит серый корабль. А на этом конце залива — белая окантовка берега, зеленой вороничной одеждой восходящего вверх и горбящегося над морем невысокими сопками. Из-за них выглядывают другие, повыше. А на их плоских вершинах, высвечиваемые солнцем, которое само-то ниже сопки, как тоненькие хворостинки попарно колеблются, передвигаются взрослые, занимаясь своей таинственной и далекой от нас любовью.

¹ «Копенгаген»; «Норвегия-Берген»; «Морской орел из Любека»; большой морозильный рыболовный траулер-2, порт приписки Мурманск; малый буксирный пароход «Ревущий».

Не знаю и знать не хочу: так ли хорошо и отчетливо вы помните свое детское счастье... У меня же нет воспоминания более радостного и волнующего душу ощущением прошедшей прелести детства.

Осматривая мысленно всю свою недолгую еще жизнь, кусками вызываю из памяти такие воспоминания. И всюду в них вечная летняя ночь, низкое, сторающее в топке солнце и неярко сверкающее море со скользящим в дымке серым кораблем.

Море, неугасаемое лето, сопки и извивающиеся вокруг них вытянутые узкие заливы и проливы. Как передать словами заложенное веками и возрождающееся в каждом детстве поколения чувство неотделимости от твоего мира, твоего моря и проливов среди брусничных сопков?

Славянская равнинная кровь отца разбавлена материной — поморской, новгородского смешения прибрежных племен: от угорцев до варяжского племени русь. Темна история каждого рода. Не потому ли детские впечатления есть осязания этой земли, скал и моря, накопленные сотнями растаявших без следа и памяти поколений...

Радость детства. Твои запечатленные картины невещественного счастья вечно со мной; сейчас, позже, и встанут перед глазами уже отжившего свое. Бессильные, со вспухшими венами, изуродованные старостью и крестьянской наследственностью руки вздрогнут, задвигаются губы, выкатится слеза отраженного воспоминания и запрыгает по морщинам сухой бугристой кожи.

...Отжившее положенное живому и разумному созданию природы. И тогда вспомню, как сейчас, это солнце, море, костер и тишину скользящего вдаль серого корабля. Не люблюсь грядущей старостью, а думаю о вечном воспоминании: и прошлого, и будущего.

♦ Подожди, не уходи... с портфелем!? Дослушай же человека, рассказывающего о своем счастье. Тебя-то что ждет? Вечер на продавленном диване. Будешь тупо смотреть в белесое пятно телевизора, а голова зайдется зудом от восьми кружек пива. Потом сидя заснешь. Иди! А вы дослушайте.

Итак, счастье. Нет, то есть я хочу про ужас, страх. Хотя в детстве все хорошо соседствует.

Долежали у костра до того, что солнце заметно подпрыгнуло над морем. Часов, понятно, не было и быть не могло, но по тому, как исчезли парочки на сопках, а по заливу замелькали катера, было ясно: наступает утро, а с ним потянуло в сон. Растащили костровище по берегу и потешались, сталкивая тлеющие с обгоревших концов доски и бревна в воду. С шипением и паром занырявали они и тут же всплывали, мокрые, с черными заостренными носами. Подобрали слежалые телогрейки и побрели в свою сторону. Назад шли другой дорогой, через дальний конец бухты, ближний, однако, к дому. На

самом же стыке пологого берега с полуотвесной скалой, воротами бухты, увидели большой, метров в десять, обхвата в два толщиной, ржавый-прержавый понтон с овальным носом и хвостовиком. Похожие штуки часто выбрасывало штормом. Правда, были они либо поменьше — от рыболовных сетей, или побольше — от плавучих мишеней. Такие же — ржавые, позеленевшие, обросшие известью ракушек и лохмотьями морской капусты, — не встречались.

Было ясно, что подняло со дна и выбросило в сильный майский шторм. И хотя они не раз с того времени бывали в бухте, но понтон не замечали, и не удивительно: сюда редко уклоняется протоптанная тропинка, не по пути. Только карабкаясь по почти отвесной скале, здесь можно выйти с берега. К тому же после шторма берег завалило морской травой, под цвет обросшего понтона. Только теперь, когда трава пожухла, высохла и сморщилась, железка стала заметной, но и теперь только вблизи, волна уложила ее как раз в расщелину скалы. И увидеть понтон можно только сверху, с первого приступа, куда мы и забрались в тот раз.

— Смотри, здоровый какой! — увидел Вовка первым и нагнулся над расселиной, высматривая. Остальные тоже нагнулись, рассматривая. Вовка же тем временем насмотревшись вдоволь, раскачал лежавший на приступке камень пуда в два и столкнул на железку, угодил в самую середину понтона. Глухо ударившись, камень отпружинил на гранит зажавшей железку скалы, отрикошетив, и успокоился на прежнем месте, на понтоне, от стенок которого отскочило облачко известковой пыли.

— А что так глухо? — я по опыту знал, как звенит пустой понтон.

— Может, не пустой? — понял меня Сережка.

— Как не пустой? Должен быть пустой, — затвердил. Вовка, — если только вода не вытекла, на дне ведь лежал, дырявый, а выбросило дыркой вверх, вот вода в нем и осталась.

Мы спустились, цепляясь за трещины скалы, и стали расхаживать по понтону. Вовка же монотонно долбил камнем в одном месте. Я подошел и увидел, что он успел очистить кусок стенки с ладонь размером, вынул из кармана перочинный ножик, раскрыл и, взявшись за лезвие, постучал темляком по железу: отзвук получился глухой и далекий.

— А стенка-то толстая!

— Конечно, толстая. И понтон не маленький, посчитай-ка, метров десять.

Вовка попятился на шаг-другой и начал вновь отбивать ракушечный нарост. Обнаружил, что и здесь звук сильный и звонкий.

— А вот тут воды нет!

— Попал в небо пальцем! Часть вытекла, вот и пустой наполовину.

Действительно, понтон лежал в расселине, наклонившись, а место второй пробы — ближе к носу, приподнятому вверх.

А неугомонный Вовка предложил развести костер: вспомнил читанную не раз, валявшуюся дома, без начала и конца затрепанную книжку, где написано про польскую казнь гайдамака, посаженного в раскаляемый на огне медный полый бык, открытая пасть которого исторгает стократ усиленный вопль несчастного.

— Дырка где-то есть, вода нагреется, паром будет выходить, гудеть будет,— объяснил он. Подтащили несколько ящиков, досок, собрали для растопки кучку свившейся сушеной бересты, сложили под нависший нос понтона и подожгли. Полчаса скучно смотрели, как в огне обугливаются водоросли, лопаются и отваливаются известковая чешуя. Обнажилось ржавое, щербленое въедливой морской солью железо. Скоро оно закоптилось, но раскалиться, конечно, не раскалилось. В напрасном ожидании пришла скука, и костер забросили. Он, было, потух, но упорный и глупый Витька, пыхтя, подтолкнул толстенное бревно и закатил в огонь. Перед уходом подурачились, а Вовка огорошил:

— Ребята, а ведь это торпеда!

Подняли на смех, но тут же стало абсолютно все равно: торпеда так торпеда. Ведь старая и пролежала в воде лет пятнадцать с войны, а главное — всех неумолимо потянуло в сон, слипались глаза, в голове стоял сладкий туман полного безразличия. Кто-то вспомнил: читал или в кино видел про такой случай, ребята торпеду или мину нашли. Сам командующий их благодарил. В сон, в со-о-он... Раззевались.

И хотя осторожный Сережка прыгнул с железны и встал поодаль, метрах в десяти, остальные почему-то развеселились, заскакали по машине, в такт распевая:

— Торпеда, торпеда, подожди до обеда!

Странная веселость, как я понял значительно позже, уже взрослым и умным, была лихорадкой близкой опасности, но явно не осознаваемой. А оттуда, изнутри, лихорадило и опьяняло, и веселил тело, дергая мышцы, холодный, странный бес веселья через силу. Сколько-то минут побегали и попрыгали по железяке, стуча по ней камнями и колотя палками. И вершина веселья: выразили свое детское величайшее пренебрежение, со смехом справили малую нужду прямо на понтоне; конечно, ясным-то умом все полагали: понтон это, понтон, никакая не торпеда! Дальше этого придумать более издевательского для железяки было невозможно, от хохота икалось и сводило катающуюся смешинку в низ живота.

Снова пригнало скуку, а сон увел последний всплеск возбуждения; вновь раззевались и с тем ушли. Поднявшись на сопку, оглянулись и увидели глубоко внизу, у самой воды бурую сигару, под ее тупым носом неярко попыхивал костер, разгоревшись подтащенным Витькой бревном.

А на другом конце бухты, километром дальше, дымил чужой костер, виднелисьдвигающиеся фигурки ребят пришедших на утреннюю рыбалку из города.

♦ На свой остров перешли по обмелевшему в утреннем отливе перешейку.

Когда вошел в квартиру, стараясь не скрипеть дверью неслышно протопав по коридору маячного дома, то увидел пьющего чай отца — собирався на вахту на наутофон². Мать и меньшие братишки спали. Отец спросил, куда сегодня черти носили. Ответил: ходили на Большой остров, жгли костер, нашли здоровый понтон, со дна подняло и штормом выбросило, весь оброс ракушками и травой, а Вовка говорит — торпеда. Отец, доселе не скрывавший скуки к моему отчету, отставил стакан, насторожился:

—А ну-ка, какая из себя?

Рассказал и даже нарисовал: с хвостовиком, овально-закругленным носом. Сказал, что костер под ней разожгли, били камнями, а звук глухой, как водой залита. Вроде какой бес тянул за язык, даже сон переморгался.

— Костер и сейчас горит?

— Да, там ребята из города. Тоже по дыму найдут, наверное,— совсем уж непонятно для чего добавил и испугался: отцово лицо побледнело, он странно на меня посмотрел, как бы сбоку, издали. Поднялся со стула, спросил, в каком месте понтон (В Гагачьей бухте с правого края в расселине?), не говоря ни слова, вышел в коридор, постучал в соседнюю дверь — квартиру начальника маяка Федорова. Через тонкую, оштукатуренную дощатую стенку слышался их разговор. Потом Федоров взялся крутить ручку индуктора телефона. Не четко разобрал:

— Комендатура (значит, прямо в город звонил), дежурный? Это с маяка... да, в Гагачьей бухте, по всем признакам. Ребята видели, костер под ней оставили, дурни... Ясно. Я прослежу.

Звякнул отбой, вернулся отец, а с ним Федоров. Отец все так же странно — искоса посматривал. А обычно веселый, с прибаутками, нарочито дурашливый Федоров словно и не видел меня. Очень был озабочен. Взял листок с рисунком, рассмотрел, положил на стол.

— Похожа. Немецкая, скорее всего.

² Тип стационарного звукового маяка.

— Так ближе Кильдина не подпускали, помнится?
— Черт ее знает, может, с торпедоносца, у входа в залив торпедировали караван, а сюда занесло? Впрочем, самолетные поменьше... Ну ладно, ты давай на вахту. Маячников предупредить надо.

— Может, в бухту кого послать?

— Катер уже, наверное, вышел.

Хлопнула дверь. Я достаточно разобрал из телефонного разговора, на лбу выступил пот.

Сел у окна — напротив выступ Большого острова, за выступом — Гагачья бухта. Просидел в одолевавшей дремоте четверть часа и увидел заходящий за поворот выступа катер из города. Стало легче на душе, снял ботинки, добрел до постели, лег, не раздеваясь, рядом с братишками, и провалился в закруживший голову сон. Проснулся в полдень; солнце не заглядывало в окна, уже высоко поднявшись над крышей. Дома никого не было. Все вспомнив, я мигом вылетел на улицу и увидел...

♦ Наш дом стоял на верхней точке острова, и сопка, закрывшая Гагачью бухту, была хорошо видна: заливчик бухты, но не тот, с торпедой, а наш, островной, лежал под ногами. Была в этом промежутке еще одна сопка, низкая, с пологими скатами, не мешавшая взгляду. Поначалу увидел все то же, но высоко поднявшееся солнце, снова сверкающее, без единой морщинки море. А обогнув большой, как казарма, наш дом, очутился в толпе сгрудившихся маячников с детьми; они теснились на деревянном настиле-террасе, Полупериметром, охватывавшем дом со стороны залива, где сопка, закругляясь, спускалась к воде, а жилой этаж дорастал вниз до убегающего каменистого склона еще одним, полуподвальным, где размещались склад и мастерская.

Пришедший с вахты отец, мать с братишками стояли там же. На перилах сидели ребята, и они на меня, и я на них посмотрели одинаково восторженными и многозначительными взглядами. Боже мой! Какая детская, глупая и наивная гордость от сознания значительности своей роли в этом торжественном и пугающем их, взрослых, происшествии светилась в четырех парах глаз! Не зря же Сережкина мать, услышав из-за сопки Большого острова троекратный предупредительный гудок корабельной сирены, в сердцах, без пояснения причины, вцепилась сыну затрепину, погасившую его восторженный взгляд.

В заливе же, километрах в полутора от Гагачьей бухты, неподвижно стоял серый катер; от него к бухте и обратно неторопливо для дальнего стороннего взгляд курсировала шлюпка. Дважды еще прогудел сторожевик, наступила, долгая, бесконечная в ожидании,

минутная тишина. Было слышно, как по заливу через острова доносится музыка из города.

Я вцепился в перекладину низеньких перилцев террасы и, повторяя про себя: «раз, два, три... раз, два, три», чуть подпрыгивая, отжимался на опущенных и выпрямленных руках, внимательно глядя на носки ботинок. А зачем?

Ахнула нервная Сережкина мать, я мигом вскинул голову и увидел, как над сопкой, закрывавшей от глаз Гагачью бухту, взлетело белесое, с искорками лопающегося огня, прямое, параллельно лучами вверх пламя, облако-сноп, вслед за этим хлестнуло по ушам, рукам, перилам и помосту, отпружинившему ноги. Не прерываясь, хлест перерос в грохот, а тот раздробился отражением от воды и каменистых сопки на многократные, постепенно слабеющие отзвуки.

Из расширившегося и замершего над сопкой облака выпали черные размытые ручейки камней и берегового хлама. На общем фоне грохота взрыва залив напротив Гагачьей бухты беззвучно вскинулся узкими, с размахренными пеной верхушками конуса фонтанчиков от попадавших в воду камней. Из-под ближнего сарая выскочила кошка и дико, угловато петляя, опрометью бросилась за дом...

Все вдруг громко заговорили — о чем, не помню, я тогда не понимал, не слышал заложенными хлопком взрыва ушами; слова сочлились, как через вату, заглушенные и не связанные друг с другом. Только Вовкино: «Вот рвануло! Сила!» — разобрал и запомнил четко. И не совсем твердо, уже ввечеру того дня помнил, как вместе с ребятами шел от дома в сторону взрыва, хотя: сам же с жаром утверждал, что так скоро нас не пропустят на Большой. Но прекрасно помню не словесное, — зрительное, как из-за сопки после взрыва выкатилась медленная сглаженная волна, глянцево отсвечивая на солнце, как сплющивалась и округлялась, подбегая к сторожевику, и тот игрушкой закачался на ней...

С полчаса мы просидели у перешейка. Над заливом прозвучал сигнал отбоя, а мы, перебежав залитую дорогу, скорым шагом с перебежками направились к Гагачьей.

Ничего удивительного в бухте не произошло, просто торпеды и след пропал. Расселина, зажавшая ее, не пострадала, взорвать эти гранитные скалы можно было разве что атомной бомбой. Показалось, правда, что скалы расселины чуть побелели, как будто известью полили, да еще сразу около воды, у самого берега, слегка срыло гальку и расчистило от нанесенного морем плавучего хлама.

Вовке же показалось нечто большее, что он нашел на приступке, где мы стояли, кусок торпедной обшивки, но, вывернув из земли, поняли, что заржавленная и позеленевшая железина лежит в торфе не менее десятка лет. Побродив по бухте, вернулись на свой остров

с лихорадящими щеками, но домой пришли к вечеру. Домой же в тот день велено было явиться не позже десяти часов. А дома ждал странный сюрприз: наряду со строгим внушением никогда более на версту не подходить к незнакомым железкам на берегу, было сообщено, что-де Федорову звонили из города. Благодарили за бдительность, но понтон-то оказался отнюдь не торпедой, а ее макетом, то есть, по сути, обычным понтоном с двигателем; их использовали для имитации отражения торпедных атак надводными кораблями. Такие штуки достаточно легки, вот и выбросило штормом.

От греха подальше и ложных тревог, а заодно уж и потренировать минеров, под него заложили пару толовых шашек с расчетом, что взрывом напроць выбьет из расселины и выбросит в море. На том и аминь!

А вот собственно о страхе. В тот день его не было, только гордость, возбуждение, болтовня, а до страха не хватило времени. Самое удивительное, что развенчание торпедной легенды никак не успокоило, именно отсюда начались ростки страха. Ну, да психологи это очень бойко могут объяснить. Пришла ночь, сон. Страх опять или все еще не было.

Снился взрыв, волна на воде и качающийся игрушечный сторожевик. Прошло несколько дней, с ними ушла, убежала острота ощущения, остался лишь сладкий ужас воспоминания: что, если то был бы не учебный макет торпеды, а сама она, настоящая, смертоносная? Но не было ведь во мне страха! Того, что был где-то упрятан во мне с момента, как побледнело лицо отца, быстро взглянувшего на листок с рисунком и, ни слова не говоря несоразмерно со своим ростом, маленькой кухней и ранней утренней тишиной, почти что выбежавшего в коридор...

Был страх, выплыл из тайных задворков памяти, откуда и следовало выйти, где природа живого цепко держит чистую память и делает ее козырной картой чувственного в человеке. А все-таки не помню первого явления страха. Может, он медленно просачивался и постепенно затоплял душу? Мне это неведомо, как неведомы и куда более ясные причины вещей. Или потому, что пароксизмы того страха я впоследствии ощущал не раз? В снах, гораздо чаще и страшнее — наяву, в самые разные моменты жизни?

А может, и потому нетвердо помню первое явление страха, что есть свойство человеческой памяти хранить, конечно, не сам страх, я уже об этом говорил, а фиксацию, отметку его появления, не первое видение страха, но последние отголоски, оттесняющие начальные страшные проблески... Наверное, так и есть.

И вот момент, когда ОН выплыл в сознание, посреди совсем других слов и мыслей. Я внезапно четко представил, как стою на

торпедой и монотонно толку камнем тупой овальный нос. В полуметре горит костер, пламя разделяется носом надвое и вновь смыкается поверх.

В огне, под ногами, под ударами булыжника полтонны взрывчатки. И представился сам момент взрыва: задрожал и рухнул оземь небосвод. В белом рвущемся пламени меня вдавило, размазало по скале, а воздух хлестко сбил с камня ветхие пепелинки моего бывшего тела.

Небо закрылось облаком белой пыли, в ней перемешались с прахом обгорелые ворсинки одежды, а облако пронзилось, как метеорным дождем, поднятыми камнями и раскаленным, измельченным железом корпуса торпеды.

Отзвук взрыва оттолкнулся от прочищенных, сглаженных скал расселины и упал на воды, выдул крутой и страшный вал и, раскачивая глубь моря, побежал к замерзшему настороже, перепутавшемуся со временем игрушечному кораблику.

Что от меня осталось? Горстка пыли, рассеянная в облаке взрыва, обгорелые ворсинки одежды, обугленная пыльца только что живых клеток? Звук взрыва на десяток-другой километров отнес и мой упрощенный, искаженный облик: глухой, ничтожный, невыделимый на фоне грохота шлепок тела о размазавшую, стершую его скалу.

♦ Вот когда пришел страх: посреди дня. Хрипнуло в гортани, язык прилип, тяжестью распластавшись по небу. Холодом дунуло в низ живота — до смехоподобной сладкой щекотки, и холодным ветром оттянуло со лба волосы, руки повисли, тело утратилось в своей невесомости... На миг страх все выгнал из головы. Это и было явление запятого ужаса. Потом легкие резко и быстро, со всхлипом, втянули воздух. Только холодило корни волос над потным лбом и по-прежнему сладко-приторно тянуло низ живота. Страх схлынул, отторгнутый спасительной мыслью, вновь спрятался в темном чулане памяти.

Спасение в том, чтобы хоть на короткое время убить память об этой мысли, тогда ходы чуланчиков и пещер запутаются меж собою, и страшный зверь памяти об ЭТОМ снова долго-долго не найдет дороги, пока игра ума не вытолкнет его вновь по эту сторону темного лабиринта.

Как только возникало страшное видение, я бежал к людям, без причины смеялся и лихорадочно болтал глупости, много ел и пытался заснуть с громко включенным приемником. Только не оставался с мыслью наедине после видения страха, отгонять его чужими голосами, едой, беготней и смехом.

Сейчас же, по прошествии столького времени, когда страх по часам вышел в детские еще видения, освободил чуланчик и пере-

осмыслился, я не пожелал бы его никому, хоть это и обычная гиперболоа... но страха, при котором любая мысль, зараженная, и побитая им, мечется и бежит. Такой страх преследует, наверное, и душевно угасающих людей в Бедламе, Сальпетриере и рядовой калужской Бушмановке³.

А во сне легче, во сне страх является в одежде кошмара, не соотнесенного с болезненными воспоминаниями, а потому и менее мучительным. Ночной страх лишь отражается через зеркало чуланной памяти на спящий мозг, как отображаются кривозеркально и другие птицы страха, либо ужаса, либо просто малоприятного воспоминания, залетевшие в чуланчик днем.

♦ Прошло несколько лет. Конечно, все забылось за текучестью дней, малых и больших радостей, невзгод, огорчений и обид. И тогда-то, по прошествии лет, еще раз — последний — страх прощально меня настиг. Опять днем. Все было как в первый раз или тот, который помнился первым? Но все было уменьшено в осязании: и холодок, и звон колющихся скал, и глухой шлепок тел.

А ведь время прошлому страху вышло. Все чувственное содержание ужаса выплеснулось уже из спасительного чуланчика, где остался антропологическим сувениром лишь иссохший скелет этой птицы. И его выбросило, наконец, в область сознательного, как напоминание об опыте жизни, как простую регистрацию былого страха.

Вернись хоть на миг воспоминание детства: море, качающийся на волне катер и незакатное в полуночи июльское солнце, а вдали, у самого горизонта — скользящий по тихой глади купола мира серый корабль!

³ Психиатрические больницы.

Сергей НОРИЛЬСКИЙ

(г. Тула)

Сергей Львович Щеглов (Норильский) автор 14 книг. Дважды удостоен журналистской премии им. Г. Успенского, лауреат литературной премии им. Л. Толстого. Основатель и председатель Тульского областного отделения «Российского историко-просветительского, благотворительного и правозащитного общества «Мемориал»». Член Союза журналистов России, член Союза российских писателей.

БЕГЛЕЦЫ

(Глава из романа*)

После разрыва с мужем двадцать пятый и двадцать шестой год Шура с сынишкой жила у брата в задней части нижнего этажа его дома в Муроме. А в пятидесяти верстах, на родине Кородаевых, в обширном и красивом центре волости Новоселках имелся у них кирпичный домик под железной крышей. Построил его отец, крестьянин Иван Андреевич Кородаев, здешний уроженец. О нем в Переписном листе 1897 года было обозначено: читать умеет, выучился у келейницы, основное занятие — земледелец, а дополнительное — сапожник.

Иван Андреевич и его супруга умерли в 1918. К двадцать седьмому году в домике оставались старшая незамужняя дочь с теткой. Сюда и перебралась Александра Ивановна летом двадцать седьмого.

В этом году дошли до нее слухи: Лев Львович женился. Взял разведенную с бывшим сельским комиссаром уроженку поповской семьи, зовут Мария Ивановна. Она на двенадцать лет моложе Шуры, от комиссара у нее сын Михаил, одногодок Коли. Лев Львович усыновил мальчика.

Колина мама приняла известие спокойно.

Главная улица Новоселок была продолжением знаменитого Владимирского тракта и воспетой в этих местах Муромской дорожки. В центре села, где стояло несколько двух- и трехэтажных краснокирпичных домов, построенных местными купцами и фабрикантами, начиналась еще одна основная улица, даже длиннее первой. Она шла перпендикулярно к ней. В начале улицы, уже при советской власти, выстроена была деревянная каланча с пожарным депо. Дальше стояла побеленная кирпичная церковь с высокой колокольней, сзади был крутой уступ в пойму речки Кутры. За церковью возвышались по обеим сторонам, перемежаясь с бревенчатыми домишками, кирпичные двухэтажные особняки мельников Симоновых

и других богатых жителей. Улица переходила в грунтовую дорогу к реке Оке, до которой было двенадцать верст. По Оке плавали двухпалубные пароходы в Нижний, Муром, Рязань и Касимов.

Домик Кородаевых находился между каланчей и церковью. Четыре оконца переднего фасада смотрели на улицу. Мама рассказывала Коле, что дедушка летом работал на земле, зимой же занимался извозом в Муроме, катал на своих дрожках богачей, чиновников и интеллигентов. Умер за три года до рождения внука, не дожив до шестидесяти семи. Вскоре скончалась его супруга и одноклассница Прасковья Филипповна. Она была из богатой семьи Симоновых, у ее брата Егора Филипповича на Кутре была единственная на округу мельница.

Коля с интересом рассматривал оставшиеся от неведомого дедушки дрожки. Они были на деревянных, подбитых железными полосами полозьях, с высокой резной спинкой. Когда-то водрузили их на крышу бревенчатого стойла бывшей кородаевской лошади. Крыша для тепла была утоптана землей. Коля залезал туда с располженных рядом сушил для сена.

Характером крут был Иван Андреевич. С обидой за мать рассказывала Александра Ивановна: «Поедет, бывало, на Пожогу или Жайск (пристань на Оке), заведет ссору с женой и — раз вожжей по лошади, раз — по жене».

В год смерти родителей в доме остались дочери: сороклетная Татьяна Ивановна, акушерка Наталья, тридцати девяти лет, тридцатилетняя учительница Александра и Мария, двадцать восемь лет. Все незамужние. С ними жила и сестра покойного хозяина Прасковья Андреевна, соломенная вдова бобыля бондаря Ивана Калиныча Волкова. Ей шел шестьдесят первый.

Единственного сына Кородаевых, девятилетнего Митеньку, еще в девяностых годах скосил кровавый понос. В последнем году уходящего века усыновил Иван Андреевич появившегося на свет сынишку бедняка Андрея Новожилова Колю, дал мальчику свою фамилию и отчество, а затем и небольшое образование. Некоторое время Николай Кородаев работал учителем в начальных классах новоселковской школы. Женится на одной из дочерей владельца сундучного производства неподалеку от Новоселок. Тут подошла революция, заводик Корешковых отобрали и передали государству. Вскоре открылся нэп, Николай вместе с женой Клавдией перебрался в Муром и стал пытаться счастье в частной торговле. Дело полюбилось, и способности оказались. Кородаевы завели галантерейную и мануфактурную лавочку на базаре, товар завозили из далекой Москвы по железной дороге.

Наследницы Ивана Андреича вели земледельческое хозяйство покойного, насколько хватало женских сил. Но в девятнадцатом

году от воспаления легких, схваченного под Троицу, умерла Маруся. Через год отправилась за ней Наташа. В том же году вышла замуж Александра — за учителя из села Ляхи, что в Меленковском уезде, недалеко от Мурома. Остались в домике и на всем хозяйстве Татьяна Ивановна и ее тетка.

При домике в Новоселках был сад с огородом и необходимые хозяйственные постройки: стойло, хлев для коровы, овец и коз, курятник, а над ним сушилка под дощатой кровлей. В саду — амбар, два сарая, бревенчатая банька по-черному. Неподалеку, за околицей, к возвращению Александры Ивановны удержались две полоски земли: под рожь и пшеницу. Поблизости — маленькое открытое гумно с землянкой и рубленным овинком.

Через улицу напротив домика Кородаевых располагалась обширная низина — пойма Кутры. Ее ограничивала запруда, на которой стояла мельница Симоновых. На низине луг, несколько сельниц, одна из них построена Иваном Андреевичем. Летними утрами мать посылала Колю выгонять малиново-коричневую корову Динку. Мальчик хворостинкой погонял послушную животину, и она весь день щипала траву. Под сумерки Коля возвращал Динку домой, темно-малиновые бока ее были раздуты, вымя полным. Помахивая ухватом рогов, Динка беспрекословно подчинялась мальчику и охотно возвращалась в хлев в ожидании дойки.

Что происходило в Новоселках за последние тринадцать лет жизни Ивана Кородаева и его семьи, как отозвалось большое село на события, потрясшие Россию в первые два десятилетия двадцатого века — ничего о том никто Коле не рассказывал. Но следы классового противостояния были заметны.

Татьяна Ивановна, Шура и Прасковья Андреевна кое-как справлялись с обмелевшим хозяйством; засеивали обе узенькие полоски рожью и пшеницей, сжинали хилый урожай серпами, вязали снопы, сушили на солнышке, уставив пирамидками — колосьями вверх. Подсохшие снопы обмолачивали цепями на гумне, замеченном до пылинки. Наняв подводу, отвозили просеянное зерно в амбар в сад, а солому забрасывали деревянными вилами в овин на зимнее хранение. Коля помогал женщинам в меру своих силенок.

Так было два лета и две зимы. Николай Иванович с Клавдией и двумя девочками Тamarой и Верой, чуть помоложе Коли, приезжал на неделю-другую. Все были красивы и веселы. Отец — рослый, стройный, темноволосый, в блестящих черных хромовых сапогах, голенищи выше колен; мать — быстрая, с огоньком в карих глазах, завитые кудряшки на голове. Устанавливали на огороде между грядками каганок о два кирпича, кипятили варенье из плодов сада: вишен, малины, слив, крыжовника, терновника и яблок. Ягоды и кусочки яблок бурлили в сахарном сиропе в медном тазу над кос-

терком из сучьев и щепок. Коле поручалось поддерживать костерок. Тетя Клавдя или мама осторожно водили деревянной ложкой, снимали пенку с кипящей поверхности, сливали на блюдечко, потом подавали к чаю. Пенки были слаще и ароматнее самого варенья. А его, когда остынет, заливали в высокие стеклянные банки. Девочки носились по саду и огороду, не нарадуясь деревенскому солнцу, играли в прятки, в лапту и чижика. Светлые, радостные деньки! И было грустно, когда дядя Коля с семьей, нагруженные банками с вареньем, солеными огурцами и грибами, на подводе уезжали к пристани, а троим женщинам и парнишке маячила унылая осень и суровая скучная зима.

Впрочем, и зимой была своя жизнь. Динка нагуляла бычка, такого же коричнево-вишневого, как сама. На время морозов новорожденного поместили возле шестка, отгородив от кухни столиком, набросали на пол соломы. Отпаивали беспомощного молозивом, потом разбавленным молоком. Животина чавкала беззубым ртом, лакала жидкость. Через несколько недель пригласили мясника, он выволок несчастного во двор и зарезал. Коля едва не плакал, изнывал от жалости. На память о милом жильце осталось овальное углубление в крышке ящика стола: подраставший теленок шершавым языком самозабвенно лизал просоленную поверхность древесины, впитавшей кухонные жидкости и ароматы.

На второе лето случилось несчастье с бабушкой. Во время молодости наступила семидесятилетняя Прасковья Андреевна на грабли. Была, как всегда, босиком, деревянный штырь насквозь проткнул ступню. Кровь залила гумно, мама и тетя Таня с трудом отвели старушку домой, — а дом находился в нескольких переулках. Там был пузырек с йодом.

Всю вторую часть лета Прасковья Андреевна лежала на полу в чулане на ватном матраце, отвергая попытки племянниц обратиться к лекарю. Поливала раненую ступню мочой. Неграмотная крестьянка всю жизнь от ранней весны до глубокой осени шлепала босиком по любой грязи и пыли. Мальчишки кричали вслед: «Бабка — чугунные пятки».

К зиме бабушка своим единственным лекарством выходила ногу и принялась за обычные дела. А с тетей Таней стало совсем худо: помутилась в рассудке. С утра до ночи сидела на табуретке, покачивалась вниз-вверх и причитала одно и то же: «Батюшки, что с нами сделалось! Батюшки, что с нами сделалось!» Белый платочек, завязанный под подбородком, уныло кивал в такт покачиванию, взгляд бессмысленно упирался в одну точку. Сестра и тетка безуспешно пытались вернуть Таню к домашним и прочим делам. Что произошло с человеком? Обилие смертей, обрушившихся на семью за три года, отозвалось в помутившемся мозгу пятидесятилетней жен-

щины причудливой тревожной вязью. А тут еще события у Кородаевых в Муроме.

Прихлопнули нэп. У Николая Ивановича под предлогом неуплаты налога отобрали дом. Горницу и спальню на верхнем этаже отдали бывшей рабочей текстильной фабрики, а ныне секретарю горсовета Екатерине Даниловне Хлудовой с двумя девочками-дошкольницами без отца. Кородаевым предложили переселиться с семьей на заднюю половину, на кухню, где жила домработница бобылка Аннушка. Там все пятеро и ютились. Вскоре бывшего нэпмана посадили в тюрьму, чтобы выкачать золото, которое он якобы прятал, не отдавая государству. Золота так и не нашлось, но обезвреженного кровососа отправили в лагерь на принудительное бесплатное перевоспитание физическим трудом. Клавдия Васильевна, кое-как устроившись судомойкой, с помощью Аннушки растила девочек. Тома уже пошла в школу.

Вслед за прихлопнутым нэпом началась индустриализация страны и коллективизация сельского хозяйства, то есть раскулачивание. В Новоселках каждый праздник стал заканчиваться драками, мужики бегали один за другим с кольями и топорами. В домике Кородаевых, хотя и кирпичном, стало быть, не бедняцком, реквизировать было нечего, в колхоз отдавать — тоже, с лошадей наследницы расстались сразу после смерти отца. Но знали на селе: в Муроме процветает его сын — нэпман, владелец лавки. Стало быть, часть богатств, накопленных эксплуататором, у Кородаевых где-то припрятана. Пошли обыск за обыском, описи имущества. Чуть ли не каждую ночь геппеушники с соседями-понятыми протыкали железными прутьями бочки и лари с мукой, просом, рожью, пшеницей — в надежде найти золото и прочие ценности.

Однажды в ожидании очередных незваных гостей отправила Александра Ивановна тетку к родственникам Шутовым. Обмотала старуху тремя суконными шальями, натянула с трудом шубейку — дело было глубокой осенью — и ночью проводила в дорогу. Брат с сестрой Шутовы, родственники Кородаевых, жили в начальной части главной улицы, недалеко от въезда в село. Иван Федорович, холостяк, работал бухгалтером в отделении госбанка, сестра Мария Федоровна, незамужняя, вела домашнее хозяйство. Когда мама с Колей приходила к ним в гости, мальчик находил на столе номера журнала «Работница» и листки — приложения «Малышам» с рисунками. Коля разглядывал картинки, читал стишки: «И Буденного с усами мы нарисовали сами». Да что там журналы! Забравшись в сарай в саду, мальчик находил там старые книги. Познакомился с трагедиями Софокла и Эврипида, комедиями Аристофана и других древних классиков.

Иван Федорович был крепыш с густым темно-каштановым ежиком волос на крупной голове; малоразговорчивый, он казался Коле су-

ровым. Ровно в начале обеденного перерыва переходил улицу от своей службы в кирпичном домике госбанка. Мария Федоровна наливала ему горячих щей, подавала второе, потом он пил чай и полчасика отдыхал на диване, прежде чем вернуться на работу. К Александре Ивановне относился дружелюбно, однажды даже помог сшить Коле сапоги из куска хрома, нашел мастера. Правда, сапожки вышли слишком тесные, Коля так и не смог натянуть их на ноги.

На мосту через Кутру ночной патруль гепеу остановил слишком толстую старуху, отвел в милицию и таким образом уличил Кородаевых в укрывательстве нажитых незаконных богатств. Установили чекисты и адрес, по какому шла Прасковья Андреевна. Ничем не скомпрометировавший себя совслужащий Шутов своим авторитетом способствовал тому, что старуху Кородаеву не посадили, и утром Прасковья Андреевна вернулась домой. Шали реквизировали.

Александру Ивановну вообще-то на селе уважали, помнили еще как учительницу. Но политические события плодили и недругов. Как-то на весенний церковный праздник мама нарядила Колю в только что сшитую батистовую рубашечку, и он вышел на улицу. Вернулся в слезах в грязь — соседские мальчишки повалили маленького сына в лужу.

Пасха в том году была поздняя. Белая и лиловая сирень в палисаднике Кородаевых уже распустила гроздья. После бессонной ночи — заутрени и обедни в церкви — Александра Ивановна с Колей пришли домой, разговелись вместе с тетей Таней и Прасковьей Андреевной. Творожная пирамидка пасхи и кулич с разноцветными яйцами, на которых красовались буквы Х.В., были великолепны, все пахло сдобой и ванилью. Даже тетя Таня на эти часы приостановила свое неизменное: «Батюшки, что с нами случилось!» Разговевшись, все улеглись спать.

Коля проснулся первым. Солнечные зайчики бегали по постели и стенам. Мальчик поднялся с кровати и вышел во двор. Подошли девчонки Лычагины, жившие напротив. «Коля, сорви сиреньку!» Он шагнул в палисадник и чуть не вляпался в широкую светлокоричневую вонючую лепешку под самым окном. Ночной неизвестный шалопай по-своему отметил под окном Кородаевых.

Коля нарвал девочкам сирени, но весь день и после того, как Прасковья Андреевна вынесла на лопате ночной подарок в огород, не заходил в палисадник. Неприязнь местных властей и их прихлебателей к семье нэпманов усиливалась еще и тем, что Александра Ивановна, была активной церковницей. Не пропускала ни одной службы в храме, соблюдала все посты и обряды. А когда церковь решили закрыть, что возмутило часть жителей, вместе с другими стояла перед высоким крыльцом симоновского бывшего дома, где теперь помещалась милиция, поддерживала требование оставить храм прихожанам. Обеспокоенный начальник милиции с наганом в кобуре

у пояса пытался урезонить собравшихся, но твердо стоял на том, что опиум для народа необходимо прикрыть.

Бессонными ночами одолевали Александру Ивановну думы. Вспоминалось безоблачное детство вот здесь, в родительском доме, в этом милым селе. Церковно-приходская школа. Потом славный многозвонный Муром на Оке, гимназия, учительницы и подружки. Учительство на родине, в школе села Глебово, в четырех верстах от Новоселок. Каждое утро проходила она эти версты по знаменитому Владимирскому тракту между двух рядов высоких берез, лип и кленов, а к вечеру возвращалась обратно тем же путем. В заходящем солнце поблескивали купола высокой белокаменной церкви в селе Фетинино, справа за полем. Домой приходила усталая, счастливая — по душе пришлось Шуре дело учительское.

Что было дальше? Знакомство с Львом Львовичем. Дружба, перешедшая в любовь. Жаркие речи Леваши о народном счастье, которое надо добыть нам, интеллигентам. Новыми глазами читала Шура прочитанные в детстве и юности произведения Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Достоевского, Горького. Новыми глазами вчитывалась в журналы «Нива», «Пробуждение», в рассказы Чехова, романы Гончарова. Леваша привозил в Новоселки современные книги, революционные прокламации. Не все в них нравилось Шуре, не все отвечало ее внутреннему миру. Но главное — тяжелая крестьянская жизнь, бесправие земледельцев, — бредило юную душу. Царь-батюшка, с детства бывший воплощением надежд и благоденствия, теперь приобретал другой облик. Японская несчастная война, революционные бури девятьсот пятого — девятьсот седьмого виделись теперь в ином свете, чем в юности.

Гражданская война принесла кровь, вражду и голод. Венчание, на которое Шура с трудом уговорила Левашу — его убеждения отвергали церковные обряды. С скромная свадьба, переезд в село Ляхи — на родину мужа. Рождение Коли. Здоровенький светлый мальчик еще больше сблизил супругов, стал центром их притяжения. Даже суровая хмурая свекровь, старая попадья, прониклась каким-то светом. Огород возле бывшего поповского домика поддерживал семейный бюджет, пополнял учительский заработок Льва Львовича.

Большевистская власть оказалась чуждой и Леваше, и Шуре. Хотя и давно порвал Лев Львович с эсерами, но ленинская политика казалась ему неправильной. Напуганный месячным пребыванием в ЧК, он окончательно отошел от политических интересов, лишь в силу необходимости выполняя требования к школе.

Шура вся была поглощена ребенком, от былых увлечений общественными вопросами мало что осталось. Главное, что претило ей в новой власти, это безбожие, воинствующий атеизм. Александра Ивановна понимала, что, вернись она к преподавательской деятельности, не сможет учить детей по новым правилам. Православие ее ук-

реплялось, вера становилась все жарче. Расхождения с мужем на этой почве обострялись. Единственное, что сближало Льва Львовича с большевиками, было как раз безбожие. Оно же было главным, что отталкивало молодую женщину от всеильной суровой власти. Столкновения с мужем определялись теперь воспитанием Коли. Зачем таскать ребенка в церковь, приучать молиться, совершать бессмысленные обряды?— считал Леваша. Ни к чему это, да и усложняет жизнь в селе, и без того большевистские комиссары косо смотрят на бывшую поповскую семью, на бывшего эсера. Лодыри-бедняки, на которых вся опора новой власти, лихо расправляются с богатеями, кулаками и подкулачниками, середняки стараются угодить тем и другим.

Александра Ивановна, неизлечимо душевно раненая свалившимся на нее горем — почти одновременной потерей отца, матери и двух сестер,— все сильнее прилеплялась к Богу, церковь стала для нее единственным местом душевного успокоения. Свет богослужений проникал в самое сердце, и среди окружающего мрака, вражды и борьбы был единственным, что вселяло надежду, что маленькое родное существо, которому она дала жизнь, уцелеет во всеобщей гибели и пойдет по православному Божьему пути.

Все кончилось разрывом, крахом семьи. Ожесточилось женское сердце, во всем происшедшем видела Александра Ивановна только вину мужа. Как ни пытался Леваша восстановить отношения, Шура была непреклонна. Жизнь молодой женщины отныне принадлежит Богу и сыну. Она воспитает Колю так, как требует ее душа, ее материнское сердце. И вот теперь, по прошествии четырех лет, окончательно и бесповоротно определилась судьба Александры Ивановны. Известие о новой женитьбе Льва Львовича она приняла равнодушно, тот человек давно стал ей духовно и физически чужим. Навсегда кончено с учительством. Никогда и ни при каких обстоятельствах не вернется она к нему. Советская школа ей абсолютно чужда, перенесет Александра Ивановна любые испытания, чтобы не допустить сына в эту чуждую ей среду. Воспитает ребенка сама, так, как требует святая церковь и ее убеждения. Пусть мирская жизнь идет своим чередом, со всей ее враждой и жестокостью. Подрастающий мальчик проявляет все больше способностей, читать и писать выучился к шести годам, что крайне редко в наше время, тем более в крестьянских семьях. Книги глотает одну за другой, бойко читает по-славянски и псалтырь, и Библию. Видит Александра Ивановна, с каким увлечением воспринимает Коля библейские предания и рассказы. Правда, тревожит то, что и светские книги влекут ребенка. Главное, чтобы удержался на русской классике, на Пушкине, на Лермонтове, Тургеневе. Вот под влиянием «Маленьких трагедий» сочинил недавно пьесу, под влиянием пушкинских сказок написал в стихах сказку про царевича Еремея. Хорошо, если бы со временем стал Коля

священнослужителем, может быть, даже архиереем. На этом поприще образованность литературная не только не помеха, а и дополнительное духовное богатство. Что же касается точных наук (арифметики, физики, химии, биологии), а также иностранного языка — помогут муромские подруги по гимназии. Образование всестороннее и церковь — отнюдь не исключают друг друга. Главное сейчас — спастись от высылки, от раскулачивания (Господи, ну, какие же мы кулаки?!). Не дай Бог, зашлют куда-нибудь в Сибирь или Среднюю Азию, в тайгу или пустыню, там уж не только не воспитать ребенка, но и выжить не удастся одинокой матери.

Каждое воскресенье водила Александра Ивановна Колю на могилки родных. Кладбище было за селом под сенью разросшихся дубов, берез, лип и вязов. В ограде Кородаевых возвышались обложные зеленым дерном холмики, перед ними деревянные кресты, на них таблички: Кородаев Иван Андреевич, Прасковья Филипповна, младенец Дмитрий, девицы Мария, Наталия и годы их жизни. Наверное, были тут и еще могилки — родителей Ивана Андреевича, других родственников, но у Коли не отложилось в памяти.

Атмосфера вражды вокруг Кородаевых сгущалась. Каждую ночь ждали женщины, не пришлют ли за ними подводу, как к новосельскому кулакам, и прикажут: собирайтесь, с собой — самое необходимое. И повезут до Муром, до железной дороги, а по ней в телючих вагонах в Сибирь, либо в Среднюю Азию, к казакам и киргизам.

Коля с детским энтузиазмом проникся ожиданием и по-своему готовился к путешествию. Сшил из куса цветастого ситца длинный узкий мешок, сложил в него самые важные книги: Библию в деревянном, обтянутом потемневшей кожей переплете (там был Псалтырь, и Новый завет, и все напечатано по-славянски). Том Пушкина, тетрадки со своими стихотворными сказками и трагедиями — подражания Александру Сергеевичу.

Александра Ивановна сложила в несколько картонных ящиков другие книги: сочинения Лидии Чарской, приложения к журналам «Нива» и «Пробуждение» — собрания сочинений Чехова, Бунина, Леонида Андреева, Куприна, и сами журналы за несколько предреволюционных лет. Каждую коробку, обвязанную шпагатом, отнесла к подруге, жившей на окраине села, неподалеку от кладбища, попросила сохранить до времени.

В конце концов Александра Ивановна рассудила: ждать злополучной подводы не стоит. Собрала плетеную ивовую корзиночку с вещами первой необходимости, распрощалась с сестрой и теткой, взяла за руку Колю с его узким мешочком, и после полудня отправилась через лес и поля к пристани Жайск, до которой было двенадцать верст. Вечерний пароход «Луначарский» доставил беглецов в Муром.

Погони не было.

Сергей КРЕСТЬЯНКИН

(г. Тула)

Член Союза писателей России, член Союза журналистов СССР и России. Публикуется в журналах, альманахах, коллективных сборниках и газетах. Автор девяти сборников. Выступал на областном радио. Имеет множество грамот различных творческих конкурсов. 25 лет занимался в народном театре «Диалог» (режиссер З.В. Григорьева). Награжден золотой и серебряной медалью «Лауреат-актер». Вел концерты, читал рассказы и басни жителям городов России, Украины и Казахстана.

ВОЛК

Рассказ

Метель разыгралась не на шутку. Ветер завывал, вздыхал и охал. Бросал горстями снег в лицо путнику. Нападал на того то слева, то с другого бока, то толкал его в спину, а потом упирался в грудь, пытаясь остановить, как бы говоря: «Ну, что ты? Куда бредешь в такую погоду? Поймай, а лучше ляг — отдохни. Поймай. Ведь устал...»

Но мужчина прекрасно знал, что останавливаться нельзя, ни в коем случае. Остановишься. Расслабишься. Присядешь передохнуть, да нет, даже не передохнуть, а лишь — отдышаться, перевести дух... Моргнешь пару раз и не заметишь, как сознание отключится и ты погрузишься в глубокий сон, из которого уже не сможешь вернуться. А при такой метели снегом закидает в два счета. «Не останавливаться! Только вперед! Тем более, по моим подсчетам избушка должна быть где-то совсем рядом. Если я, конечно, не сбился с пути... А при такой круговерти это не мудрено. А если сбился, то дело скверное... Нет. Не думать об этом. Я иду правильно...»

Метель длилась уже несколько часов и, похоже, прекращаться не собиралась, а даже наоборот усиливалась.

Виктор начал жалеть, что не послушался деревенских старожил, которые предупреждали его, когда узнали, что он собирается дойти до избушки лесника, о надвигающейся буре.

Думал, что успеет. Проскочит. Тем более, что на небе были редкие облака, которые совсем не перекрывали солнце. Какая тут метель? Когда она еще начнется! Надеялся на русское «авось». Но ветер усиливался, и картинка над головой менялась каждое мгновение — облака подтягивались и сгущались над населенным пунктом.

Не успел мужчина пройти и половину пути, как его настиг самый настоящий ураган. Хлопья снега залепляли глаза, забирались в ноздри. Виктор вытянул вперед руку и не увидел перчатку, надетую на нее.

Только что светило солнце, а теперь сплошное белое море и свет начинает гаснуть, как в театре после третьего звонка.

Шаги путника замедлились — передвигаться пришлось на ощупь, ступая неторопливо, словно по болоту.

Виктор окончил техникум лесного хозяйства, и девять лет проработал в соседней области. Стал настоящим специалистом своего дела. А дело он любил и слыл хорошим лесничим, даже не хорошим, а — лучшим, судя по межобластному конкурсу между лесными хозяйствами, который проводили два года назад, где Виктор Степанович занял первое место. Он был награжден грамотой и главным призом — новым автомобилем УАЗ, очень необходимым для преодоления больших пространств по бездорожью.

Про Виктора Степановича Иволгина написали в газетах и рассказали по центральному телевидению.

Лет ему было тридцать, но он носил усы и бороду и поэтому казался гораздо старше.

После того как Иволгина показали по телевизору, не только молодежи, но и старшие из близлежащих деревень величать его стали уважительно — по имени отчеству.

А тут как раз лесничий из соседней области уходил на заслуженный отдых и Виктору предложили возглавить его хозяйство, которое было раза в два больше. Может быть, он и не согласился бы, но уж очень его уговаривал представитель из администрации, с которым они вместе учились. Иволгин решил доехать посмотреть, что, да как, а уж потом принимать окончательное решение.

Виктору нравилась российская природа — такая многоликая, от разнообразия которой он никогда не уставал. Да и как здесь устанешь, когда вокруг столько много интересного. Словно смотришь спектакль, именно спектакль, а не кино, где все записано и ничего уже не изменишь. А здесь все в «живую» и ты не зритель, а участник этой постановки — ведь можно смотреть на дождь из дома через окно, а можно выйти под струи и намокнуть или снегом не просто любоваться, а беречь в руки и лепить разные фигуры. И времена года хоть и повторяются с завидным упорством, но, ни один год не похож на предыдущий. Прошлую осень словно прорвало — заливало, почти не переставая, вплоть до самой зимы. А зима случилась морозная, но совершенно без снега. А эта осень наоборот — тихая, спокойная, сухая. Такую пору называют золотая. А зима выдалась и морозная, и ветреная, и снегом заваливает так, что дороги расчищать не успевают — долгая, затяж-

ная, холодная, утомительная зима и не только для людей, но и для всякой живности, какая по лесам, полям, лугам обитает.

Неожиданно путник зацепился за какую-то корягу и грохнулся в сугроб.

И сразу силы куда-то улетучились — усталость брала свое.

«Только не спать! Надо подниматься», — уговаривал сам себя лесничий. — «Во что бы то ни стало — собраться и встать, иначе — погибель».

Он зашевелился, приподнял голову, и взгляд его уперся в оскал звериной пасти.

«Волки!» — тяжело дыша, устало подумал мужчина, закрывая глаза, — «Вот и погибель, а у меня и ружья нет — только нож. Сейчас набросятся...»

Но прошло несколько секунд и никакого движения. «Может, почудилось?» — Виктор открыл глаза. Зверей не было. «Пригрезилось. Да в такую погоду волки и не охотятся — не на кого — все живое попряталось по норкам, щелям, дуплам — выжидают».

Иволгин заворочался, вставая, и вновь увидел волчью голову, но всего пару секунд и она пропала.

«Что-то здесь не то. Странно как-то».

Путник поднялся на ноги, вынул нож, приготовившись к бою и склонившись над землей, пристально стал всматриваться, насколько позволяли белые хлопья, в сугроб перед собой.

То, что он поначалу принял за ветку, когда споткнулся и упал, оказалось задней лапой волка. Да и сугроб — это волк, лежащий на боку заваленный снегом. Сквозь снег в нескольких местах проступали бурые пятна.

Зверь был ранен, потерял много крови, поэтому огрызался слабо и тем более не нападал. Присмотревшись повнимательнее Виктор понял, что это не матерый волчище, а еще маленький волчонок — подросток.

Видно стая попала в переделку — нарвалась на охотников или браконьеров, а тут метель обрушилась, и подстреленный волчонок отстал от родителей, заблудился и обессиленный рухнул, истекая кровью.

«Ну что ж — это естественный отбор — закон природы — выживает сильнейший», — подумал мужчина и шагнул в сторону, решив продолжить путь.

Но что-то его остановило.

Он повернул голову и пристально посмотрел на грозного зверя, а в данный момент — на беззащитное, уязвимое существо, умираю-

щее в самом расцвете сил.

«Все-таки это не правильно. Когда олень или лось раздирает бок волку, или он замерзает от лютого мороза — это естественный отбор, а здесь какая-то несправедливость. Разрешения на отстрел волков не могло быть ввиду того, что их численность в последнее время резко сократилась, а стрелять ради забавы — это жестоко.

Так просторно вокруг, но мы почему-то столкнулись именно в этой точке. Может быть неспроста? Может это какой-то знак?

Да неважно это все. Если брошу его здесь, то потом себе не прощу. Во сне будет сниться. Он хоть и звериный, но все-таки детеныш».

Лесник наклонился и приблизился к морде волка. Но тот уже не вскинул голову, только искоса посмотрел на нависшую над ним фигуру и приподнял верхнюю губу, обнажая клыки. Пару раз моргнул и закрыл глаза.

Виктору показалось, что он заметил скатившуюся слезу.

«Да, ну, не может быть. Привиделось».

Зверь имел серый, а местами — вдоль спины даже иссиня-черный окрас и лишь между глаз и дальше, чуть выше бровей виднелось не ровное белое пятно в виде треугольника.

Скинув со спины рюкзак, путник достал из него приличных размеров брезент, перевалил на него раненого, убрал нож, закинул рюкзак обратно и, взявшись за углы, потащил детеныша.

Волк — молодой — не очень тяжелый, да и снега навалило так, что все ямки и кочки сгладились, и поэтому тащить было не очень тяжело и как оказалось не слишком долго — шагов через сто мужчина вышел к домику лесника.

На стук в дверь на крыльце появился хоть и пожилой, но довольно крепкий с виду, высокий мужчина с накиннутым на плечи тулупом. Он был без шапки, и его седые, совсем не по стариковски, густые волосы путались на ветру. Всю нижнюю часть лица покрывала борода с проседью, на носу взгромоздились очки в большой оправе, сквозь стекла которых на пришельца смотрели внимательные с прищуром глаза.

— Здравствуйте, — приветствовал Иволгин хозяина дома.

— Вечер добрый, несмотря на непогоду. Видать смена моя пришла? Лесничий?

— Ну, это я еще не решил. Приехал осмотреться.

— Ничего. Вот метель закончится — повожу вас пару дней — покажу лесное хозяйство. В два дня аккуратно уложимся, а там решайте. Меня — Панкрат Трофимович кличут. Да, что мы в дверях стоим, проходите в избу — погрейтесь. А я сейчас ужин организую.

— Меня — Виктор Степанович зовут. Только я не один. Тут неда-

леко кто-то волчонка подстрелил. Маленький совсем. Жаль мне его стало, вот я его и притащил сюда.

— Ну, ты, Виктор Степанович, даешь. Не зря видать первое место занял — хозяйственный ты мужик. Если вырвать его сейчас из лап смерти, дать окрепнуть, то вскоре он начнет нападать на домашний скот, а возможно и людей. Хотя не обязательно.

— Ну, что ж, пойдем, поглядим, — вдевая руки в рукава тулупа, закрыв дверь и спускаясь по ступенькам, проговорил Панкрат Трофимович.

Они вдвоем занесли брезент на небольшую веранду.

Волк находился в бессознательном состоянии, дышал прерывисто.

Хозяин дома осмотрел раны и констатировал;

— Три пулевых ранения: в шею навывлет, в лапу, кость вроде бы не задета, и бок распорол по касательной. Видать много крови потерял, пока спасался.

Мужчины обработали раны йодом, наложили бинты и сделали повязки. Волчонок в себя пока не пришел, поэтому не мешал своим спасателям. Его оставили на веранде, закрыв дверь.

Ночь прошла спокойно. Ветер перед рассветом затих, метель угомонилась.

Ранним утром Виктор взял несколько кусочков мяса, налил в миску воды и зашел проведать своего подопечного.

Из угла раздалось ворчание. Раненный зашевелился, пытаясь подняться, но это ему не удалось, тогда он оскалил зубы, обнажая клыки, и зарычал более грозно. Весь его вид говорил — не подходи ко мне, иначе я не посмотрю, что ты меня спутал какими-то белыми лентами, просто так без боя не сдамся, изловчусь и загрызу.

Мужчина дошел до середины помещения и, чтобы не раздражать зверя, поставил миски на пол.

Волк перестал рычать — наверное, выдохся и устал. Он лежал на боку и его желтые глаза внимательно наблюдали за действиями человека, а тот пошел к двери — замер и не двигался.

Ноздри лежащего на полу усиленно раздувались. Он старательно принюхивался, пытаясь понять обстановку. Угрозой вроде бы не пахло, зато очень аппетитно распространялся запах мяса с кровью.

Человек шевельнулся, открывая дверь, и волк моментально дернулся, обнажил верхние зубы и зарычал.

Весь день Панкрат Трофимович возил и водил Иволгина, показывая свою вотчину — лесные уголья.

Тут кабанья тропа проходит, здесь он лосей подкармливает, там наделал кормушки и подружился с семейством белок, а два года

назад наткнулся на логово волков.

— Смотри, Виктор Степанович, какие здесь просторы. Это лесничество в два-три раза больше твоего. Есть где развернуться. Ты учти — желающих много, а предложили тебе. Считай, что идешь на повышение. Откажешься — второй раз не предложат. Так что долго думать некогда — принимай какое-нибудь решение. Я бы сам не уходил, да возраст — мне семьдесят лет, восьмой десяток пошел. Уставать стал, и ноги сильно разболелись — в больницу ложусь. А лесничий — это, ну ты сам прекрасно знаешь — пешие переходы по подопечному участку. Как говорится, я тебя не агитирую за Советскую власть. Ты сам все увидел. Взвесь все хорошенько и подумай.

Вернулись они глубоко затемно.

Виктор решил посмотреть, как там волчонок. Открыл дверь веранды, и включил свет и сразу услышал предупреждающее рычание. Зверь лежал на животе, положив голову на передние лапы, и смотрел на вошедшего, обнажив клыки. Подняться он не смог — сказывалось ранение. Одно радовало — обе миски были пусты, значит, дело идет на поправку.

Мужчина не стал раздражать животное — подходить ближе и забирать пустые миски, а вышел и взял у Трофимовича другие, куда опять положил мясо и налил воды.

Решение созрело окончательно. Он — остается. Подопечного своего надо вылечить и дать ему окрепнуть.

Через несколько дней формальности были утрясены. Трофимович уехал готовиться ложиться в больницу, а Иволгин приступил к своим обязанностям.

Волчонку становилось лучше — он набирался сил. Уже вставал на лапы — хоть и прихрамывал, но передвигался по комнате.

На Виктора рычать перестал, ведь ничего плохого он ему не делал, а наоборот — кормил, но близко к себе все равно не подпускал.

Спустя три недели в природе произошли изменения — солнце более щедро стало одаривать землю теплом. В воздухе появились новые запахи. Птицы носились и весело щебетали. По всем признакам зима сдавала свои позиции, и уступало место весне.

Волк почувствовал происходящие изменения, стал волноваться, ходить из угла в угол и выть.

— Ты прав, дружище, — согласился лесник, — здоровье мы с тобой поправили. Тебе пора к своим.

Виктор открыл настежь веранду, затем входную дверь и вышел из дома, стал поодаль. Минут пять ничего не происходило, потом в проеме двери показалась волчья морда. Зверь внимательно осмотрел окружающее пространство, принюхиваясь. Не заметив никакой

опасности, волчонок, прихрамывая, засеменил в чащу леса, оглядываясь по сторонам. Вскоре он скрылся за деревьями, и мужчина потерял его из виду. «Вот и все. И никакой тебе благодарности», — с грустью подумал Виктор Степанович.

Привык он к нему — привязался к живому существу.

Жизнь пошла своим чередом.

Зима сменилась весной — радость для всякой живности. Потом — буйство красок — лето, плавно перешедшее в тихую, сухую, плодоносящую совсем не дождливую осень.

В каждой поре есть какие-то свои, щемящие душу, нотки, звуки, краски, запахи...

Любил Иволгин побродить по лесу с карабином за спиной, полюбоваться каждый раз новым спектаклем, который ставила природа. Охотиться ему не нравилось, а оружие брал с собой так, на всякий случай — ведь все-таки лес, а тут разное зверье бродит и не только четырехлапое.

Глядя на окружающие красоты, стал Виктор Степанович поэтом — проснулся в нем, дремавший долгое время, дух творчества. Ну, поэт — это может быть громко сказано, а стихи из-под его пера выходили душевные, мелодичные. Он часто печатался в областной газете «Смена», а недавно его подборку стихотворений взяли в межрегиональный вестник «Лесное хозяйство».

Для полноты счастья только спутницу жизни осталось обрести. Да где же такую найти, чтобы согласилась жить, хоть и с милым, но в лесной глуши. Хотя почему в глуши? Ему в деревне выделили дом, обещали помочь с ремонтом. Хоть ему и пошел четвертый десяток, но мужчина он крепкий, большей частью проводит дни на свежем воздухе, так что не все потеряно — найдет свою единственную и неповторимую.

Его размышления прервал резкий короткий звук и почти сразу — второй.

«Стреляют. И совсем близко. А ведь сезон охоты еще не открыт», — Виктор забросил за спину поудобнее карабин и быстрыми шагами, на сколько это было возможно среди кустов и деревьев, направился в том направлении, откуда услышал выстрелы.

Пройдя с километр, лесничий оказался на открытой местности — печальная картина предстала перед его глазами. Раненная лосиха лежала на опушке и тяжело всхрапывала. Чуть поодаль из-за деревьев выглядывала испуганная мордочка совсем маленького лосенка, который и выстрелов испугался, и от мамки далеко убежать не решился. С другого конца к подстреленной сквозь кусты пробились двое мужиков в зеленых ветровках с капюшонами.

— Что вы делаете, сволочи! — закричал на них Иволгин, — сезон охоты еще не открыт, а вы уже подстрелили, тем более лосиху. Не видели что ли, что она с детенышем?

— Мужик, проваливай своей дорогой, — огрызнулся один из браконьеров, который держал в руках двустволку.

— Так я как раз на своей дороге. Я — лесничий. А вы ступили на очень скользкий путь.

— Ничего, не поскользнемся — до зимы еще далеко. А тебе, хочешь, бабла отвалим за молчание, как будто тебя и не было здесь вовсе?

— Стоять! — снимая карабин с плеча, крикнул Виктор Степанович.

— Слушай, лесник, будь ты человеком, — вступил в разговор второй браконьер, более плотный по комплекции и гораздо ниже своего поделщика. — Мы эту лосиху десять километров выслеживали, а затем преследовали и тут ты... Откуда только взялся. Весь кайф ломаешь.

— Положили оружие на землю и сами легли рядом, — беря мужиков в перекрест прицела, произнес Виктор.

— Ну, вообще одурел, — всплеснул руками коротышка. — Ты, что американских детективов насмотрелся? Мы же с тобой похорошему хотели.

— На землю! — резкий окрик лесничего заставил замолчать говорившего.

— Ну, как знаешь, как знаешь, — проговорил бугай с ружьем и аккуратно, медленно начал класть двустволку к ногам.

В это время кто-то сзади резко обхватил шею Иволгина, подняв его подбородок вверх, и нажал на горло чем-то острым.

— Не дергайся, а то проткну, — прозвучало из-за спины.

Хватка оказалась мощной — словно железным обручем сдавило, так, что трудно стало дышать.

— Кидай волюну на землю и без глупостей.

Виктору ничего не оставалось, как опустить руки с карабином и разжать пальцы.

— Молодец! Держи его крепче! — крикнул коротышка. — Сейчас подойдем, поможем связать.

Браконьеры направились в их сторону.

В это время Виктор Степанович боковым зрением заметил, как шелохнулись кусты, хотя погода стояла тихая — ветра не было, листья не шевелились.

«Неужели их не трое, а четверо», — подумал лесничий, и в это время мелькнула тень, и он увидел летящую на них огромную лохматую массу с раскрытой пастью. От мощного удара они повалились на землю, раздался душераздирающий крик и хватка ослабла.

Виктор увидел браконьера с перекушенной рукой, валявшегося на траве и истекающего кровью и серую лохматую спину то ли волка, то ли собаки, исчезающую в кустах. Лесничий начал подниматься, осматриваясь по сторонам, оценивая ситуацию.

Прогремел выстрел, срезавший ветку над самой головой мужчины. Он резко присел и как раз вовремя — вторая пуля вошла в березу в том месте, где он только что стоял. Иволгин кинулся к оружию, подобрал и приподнялся, чтобы отражать нападение, но этого не потребовалось.

Браконьер успел перезарядить ружье, вскинуть его и все. Из кустов выскочил волк, прокусил кисть и разодрал плечо.

Воющий громила рухнул наземь — двустволка отлетела в сторону.

Браконьера-коротышку нигде не было видно — видать, испугавшись — убежал.

Волк повертел головой, осматриваясь, затем развернувшись, глянул на Иволгина. Желтые глаза внимательно и напряженно уткнулись в мужчину. Гипнотический взгляд жителя леса, словно хотел что-то сказать, о чем-то напомнить.

Виктор опустил карабин, а свободную левую руку наоборот поднял над головой и, помахав хищнику, крикнул:

— Я тебя узнал! Спасибо!

Это был тот самый волк, которого лесничий спас зимой, с неровным белым треугольником на лбу. Только теперь он оказался повзрослевшим, выросшим, ставшим более крупным и сильным зверем.

Его умный взгляд как бы говорил: «Ты меня тогда спас — кормил, выхаживал, заботился. Я твою доброту не забыл, поэтому, сегодня тебе помог».

Волк открыл пасть, и Виктору Степановичу показалось, что тот улыбнулся.

«Нет, ерунда какая-то. Почудилось. Звери не умеют улыбаться».

А хищник развернулся и одним прыжком скрылся в кустах.

Иллюстрация к рассказу «Волк» — Е. Рамсдорф (Германия)

Сергей ОВЧИННИКОВ

(г. Щекино Тульской области)

Родился в 1963 г. возле Ясной Поляны в Тульской области, окончил медицинский институт, жил в Калининградской области, Рязани, под Владимиром, в Тольятти, с 1991 г. — на родине. Публикуется в журналах, альманахах, «Литературной газете», во всероссийской антологии современной прозы и поэзии «Наше время». Автор нескольких книг прозы и афоризмов.

Лауреат областной премии им. Л.Н.Толстого в категории проза (2011) и премии «Золотое перо Тулы» (2011). С 2001 г. издает и редактирует литературный альманах «Тула».

ГРУМАНТ

Холода в этот год продержались до самого дня рождения — до середины апреля. Именно в этот день, как подарок неба, выглянуло солнце, резко потеплело, сразу ожил молчащий до поры вездесущий птичий народец, стали дружно раскрываться шишки на молодых соснах вдоль забора, и возле них стоял такой треск, будто кто-то невидимый грыз семечки. Для утверждения весны захотелось достать из чулана лопату, вскопать грядку с южной стороны дома, бросая курам первых червей. Вокруг еще кое-где лежал снег, можно было выпустить из вольеры собаку, не опасаясь за огород. Шестимесячной немецкой овчарке Марте, только набравшей положенный рост, все было в диковину. Наклонив лобастую голову, она смотрела, как хозяин копает, пробовала тоже рыть землю лапами, не могла понять, что я даю курам — совала нос в мой кулак, фыркала, пробовала на вкус червей и розетки одуванчика, мучительно сглатывала. Вкус птичьей снеди овчарке не нравился — растерянная, она садилась возле сетчатого загона с несушками. Подняв зад, вытянув по земле передние лапы, рычала и лаяла, когда птицы кидались на брошенного им червя, то и дело подбегала к воротцам птичьего загона, вставала на задние лапы, стучала передними по замку, не дающему ей войти. Получив легонько прутиком по спине, отскакивала в сторону, дрожала, ревниво поглядывала на безмозглых кур, незаслуженно, по ее мнению, пользующихся благосклонностью хозяина.

Размявшись немного с лопатой, пришлось казнить молодого петуха. Кинув его лапы и голову собаке, нужно было почистить картошку и морковь для праздничного стола.

В деревню я переехал несколько лет назад: купил небольшой бревенчатый домик недалеко от города, устав толкаться с тещей и

женой в тесной городской квартире, чувствуя растущую потребность в раздумчивом уединении. До болей в сердце хотелось дышать сладким деревенским воздухом, пить воду из родника, смотреть на дальний лес и бегущую под холмом реку. Мы долго присматривались к окрестным селам, остановили свой выбор на деревне рядом с Ясной Поляной. Здесь, благодаря толстовскому заповеднику, еще сохранялись дома позапрошлого века, древние сараи, патриархально крытые дранкой и щепой. Что-то притягательное было в этих покосившихся сараях, сонной деревенской атмосфере, сельских запахах — наверное, сказывались наши крестьянские гены. Мы с женой получали наслаждение от деревенского воздуха, пахнущего навозом, от криков петухов, лая собак. И чем потаеннее была бы деревня — тем лучше. Но городская суэта вскоре настигла и здесь. В деревню провели газ, ветхие дома скупали богатые горожане, начав строить кирпичные хоромы с гаражами, банями, глухими заборами. Наши соседи, московские старики, тоже продали свою избушку, хозяином их домика стал молодой чеченец Эдик, владелец строительной фирмы, двух «Мерседесов», трех собак и хриплого голоса. Теперь его собаки почти непрерывно лаяли, он строил огромный дом — работала строительная техника, стучали молотки, Эдик вечно кричал что-то строителям или таджикам-подсобникам, живущим у него в сарае.

Сварив яйца для салата, нарубив дров, заполнив банные емкости дождевой водой, нужно было снять с чердака дома веники, отнести их в баню. Не хватало родниковой воды для чая. Деревня стояла на мощном слое глины, колодец выкопать было дорого, и потому все, кроме богатого Эдика (ему вырыли двадцатиметровый колодец) пользовались водой местного источника. В девятнадцатом веке именно сюда направлялась водовозка из Ясной Поляны. Говорили, будто бы Лев Толстой иногда сам выступал в роли возницы. Эта деревня имела странное название — Грумант. Первым здесь поселился еще при князе Волконском некий мореход, который несколько лет до возвращения в Ясную прожил на Шпицбергене. С яснополянскими крестьянами он ладил плохо, решил срубить себе избушку вдали от графского села, возле этого родника. Предок Толстого, не мудрствуя, записал моряка в церковных синодиках под фамилией Матросов, а новое поселение назвал Грумант — норвежским именем Шпицбергена. Потомки Матросова жили в этой деревне до конца 20 века, русское крестьянство тогда перевелось здесь окончательно — раненое раскулачиванием, расказачиванием, коллективизацией, урбанизацией, добитое перестройкой. Даже картошку и мясо новые российские власти решили покупать за границей, на русскую деревню окончательно махнули рукой, по-

ля в центральной России при Ельцине стояли неспаханными, зарастая березняком. Кроме Васи Лопухина, крестьян в Груманте совсем не осталось, жили здесь теперь люди, сидящие на двух стульях — почти все имели работу и квартиру в городе, а землю копали для удовольствия.

Надев болотные сапоги, взял пластмассовые бутылки, я зашагал под гору к источнику. На еще голой земле, подобно седой щетине, торчали сухие остоны прошлогодней крапивы и борщевика. Вокруг открылось множество мышиных нор, залитых сейчас водой. Мыши отсиживались в сараях и поленницах, дожидаясь, когда сойдет половодье и можно будет спуститься в норы вывести потомство. Хорошо ранней весной остановиться на косогоре, втянуть ноздрями еще студёный воздух, услышать, как в прелых листьях звенит невидимый ручей, из почвы тут и там выходят пузырьки воздуха, ведь земля проснулась и дышит!

У двух обильных струй родника выстроились в очередь два десятка людей. Источник поил мягкой и вкусной водой не одну тысячу людей, автомобили приезжих сильно портили здешние грунтовые дороги, превращая их в гигантские колеи. Некоторые умудрялись здесь и мусор выбрасывать, но родник все терпел, журчал безотказно, даже в сильные морозы и в засуху, когда другие источники слабели. Боясь увязнуть в глинистой колее, люди оставляли машины рядом с асфальтом, спускались в овраг пешком, прыгали через лужи, вытирали о сухую траву грязную обувь. Заняв место в очереди, можно было незаметно разглядывать приезжих.

У одной из водоносных труб копошилась дружная семья: отец наполнял емкости, детишки носили их к машине, симпатичная мамочка ставила бутылки в багажник. У второй трубы обосновалась парочка эгоистов — женщина лет сорока, долго обмывала канистры, дожидаясь, когда муж принесет новые, не догадываясь хоть на короткое время уступить место людям. Какая-то дамочка в очереди не выдержала:

— Женщина, сколько ж можно?! Вы посмотрите на себя со стороны! О других же совсем не думаете! Эх, святой русский народ!

Эгоистка продолжала молча полоскать и без того чистые канистры. Прямо к роднику подъехал, тяжело буксуя в грязи, мощный джип. Его водитель, открыв дверь, первым делом бросил в кусты пакет с мусором. Нервная дамочка из очереди среагировала первой:

— Гражданин! А вы у себя дома тоже так делаете? Бросаете мусор себе под ноги, гадите на пол? Вы же тут пьете! Это же наша земля, наш общий дом! Эх, святой русский народ!

«Семьдесят лет жили без Бога, — думалось мне, — поищи в нас теперь святости. Хорошо хоть не молчат люди теперь, молчать нам больше нельзя, хватит!»

К вечеру начали собираться гости — приехала жена, сын, друзья: Уколов, Шелопутов, Жанна Бергман. Из деревенских к столу был приглашен Вася Лопухин. Вася был единственным полностью русским в деревне, у остальных имелась примесь немецкой, еврейской, чеченской, азербайджанской крови. Наивные русские хуже других приспосабливались к жестокостям новой жизни, русский упадок был моей личной драмой, сопротивление русскому распаду — одним из смыслов жизни.

Мои друзья родились на тульской земле, но теперь приезжали издалека. Уколов (большой, бритоголовый, вальяжный) и его Жанна уже десять лет жили в Германии, часто выбирались на родину навесить родных. Уколов печатал в тульском издательстве русскоязычный альманах, большинство авторов которого жили в Саксонии. Восемь лет назад Уколов редактировал небольшую газету «Шахтерский вестник», где я обнародовал свои первые журналистские опусы. В конце 90-х Уколов неосторожно ввязался в политику, возглавил районный избирательный штаб одного из кандидатов на пост губернатора. Их кандидат проиграл выборы, новое руководство провело зачистку активистов соперника. Ревизионные комиссии, прекращение финансирования газеты вынудили Уколова покинуть редакторский пост. В это же время, как часто бывает, первая жена Уколова решила с ним расстаться, он совсем упал духом, и его спасла, выгавив из депрессии, нынешняя супруга — Жанна Бергман. По отцовской линии Жанна имела кровь немцев Поволжья, вместе с отцом и братом она уехала в Германию после дефолта в 1998 году, тяжело пережив гибель первого мужа, начинающего предпринимателя. Его убили рэкетиры — тогда, в девяностых, обезумев от вседозволенности, русские убивали друг друга за долг в тысячу долларов, из-за места для торговой палатки. В 2000 году Жанна увезла Уколова к себе в Лейпциг. Теперь она работала в Москве сотрудником немецкой строительной фирмы, металась между Россией и Германией. Уколов жил в Лейпциге, учился на курсах немецкого языка и компьютерной грамотности, сотрудничал в «гемайнде», или просто возился с дочерью Верой, очаровательной девчушкой, моей крестницей.

Шелопутов — столичный франт в черном классическом пальто, на черной же иномарке, имел татарские, польские, русские гены. Он тоже когда-то сотрудничал в «Шахтерском вестнике», но врожденная интеллигентность вытолкнула его из провинции. Он женился на московской девушке, обзавелся квартирой в Балашихе, работал менеджером в компании мобильной связи, часто ездил за границу, стал убежденным западником. С журналистикой и литературой Шелопутов почти расстался, но все же иногда публиковал в альманахе Уколова небольшие исторические эссе, где доказывал, что Куликовская

битва была сравнительно небольшим сражением, что средневековая демократия в Новгороде была весьма относительной, что сугубый патриотизм вреден для народов России — мол, нужно заниматься не политикой, а экономикой. Политические симпатии Уколова и Шелопутова часто не совпадали, они много раз спорили до хрипоты, сохраняя, при этом, дружеские отношения.

Васе Лопухину быстро наскучило в чужой компании, он запросялся домой. Моя жена Валентина возилась с грядками, Уколов, Жанна и Шелопутов расположились у мангала, наслаждаясь теплым весенним вечером, запахами оживающей земли, печного дыма и зреющего на углях шашлыка.

— Как тебе нынешняя Москва?— спросил Шелопутов Уколова.— Где тебе лучше, в Москве, или в Лейпциге?

— Москва, конечно, сакральное место России,— говорил Уколов, глядя на бегущие по дороге вдоль горизонта крошечные автомобили,— это святыня, за которую погибло много наших предков, но сейчас там столько чужих... Как будто город оккупирован!

— Москва, по сути, слепок России,— вставил я.— Но в столице все в преувеличенном виде, и наши болезни тоже. Там очень много хороших людей, но бросается в глаза человеческая пена, которую теперь выплеснуло на очаг. Пена сгорит в очаге, ничего не останется!

— Опять завели шарманку!— сказала, проходя мимо с лейкой в руках, Валентина. Она, как многие православные, не любила политики, боялась прививок, чипов и переписей населения.— Нужно молиться за Москву, и тогда все будет хорошо!

— Молиться мало,— улыбался Шелопутов.— Детей нужно больше рожать!

— И ты в этом преуспел!— хмыкнула Валентина.— У тебя же двойня родилась! Поделись способом!

— России сейчас нужен новый Сталин!— развивал свою мысль Уколов.

— Может, лучше Минин и Пожарский?— сомневался Шелопутов.— Россия и так обескровлена!

— Сталин, и только Сталин!— твердил Уколов.— Спасти страну можно только его методами! Он бы прижал к ногтю все это ворье! Время Сталина было временем рая для России!

— Кровавый был рай!— крутил головой Шелопутов.— Ты сам свалил из страны, а нам, значит, Сталина!?

— Не спорьте, это русское подсознание Олега дает себя знать,— разводил я спорщиков.— Сила и мощь государства для многих русских важнее жизни. Ради этого мы часто пускаем себе и другим кровь.

— Если появится у нас новый диктатор, мы понастроим кучу

ракет и авианосцев, завоеем парочку близлежащих стран, ты сможешь опять гордиться своей страной, сидя в комфортной Европе! Ловко устроился!— Шелопутов бросил в Уколова смятой салфеткой.

— От меня лично мало что зависит, я тихий человек, который пишет стихи и любит пиво,— сказал Уколов.— А Россия и так, без диктатора, всегда живет в состоянии войны. Если нет внешнего врага, мы ведем войну гражданскую. А я хочу просто жить, ребенка вырастить, не опасаясь за свою и его безопасность. Когда мы уезжали, в России это было невозможно.

— Пока вы планируете завоевать парочку близлежащих стран, в американской прессе обсуждается, как поступить с побежденной Россией,— вставила Жанна.— В 20 веке, говорят многие на Западе, главными преступниками были немцы и русские. Они много воевали, устраивали геноцид. Немцы до сих пор под американским контролем, а русские, хоть и проиграли холодную войну, еще ерепенятся. Поэтому, пишут в их газетах, нужно дать каждому русскому 100 000 долларов, чтобы он уехал из России. Маленькую территорию, размером со Швейцарию, можно оставить вокруг Москвы для сохранения русского языка и культуры, а остальные территории поделить. А русских не убивать, но гуманно переселить в другие страны. Главное, чтобы количество русских в других странах не превышало 5% населения, а то, мол, страна-реципиент начнет портиться. Все это обошлось бы западным демократиям в 14 триллионов долларов, не такая уж большая сумма для Европы и Америки, но зато с карты планеты исчезла бы Россия. Многим этого очень хочется...

— Нас вечно пытаются захватить или цивилизовать!— усмехнулся Шелопутов.— Монголы и татары, Тамерлан, тевтоны, поляки, шведы. Наполеон, затем снова французы вместе с англичанами во время Крымской войны. В 1941 году Гитлер. Сейчас еще одни цивилизаторы объявились, но Россия все это переварит и наложит цивилизаторам на голову. У нас очень хорошее пищеварение!

— Идиоты! Мудрствующие идиоты! Нас может спасти только война,— сказала Валентина, потрясая граблями.— Русские только на войне живут, а в обычной жизни существуют! И старцы говорят, что нас спасет только война! Иначе всем выдадут электронные карточки с чипами, а потом эти чипы поставят на руку, и на лоб! Чипы — печать антихриста!

— Если начнется война, на чьей стороне ты будешь воевать?— спросил Шелопутов Уколова.

— Я воевать не буду,— задумчиво сказал Уколов,— я буду делать у вас сталинистскую революцию, приеду в запломбированном вагоне...

Темнело, становилось прохладно, гости потянулись к машинам, ночевать они собирались в городе у своих родственников. Я обнял всех на прощание, долго не спал, возбужденный разговорами. Сидел в мансардной комнатке домика (о железо крыши бились жуки, было слышно как лают собаки), готовя статью для своей газеты. «Что с нами случилось в начале 20-го века?— хотелось спросить мне читателя.— Почему именно русский народ предал свою веру, царя, свой путь в истории, заплатив за это реками крови? Или революция и приход Сталина были исторически необходимы, чтобы выстоять в чудовищной второй мировой войне? Что это было в России — удачный социальный эксперимент планетарного масштаба или ошибка истории, бунт против Бога, обернувшийся концлагерями, тюрьмами, уничтожением священнослужителей, растоптанной верой?»...

Утром я расположился с листком бумаги на открытой веранде своего купеческого домика, готовясь к исповеди, вспоминая грехи перед воскресным причастием. За невысоким забором, в десяти метрах, Лопухин размышлял вслух, починая старый хомут, рядом с ним топталась гнедая кобыла Милка, кормилица Васи. На ней он пахал дачникам огороды, возил в город макулатуру и металлолом, а зимой, по моему совету, катал детишек на санях по городской площади у изукрашенной елки. Пенсии Васе хватало только на еду, газ и электричество. Мы отдавали Васе вышедшую из моды одежду, покупали ему лекарства, чтобы Вася мог просто выжить. Нас мучила совесть: русские позволили уничтожить свое родовое крестьянство (в Красную книгу можно заносить остающихся), в этом был страшный грех народа перед землей и Господом. Приятно было смотреть на крестьянскую, дочерна загорелую физиономию Васи, на кобылу Милку. Лошадь помахивала хвостом, переступала ногами, шумно вздыхала, скрип лошадиной упряжи был приятен, как музыка. Хорошо было посудачить с Васей, казалось, что сама земля разговаривает с тобой голосом Лопухина.

— Сергеич, что дальше-то будет?— спрашивал Вася, перетягивая лошадиную сбрую.— Я так считаю, н-нах, молодежи нашей будет жить плохо! Только они этого, н-нах, пока не понимают, потому что им напоследок дали повеселиться. Но долго им не прожить! Счас, ежели до пятидесяти дожил, это много, а про семьдесят и мечтать нельзя — рази доживешь? Ведь все больницы, клубы, магазины позакрывали, с каждым годом все хуже и хуже, а по телевизору кажут одно бабье голое, никакого сурьезного разговору!

— Ты прав, Василий,— говорил я.— Уж очень много мы напортачили...

— Да рази я портачил, н-нах!?— возмущался Вася.— Я землю пашу, как тыщу лет назад, в этом ошибки нет. Это там, повыше, пе-

ремудрили!

С другой стороны участка снова галдел, ругаясь на калымящих у него таджиков, чеченец Эдик. Еще недавно там жила семья московского стоматолога Зинаиды. Ее муж Анатолий в молодости служил при погонах, но главной его страстью было доноительство. За свою жизнь он, видимо, донес много раз, потому что его семья за что-то расплачивалась перед Небом: у зятя с каждым годом все отчетливее проявлялись черты вырождения. После семейных ссор он становился на четвереньки, по-волчьи выл, подняв лицо к небу. А внук Зинаиды и Анатолия родился идиотом: дородный и спокойный, в двадцать лет он почти не говорил, осанисто прохаживался перед калиткой, усаживался на крошечный мопед, горько плакал, когда мопед отбирали проходящие мимо скауты из расположенного неподалеку детского лагеря. Зинаида большую часть времени проводила в Москве, Анатолий сторожил дом и, как Плюшкин, тащил к себе все, что мог украсть — дорожные указатели, старые покрышки, дырявые ведра, листы старого шифера. Весь этот хлам он складывал возле крыльца, тряпье развешивал на заборе. Чтобы как-то закрыться от мусора, я насадил вдоль забора с десятков елей, но это не помогало. Анатолий подходил к зеленой изгороди, кричал:

— Ты смотрел вчера концерт Киркорова?!

— Не смотрел, Анатолий! Надоел мне этот голубой экран! — приходилось нехотя отзывать.

— Ага, и у меня глаза голубые, смотри! — вопил Анатолий, таща свои выцветшие от старости глаза.

Я раздражался, уходил в дом. Анатолий, гонимый жаждой общения, бежал к дороге, останавливал машину дачника, тульского чиновника, который одним из первых выстроил в деревне двухэтажный каменный особняк.

— Что тебе, Анатолий? — спрашивал тот. — Я тороплюсь!

— Провода снимают! Мне бы берданку, я бы ходил пугал!

— Я привезу тебе.

— Помирать мне пора, уже восемьдесят лет! — дребезжащим голосом кричал старик.

— Живи, Анатолий! Если что надо, скажи, я привезу! Здоровья тебе! — говорил сосед, усаживаясь в машину. Анатолий возвращался к своему дому и обиженно каркал:

— Во, начальник коттеджа! Сам ни кирпича не положил, все принимал! Бардак в России — стучишь, стучишь, а никто не реагирует! Заложить стало некому! Раньше бы его давно посадили!

В прошлом ноябре Анатолий исчез. Его долго искали, но старик точно под землю провалился. Весной тело Анатолия нашли подо льдом в реке Воронке. Окоченелая рука старика еще сжимала пакет с мочалкой и веником. Анатолий, похоже, отправился перед смер-

тью в отель, что выстроили за дорогой вместо детского лагеря — хотел попариться в тамошней бане. Как он оказался в реке, так и осталось тайной. Анатолия похоронили, Зинаида выставила дом на продажу, и купил его Эдик. Я тогда взял в библиотеке несколько книг по истории Чечни, хотел уяснить себе детали национальной психологии горцев. Читал о генерале Ермолове, молодом Суворове, который штурмовал крепость Анапы с засевшими там чеченцами, о геноциде русских в Чечне в 1921 году, депортации 1944. Одна часть горного народа тогда сражалась в Советской Армии, другая встречала немцев как освободителей Кавказа. Депортация была жестокой: людей силой выводили из домов, трамбовали в вагоны, некоторые умерли до приезда в Казахстан, или в первые месяцы ссылки. В 1957 Хрущев разрешил чеченцам возвратиться на родину, к 1988 они снова начали бунтовать. В 1991-м Ельцин, понукаемый зарубежными кураторами, вывел российские войска из республики, а склады оружия, боеприпасов оставил. Ельцин тогда всем народам России обещал «столько суверенитета, сколько проглотите». Сразу же после ухода российских войск в Чечне начали убивать русских, украинцев, евреев, армян. С 1991 по 1994, по мнению парламентской комиссии Шафаревича и Говорухина, в Чечне 90 тысяч женщин и детей были изнасилованы, тысячи русских попали в зинданы, стали рабами. Доказанное число убитых — не менее 40 тысяч. Например, зауча 10-й грозненской школы Климову, вместе с несколькими детьми, убили прямо в ее грозненской квартире. Двенадцатилетнюю дочь Климовой три дня насиловали, она после этого сошла с ума. Иногда русским детям на улице просто сворачивали головы, как цыплятам, «ичкерийская» милиция квалифицировала это, как бытовые травмы. В Грозном тогда обычным делом была автоматная стрельба, ограбления и убийства на дорогах, в проходящих через республику поездах. Сначала московские власти пустили поезда в обход Чечни, вскоре закрыли грозненский аэропорт. Русских в Грозном выгоняли с работы, принудительно выселяли из квартир, некоторых пытали, жгли заживо. Было несколько случаев, когда чеченские мужчины нападали на русские школы, детей захватывали в заложники, насиловали вместе с учителями. Русские, украинцы, армяне десятками тысяч уезжали из Грозного, бросая или задешево продавая квартиры. У Дома печати в Грозном висел плакат: «Русские, не уезжайте, нам нужны рабы». Между тем, до прихода к власти Дудаева в Грозном жило только 17% чеченцев. Но и когда инородцы ушли из Чечни, республика не стала жить мирно. Банды ичкерийцев нападали на казачьи районы, угоняли скот, миллиардами выводили деньги из российского бюджета поддельными «авизо», миллионами печатали фальшивые доллары и рубли

Ельцин решил вернуть войска в Чечню. Грачев, тогдашний ми-

нистр обороны России, встречался с Дудаевым на территории Ингушетии. Дудаев сказал, что уже не сможет распустить свою армию и разоружить людей. Грачев планировал взять Грозный за неделю малыми силами. Российские генералы не учли боевого духа и военной подготовки чеченцев, масштабов заграничной помощи мятежной республике, глубины предательства нашей «пятой колонны». В декабрьском Грозном погибли тысячи необстрелянных русских мальчишек, предатели наверху сообщали мятежникам детали готовящихся армейских операций раньше, чем офицерам наступающих войск. Причем солдат федерации всегда останавливали, если чеченцы попадали в безвыходную ситуацию, чтобы они могли выйти из окружения, пополнить боекомплект, заменить раненых на здоровых. Затем был захват Басаевым зданий в Буденновске, демонстрация российской слабости Ельциным и Черномырдиным, предательский мир, который заключили в Хасавюрте генерал Лебедь и Березовский, а после — вторая чеченская война уже при Путине, долгий период замирения.

Теперь мне было понятно, отчего Эдик так не любит русских, мечтая о высоком заборе. Уже через год после заселения в деревню Эдик начал вынуждать меня уступить ему свой участок — поливал ночью кипятком елки, передвигал забор. Соседей с другой стороны Эдик сжег, намеренно или случайно, теперь эти люди с Эдиком бесконечно судились. Но я не собирался уезжать из деревни.

«Почему я должен уходить с родной земли?— думалось мне.— Если мы все уйдем, толстовская деревня превратится в кавказский аул. Эдик — гражданин России, имеет право жить здесь, но нужно держать его в рамках. В конце концов, человек быстротечен, Эдик вскоре состарится и умрет, в доме будет жить его дочь, она выросла в центральной России, ее дети станут русскими».

Дочь Эдика была доброй, я это сразу понял, как только увидел ее: внезапно раскрылась калитка, вбежала незнакомая девочка лет шести, неся что-то в охапке. Когда она приблизилась, стало видно — к худенькой груди она прижимает скулящих от страха кутят.

— Дяденька, возьмите щенков!— рыдая, кричала девочка.

— Как тебя зовут?— спросил я.

— Лиза!

— Лизонька, где ты их взяла? Где их папа и мама?

Судорога прошла по детскому личику:

— Они... их... бросили!

— Милая, прости, у меня уже есть собака!— я чувствовал себя предателем и живодером, ведь взрослые страшно жестоки в детских глазах.

Лиза побежала к матери, причитая в слезах:

— Мама, давай возьмем щенков!

— Ты что, Лиза, наш Рекс рассердится, он разорвет их!— фальшивым голосом убеждала та.

— Ну, пожалуйста! Возьмите их кто-нибудь!— давясь слезами и сотрясаясь от горя, кричала девочка. Щенков она после все же увезла в город и где-то пристроила. Именно Лиза примирила меня с Эдиком, внушая надежду на будущее. «Со временем,— думалось мне,— чеченская кровь Эдика растворится в русской крови, придав ей пассионарности, это будет нам даже полезно. Русские ослабели, надорвались в мясорубке двадцатого века. Нам нужно теперь не разбрасывать, а собирать силы, ведь скоро, может быть, снова война»...

Утром на машине я отправился за женой в город, чтобы вместе поехать к причастию. В ближних городских церквях было суетно, раздражали посторонние люди, которые заходили в храм «поставить свечку» и поглазеть на верующих. Когда позволяло время, мы старались выбраться в какой-нибудь монастырь, каждый из которых был чудесной крепостью, о которую тысячу лет разбивались враги русского мира. Столетиями во времена нашествий русские люди спасались за этими стенами, да и сегодня монастыри были центрами сопротивления окончательному поражению, распаду, который грозил России. Упражняясь в аскезе, иноки спасали не только себя — всех людей русского мира, объединяя их в одно целое, показывая им духовные ориентиры. В монастыре у престола Господа стояли рядом крестьяне, генералы, нищие, предприниматели, солдаты, ученые, студенты, чувствуя друг друга единым народом, близкими людьми. Сам древний уклад церкви, тысячелетний календарь, старославянский язык богослужения укреплял русских памятью о великом прошлом, не давая пасть окончательно.

На этот раз решили навестить Оптину Пустынь. При всем богатстве, светскости, близости к церковным чиновникам, это был настоящий, правильный, серьезный монастырь. К тому же паломников здесь не просто терпели — по-братски заботились о них: исповедовали, причащали, кормили, давали приют.

Выкатив на калужскую дорогу, я отключил мобильный телефон, хотелось сосредоточиться. Внимательно глядя на узкую асфальтовую ленту с частыми поворотами, на придорожные селения Корекозово и Перемышль, примечая краем глаза калужские сосняки и песчаные проселки, я читал про себя молитвенное правило, включал диск с проповедью оптинского старца. Машина стремительно летела над асфальтом, пчелы разбивались о ветровое стекло, покрывая его липкими пятнами сладкого нектара, перед Козельском поворот влево явил глазам колокольни, купола храмов, мощные монастырские стены. Вдоль дороги тут и там шагали женщины в

длинных юбках, платках и просторных рубахах, скрывающих фигуру.

— Во, наши пошли,— сказала Валентина радостно.— В городе на нас, кто в платках и в длинной юбке, смотрят, как на умалишенных, а здесь мы свои!

Когда машина останавливалась возле монастырских стен, охватило разлитое в здешнем воздухе умиротворение. Оптинские храмы были выкрашены в нежно-голубые, розовые, бирюзовые тона, и в душе тоже появилась нежность к людям, которые здесь были особенные: жили не по законам жестокого мира, где сильные едят слабых — тут, как в раю, люди старались помогать друг другу!

В храме было душно, мы стояли на улице возле открытых окон, глядя на весеннюю траву, головки красных и желтых тюльпанов, посаженных возле дорожек. Среди цветов бегали дети, молились паломницы с потертыми рюкзаками на тощих плечах, не вставал с коленей расстроенный чем-то молодой мужчина.

После долгих монастырских ектений, готовясь к исповеди, мы приложились к надгробным плитам великих оптинских старцев. Монах, принимающий исповедь, вместе с кающимися стоял на коленях перед большой иконой Богородицы, многие плакали, просили друг у друга прощения...

Поев монастырскими чечевичными пирогами, остались ночевать в паломнической гостинице. После утреннего причастия накрыло небесное чувство инобытия, как будто одним глазом заглянул в чудесный мир Господа, радостно удивляясь его обширности, вечности, красоте.

Возвращаясь к машине, я все оглядывался, стараясь запомнить монастырь в тюльпанах, с еще прозрачными деревьями, собираясь приехать летом, когда будут цвести липы. Опустив глаза к пятнам света на мощеных гранитом дорожках, думал о самом главном.

— Русские в двадцатом веке оставили свою дорогу... ушли из небесной родины,— говорил Валентине, медленно нащупывая нужные слова.— И мы за это страшно наказаны. Россия опошлена, осмеяна и оплевана. Нужно скорей возвращаться, тогда смута закончится...

— Ладно, ладно, смотри на дорогу,— перебила Валентина, которая боялась красивых слов.— Молиться надо, чаще причащаться, жить по заповедям, и все будет хорошо.

Я гнал послушную машину, жмурился от усталости, был счастлив оттого лишь, что вокруг еще больная, страдающая, но такая милая родина.

Елена СЕМЕНОВА

(г. Москва)

СССР.

Елена Владимировна — писатель, поэт, публицист, драматург. Редактор литературно-общественного журнала "Голос Эпохи", портала "Архипелаг Святая Русь" и сайтов, посвященных Белому Движению. Автор 10 книг. Специалист по истории Белого Движения и 1-й половины XX века. Автор "На эт-нической войне", о геноциде русских в республиках бывшего

ОДНОКЛАССНИКИ. ЧУРБАН

Степка Чурбанов по прозвищу Чурбан был, по выражению учительницы математики, «бедствием нашей школы». Родившись в небогатой семье, Степка воспитывался улицей и не признавал ничего авторитета, что делало совершенно бессмысленными любые попытки педагогов воздействовать на него. Чурбан знал все самые значные места, с ранних лет успел перепробовать изрядное количество видов алкогольной продукции, курил, не скрываясь, и не стеснялся в выражениях. Степка был частым гостем в милиции, но поделаться с ним ничего не могли. Чурбан он и есть Чурбан: хоть кол ему на голову теши — не подействует.

Поведение Степки — самое хулиганское: он водился с отпетой шпаной, не единожды разбивал окна в родной школе, не раз та или иная учительница в ужасе отпрыгивала от своего места, увидев на нем притащенную Чурбаном крысу, сопровождаемая гоготом добропорядочных учеников. Удивительно, что за все подвиги Степку еще не выгнали из школы, стараясь все-таки дотянуть его до девятого класса, до которого добрался он уже великовозрастным оболтусом, поскольку имел несколько остановок на второй год.

Поступки Чурбана были противоречивы. Он мог издеваться над педагогами, но при этом вдруг пойти помочь какой-то незнакомой старухе, мог потешаться и доводить до слез девчонок, но, как ребенок, возиться с малышней, мог крушить, бить и ломать все, эпатировать всех своей грубостью и нахальством, и трогательно согреть за пазухой котят, которых очень любил. Он мог прыгнуть с третьего этажа, забраться зимой на самую высокую крышу, перебежать дорогу перед идущими машинами — на спор, из удалства, чтобы что-то кому-то доказать. Степка являлся завсегдатаем всех драк, регулярно битый, и сам бил без промаха — его боялись.

Надо ли говорить, что мы тайно или явно восхищались Чурбаном? Его словечки, его манера держаться липли к нам, и мы подражали ему, что расценивалось учителями, как «дурное влияние Чурбанова». А сам Степка потешался над нами, бродящими за ним хвостом:

— Сопли вы зеленые!

Он не остепенился даже в девятом классе: прогуливал уроки, регулярно хватал «бананы», дерзил педагогам. Мы же, в отличие от него, подтягивались. Не за горами было окончание школы, институты: всем хотелось получить приличный аттестат, и надо было готовиться загодя. Чурбан о будущем не задумывался, резонно полагая, что оно у него будет «в клеточку».

В тот день Степка, как водится, прогуливал уроки, стреляя сигареты у прохожих и возясь с тремя бездомными псами, любившими его, как родного. Я только-только оправился от болезни и отважился выйти вдохнуть свежего воздуха. Тут-то мы и столкнулись.

— Здорово, ботаник!— крикнул мне Чурбан, и три собаки грозно залаяли в мою сторону так, что я остановился, немного испугавшись.

— Что встал? Не бойсь: не съедим! Двигай сюда!

Я подошел. Надо сказать, что в последнее время я избегал Степки. Я всегда был примерным учеником, любимцем педагогов, гордостью родителей, я хорошо и убедительно разглагольствовал о «высоких материях», меня ставили в пример товарищам, и компрометировать себя дурными знакомствами мне не хотелось.

— А что это ты, зелень, не в школе?— Чурбан погрозил мне пальцем.— Вот, донесу на тебя! Сказался больным и шляется по улицам! Каков ботаник!

— Меня врач на несколько дней освободил...— промямлил я.— Сегодня последний. А завтра — в школу.

— Что, баклан, обделался?— гыкнул Степка.— Ладно, так и быть, помилую: не стану стучать. Курить будешь?

— Нет, спасибо.

— А я сказал: будешь!— грозно произнес Чурбан, глядя по холке яржего сурового вида пса и протягивая мне сигарету.

Я затанулся, и все перед моими глазами поплыло. Слезы покатились градом, и я закашлялся.

— Слабак,— махнул рукой Чурбан.

Мы сидели на корточках, притулившись между гаражей, недалеко от школы, когда я вдруг заметил черные клубы дыма.

— Чурбан, смотри! Что-то горит!— воскликнул я, вскакивая.

Степка выругался, поднялся также и прищурился.

— Это не что-то, зелень,— заключил он.— Это наша школа горит! А ну, пошли туда!

Бегом мы добежали до здания школы, уже пожираемого огнем. Вокруг собирались люди, много было наших, успевших выбежать, но успели не все: в окнах мелькали до смерти испуганные лица, кто-то выпрыгивал со второго этажа. На окнах первого стояли решетки, главный вход был отрезан огнем, а запасной давно не функционировал: я понял, что наши ребята оказались в огненном плену, мне стало страшно. Среди царящего на запруженной площадке гама, слышались причитания и плач.

— Пожарных вызвали?

— Вызвали!

— Да когда они будут?! Пробки кругом! Полчаса ждать!

Это была сушая правда: пожарных у нас приходилось ждать неисправимо долго, а здание полыхало, и каждая секунда была на счету. Чурбан пихнул меня в бок:

— Айда со мной, зелень! Пока они будут спасателей ждать, все сгорит к ядерной матери! Может, хоть кого-то вытащить успеем!

Я отшатнулся:

— Ты что, Чурбан, офигел?! Мы ж сами сгорим на фиг!

— Дерьмо ты, зелень!— сказал Степка, сплюнув сквозь зубы.— Только на слова горазд, а как до дела — так, как крыса, драпаешь!

Чурбан оттолкнул меня и бросился к школе.

— Стой, дурак! Сгоришь!— заорал я.

— Пацана-то держите!— слышались крики в толпе.

Но было уже поздно. Чурбан опрометью взбежал на боковое крыльцо, ведущее в столовую, и ринулся в здание.

Я не знаю, сколько минут прошло, прежде чем он под общих возглас толпы показался вновь, таща на себе двух девчушек-малолеток и еще одного мальчишку, державшегося за ремень его штанов. Оставив их, он выхватил ведро у какого-то деда, среди других пытавшегося способствовать тушению пожара допотопным способом, и, опрокинув его содержимое на себя, опять скрылся из виду.

Пожарные и спасатели добирались до места ЧП около получаса, и почти все это время Чурбан продолжал выводить и выносить людей из горящей школы. Он шел туда с тем же бесстрашием, с каким на спор прыгал с высоты и забирался в метель на оледеневшую крышу, рискуя разбиться насмерть. Казалось, что и теперь он совершал свой подвиг — на спор. Только спорил он с самим собой, вновь доказывая что-то самому себе.

Его одежда и волосы уже дымились, а руки и лицо были обожжены, глаза слезились от дыма и почти ничего не видели, душил кашель, но Степка снова возвращался в здание. Выведя последнюю партию детей, он тяжело повернулся и сделал несколько шагов назад, но повалился на землю, хрипя и задыхаясь. Приехавшая «Скорая» увезла его.

Все наши были потрясены героизмом Степки, и никто уже не смел называть его, как прежде, хулиганом, оболтусом, Чурбаном. Помню, как наша математичка плакала и качала головой:

— Ведь какой парень! Кто бы мог подумать!

В первый раз мы увидели тогда Степкину мать: опустившуюся, с одутловатым лицом, нетрезвую... Прежде нам лишь доводилось слышать о ней, что она пьяница, что яблочко от яблоньки и т.д. Тяжело было смотреть на эту несчастную, в которой вдруг проснулись заглушенные водкой материнские чувства, как она рыдала и рвала на себе волосы.

О подвиге Степки написали многие газеты, им восхищались по всей

стране, а в это время он лежал в реанимации, обгоревший, обмотанный бинтами, не чувствующий рук, и врачи колдовали над ним, делая все, чтобы спасти жизнь ему, спасшему столько жизней.

Когда Степке стало немного легче, наш класс пришел его навесить (навешали его прежде наш директор, какие-то известные люди и даже вице-мэр). Герой лежал на кушетке, подключенный к каким-то аппаратам, руки его и голова были замотаны бинтами. В тот день с его глаз сняли повязку: их чудом удалось спасти, и он впервые за долгое время видел свет.

— Ну, что, сопли, небось, обделались?— едва шевеля губами, бросил Степка.— Так вам и надо.

Галка, наша отличница, уполномоченная завучем, хотела сказать заранее заученную речь, но Степка прервал ее на первых же словах:

— Слышали уже! Лучше б покурить принесли, сопли, а то только языком молоты...

Из нашего класса я единственный не пришел навестить Степку. Мне было слишком стыдно смотреть ему в глаза. На всех школьных собраниях я говорил речи о высоких идеалах, «о доблестях, о подвигах, о славе», а сам оказался трусом, а Чурбан, над этими идеалами насмехавшийся, ругавший их непечатными словами и презиравший, совершил подвиг.

Из больницы Степка вышел нескоро. Одну руку спасти ему не удалось — слишком сильно обгорела она, на другой осталось три пальца. В честь него было устроено торжество, на котором Степка получил орден. Девятый класс ему был зачтен без экзаменов, но продолжать учебу он не захотел. На попытки помочь отвечал бранью, и, в конце концов, отвалил от себя людей и стал жить с матерью, которая после несчастья стала гораздо реже прикладываться к бутылке.

Шумиха вокруг героя стихла, здание школы было восстановлено, и в ней теперь висит большая фотография Степки, а что стало с ним самим? Этим мало кто интересовался. Жизнь шла своим чередом, торопя нас и щедро раздавая тычки в спину. Мы успешно окончили школу, затем и институты, и лишь недавно я случайно узнал, что Степка Чурбанов уже третий год отбывает наказание в колонии. За что — не знаю. Отчего-то почти никто, включая его самого, не сомневался, что рано или поздно он окажется за колючей проволокой. Может, пришиб кого-то в пьяной драке? Или связался с дурной компанией, и вместе они натворили что-то? Ничего этого мне не известно. Да и не очень-то хочу узнавать. Что бы ни было, но и я, и, думаю, все будут помнить Степку парнишкой в дымящейся одежде, выносящим из горящей школы плачущих детей. Натворить что-то и попасть в колонию может каждый из нас, но пожертвовать собой и броситься в пламя спасать людей, как это сделал Чурбан, редкий отважится.

СЛЕДУЮЩАЯ СТАНЦИЯ БЕЛОВОДЬЕ

Большая, белая с серизной голова пуделя, жемчужась куделями, медленно плывет по небу, а над ним, словно мосток с умытой недавним ливнем земли к краю горнему, изогнулась радуга, отражаясь частицами в сияющих повсюду каплях... Шепчут таинственные заклинания сосны над крышей дома, и под их мерный говор наваливается дремота. Гудок поезда нарушает царственную тишь, все приходит в движение. Сами стены дома подрагивают в такт стучащим по рельсам колесам. Под этот монотонный гул проходило мое детство. Поезда, товарные, электрички, дальнего следования — ползли, шли и проносились мимо, по вечерам призывно горя желтоватыми огоньками. И за каждым из них рвалась моя скипальческая душа, доставшаяся телу-домоседу...

Мне грезилось, что однажды я сяду в один из этих поездов и поеду... Куда? Далеко-далеко-далеко... По всей России, по городам, по весям — так, чтобы до самого дальнего уголка оглянуть ее. И домчусь, наконец, до какого-то неведомого и прекрасного края... Затонувшего Китежа, Беловодья, обетованной земли... В моей детской душе жило бессознательное искание этого утерянного рая. Оттого так чаровала, так отчаянно влекла меня дорога. Стоило мне увидеть тропу, лентой уходящую за горизонт, как являлась греза, что там, в конце ее, за светлой линией, где упирается она в небосклон, лежит тот неведомый край, о котором тосковала моя душа. И ведь — близко совсем! Добавить шагу и — дойти! Только дорога не кончалась, а тонкая линия удалялась с той же скоростью, с какой я приближалась к ней. Но неудачи не охлаждали моего стремления, и я продолжала верить, что однажды дойду до сказочного края, мерещившегося мне.

Много позже я поняла, что его каждый носит в своем сердце, что не в скитаниях по земле, а именно там нужно искать его. Но сколь же труднее плутать по извилистым тропам собственной души, нежели по земным дорогам! Человек, подъявший Китеж из глубин собственной души, всякое место ощущает, как Беловодье, потому что сам он светел, как облако, напитанное солнечными лучами, и лучи эти создают светлое поле вокруг него, и потому всякому, падающему в его орбиту, становится светлее. Стань светом, и тебя увидят, — так говорил Достоевский...

Много лет пролетело, а и поныне, слыша гул поездов, видя стремящуюся вдаль дорогу, я чувствую неизъяснимое томление, будто бы кто-то зовет меня в кроющуюся за горизонтом неведомую даль, где клубятся, пламенея в закатных лучах пугающе прекрасные облака. Я всматриваюсь в их нависшее над темной полосой леса зарево и вижу силуэты несущихся коней, тройки коней, запряженных в невидимую колесницу... Полыхающая птица-тройка Руси мчится по потемневшему небу, и от этого зрелища захватывает дух... Но,

вот, догорела... Снисходит ночь, и в сумраке, над железной дорогой медленно вздымается докрасна рыжеватый диск луны, а мимо нее черной лентой с горящими желтыми огоньками-окнами мчится очередной поезд. И, как в далеком детстве, мне грезится, что, долетев до очередной платформы своего маршрута, он услышит заветное, пусть и произнесенное механическим женским голосом, какой иногда долетает в ночной тиши досюда с ближайшего вокзала: «Следующая станция «Беловодье»»...

Вячеслав АЛТУНИН

(г. Тула)

Алтунин Вячеслав Васильевич — журналист, поэт, — родился в 1951 г. в с. Песковатое Белевского района Тульской области в семье сельских интеллигентов. В Белеве окончил среднюю школу, а затем — историко-филологический факультет Казанского государственного университета. Около сорока лет — в СМИ, работал в районных и областных газетах. Стихи пишет и публикуется с 14 лет. Печатаются в журналах, альманахах, коллективных и газетах Автор трех поэтических сборников. Активный участник литературно-художественных проектов «Новые имена России: Тульский регион» в 2005 — 2009 гг. Дипломант конкурса ЦФО «Потенциал России» (2006). Лауреат премии Союза писателей России «Безин луг» им. И.С. Тургенева (2007). Член Союза журналистов РФ и тульских православных литературных клубов «Родник» и «Ковчег».

ПОКАЯНИЕ

Рассказ из цикла «Житейские истории»

«Из развития житейских дел разумевай волю Божию»...
(Святой Варсонофий Великий).

От автора

Этот рассказ — из авторского сборника рассказов «Житейские истории», публикация которых начата в предыдущем альманахе («Ковчег» № 3). Частично он записан со слов других людей, частично взят из нашей российской истории, а часть изложенных событий я наблюдал сам и даже был участником некоторых из них. Я старался ничего не придумывать, писать предельно просто. Думаю, что благосклонному читателю он будет безынтересен. А в чем его смысл? «Читающий да разумеет»...

Геннадий Петрович Быков сделал хорошую карьеру и жизнью своею был вполне доволен. В самом деле: от руководителя одного из отдаленных хозяйств области он в сравнительно короткое время поднялся до директора департамента сельского хозяйства, а затем и до заместителя губернатора. Обосновавшись в областном центре,

Быков быстро «оброс» связями, нужными людьми и отлично устроил свое материальное благосостояние, построив в зеленой зоне двухэтажный роскошный дом. Имел Геннадий Петрович и несколько машин-иномарок, и множество дорогих, редкостных вещей. Дела на работе шли в целом неплохо, губернатор его уважал. Чего еще надо? Он был вполне доволен собой и своим положением.

И все было бы хорошо, но... Но с некоторого времени странное что-то стало твориться с Геннадием Петровичем. Тут в пору вспомнить слова Гоголя: «Чепуха совершенная делается на свете! Иногда вовсе нет никакого правдоподобия». Вот так получилось и в его судьбе.

Вдруг, без всяких видимых причин, стал Быков регулярно уходить в запой, которые длились от нескольких дней до нескольких недель. Он это тщательно скрывал, сказываясь больным и даже предоставляя медицинские документы, что при его знакомствах не составляло для него большой проблемы. В другой раз Геннадий Петрович начинал крутить романы с красивыми женщинами, у которых, как мужчина видный и еще далеко не старый, неизменно пользовался успехом.

А бывало и так: он срывался и ехал в самые далекие места, забирался в глушь, в свой покинутый, еще родителями построенный деревенский дом. Ходил на охоту, рыбачил. Это давало временное облегчение, но стоило вернуться в город, к обычным делам, обязанностям, к привычному стилю жизни, как непонятная тоска, какое-то томление так начинали жечь и мучить его, что Быков места себе не находил. Какой-то вкрадчивый голос внутри него постоянно повторял: «А дальше — что? А для чего это все?»

Ответить на эти вопросы не получалось, потому что выходила полная бессмыслица, а признать бессмысленной всю свою успешную, как Геннадий Петрович считал, жизнь — это уж было слишком. На это он согласиться никак не мог. Быков чувствовал себя духовно так скверно, как чувствует себя человек отравившийся: тяжесть, ломота, тошнота, все — противно и все — противны. Врач, к которому он обратился за помощью, сказал, что это депрессивное состояние, которое нередко наблюдается у людей, обремененных большой ответственностью, выполняющих важную работу.

— Что же делать? — спросил Геннадий Петрович.

— Вот я прописал вам препараты. Это хорошие препараты. Попейте в течение полугода. Старайтесь не допускать больших нагрузок, особенно психических, избегайте конфликтных ситуаций, побольше спите, старайтесь выспаться. А потом опять ко мне. Посмотрим, что делать дальше, проследим динамику вашего состояния.

Врач, хоть и был он с большой ученой степенью и пользовался известностью, Геннадию Петровичу не понравился. Главное, рекомендации его были совершенно не выполнимы при той должности,

на которой находился Быков. Как, будучи заместителем губернатора, избегать неприятных конфликтных ситуаций, когда чуть не весь его рабочий день соткан из них? Как не перегружаться работой, если шеф (губернатор) требует и требует, дает все новые и новые непростые поручения «под личную ответственность»? Спать побольше! Попробуй тут! Встаешь в пять утра, а когда ляжешь, неизвестно, часто удастся добраться до постели только за полночь. Да что они, эти врачи, на небе, что ли, живут, а не на земле?! В общем, беседа с доктором, от которой ожидал он облегчения, только еще больше расстроила его. Однако препараты, прописанные им, Быков добросовестно купил и принимал, как и велел врач, в течение полугода. Однако облегчения они не принесли. Напротив, стало хуже. Духовное его состояние приблизилось к критической черте. Главное же, он не мог понять причин. «Какого черта тебе, Геннадий, еще надо?— спрашивал он часто сам себя.— Все, что только может желать человек, у тебя есть. Чего же еще?» И не было ответа.

Кончилось тем, что он отдал жене Ларисе ключ от комнаты, где за бронированной дверью хранился целый арсенал охотничьего оружия, собранный им за многие годы. И сказал:

— Вот этот ключ не давай мне никогда и ни при каких обстоятельствах, не смотря ни на какие мои просьбы. Ты поняла?

— Поняла, — ответила супруга. — Гена, что-то неладное с тобой происходит. Я давно заметила, да все не решалась начать разговор. Ты был в церковь к батюшке сходил, поговорил с ним, исповедовался бы...

— А больше ты ничего не придумала?! — вспыхнул он. — Я к папам отродясь не ходил. Не терплю их. Обманщики!

В общем, на жену он накричал, и предложение ее отверг. Но мысль все же засела в нем. И не уходила. «А почему бы нет?— думал он все чаще.— Сейчас даже мода пошла в храмы-то ходить. Высшие руководители страны исповедуются и причащаются. А мне-то, как говорится, и Бог велел!»

Однажды он был в командировке в одном из отдаленных районов области. В старинном селе, где довелось ему побывать, был прекрасный, большой, еще в восемнадцатом веке сооруженный храм во имя Архистратига Небесных Сил Архангела Михаила. Узнав, что храм действующий, и настоятель в настоящее время на месте, Геннадий Петрович не без внутреннего волнения и даже трепета переступил его порог. И — сразу же пожалел, что вошел.

Священник ему не понравился с первого взгляда. Низенький, толстенький, какой-то невидный попик с жидкими рыжеватыми длинными волосами, собранными на затылке в пучок, с такой же рыжей редкой бороденкой и маленькими, как показалось Геннадию Петровичу, злыми и сверлящими собеседника глазками. «Еще и выпивши, небось», — неприязненно подумал о священнике Геннадий Петрович. Он уже жалел, что зашел в этот храм, но, такой уж был у него характер,

что, начав что-то делать, он непременно доводил до конца, так и теперь решил: зашел исповедоваться — все, не отступай, вперед!

— Что желаете? — спросил священник.

Геннадий Петрович поразился, какой у него сильный и красивый голос. То-то, небось, читает и поет-то свои молитвы и псалмы! Заслушаешься.

— Желая исповедаться, — ответил Быков.

— Похвально. Давно ли были на исповеди?

— Не помню, — залившись вдруг краской, признался Геннадий Петрович.

Ему вдруг против его воли стало невыносимо стыдно, как было разве что только в далекие-далекие школьные годы, когда его, одного из первых шалунов, ловили на каком-нибудь очередном преступлении и вели «на ковер» к завучу, а то и к директору. Он вдруг, непонятно почему, ощутил всю свою мерзость, ничтожество всего того, что считал важным и нужным в своей жизни: власть, деньги, положение, материальную обеспеченность и прочее, за чем так гонится человек в течение всей своей суетной земной жизни, упуская при этом главное, «единое на потребу» — спасение души своей, обретение Царства Небесного.

— Не помню, — стыдясь и краснея, повторил он.

— Ничего, — сказал батюшка. — Господь приемлет и тех, кто в единонадесятый, то есть предпоследний, поздний час своей жизни пришел к Нему. Пойдемте к аналою.

Они встали у аналая. И Геннадий Петрович смешался и оробел окончательно. А ведь был он человек не робкого десятка. Не раз ходил и на кабана, и на медведя, в армии служил в воздушно-десантных войсках. На гражданке, уже работая руководителем хозяйства, встречался с бандитами, был и под уголовным делом. Да многое чего было. Но всегда сохранял Быков выдержку и спокойствие, что и помогало ему в самых крутых ситуациях. А вот теперь все оставило его. И стоял он, робкий, неуверенный, не зная, что делать и что говорить.

— Сейчас сам Господь предстоит незримо здесь, приемля вашу исповедь, — строго и наставительно сказал священник. — Не утаитесь, ниже убойтесь. Аще что сокрыете от мене, сокрыете от самого Господа! Ну, пожалуйте, кайтесь.

Геннадий Петрович поглядел на батюшку и поразился произошедшей в нем, даже в его внешнем виде, перемене. Вместо невзрачного, заштатного сельского попа перед ним стоял величественный и строгий иерей, которому благодатью Божию дана способность провидеть все извилины грешной души человеческой и власть вязать и разрешать, осуждать и прощать!

Геннадий Петрович смотрел прямо ему в глаза. И что это были за

глаза! Что за взгляд! Маленькие глазки, которые по первому впечатлению окрестил Быков «свинными», оказались глубокими, пронизывающими насквозь, внимательными. И под этим взыскующим взглядом он рассказал все или почти все о своей, как оказалось сейчас, нескладной и грешной жизни. Он рассказал, например, о том, как, руководя хозяйством, заставлял подчиненных подписывать ложные денежные документы, а получаемые по ним деньги присваивал, а частично раздавал «нужным людям», успокаивая свою совесть тем, что делает он это «в интересах хозяйства», что «без этого нельзя, все так делают». Он рассказывал, как пробивался к высоким областным должностям, оттесняя конкурентов, а приемы для этого употреблял недопустимые: компрометировал хороших людей, выставляя себя в лучшем свете. И опять заглушал голос совести тем, что «иначе не пробьешься», что на более высокой должности он и больше сделает для развития сельского хозяйства. Рассказывал, как и на какие средства построил в пригородной зоне шикарный дом, а также про свои многочисленные романы с женщинами, про запои и многое другое. Часа полтора говорил. И священник ни разу не остановил его, только слегка покачивал головой, как бы сокрушаясь, сожалея, сострадая. Как врач, осматривающий тяжело больного человека.

— Вы духовно больны, — сказал батюшка, когда Геннадий Петрович закончил. — Причем больны тяжело. А тяжелую болезнь, вы знаете, сразу не излечишь. Но первый, самый важный шаг к исцелению вы сделали, признав себя больным и исповедав, надеюсь, искренне, свои грехи. Не останавливайтесь. В самое ближайшее время поспешите, подготовьтесь к еще одной исповеди и причащению. Исповедоваться и причащаться святых и страшных Христовых Таинств надо часто — желательно ежемесячно. Ступайте. Бог в помощь!

Из храма Геннадий Петрович вышел в таком состоянии, словно душу его хорошенько пропарили в русской бане с березовым веничком. Такая ощущалась чистота и легкость! «Да, — улыбаясь, думал он, — вот тебе и попы. Умеют доставать! Молодцы».

С тех пор он стал похаживать в храм. И постепенно это стало для него внутренне потребностью. Он и не ожидал в себе такой тяги к церковным службам, таинствам.

А через несколько месяцев он неожиданно для всех подал заявление об отставке с поста заместителя губернатора, продал свой шикарный дом, пожертвовав большую сумму на ремонт храма и на лечение детей-инвалидов, и уехал в свое родное село, в тот дальний район, из которого когда-то начинал восхождение к вершинам областной власти.

Односельчане сначала удивились. Пошли даже разные толки: мол, выгнали нашего Петровича с должности-то, а может, на взятке попался или еще на чем? Но вскоре сплетни улеглись, поскольку подтверждения им не последовало. И люди, по крайней мере, наиболее умные и порядочные из них, все поняли.

Людмила АЛТУНИНА

(г. Тула)

Людмила Дмитриевна Алтунина родилась и выросла в Горном Алтае, в 1976 г. окончила журфак Казанского госуниверситета. Работала в печатных СМИ, на радио, 18 лет была редактором многотиражной газеты ТулГУ. Автор и соавтор более 10 книг. Патриотическая, военная тематика, тема малой родины занимают особое место в творчестве. Участник литературно-творческих проектов. Пишет и для детей. Печатаются в местных и центральных СМИ, в журналах, альманахах и сборниках международных конференций. Член Союза журналистов РФ и Тульских православных литобъединений «Ковчег» и «Родник»; дважды финалист Всероссийского кинофестиваля короткометражных фильмов «Семья России» (проза, 2007, 2013 гг.). Победитель Регионального этапа Всероссийского конкурса «Растим патриотов России», посвященного 65-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне (2010). Имеет нагрудный знак «За заслуги перед университетом», почетные грамоты, благодарности. Ее имя внесено в энциклопедию ТулГУ. Ветеран труда.

НЕПРИДУМАННЫЕ ИСТОРИИ

(Рассказы — свидетельства очевидцев о промысле Божиим)

НИКОЛАЙ УГОДНИЧЕК ПОМОГ

1. В БОЛЬНИЦЕ

(Рассказ тулячки Лидии Серафимовны Давыдовой)

Я стояла утром в больничном коридоре, куда меня доставили на скорой помощи после неожиданного ночного приступа непонятного для меня происхождения, ожидая, когда освободится койка-место в палате, и смотрела в окно. Настроение было мрачное, хотелось плакать: так неожиданно попасть в больницу, когда столько незавершенных дел, нереализованных задумок, к которым только-только подступила и планировала многое из начатого завершить; когда на улице, хотя и конец февраля, но уже чувствуется весна. Она улавливается в запахах ветра, едва начинающего подтаивать снега, в оживлении воробьев, в ослепительных солнечных лучах, пригревающих сосульки, которые уже начинают плакать — кап-кап-кап. Я повернулась к окну и увидела такие громадные каскады свисающих с крыши вдоль водосточной трубы сосулек, что невольно улыбнулась, сожалея, что нет при мне фотоаппарата. А рука моя потянулась к сотовому телефону, чтобы хотя бы на него запечатлеть такую невиданную красоту, прозрачно-голубоватым хрусталем блестящую в ярких солнечных лучах. Снег

внутри дворового колодца, образованного больничными строениями такой белизны, какую нечасто встретишь на городских улицах и во дворах. И по этому белоснежью, разноцветными искорками-бриллиантами сверкающему в солнечных лучах, падающих из-за крыши, метет поземка, поднимая легкие снежные завитки, похожие на белесые волны. И вдоль замыкающихся в четырехугольник кромок крыш, искусно обрамленных мелкими сосульками и подтаявшим снегом, белым, витиеватым шлейфом вьется и ниспадает до земли снежная вязь, тонкая, искусная, сотканная из миллиардов нежных снежинок. У самой земли она соединяется с поземкой и образует завораживающий грациозный белый танец. Глядя на все это, я невольно улыбнулась и подумала о том, что поистине Бог даровал быть красоте повсюду, порой в самых, казалось бы, противопоказанных для ее воплощения местах, там, где и вовсе не ожидаешь ее встретить.

Вот так и стояла, и смотрела за окно, и улыбалась. Настроение мое поднялось от мысли, что красота вечна и повсюду. Она при нас, вокруг нас, надо только видеть, замечать ее в обыденности, а Господь так щедр в своих проявлениях. «Жаль,— размышляла я,— что все реже подлинная красота уживается в человеческих душах, объятых суетою; в мыслях, занятых более заботами о деньгах, наживе, а не о светочах вечных, духовных. С каким немилосердием, безоглядно, бездумно человек уничтожает красоту, дарованную Всевышним, и вокруг себя топчет, вырубает, губит. И все это ради наживы, собственного благополучия и роскоши...» А еще страшнее, как, самоуничуждает он ее внутри себя злобой, завистью, стяжательством, недоброжелательностью, даже не ведая, что творит сам с собой.

Мои мысли прервало шарканье чьих-то ног за моей спиной и слабый женский голос, вопрошающий: «Девочки, сестрички милые, а эта-то вот моя, пятая палата, а то я без очков-то не вижу?». Я обернулась. В двух шагах от меня стояла, опираясь одной рукой на костыль, а другой, упираясь в стену, пожилая женщина в распахнутом фланелевом халате с розовыми цветами по синему фону. Ее неприбранные пушистые седые волосы насквозь пронизывали веселые солнечные лучи, щедро падающие в сплошные огромные окна длинного узкого коридора, образуя из них святающей ореол вокруг головы, делающей старушку похожей на одуванчик. «Верно про стареньких говорят: «Божий одуванчик»,— невольно подумалось мне. Обращалась сухонькая старушка с выражением детской наивности и простодушия на лице к сидящим за столом на своем посту и занятым разговорами двум медсестрам. Одна из них, крупная, полная, не сразу недовольным тоном ответила: «Ба, сколько ходишь, а запомнить не можешь, не эта твоя палата, а другая,— вот эта»,— и медсестра указала пальцем на палату, находящуюся как раз напротив сестринского поста. «Ба, и что ты все шаркаешь и шаркаешь туда-сюда, сиди в палате»,— вставила также недо-

вольно, с пренебрежением другая медсестра,— еле ведь ползаешь, завалишься еще, кто тебя поднимать будет...» — «Дак, я, девочки милые, по маленькому в туалет все хожу, у меня частые позывы». — «Частые позывы — ходи на судно, оно у тебя под кроватью», — отрезала медсестра. «Дак в палате — народ, неудобно как-то мне на судно-то прилюдно», — виновато с детской беспомощной улыбкой отозвалась бабушка и, словно ища у меня поддержки, глянула мне в лицо своими голубыми, как небо за окном, детскими глазами. «В палате — не народ, а больные, такие же, как ты, — нечего в стеснялочку играть, поняла?» — с прежней резкостью, с поучительными нотками в голосе парировала медсестра. Бабушка в знак согласия, что поняла, утвердительно кивнула головой. «Неудобно на судно-то, раз передвигаться могу», — повторила она уже тише, больше для себя, все также, с детской полуулыбкой, глядя прямо мне в лицо и силясь, опираясь одной рукой на палку, а другой на стену, сделать очередной шаг, но пошатнулась, неуверенно перенесла тяжесть тела на выставленную вперед ногу. Я поспешила бабушке помочь, поддерживая ее за локоть, и тут увидела, что на правой ноге у нее нет полступни. Большой палец другой ноги был забинтован окровавленным бинтом, а ноги всунуты в стоптанные неустойчивые пластиковые пляжные шлепанцы.

— Как вас зовут? — спросила я старушку. — Меня зовут Людмилой.

— Лида, — опять же с детской готовностью и простодушием ответила она, опираясь на мою руку и устремив наполненный каким-то ожиданием взгляд в мое лицо, будто она хотела узнать во мне своего близкого, родного человека. Так смотрят брошенные на улице собачки, которые еще недавно были окружены теплом и заботой хозяина. Так, с надеждой и робостью, смотрят в лицо незнакомого человека потерявшиеся маленькие дети, которых незнакомец берет за руку. Своим взглядом, полным доверия и робкого ожидания они словно говорят: «Раз этот дядя или эта тетя взяла меня ласково за руку и ведет, значит, она — не чужая, а своя...», и согласно, доверчиво идут туда, куда их ведут.

«Спасибо, что помогли, это моя палата», — ласково и тихо благодарила Лида Серафимовна, когда я укладывала ее на кровать. — Дай Бог вам здоровья». — «Во славу Божью», — ответила я, — дай Бог нам всем здоровья». — «Правда, правда, — охотно и бодро подхватила моя новая знакомая: — Дай Бог нам всем здоровья. Вон сколько тут больных-то. Ладно, мы, старые, болеем — пожили уж, а молодых сколько — жалко их». Голос у Лидии Серафимовны, на удивление, звучал по-девичьи молодо, мелодично и приятно. «А сколько же вам лет?» — не удержалась я от вопроса. «Семьдесят первый пошел — старуха древняя уже». — «Нет, семьдесят — это еще не древняя старость, многие в этом возрасте работать продолжают, не уходят на пенсию». — «Да кабы здоровье, я бы тоже работала — с народом-то оно веселей. А я-то

вон — развалина, инвалид. Полступни оттяпали, теперь вот грозятся всю ногу по колено оттяпать, а то, говорят, гангрена будет, палец большой вон и на другой ноге чернеть начал», — и она протянула в мою сторону ногу, чтобы я убедилась в правдивости ее слов. «Вам бы, Лидия Серафимовна, — тапочки поудобнее, помягче, эти скользкие, неустойчивые, да и пластик — химия, вреден для ног». — «Да когда же сыну-то покупать?! Некогда ему, с утра до ночи — на работе, и без выходных порой — все возится со своими железками. Они ему с детства всего дороже. А сноха-то... — старушка махнула рукой, — тоже, то на работе, то со своей ребятней, а тут еще внучек у нее родился. Дочка-то в шестнадцать родила, вот она, сорока еще нету, бабкой стала, помогает с внучиком-то. Годик ему скоро, хорошенький такой, миленький, я его тоже люблю, балую, когда она ко мне домой с ним приходит. Я ее ни о чем уж и не прошу, ей тоже некогда, да крикливая она, а я крику не люблю, не выношу просто».

СКОРЫЙ ЗАСТУПНИЧЕК

Так, из разговора с Лидией Серафимовной я узнала, что есть у нее сорокалетний сын Юрий, который служил в армии на подводной лодке. Женат второй раз. С первой женой детей не было. Вторую, Надю, взял с двумя детьми, теперь вот еще и внук у нее появился. Сын работает на производстве, где и пропадает сутками, за что Надя его «пилит», а когда он идет мать проводить, попрекает: я, мол, итак его не вижу, а он — все к матери. «Я уж его лишний раз и не дергаю, — заключила Лидия Серафимовна, — но раз слышала, он сказал ей на кухне: «Мать я никогда не брошу и ходить к ней, и заботиться о ней всегда буду. Она меня одна растила в трудностях, без отца».

— А уж трудностей-то и вправду я хватилась по самую макушку, — продолжила старушка, пригласив присесть меня рядом возле ее кровати, — Муж помер — поскользнулся и убился, когда мне тридцать годков было. Юрка пяти лет остался на моих руках. Родные все поумирали, жить негде. До войны-то наша семья жила на улице Бундурина в Туле, а когда после эвакуации вернулась моя мать с детьми назад, квартира оказалась занятой. Нас тогда поселили в келье Щегловского монастыря, что в Пролетарском районе. Больше тридцати лет там прожили, сначала с родителями, а потом я с Юркой, там он и в школу пошел. Двухкомнатную квартиру получила, когда уж он старшеклассником был. А я работала и на производстве, и в больнице Семашко нянечкой последние перед пенсией годы. Никакой работы не чуралась, лишь бы на кусок хлеба заработать, но все равно в большой нужде жили с ним, каждую копейку считали.

А раз, когда уж Юрик в пятом классе учился, вообще до ручки дошли — ни копейки за душой. Встала утром, он еще спал, одна думка съедает: «Чем кормить его стану? Как голодным на целый день в школу

отправляю — головой ведь ребенку думать надо, а на голодный живот никакая учеба на ум не пойдет. Он и так у меня худенький, недокормленный, на хлебе да картошке с капустой в основном рос-то. Смотрю на него, спящего, а сама слезами обливаюсь — и занятого денег, хотя бы на хлеб, не у кого. Пойду по воду, хоть кипяточком напою, — думаю. Октябрь уж на исходе был. День, как сейчас помню, ясный, с изморозцем. Взяла ведро, пошла на родник, иду, а сама плачу, концом шали слезы вытираю, да причитаю: «Николай Угодничек, родименький ты мой, Мать Божия, вразумите, помогите: как жить дальше не знаю; не дайте с голоду помереть, хотя бы не мне, сыночку моему хоть кусочек хлебушка бы Господь послал. И не поверите, гляжу и глазам своим не верю: недалеко от родника-то, прямо на дорожке лежит, розовеет бумажка, глянула и ахнула — десять рублей. Инеем припорошена и, верите ли, палочкой как бы придавленная, чтобы ветром не унесло. Я, не помня себя от радости, схватила бумажку — и домой бежать. Тормошу Юрку-то: «Глянь-ка, сынок, радость-то, какая — целых десять рублей!» Он проснулся, глазенки таращит, бумажку-то эту, десятирублевую, щупает, словно не верит глазам своим. «Где взяла?» — с удивлением спрашивает. — «Кто дал?» — «Бог послал, — отвечаю. — Николай Угодничек сподобил, прямо на дорожку положил, да палочкой придавил. Он у меня один Скорый Заступничек. Я со всеми своими бедами всегда к нему взываю — он не раз мне помогал. Вот и сейчас выручил». Юрка смотрит, не верит: «Разе так бывает? Разе может Он так?». — «Может! Может! Он все может, — давай помолимся вместе, да поблагодарим Его». Помолились, поблагодарили, и побежала я в магазин. Муки купила, сахару, макарон, хлеба, молока — всего, даже сто грамм конфет Юрке взяла. Он — радешенек. Напекла оладий, наелся он их с молоком досыта и в школу с собой еще взял. Вот так-то бывает. А Николай-то Угодничек и вправду не раз меня выручал. Это правда, как на духу говорю.

НЕ СОКРАТИЛИ!

— Хотя бы вот еще случай взять. Это уж я в Семашко работала, а все материально трудно жили. Юрка из армии пришел, но на ноги еще не встал, зарабатывал мало. А меня заведующая вызывает и говорит: вы, мол, под сокращение попадаете, подыскивайте другое место, сроку вам совсем мало отпускаю — неделю, таковы вот обстоятельства. Я ей чуть в ноги не пала: «Куда ж я пойду?! Где за неделю работу-то найду?! Да мне уж не тридцать лет. Больше-то молодых берут, а мое дело — к пенсии». Она — ни в какую. Не от меня, мол, зависит, по всему учреждению — сокращение. Что делать, не знаю. Пришла домой, села на кровать, ревом реву: с голоду теперь помирай. Юрки дома не было — в ночной смене. Я полночи на коленях стояла, молилась, Николаю Угодничку жалилась, от слез аж на мне

весь фартук, которым утиралась, мокрый был. Под утро прикорнула и будто заснула и не то сквозь сон, не то наяву слышу, как голос мне говорит: «Не плачь, иди смело на работу. Будь спокойна». А во сне-то вижу, будто ко мне домой, в келью-то, где мы жили, старичок в холстине заходит, останавливается у порога и внимательно и сочувственно так смотрит на меня, а я — на него. Глядела, глядела, да вдруг признала и от радости и удивления вскрикнула: «Да это ж Николай Угодничек! Что ж у дверей стоишь, Милосердный, проходи!». А он исчез. Проснувшись, сон вспоминаю, голос, который будто слышала, и на душе как-то спокойней стало. Пошла на работу, полы мою, а все как ровно голос-то в ушах стоит: «Будь спокойна». Работаю и все поджидаю, когда мне заведующая напомнит, что меня сокращают, а виду не показываю. День работаю, другой, третий; неделю, другую, третью; месяц. Заведующая все это время — молчок, словно и не было у нас с ней никакого разговора на эту тему. Так и осталась я на работе и еще несколько лет проработала, пока сама, по здоровью, не ушла, а про сокращение со мной никто больше разговора не заводил — вот как Николай Чудотворец все устроил!...

СПЕШИТЬ ДЕЛАТЬ ДОБРО

(Вместо послесловия)

...Меня, как оказалось, определили в одну палату с Лидией Серафимовной. Кровати наши стояли рядом, на расстоянии вытянутой руки, и мне нередко приходилось помогать старушке: то упавший костыль подать, то поддержать под руки, то еду из столовой принести, то судно подать или унести — да мало ли чем приходится в больнице братьям по несчастью помогать. Я попросила, и мой сын купил и принес Лидии Серафимовне теплые, мягкие, удобные домашние тапочки, чему она была несказанно рада. И все не верила, что это за просто так, денег с нее не потребуют и все спрашивала, дорого ли стоят и опять говорила, что это не иначе, как Николай Угодничек ей через нас подарок такой сделал, заботясь о ее больных ногах.

Серафиму Сергеевну навещал и сын, в общем-то хороший, славный парень, высокий, крепкий, рыжеволосый, с такими же, как у матери, голубыми глазами. Приходила и сноха — командирша, но в душе, наверное, тоже неплохая, добрая женщина, но, как и все мы, затюканная, замотанная городской суетой. Лидия Серафимовна все расспрашивала их о своем любимом котике, просила не забывать его кормить. «Он один меня дома с нетерпением дожидается, я ж одна его так люблю и балую», — говорила она.

А однажды, когда от сильных болей Лидии Серафимовне не спалось, я попросила рассказать ее о своей жизни, вот она и поведала мне эти и другие истории. И еще мы с ней тихо-тихо пели песни, которые она любила, как и моя старшая сестра, одного с ней воз-

раста, недавно ушедшая из жизни. Это песни их молодости: «Белым снегом», «Куда бежишь, тропинка милая...», «Позарастила стежки-дорожки», «Березы», «На кургане» и другие. Голос у нее был приятный, мелодичный и хороший слух. Пела она замечательно. Оказалось, это были последние в жизни моей новой знакомой песни, последние ее воспоминания.

...Лидию Серафимовну выписали, сын забрал ее и увез домой на такси, а дня через три среди ночи ее вновь привезли и поместили в нашу палату, на ту же самую кровать. Плоха и слаба была она; усугубляя картину сахарный диабет: опухла, покраснела у пальцев нога, большой палец на ноге почернел и загноился. Без посторонней помощи старушка ничего уже не могла делать. В день моей выписки ее привезли утром из реанимации после ампутации ноги. Лидия Серафимовна страдала, молила Господа и Николая Угодничка забрать ее, чем так мучиться. Навестивший ее сын пытался подбодрить мать, говорил, что на коляске она еще лучше и быстрее будет передвигаться, чем на своих больных ногах. Принесли обед, но Лидия Серафимовна не могла есть больничную пищу, давилась, и я покормила ее с ложечки своей творожной «Активией». Она ела с удовольствием. Оказалось, это — последнее добро, которое через меня получила эта женщина, порой ворчливая, надоедавшая своими жалобами медсестрам и больным, но, как чувствовала я, добрая, наивная, доверчивая и открытая в своей душе, как дитя, несмотря на столь трудную свою жизнь, не ожесточившаяся. Ей не хватало тепла, заботы и внимания, вот своими жалобами она и старалась их привлечь, правда, безуспешно, а, наоборот, вызывая у иных неудовольствие и раздражение. Ей помогали и другие женщины, лежавшие в этой же палате. Прощаясь с Лидией Серафимовной, я пообещала навещать ее в больнице и, записав номер ее домашнего телефона, звонить ей после ее выписки.

На третий день я, как и обещала, пришла к Лидии Серафимовне, принесла ей творожную «Активию», йогурт, фрукты, но не нашла ее на прежнем месте и удивилась, что ее так быстро выписали после тяжелой операции. В палате были уже все новые больные. «А когда выписали или, может, в другую палату перевели старушку, что лежала вот на этой кровати?» — спросила я, указывая на кровать слева, у окна. «Не знаем, мы только что поступили», — отвечали мне женщины. А потом одна из них сказала: «Эта не та, что с ампутированной ногой?» — «Да, да та, Лидия Серафимовна...» — «Так она же умерла позавчера...» Медперсонал подтвердил это.

Я вышла из больницы ошарашенная. Меня неотступно преследовала лишь одна мысль: «Все мы, люди, должны спешить делать добро, хоть самое маленькое — подать стакан воды. Да, да, в прямом смысле этого слова, обычный стакан обычной воды, но успеть это сделать, не опоздать. Вдруг это добро, исходящее, по Божьей милости, от вас станет последним добром для кого-то в его земной жизни...»

Я ставлю в храмах свечи за упокой души Лидии Серафимовны,

заказываю заупокойные поминания, думая: «А вдруг, кроме меня, никто этого не делает для ее души, обитающей уже в ином мире...»

2. ХЛЕБУШЕК ОТ «ДЕДУШКИ»

(Рассказ белоруса)

Это произошло в годы Великой Отечественной войны, в Белоруссии, где погиб от вражеских рук каждый четвертый житель. В одной деревенской семье, проводившей на фронт своего хозяина, осталось на руках у матери восемь малолетних детей. А от хозяина — никаких вестей, ни одного письма. Жив ли он, куда завели его фронтовые пути-дороги, жена о том ничего не знала и терзалась в горьких раздумьях и ожиданиях хоть какой-то весточки с фронта. Только потом, гораздо позднее она узнает, что ее муж был в фашистском концлагере Маутхаузен. Он там голодал, а его многодетное семейство голодало в родном своем селе, сожженном захватчиками. Враги-то все уничтожили, а всю провизию, весь скот забрали. Дети жили на одной свекле, и то не вдоволь ее ели, экономили. Вон уж последнее ведро свеклы-спасительницы от голода осталось, а впереди — зима. «Не переживем мы зиму, перемрем от голода», — обливалась по ночам горячими слезами хозяйка, жалея своих изголодавшихся детей.

И вот как-то поутру, едва собралась она во двор выйти, как перед ней возник на пороге старичок с котомкой, в длинном одеянии. «Такой же, как мы, обездоленный, голодный, — подумала хозяйка. — Видно, в поисках куска хлеба по домам ходит, милостыню просит».

— Прости, Христа ради, дедушка, — говорит она ему, нечего тебе дать, у самой вон они — восьмеро по лавкам голодные сидят мал мала меньше. Разве что свеколку могу тебе предложить. Возьмешь ли?

— Возьму, хозяйюшка, возьму, — кротко и ласково ответил гость. Давай лучше с тобой меняться: ты мне свеколку, а я тебе — хлебушек. — Взял поданную ему хозяйкой свеклу, а ей взамен мешок поддал. — Возьми хлебушек-то, покорми ребят-то своих...

Хозяйка, не смея поверить в сказанное, — давно уж хлеба-то не едали, — решила, что, по старости лет, дедушка заговаривается. Откуда может быть у него хлеб, когда его нет ни у кого в деревне. Взяла мешок и поблагодарить, как следует, старого гостя не успела, как он исчез. Заглянула она в мешок и, ахнув, даже присела от неожиданности и удивления, не веря обонянию и глазам своим. Из мешка-то пахнуло на нее таким свежим ароматным хлебом, что аж дух захватило, и голова закружилась.

— Деточки, милые мои, гляньте-ка, что нам дедушка-то дал! Вот чудо-то дивное! Не иначе, Сам Господь хлебушек-то нам послал!

Не менее изумленные дети гурьбой окружили мешок: нюхают хлебушек, ладошками теплыми своими гладят, а взять не решаются — вот уж поистине чудо так чудо! Столько времени и грубого по-

мола хлеба ни крошки не видели, а тут свежий, белый, пахучий, вроде как только что с печного пода. Досыта наелись дети хлеба, впервые с начала войны, а она уж почти полгода шла.

Дня через два тот незнакомый старичок в длиннополой одежде, веревочкой подпоясанный, странный, благообразный, седой, как лунь, с бородой, снова пришел и опять просит поменять хлеб на свеклу:

— Сладка, хозяйюшка, свеколка твоя. Еще захотелось отведать ее...

И так-то несколько раз приходил, менял хлебушек на свеклу.

Раз пришел, опять обмен предложил, а хозяйка сокрушенно говорит:

— Нечего мне, дедушка взамен тебе дать, — свекла-то кончилась вся. Глянь, вон уж ведро пустое. Последнюю вчера детям доварила.

— А, ничего, хозяйюшка, не печалься. Ты за так хлебушек-то бери, корми ребят своих, а потом, при новом-то урожае, когда свеколка уродится, и отдашь. Оставил мешок с хлебом и ушел.

Что за дедушка такой странный, да и где он хлеб-то свежий да вкусный такой берет? — стала по селу людей расспрашивать. Только никто ей ничего про дедушку сказать не мог: никто его по деревне-то не видел, ни в чей дом с обменом-то он больше не заходил. И призадумалась тогда крепко хозяйка: не святой ли какой ее детей от голодной смерти спасает?! А как молиться-то стала, да повнимательней на иконку-то Николая Угодничка глянула, так и обмерла, прозрев: узнала в нем того самого старичка, что с хлебом к ней приходил. Вся в слезах, поставив рядом с собой детей на молитву, стала горячо молиться ему, да благодарить за спасение от неминуемой голодной смерти...

Примеч. авт.: эту историю о своей бабушке и ее детях мне рассказал гость из Беларуси, В.В. Грозов, председатель правления Международного Благотворительного фонда «Семья — Единение — Отечество», профессор МКАСП, лауреат Государственной премии «За духовное возрождение», с которым я познакомилась в Молитвенном Походе в мае 2013 года, совершенном в рамках Всероссийского форума творческой общественности «Родительское благословение», организованного АНО «Семья России» и посвященного 100-летию Молитвенного Похода Августейшей Семьи в 1913 году, в год 300-летия Дома Романовых. Современный Молитвенный Поход, проходивший в год 400-летия Российской государственности по пятнадцати российским городам и весям, пролегал по вековой давности маршруту Царской Семьи. Не минул он и Екатеринбург, Ганиной Ямы, где царственные страстотерпцы нашли свою мученическую кончину от рук палачей.

Молитвенный Поход проходил в рамках Десятого, юбилейного, кинофестиваля короткометражных фильмов «Семья России», финалистом которого являюсь и я (проза, номинация «Родительское благословение»), потому и была приглашена в этот Поход. Именно под таким названием — «Родительское благословение» участниками Молитвенного Похода 18 мая 2013 года в Костроме, на левом берегу Волги был торжественно открыт и освящен историко-архитектурный комплекс, возведенный по инициативе АНО «Семья России» на народные пожертвования.

Славной особенностью этого Молитвенного Похода явилась его **многонациональность**: более ста участников не только со всех уголков России, но и из ближнего и дальнего зарубежья, даже из Иерусалима и Палестины — люди разных национальностей, объединенные Православием. Все вместе, в духовном единении, как одна семья, пройдя пятнадцать российских городов и более двух десятков главных христианских святынь и монастырей земли русской, мы и сами обогатились духовно и получили архипастырское благословение с тем, чтобы информацию о духовном возрождении России через Православие, отводящее приоритетное значение семье, где формируются духовно-нравственные основы личности, нести дальше в народ, что мы и делаем.

...Разговор с В.В. Грозовым вылился в рассказ о помощи Николая Чудотворца, казалось бы, совершенно случайно, но, как известно, ничто не бывает случайным — все от Него, от Бога... В Костроме для участников Молитвенного Похода шел губернаторский прием. Воспользовавшись моментом, я решила взять у Владимира Всеволодовича интервью. В ходе похода он привлек мое внимание, как журналиста, тем, как обоснованно, деловито и вместе с тем с большой личной заинтересованностью говорил о возрождении в Беларуси статуса семьи. Как раз накануне нашего Молитвенного Похода, 29 – 30 апреля, в Минске прошла научно-практическая конференция «Демографическая безопасность страны — как стратегия государственных институтов и гражданского общества», на которой Международным благотворительным фондом «Семья-Единение-Отечество» была выдвинута концепция «Культе семьи — национальная идея Беларуси». Об этой концепции не раз в своих выступлениях в ходе Молитвенного Похода и говорил горячо и убежденно Владимир Всеволодович Грозов, как председатель Правления этого Фонда:

— **Святость семьи** должна лежать в основе национальной идеологии Беларуси. Для сбережения института традиционной семьи в условиях светского государства, мы решили, что более целесообразно использовать понятие **культ семьи**, как принятое и очерченное обществом сакральное пространство — священное, святое обладание которым ставит семью в положение исключительной значимости, непреходящей ценности и на этом основании требует благоговейного к нему отношения. Работая над концепцией, мы ставили целью привлечь к созданию общенародной демографической программы всех небезразличных к сохранению и преумножению нашего народа людей. Международный благотворительный фонд «Семья — Единение — Отечество» выдвинул концепцию «Культе семьи — национальная идея Беларуси».

Национальный идеал семьи — это идеал большой, многодетной крепкой семьи, отношения в которой построены на христианских ценностях веры, надежды и любви. Нравственная чистота, целомудрие, святость и крепость семьи охранялась многовековой мудростью наших предков и передавалась от поколения к поколению. Из народного отношения к семье и образовались традиционные семейные ценности.

Многодетность — чадолюбие, любовь к детям, желание иметь много детей, потребность заботиться, воспитывать и развивать их, воспита-

ние в каждом ребенке христианина, гражданина, семьянина, национальная семейная традиция, символ семейственности и семейного счастья.

Семейный духовный союз между мужем и женой не достигает своей полноты без детей. Дети являются не только биологическим, но и духовным продолжением мужа и жены.

Мы размышляли, как возродить в молодом поколении национальный идеал семьи, как сохранить и передать следующим поколениям национальные семейные традиции, как остановить разрушение нравственных устоев общества, и пришли к выводу, что для мобилизации всех здоровых сил белорусского общества, нашей национальной идеей должен стать культ семьи.

Мы видим культ семьи, как принятое и очерченное обществом сакральное пространство — священное, святое обладание которым ставит семью в положение исключительной значимости, непреходящей ценности и на этом основании требует благоговейного к нему отношения.

Во времена нынешних тяжелых испытаний на прочность семьи, как брачного духовного и социального союза между мужчиной и женщиной, союза утвержденного Богом, семья просто обязана стать общенародным культом. Культом нравственным, а не религиозным. Христианское вероучение всегда призывало и призывает нас хранить и оберегать святость семьи, как малой церкви. Все верующие люди, думаем, нас поддержат, так как во всех традиционных религиях воспитывается благоговейное отношение к семье.

В эпоху масштабных социально-экономических преобразований крепкая, традиционная семья создает еще неосознанный многими **социальный капитал** — это нравственные общественные отношения.

Гражданами мы становимся в обществе, подданными — в государстве, а людьми — в семье. Любовь к Родине и Отечеству зарождается в нас от любви к матери и отцу. В семье мы приобщаемся к родному языку, обучаемся правилам поведения, осваиваем культуру быта. Все это имеет не только духовную и моральную общественно-полезную ценность, но и ценность социально-экономическую.

Такое отношение к семье, браку, рождению детей, конечно же, Владимир Всеволодович получил в своей семье, от своих семейных корней и истоков, одним из которых, мощным, сильным и светлым, и была его бабушка по отцовской линии, о которой этот маленький рассказ-быль.

Приоритетность семьи, как национальная идея, как основа духовно-нравственного формирования личности; возрождения и стабильности государства — именно это, как нельзя ближе, объединяет два братских народа — россиян и белорусов. И именно этим в России весьма активно и плодотворно занимается АНО «Семья России», чья деятельность проходит под патриаршим благословением, при поддержке Президента и Правительства РФ. И, двигаясь в данном направлении, россияне и белорусы нашли немало точек соприкосновения, яркий тому пример — участие белорусов в общероссийском Молитвенном Походе.

Елена ГАДЕНОВА

(г. Тула)

выпускает неформальную литературную газету «Свет разума».

Родилась в 1964 году, родом из Сибири. С 1986 года живет в Туле. Член Союза российских писателей с 2002 г. Автор 4-х книг и множества публикаций. Участница литературных семинаров. Проводит творческие встречи в школах и по приглашению молодежных и других организаций. Публикуется в журналах, коллективных сборниках и альманахах. С 2011 г.

КАШТАНЫ

Близился вечер, но от необычайно лимонного цвета осенних листьев было ощущение солнца. На улице царила тишина, и это удивляло, словно все замерло вокруг, и только эти яркие листья и мелкий дождь.

У крыльца стояла девочка лет пяти. На ней было бросавшееся в глаза красное пальтишко и два огромных банта, как две розы, на двух толстеньких золотых косичках. Девочка смотрела на небо долго и внимательно, потом открыла коробку, что стояла у дома, и стала вытаскивать из нее каштаны, которые она старательно приносила из соседнего двора. Рядом с коробкой лежал ворох огромных осенних разноцветных листьев. Листья были собраны букетами, горели и переливались золотом так, что на них хотелось любоваться и любоваться.

Девочка взглядывала то на листья, то на каштаны. Каждый каштан ей напоминал о том мгновении, когда она их собирала. Словно грибы они просились в ее кармашки и маленькую детскую сумочку. Но сейчас каштаны были похожи на шоколадные конфеты, которые хотелось бы съесть.

Девочка раскладывала каштаны на земле, составляя из них какой-то рисунок. Делала она это тщательно, внимательно соединяя каштан и лист. Для нее казалось очень важным, что она делает. То ее сложенная мозаика была похожа на многомерную звезду, то на какое-то странное дерево, а то вдруг на домик с инопланетянами. Она была очень счастлива, и ее крупные красивые немного раскосые зеленые глаза светились от счастья еще больше при мысли, что это не просто мозаика или рисунок, это настоящая картина, самая настоящая из всех на свете. И как было важно, чтобы ее картину увидели.

Неожиданно вздохнув, девочка села на крыльцо и, улыбаясь, стала рассматривать свое произведение. Малышка видела золотые корабли и острова счастья, царственных птиц, которые

держали в своих клювиках каштаны — бриллианты. А еще она видела большой круглый стол, за которым сидят все дети на свете, и она их кормит шоколадом и блинами.

От шума ключей девочка вздрогнула и вскочила — неожиданно резко открылась дверь. Из двери выскочил мужчина лет сорока — сорока пяти с взъерошенными волосами, небритый и с резко бросающимися в глаза крашеными усами, которые, как две завитушки, словно бы вылезали из его ноздрей и испуганно вздрагивали.

— Я сколько раз говорил тебе, не мусорь под окном! И откуда ты эту гадость таскаешь во двор!?

Девочка закрыла ладошками лицо и заплакала.

— Папа, но ведь это картина, я хотела тебе ее показать!

— Я сколько раз говорил тебе, не смей так делать! Мне не нужен мусор под окнами!

Мужчина стал ногами растаптывать все, что еще секунду назад казалось являлось для девочки самым важным, разбрасывать в стороны, как шайбы каштаны и листья, от испуга вспорхнув и тут же свернувшись, скатывались к завалинке дома. Как-то вдруг сразу стало темно, появилось ощущение очень позднего вечера, девочка плакала, брала с земли каштаны и складывала их обратно в коробку, но они уже не блестели, а скукожившись, прилипали к ее ладоням, словно не хотели расставаться!

Не обращая внимания на дочь, мужчина заправил в штаны висевшую на его худощавом теле тельняшку, накинул старую телогрейку и, вытащив из сарая тележку, поехал за водой.

Девочка смотрела на свой дом, который вот-вот обещали снести. Ей показалось, что с крыши кто-то посмотрел на нее, и стало страшно. Она дотащила коробку до своего порога и стала ждать. Антенна на крыше поскрипывала от ветра и была похожа на паука, на небе появились первые звездочки, хотелось есть и спать. Чтобы успокоиться, она считала звездочки, и когда открылась калитка и появилась мама, все грустное осталось позади!

Девочка и мама были очень похожи. Светлые длинные волосы у женщины были завязаны голубой бархатной лентой, а длинный черный плащ подчеркивал ее статность и рост! Длинными руками она схватила дочь на руки и прижала к себе!

— Что ты плачешь, моя принцесса? Я, как и обещала, очень быстро вернулась!

— Папа, папа разбросал мою картину! Я так старалась, что бы он увидел ее, я так старалась!

И она снова расплакалась, повторяя одни и те же слова, всхлипывая, прижимаясь к маме, сердечко оттаивало, и девочка чувствовала лишь теплые губы.

— Знаешь, самое главное — есть ты и я, есть это небо, есть эти прекрасные желтые листья, эти каштаны, которые в твоих ручках горят алмазами, есть наши сказки, которые сочиняем перед сном. Помнишь про кузнечика, любившего путешествовать? А город мыльных пузырей? Скоро выпадет первый снег, это всегда радость, и мы будем зимой кататься в парке на лыжах. А потом сочиним сказку про снежинку, которая всегда утверждала, что она единственная и неповторимая.

— Мама, а пойдём в музей, где скелеты динозавров?!

— Конечно, пойдём в музей и в лес за грибами, и туда, где стоит красивая белая церковь Покрова на Нерли, а вокруг удивительные луга с редкими видами разнотравья. А потом мы поедем в Москву, в гости, будем гулять по городу и есть мороженое.

— Мама, а можно я нарисую дворец, а в нем много каштановых человечков, у которых будет все по-настоящему: папы и мамы будут любить друг друга и своих детишек, и все каштановые человечки будут счастливы.

— Конечно, можно! Можно смеяться, петь, хлопать в ладоши, ведь ты моя самая любимая принцесса!

Уже было за полночь; женщина помыла посуду, посмотрела на себя в зеркало, заплела волосы в косу, подошла к кровати. Дочь спала, и от нежности у матери сжалось сердце. Более всего на свете она любила дочь. Ну и пусть, что маловато денег, ну и пусть, что надо колоть дрова, топить печь, ходить за водой. Ну и пусть, что за стеной живет отец дочери, но не нуждается в ней. Пусть будет лучше все, как есть. Есть этот покой, есть это счастье — слышать и видеть звонкий смех дочери, и весь мир кажется добрым и чистым. И, целуя ручки дочери, женщина восхищалась тем, что нет ничего более прекрасного, чем жизнь, которая спит на ее кровати, и в этом сне отражалась вся неземная красота любви. Она легла рядышком и смотрела на дочь, как на какое-то самое необычайное чудо. Потом еще долго смотрела на окно. Сквозь шторы пробивался лунный свет, внезапно вспыхивая. И ей казалось, что это был не лунный свет, а дверь, в которую входил Ангел и освещал их жизнь золотым светом, а два банта — две белые розы искрились в темноте, и на ум приходили слова колыбельной песни. А еще думалось о том, что надо купить к зиме дочке красивую шубку и большую книгу о всех чудесах света. А когда дочь подрастет, непременно поедет отдыхать с ней

в какую-нибудь удивительную экзотическую страну... А может, скоро будет новая квартира и кухня, только белого цвета.

Раздражал храп пьяного соседа за стеной, по потолку носились и визжали мыши, но ощущение глубочайшей веры в то, что мечты сбываются, окрыляли женщину до высочайших высот. Обязательно все так и будет, да и каштаны пригодятся, надо в шкаф положить: говорят, от моли помогают...

Думая обо всем этом, женщина сама не заметила, как уснула. А за окном хлынул проливной дождь.

ПАПУАСЫ

— Ну что, папуасы, замерзаете?— смеялся Рафаил Петрович и с удовольствием потирал руки!

— Ладно, ладно, сейчас дрова принесу, разожгу камин, а ты, мать, посмотри, батареи теплые или нет?

Жена Рафаила Петровича подошла к батарее и воскликнула:

— Рафа, я сколько раз тебе говорила: не бери постельное белье без спроса, опять наволочку на портянки взял, для портянок другие тряпки есть. А, бестолочь ты ей Богу!

— Ладно, мать, не ругайся, не в портянках дело, дело в мыслях, главное правило, чтобы быть здоровым, надо ноги всегда держать в тепле!

Рафаил Петрович и Любовь Петровна были вместе уже более тридцати лет. Познакомились на заводе, где он работал художником-оформителем, а она, совсем юная,— фрезеровщицей. Сразу влюбились друг в друга, долго не гуляли, а как только однажды остались вместе на ночь, решили жить вместе. С тех пор неразлучная пара являлась для всех примером настоящей семьи. Долго не было детей, как вдруг судьба неожиданно подарила им дочь, и когда за ширмой послышался смех дочки, Рафаил Петрович засуетился и поспешил в подвал, где у него сложена специальная поленница дров. Жили они в центре города, в двухэтажном доме, с одной стороны которого с недавних пор открылся музей, а с другой — «нотариальная контора». Давно расселили всех жильцов, но по каким-то причинам Рафаил Петрович, его супруга и дочь Олеся так и жили в этом доме, часто мечтая, что когда-нибудь они все же получат квартиру. Успокаивало то обстоятельство, что жили в центре, дом с фасада — отремонтирован идеально, вход в их небольшую квартиру находился со двора, отдельно. Помещение, в котором они жили, назвать квартирой не поворачивался язык — это была большая комната, состоящая из

нескольких частей — половинок. Половина женская, мужская и за ширмой — часть комнаты, приспособленная для дочери. Супруги обожали девочку и делали все возможное, чтобы она была довольна своею жизнью. При этом они все же часто вздыхали, чувствуя себя виноватыми от того, что хотели бы видеть ее в гораздо лучших апартаментах. Маленькую прихожую и маленькую кухню-закуток Любовь Петровна облагораживала с чисто женской любовью. Все ей нравилось, все было так, как она хотела видеть, в «идеально-чистом виде». Ее половина женская состояла из дивана, комодика, на котором стояло зеркало, немного косметики. Над диваном — старая картина и новое настенное бра. Стеной-перегородкой многие годы служил монолитный шкаф, подаренный еще его отцу дедом, добротный, огромный, но в каких-то зацепках, словно в него кидали ножи. В нем хранилось все: одежда, обувь, инструменты, все нужное, чтобы жить спокойно и уверенно. Рафаил Петрович за внешний вид называл шкаф анархистом и каждый раз, когда смотрел на него, давал себе обязательство непременно в ближайшем будущем заняться его реставрацией.

Часть комнаты дочери являлась святым местом. Кровать, застеленная дорогим покрывалом, стол, на столе компьютер, офисный стул, книжная во всю стену полка, на которой стояли нужные книги, подарки-сувениры-фото, на видном месте детская красочная Библия и несколько дорогих кукол в необычных шляпах и длинных платьях, у кровати тумбочка и круглая самотканая дорожка, стены поклеены дорогими обоями. Родители называли ее уголок раем.

В комнате имелось одно большое окно, около которого с правой стороны размещалась мастерская Рафаила Петровича. Рафаил Петрович считал себя очень счастливым человеком. Ему повезло в жизни. Добрая жена, которая понимает его во всем, дочка-красавица! И его заветный мир, его мастерская, в которой он ощущал себя комфортно на все сто!

— Папка, ты всегда на высоте, дома тепло, не суетись!

Но Рафаил Петрович в подвале уже складывал в сумку дрова, а жена Любана, как он ласково ее иногда называл, жарила блинчики, чтобы побаловать своих вкусеньким. Выпал первый снег, но быстро растаял. На улице было холодно, батареи едва грели. Рафаил Петрович смешно реагировал на это, пел, делал вид, что ежится от холода.

— Ничего, ничего, папуасы, не замерзнем, живы будем, не помрем!

А чтобы его семья, его самые дорогие девчонки не мерзли, сделал мини-камин, благо, в доме от печного отопления уцелел дымоход. Он заготавливал небольшого размера дрова и хранил их в подвале, который называл и дачей, и складом, и держал в нем даже по несколько кроликов в год, чтобы было свое мясо.

Часто Рафаил Петрович удивлялся, как дочка похожа на жену, а жена удивлялась, что та похожа на отца. Но если посмотреть со стороны, они втроем были похожи друг на друга и ростом, и всеми внешними данными. Худые, стройные и очень подвижные — живые. Любовь Петровна всегда ходила в доме не в халате, а в блузке и юбке. К блузке она пристегивала брошь из бисера в форме цветка астры, причесывала волнистые волосы в прическу, всегда выглядела «воистину интересной», как говорил муж, при этом мало пользовалась косметикой, но имела от природы румянец, очень любила голубой цвет глаз и мечтала поставить линзы, чтобы иметь не карие глаза, а голубые. Седые волосы подкрашивала синькой, так ей посоветовала когда-то одна аристократка еще из «той» интеллигенции, и обязательно делала раз в неделю маску для лица из сметаны. Морщинок на лице было очень много, как маленькие стрелки они разбежались во все стороны, преломлялись резко у губ, на лбу, но от хорошего настроения женщина выглядела моложе и, смеясь при случае, говорила: «А мы не хуже красоток из журнала «Космополитен». Когда муж принес дрова и стал разжигать камин, Любовь Петровна подошла к нему, обняла и поцеловала. Дочка включила музыку, ей очень нравился бешеный визг электрогитары, который всех оглушал. Но родители умилялись, ведь сами когда-то «Битлов» слушали.

Был выходной день. Живя в одной комнате, никто никому не мешал. Олеся слушала музыку, не отрываясь от компьютера. Русые волосы заплетены в косичку, а лицо настолько ослепительно белое, что, казалось, оно светило и ночью. Она на самом деле была похожа на отца и мать. Всегда энергичная и веселая, всем довольная девочка воспринимала родителей такими, какие они есть, и искренне любила их. Она гордилась тем, что ее обожали, покупали хорошую одежду, никогда не ругали, самой первой из класса ей купили компьютер, давали деньги.

Их счастьем был этот мир, в котором они жили и берегли друг друга.

Блины любили все, пекла их хозяйка часто, с улыбкой преподносила к столу с вареньем, медом, сметаной, а если их делала с изюмом или курагой, все были в восторге.

Рафаил Петрович в мыслях спешил сесть за свой рабочий стол и приступить к делу. Его часть комнаты была похожа на купе в поезде. Вместо кровати — навесная откидная полка. Он сам смеялся, когда ему об этом говорили, и кратко отвечал: «Я всегда в пути».

Он чувствовал себя молодым, и, как бы над ним не посмеивались, жил в своих мечтах и нереализованных планах. А главная заветная мечта — побывать в Африке. Когда-то он мечтал стать настоящим художником, много читал об истории искусств и хотел побывать в мире золотых песков, увидеть пирамиды, Красное море, сфинксов. Он искренне верил, что в древней цивилизации много тайн. Африка, она на то и Африка, чтобы хранить тайны и иногда их приоткрывать!

Не отчаивался, что не стал большим художником. Был доволен работой в столярной мастерской, имел более-менее хорошую зарплату. Дома в свободное время резал по дереву небольшие миниатюры с видом местных церквей, достопримечательностей, ходил на рынок, где иногда продавал за небольшие деньги, радостный приносил домой прибыль. Рафаил Петрович гордился, что как мужчина мог содержать семью, каждый прожитый день которой был, на первый взгляд, однообразным, но, самое главное, в ней царила бесконечность добра. Рафаил Петрович и Любовь Петровна наслаждались этим добром, даря друг другу все многогранные оттенки этого потрясающего качества, присущего человеку. Иногда глава семьи, сидя за своим рабочим столом, неожиданно засматривался в окно, ощущал себя совершенно свободным и счастливым человеком. Он не умел говорить красивые слова, но его любовь к жизни была столь велика, что весь его внутренний мир наполнялся удивительным чувством восторга. Он смотрел на жену с любовью, говоря вдруг вслух:

— Любимая, ты ведь жизнь, а жизнь надо беречь!

Любовь Петровна в ответ смеялась и так же отвечала:

— Рафа, и ты жизнь, и красавица наша — тоже жизнь,— и улыбнувшись дочери, продолжила,— Отец в лирику ушел, это надолго!

Рафаил Петрович любил смотреть в окно на голубое пятно неба, которое в периоды нахлынувших размышлений соединяло его с вечностью. Думал он только о хорошем, забывая обо всем. В своих мыслях он писал картины, путешествовал по миру, жил в доме, где все его мечты могли быть реализованы и свято верил, что есть другой мир, в котором ему еще когда-то предстоит родиться. А сегодня его рождение имело короткий диалог с жизнью, доволь-

ствуясь крошечной искоркой бытия земного. Рафаил Петрович никогда не жаловался, не любил общество пьющих мужиков, не просил у жизни больше того, что имел. Он всегда спешил домой, с радостью помогал всем, кто обращался к нему, сохраняя хорошие отношения с родственниками и родней жены.

— Как вам африканская жара, дорогие мои папуасы?!— радовался Рафаил Петрович.

В квартире было жарко, жена разговаривала с дочкой, обняв ее. Небо за окном меняло цвет несколько раз, облака то появлялись, то исчезали, голубой цвет переходил в белый, то вдруг на бледно-розовом фоне пролетала птица, или вдруг появлялась маленькая яркая точка летящего самолета. Рафаил Петрович, вздохнув, произнес: «А ведь в детстве мечтал быть летчиком!» И, сопровождая точку в зоне видимости окна, рисовал в своем воображении лучший будущий мир на земле, где за несколько минут можно было бы оказаться в любом месте земного шара.

— Рафа, ты когда будешь «анархиста» реставрировать, может нам новый шкаф купить?

— Любана, поедем в воскресенье в лес, в поле, на небо смотреть, небо — это свобода!.. Возьмем палатку, переночуем, а утром в город на работу успеем. По небу звездному скучаю... Небо ночью над полем другое, звезды, словно между собой разговаривают... их слышно, будто рядом...

Мечты Рафаила Петровича улетали далеко-далеко за пределы небесного пространства, что он видел из окна, понимая, что завтра будет день, похожий на сегодняшний. Но он был счастлив, что вновь увидит утро, пойдет на работу, поцелует жену, обнимет дочурку, протопит камин, будет мечтать, глядя в окно, сделает новую миниатюрку из дерева и, слава Богу, что все это повторится вновь и вновь, потому что это и есть главный смысл жизни, его жизни, в которой он чувствовал себя **ЧЕЛОВЕКОМ**.

Татьяна РОГОЖИНА

(г. Тула)

Окончила экономический институт. Работала инженером, экономистом. В настоящее время — предприниматель.

А ТУТ ФОНАРЬ И В ОКНАХ СВЕТ МЕЛЬКАЕТ...

Зоя обижаться не любила. Пустое это занятие и для здоровья вредное. Тем более без серьезных на то оснований. А тут вдруг взяла да и обиделась на собственную дочь, которая предложила им с отцом встретить Новый год где-нибудь в гостях, а то у нее романтическая вечеринка намечается, на две персоны.

Понятно, что Лизке личную жизнь надо устраивать, барышня уже взрослая, самостоятельная, но зацепилась Зоина мысль не за содержание, а за форму дочкиного предложения. Уж как-то слишком навязчиво, даже категорично.

Муж, которого такие пустяки вовсе не трогали, на ее обиду только посмеялся:

— Да пусть себе развлекается, а мы с тобой в гости отправимся. Для разнообразия жизни. Да и тебе же самой забот меньше — готовить не надо.

— Не хочу я по гостям ходить,— стояла на своем Зоя,— новый год — домашний праздник.

— Ну, тогда только на дачу. Сама говорила, это наш второй дом.

Неожиданно идея Зое понравилась, несмотря на то, что дача никоим образом не была приспособлена для зимних развлечений. Но отсутствие света и воды почему-то ее не испугало.

Зато Елизавете, может быть, будет стыдно.

Маленькая такая родительская месть.

Сделав хороший запас свечей, заранее приготовив кое-что для новогоднего стола и не забыв про шампанское, Зоя с мужем даже съездили за несколько дней до праздника «в разведку», посмотреть, как там и что, на их любимом дачном участке.

Но взглянув на унылый безлюдный пейзаж, в котором оказалось слишком много серых и черных оттенков, а все оттого, что зима никак не могла набрать силу и лишь слегка присыпала вверенную ей территорию белой пудрой, Зоя засомневалась в правильности выбора.

— Да, ладно,— успокоил ее супруг Василий, уже настроившись на небольшое приключение,— не в снегах счастье. Компенсируем водочкой, шампанским. Печка есть и ладно. Ну, что ты, как маленькая...

— Ой, не знаю, все-таки без удобств, одни...

— Одни? Не проблема! Давай Семеновых позовем. Гришка, думаю, возражать не будет, к тому же он рыбак, к неудобствам привычный, а его Светлану Петровну уж как-нибудь уговорим, заманим на салат твой фирменный. Кстати, у Григория и фонарь имеется, аккумуляторный, пригодится, чтобы двор освещать.

Семеновы после недолгих колебаний согласились, пообещав помимо фонаря захватить банку вишневого компота, холодец с хреном и наливку домашнего приготовления.

Прослышав о вылазке на природу, к ним присоединились и супруги Болотовы. Галя, уставшая от чересчур пассивной по дому невестки, с радостью ухватилась за эту возможность вырваться на свободу, а мужу ее, по большому счету, было все равно, где салаты кушать.

И вот тридцать первого декабря после обеда три семейных пары, добровольно отказавшись от привычного комфорта с телевизором и любимым диваном, высадились на трамвайном кольце, и бодро двинулись в сторону дачного кооператива, что виднелся по левую сторону от дороги.

Десять минут, и городской «цивилизации» как не бывало. Лишь пустые дачные домики стыдливо проглядывали сквозь ажур ветвей уснувших деревьев. И где-то далеко виднелись очертания телевышки.

Отсыревшая печка долго чадила, выпуская едкий дым почти в промышленных масштабах, поэтому народ, не обращая пока внимания на холод, разбрелся по участку, а хозяйка, раскрасневшись от внимания, перебегала от одного гостя к другому, показывая, где и что цвело, колосилось и приносило плоды летом.

Наконец, своенравный очаг подчинился хозяину и сменил производство дыма на выработку тепла и уюта. Дамы занялись столом, а мужчины, получив коробку с мишурой и игрушками, отправились наряжать молоденькие, чуть выше метра, елки, что росли неподалеку от беседки. Их было три. Число «три» напомнило хозяину о классической комбинации и он, под предлогом консультации по елочным украшениям, умыкнул с веранды бутылку водки, стакан и несколько нарезанных ломтей черного хлеба.

Слегка освободив фантазию от стереотипов, мужчины занялись непосредственно творчеством, в результате чего, помимо привыч-

ных шаров и звездочек, использовали кое-какие предметы из сарая. Соломенная шляпа, пара маленьких корзиночек, съемный умывальник оранжевого цвета, длинные цветные полоски для подвязывания помидоров, несколько мелких мотков медной проволоки и фонарик шахтера — все пошло в ход, образуя забавную композицию. Из трех елок.

Дамы долго смеялись, но вносить коррективы не стали, а даже успели до темноты запечатлеть все это «хулиганство» на фотоаппараты. Для домашних альбомов и истории.

Сумерки встречали уже при свечах, за столом, накрытым для удобства одноразовой посудой. Отсутствие хрусталя не напрягало, а наоборот, давало приятное ощущение свободы, свободы от привычных условностей.

Быстро расправившись с закусками и проведив пару раз старый год, уже неспешно вкушали дальше. С разговорами и короткими прогулками во двор, чтобы освежиться. Темнота, правда, навалилась плотная, даже луны не видно, только вдали переливался праздничными огнями город, словно гигантская елочная игрушка.

— Наверное, снег пойдет, — предположил Григорий, прикручивая фонарь к перилам крыльца.

— Да не-е, не обещали, — засомневалась Галя, — телевизор сказал, что легкий мороз и никаких осадков.

— А спорим? — завелся Гриша, но она только отмахнулась и пошла хороводом вокруг елок.

— Эх, хорошо!

Вернувшись в дом, они снова уселись за стол, где, несмотря на простоту сервировки, полным полно было всяческих вкусовых прелестей, приготовленных заранее. Уютное потрескивание дров в печке, дрожание язычков пламени у свечей, медленно движущиеся тени на стенах вернули им давно забытое состояние даже не покоя, а полного умиротворения. И легкой приятной тревоги, в ожидании счастья или чудес.

В новогоднюю ночь такое вполне возможно.

Зоя незаметно взглянула на экран сотового телефона. Непринятых звонков нет. А она ждала. Вчера Лиза, узнав, что родители проведут новогоднюю ночь на даче, без воды и электричества, покрутила пальцем у виска, и сказала: «Дело, конечно, ваше, но могли бы к кому-нибудь и в гости сходить, как нормальные люди». Слово за слово и снова поссорились. Так с ней трудно стало. А все потому, что замуж никак не выйдет, хвостом крутит, выбирает, несмотря на то, что в прошлом месяце ей двадцать девять лет стукнуло. Вот характер и портится.

Зато у Галки Болотовой телефоны, а у нее их три, не умолкали. Однако, ответив на поздравления от многочисленных коллег, сама позвонив кому-то в Новосибирск и Краснодар, выслушав очередной вопрос от невестки, которая интересовалась, где взять кориандр и как пользоваться фритюрницей, она решительно отключила всю связь, взяв паузу на часок-полтора.

Уж больно за столом тема интересная нарисовалась. Не иначе, как сумраком и свечами навеянная. О возможности прошлых жизней. Вот Гале и захотелось свою версию тоже озвучить.

— А я в прошлой жизни была кошкой, — гордо сообщила она, засунув телефоны подальше в сумку, — а еще раньше — канадским лесорубом...

— Ну, насчет кошки спорить не буду, — засмеялась Светлана Петровна, — ты у нас уж точно «гуляешь сама по себе», а вот лесорубы-то каким боком?

— Вы не поверите, но мне часто снятся похожие сны, вроде бы живу я в лесу, где на небольшой поляне стоит несколько низких бревенчатых домов с плоскими крышами. А чуть в стороне мужики деревья рубят. И я с ними. Машу топором, пот ручьем течет, а дереву хоть бы что, и вдруг чувствую, что соседняя сосна на меня валится, все, конец, дышать не могу...

— Это у тебя сердечко пошаливает, — фыркнула Светлана Петровна, придерживающаяся другого мнения, — а жизнь одна, и прожить ее нужно так, чтобы... ну, дальше вы знаете...

Вдруг кто-то неуверенно постучал в дверь.

Василий выглянул в окошко и доложил, что какой-то мужик топчется на крыльце и в руках у него елка.

— Галь, это к тебе, — хихикнул он, — канадские лесорубы, — но увидев укоризненное лицо супруги, торопливо открыл дверь и, перебросившись парой фраз с ночным визитером, пригласил его в дом. За стол.

Не гнать же человека прочь.

Отогревшись, гость рассказал, что ездил к куму в деревню за елкой, а когда возвращался обратно, то поломался. Не сам, конечно, а машина.

— Жигуль-то старый. Часа три с ним провозился, а толку чуть. Да еще сотовый разрядился. Не позвонить, не уехать. Покрутился да плюнул, закрыл машину, елку на плечо и попер пешком до города, вроде недалеко. На повороте решил через дачи срезать, но замерз да и устал по бездорожью пробираться. А тут — фонарь, и в окнах свет мелькает...

Под это дело налили еще по рюмочке и хорошо закусили, после чего мужичок засобирался снова в дорогу.

— Короче, спасибо, вам! Обогрели, накормили. И пусть у вас в новом году все пучком будет. Потопал я, а то дома мои уже, небось, с ума сходят. Съездил, что называется, батя за елочкой.

Проводив гостя, мужчины топтались на крыльце, обсуждая всякие дорожные ситуации, а дамы вернулись за стол.

— Зой, а Елизавета твоя как? Замуж не собирается?— поинтересовалась Светлана Петровна, аккуратно снимая шкурку с мандарина.

— Да разве ее кто уговорит. Привередливая до ужаса.

— Ну и правильно,— включилась в разговор Галка,— нечего там делать, одна морока с этими мужиками. Представляете, на днях сам мне говорит...

Но эта история осталась нерассказанной, потому что в окно постучал Василий, велел быстро одеваться и на улицу.

— Если, конечно, не хотите прозевать самое главное.

Через несколько минут, бенгальские огни в руках у дам, парочка петард, выпущенные Григорием и один фейерверк, припасенный хозяином, дружно присоединились к многоцветному зареву, что зависло над городом. Наступил новый год.

Неожиданно пошел снег.

Крупными хлопьями он медленно скользил в свете фонаря и мягко ложился на наряженные елки, укрывая их от людских глаз, стелил белые дорожки перед домом и игриво лез за воротник.

— Ой, а у нас, похоже, опять гости!— воскликнула, перестав кружиться вместе со снежинками, Галка,— и махнула в сторону ворот.

Действительно, два темных силуэта отделились от темноты, и вышли на освещенный участок.

— Лизка,— ахнула Зоя,— с кавалером.

Дочь с сияющим лицом прокричала новогоднюю поздравлялку, после чего представила своего спутника и, немного пококотничав, объявила:

— А я замуж выхожу! Игорь мне предложение сделал.

Забыв сразу про обиды, выбросив из головы все разногласия, Зоя кинулась дочку обнимать-целовать, а жених, не растерявшись, ловко открыл принесенное с собой шампанское:

— С наступившим, вас!

— Ну что, мать, на следующий Новый год в гости пойдем или опять на дачу?— лукаво шепнул Зое муж.

— Конечно, на дачу,— счастливо улыбаясь, ответила она.

Владимир ГУДКОВ

(г. Тула)

ЗОЛОТАЯ ГРИВНА

Когда Денису исполнилось четырнадцать лет, на день рождения ему подарили ружье для подводной охоты. Маска с трубкой и ласты у него уже были. Ощущение счастья не покидало его и все же мысленно Денис торопил этот день, ведь уже завтра он сможет охотиться!

Сейчас же он принимал поздравления. После очередного красивого тоста гости запевали песню или становились в круг танцевать искрометный "Сиртаки" под музыку струнного ансамбля.

Их семья, вместе с другими этническими греками, жила в большом поселении на берегу Черного моря. "Русские" греки, как могли, берегли обычаи и традиции предков. На торжествах играл струнный ансамбль, исполнявший греческие песни и танцы. Многие отдыхающие, прибывшие к морю из разных уголков России, останавливались, чтобы послушать проникновенную искрометную музыку.

Денис очень любил море и не представлял свою жизнь без него. Он чувствовал, что оно живое, а душа моря — прекрасная Афродита — нежная, щедрая и лишь иногда сердитая! Он верил и ждал, что когда-нибудь она обязательно выйдет к нему из морской пучины!

Денис обследовал все прибрежные воды и знал, где лежат затопленные катера и баржи, где ходят косяки кефали и на каких рифах много краба. Иногда он заплывал очень далеко, но ему не было страшно.

Раньше он любовался зеленухами с радужными боками, грациозными скатами, ловил бычков: держась одной рукой за баллон и осматривая дно с поверхности воды через стекло маски, другой рукой он опускал наживку перед бычком, намотав конец лески на указательный палец. Теперь, с ружьем, гонялся за кефалью. Увидев косяк, он подныривал под него и стрелял снизу. Если бить сбоку, то рыба видит гарпун и уворачивается от него.

Как-то утром Денис шел вдоль пустынного пляжа. Вдруг, у самой кромки воды он увидел кефаль — что-то заставило рыбу выйти на мель. Ее верхний плавник торчал из воды. Денис наклонился, готовый схватить руками легкую добычу, но рыбина пошла от него вдоль берега по мелководью. Она металась то в одну, то в другую сторону и потом резко ушла в глубину. Над водой мелькнул дельфиний плавник и хвост — Денис понял, что невольно оказался в роли загонщика.

Появились еще два дельфина: построившись треугольником, они оттесняли рыбу к берегу. Неожиданно один из дельфинов выплыл на одну треть на берег: его голова оказалась прямо у ног Дениса! Продолговатые челюсти с многочисленными некрупными зубами были слегка разжаты, будто дельфин улыбался, радуясь встрече; сверху, на голове, хлюпал дыхательный клапан. Было понятно, что этот умный обитатель морей благодарит его за рыбу и ждет от него ответного жеста. Преодолевая страх, Денис присел на корточки и погладил дельфина. Тот довольно пошлепал хвостом, издал какой-то звук и ушел в море. Денис провожал его сияющим взглядом, а его новый знакомый с дельфиной удалю вынырнул несколько раз из воды, как бы напоказ, падая обратно то хвостом, то четко носом, а то боком.

Пытливый юноша отыскал в библиотеке новейшие сведения о дельфинах. Оказывается, они посылают в разные стороны сигналы, подобно сонару, в виде уханья, свистов, щелчков и скрипов. Отражаясь от рыб, дна, судов, сигналы рисуют в голове дельфина реальную картину. Его мозг — крупнее мозга человека. Ученые убеждены, что за миллионы лет эволюции дельфины достигли высочайшего разума, постигли тайны океана и, возможно, законы мироздания. Они могут собираться в очень большие стаи, преследуя косяки рыб. Когда-то дельфины Океании помогали рыбакам загонять рыбу в их сети и те делились с ними уловом. Они охотно идут на контакт с человеком, демонстрируя свои возможности. Есть дельфины-лоцманы!

На следующий день, в то же время Денис пришел на берег в надежде еще раз увидеть своего приятеля. Он напряженно думал о нем, как бы посылая ему свои сигналы — ведь существует же телепатия?! Не прошло и четверти часа, как появился "его" дельфин. Юношу охватил восторг, и он уже без малейшего страха поплыл навстречу стремительному и умному обитателю подводного мира. Дельфин позволил ему взяться за плавник и торпедой протасил его вдоль берега. Когда Денис хлебнул воды, тот поднырнул под юношу и приподнял его над водой. Потом дельфин кружил вокруг него, вспенивая воду, показывая этим, что он рад знакомству. Денис придумал ему имя — Эол, бог ветра!

Как-то рано утром он проснулся с недобрым предчувствием и, схватив сумку со снаряжением, поспешил на берег. Так и есть — его ждал Эол! Он метался, явно показывая, что нужно куда-то плыть. Денис быстро надел маску, ласты и Эол потащил его на место. Они приблизились к стайке дельфинов, которые сустились, тревожно пища, Денис сразу обнаружил в воде рыбацкую сеть. Набрав воздуха, он погрузился на пять-семь метров и увидел запутавшегося в прочных нитях дельфиненка. Какое время тот пробыл без воздуха —

неизвестно, но он еще подавал признаки жизни. Денис достал нож и осторожно обрезал сдавившие малыша нити. Запуталось в сети ружье... Он, не задумываясь, сбросил его, чтобы подтолкнуть вялого дельфиненка на поверхность и отдышаться самому. Тут же детеныша подхватила пара дельфинов и увлекла с собой. Денис проводил стаю и, убедившись, что их маленький сородич поплыл самостоятельно, повернул обратно — искать ружье. Злополучная сеть будто растворилась в морской воде, а вместе с ней и ружье. Чувство досады из-за потери тут же прошло, как только он вновь представил себе погибающего дельфиненка, а значит все было не напрасно!

На следующий день море штормило. К берегу пришла холодная вода, перемешав водоросли и медуз, посвежел воздух. В такие дни Денис любил бродить по берегу под симфонию стихии, море накатывало бурлящий вал, размывая себе путь, а потом, слизывая шипящим языком все, что возможно, разгоняло очередную волну, упорно пытаясь расширить свои владения. Вдруг в волнах появился Эол. Задрав вверх нос, на котором поблескивало что-то в виде кольца, он барражировал вдоль берега. Денис, решив, что опять понадобилась его помощь, поплыл навстречу дельфину. Волнуясь, он осторожно снял с его носа блестящий предмет, который оказался золотой гривной в форме подковы из двух лавровых ветвей! Эол издал приветственный свист и, кувырнувшись, ушел в море. Денис любовался искусно сотворенным украшением, понимая, что это благодарность за спасенного малыша: Эол поддел своим носом самый удобный для "доставки" предмет с какого-то затонувшего судна!

Возможно, гривна облегла когда-то шею важной особы, являясь символом богатства и власти. Теперь он владеет этим шедевром!

Свой «приз» он сдал в музей и получил в подарок акваланг. Директор долго жал ему руку и говорил ему теплые слова. Он искренне говорил, что море выбирает для таких даров только избранных и что он, Денис — счастливейший человек! В конце — пожелал удачи в поиске сокровищ.

Не прошло и недели, как Эол вывел своего друга на затонувшее судно! Оно, разрушенное временем и обросшее ракушками и водорослями, лежало на большой глубине. Погружаться было опасно из-за кессонной болезни, поэтому Денис выставил буй, обозначив место.

Водолазы экспедиции подняли со дна уникальные изделия из фарфора, золота и серебра. Удачливый юноша заработал для своей семьи много денег, и его родители решили уехать жить в Грецию. Денис не хотел покидать родные места, расставаться с Эолом и поначалу противился отъезду. Потом, с каждым днем все сильнее, его стала манить загадочная Эллада и он согласился.

В день прощания дельфин был необычно резв и игрив. По всему было видно — он чувствовал предстоящую разлуку, но прощался как-то весело, будто не навсегда!

Денис привыкал к новой жизни на родине предков, а Эгейское море оказалось таким же приветливым: в отличие от Черного — более густое, будто маслянистое, с лиловым отливом.

Денис уже многое узнал из античной эпохи, и его подводная "работа" стала всепоглощающей страстью. По найденным монетам и амфорам, фрагментам скульптур он пытался восстановить отрезок истории.

На берегу его, будто магнитом, тянуло к древним постройкам. Он записывал легенды и факты, связанные с ними. Будто бы с воздухом, он впитывал в себя дух древней Греции. При первой же возможности Денис посетил Акрополь в предместье Афин. Останки стен и колоннад впечатляли своим величием. Когда он поднимался по мраморной лестнице к храму Победы, то почувствовал, что в мареве горячего воздуха преломилась не только панорама дворца, но и пространство, и он на миг перенесся в ту далекую эпоху, испытывал сильное волнение. Огромное сооружение подавляло величием и размахом, и он ощутил себя пылинкой в вечности.

На исходе дня Денис любовался зелеными вершинами гор острова Эвбея, провожал взглядом корабли, скользящие, по голубой лазури моря, названного в честь легендарного Эгея. Тот когда-то также пристально вглядывался в горизонт, ожидая сына. Его сын Тесей должен был сразиться с минотавром — полубыком, получеловеком с острова Крит. Он победил чудовище с помощью прекрасной Ариадны, но, возвращаясь, забыл о договоре с отцом — поднять белые паруса вместо черных. Эгей бросился со скалы на острые камни, посчитав, что сын погиб.

А где-то там Орфей спускался по Тенарскому ущелью в подземное царство, чтобы чудесными звуками лиры разжалобить царя Аида и вернуть любимую Эвридику в светлый мир.

В раздумьях Денис спустился к берегу, на волнорез, любясь водной стихией. Море поблескивало удивительными красками заката, играя световой палитрой. Вдали показалась стайка дельфинов. Вдруг от нее отделилась одна фигурка и стремительно пошла в сторону берега. Расстояние быстро уменьшалось. Когда уже можно было разглядеть дельфина, Денис узнал Эола!

Да, это был он — прошел из Черного моря через проливы Босфор и Дарданеллы! Денис, будто на крыльях, слетел с волнореза в морскую пучину навстречу другу, и они закружились в счастливом танце, как самые близкие существа на Земле!

ИДИЛЛИЯ

Творец приступил к обустройству очередной планеты на окраине Млечного Пути. Он создал великое многообразие форм жизни, выстраивая галактическую гармонию.

Здесь, на Идиллии, он задумал тип человека, чувства и эмоции которого в виде психической энергии использовались бы для приготовления красок. Полученной палитрой будет окрашена планета. Ее облик станет прямым отражением эмоциональной гаммы каждого идиллянина. Два ангела должны снимать с людей во сне прану и, приготовив краски, широкими крылами расцвечивать огромные пространства: один ангел — светлыми тонами, другой — темными.

Новый человек получился чувствительным и ранимым. От грубости, черствости его эмоции темнели. Изящный, легкий — он по своей сути был сродни цветку: его защитой от всего дурного были красота и благородство. Питался он исключительно соками. Зимы не было вовсе, и планета выглядела как один большой сад. В мелодиях и напевах использовались только мажорные созвучия. Не было прозы — только восторженная поэзия!

Новый человек мог преодолевать небольшие расстояния с помощью пристяжных крыльев, как бабочка, потому что был легким. Крылья, одежда, обувь были сотканы из тонкого хлопка.

Используя приливы и отливы моря, идилляне отжимали из фруктов сок.

Идиллия преобразалась из-за обилия ярких красок: под голубым небом зеленели сочными травами луга, плодоносили сады, белели снежными шапочками хлопковые поля.

Однажды произошло нелепое стечение обстоятельств, последствия которых могли оказаться катастрофическими для всей планеты.

Трое художников разрабатывали новые рисунки для крыльев. Темнело, но им очень хотелось завершить работу. Они вышли на веранду — стряхнуть усталость прохладой. Вдруг небо прошла светлая полоса метеорита. Маленький обугленный пришелец с шипением упал рядом — друзья ощутили неприятный запах. Невольно они вдохнули пары опасного вируса.

Их отношения резко обострились. Каждый категорично отстаивал свою концепцию крыла! Один расхваливал себя за импровизацию, фантазию, критикуя друзей за примитивизм. Другой доказывал, что в своем творчестве использует символы, понятные только избранным. Третий, приняв величественную и надменную позу пророка-мудреца, поучал — нельзя утяжелять крылья смысловыми нагруз-

ками, а цветом нужно создавать ощущения легкости, полета! Никто не хотел уступать!

Очень быстро вокруг собралась толпа — такого идилляне еще не видели. Им передалась негативная энергетика амбициозных мастеров кисти. Споры вышли за пределы своего начала. В дискуссию вовлекались новые люди — их число множилось, подобно цунами.

Краски стали меркнуть, зеленая листва покрылась коричневым налетом, трава побурела, как от пожарища. Идиллия темнела...

Обитатели соседней планеты с тревогой наблюдали за трагедией. Творец не спешил вмешиваться, надеясь, что идилляне исправят все сами.

Врачи обследовали художников и обнаружили вирус, от которого завывается самооценка и, как следствие, растут амбиции и агрессия. Его источником были погибшие в бесконечных войнах планеты. Больным дали успокоительный настой бромодонны, поместили в звукопоглощающие комнаты со специальным светом: вирус лишился питательной среды — эмоций и погибал.

Для изменения эмоционального фона было разработано обращение:

— всем пребывать в добром расположении духа, в хорошем настроении, не впадать в уныние;

— носителям темных тонов рекомендуется лететь в непораженную местность для восстановительных процедур.

Меры сработали. Планета похорошела настолько, что вокруг нельзя было смотреть без умиления. Светлых ярких красок вырабатывалось так много, что в каждой местности была своя радуга! Счастливые идилляне порхали вместе с причудливо раскрашенными бабочками и радовались возвращению к прежней жизни. Они больше не хотели терять свою радужную Идиллию — запасали для общения приятные слова и в мыслях избегали дурного! Каждому пришло озарение — этот чудесный мир будет красив до тех пор, пока сами они будут духовно яркими и красивыми, давая ангелам возможность расписывать прелестные пейзажи всем на радость!

Так на окраине Млечного Пути вновь заиграла завораживающими красками планета, на которую по ночам любили смотреть ее соседи, земляне, очарованные этой неземной красотой!

Галина КЛИНКОВА

(Волгоградская область)

ИВУШКИ - СЕСТРИЧКИ

Взгляни — два дерева растут

Из корня одного.

Судьба ль, случайность ли, но тут

И без родства родство.

Мария Петровых

На территории школы тихо. Не скоро еще зальется звонок, выпускная на перемену ребячье звонкоглосье.

Мои уроки на сегодня закончились. Я спускаюсь с крыльца во двор и не спеша в раздумье иду по асфальтированной дорожке. День весенний, радужный. Только сейчас состояние души моей не соответствует настроению природы. Вечные проблемы не дают покоя. Небо, ярко-голубое, кажется, хмурится. И солнце тоже не улыбается. Машинально взгляд скользнул в сторону и заставил остановиться.

Вдоль памятной стелы погибшим воинам выстроились старые деревья. Они давно стали привычными. После апрельского субботника несколько лет назад не стало большой плакучей ивы у водяной колонки. Но на спиленном под корень дереве, на материнском пне, по его бокам, родились и живут два прехорошеньких деревца. Как же раньше я не обращала на них внимание?..

Залюбовалась ивушками. Росточка одинакового, тонкие, гибкие. Они, как подсолнушки, тянутся к свету. Даже наклонились в его сторону, к дорожке. А неподалеку стоят взрослые ивы. Родные тетушки ревностно охраняют покой сиротиночек, заботятся о них, переговариваются шепотом листвы. Наверное, те делятся с ними своими первыми секретами. Ученики жалеют деревца. Побелили стволы.

Льнут сестрички друг к другу, ветками коснуться стремятся. Листочки у них длинные, словно пальчики. Еще юного, нежно-салатного цвета. Но время так скоротечно! Будут мелькать месяцы, шелестеть годы. Незаметно вырастут наши ивушки, опустят ветви-волосы до земли. А придет срок, посереблятся, затем поседеют в свою пришедшую осень... Но это будет потом. Совсем не скоро.

Среди «женских» деревьев поэтический облик ивы стал символом женской судьбы, олицетворяющим разлуку, одиночество. Но всегда ивушка прелестна — в задумчивости, трепетанье, горестной склонности долу...

Прилетел вдруг озорной ветерок, тронул юную листву. Переглянулись, смущенно заулыбались красавицы девчонки. Я подошла, ласково погладила будто прозрачные, светящиеся листики. Порадовалась, что хорошо сестричкам, весело, живут рядышком и в любви. Пожелала им счастья. О нашей, человеческой, жизни задумалась. По-разному судьбы складываются. Особенно в теперешнее, недоброе время. И стихотворные строки тому в подтверждение на память пришли:

*Некровные растут не врозь,
Их близость — навсегда.
А у людей — все вкривь да вкось,
И горько от стыда.*

Уходя, оглянулась. Такие милые, трогательные стоят. Будто ангелы Надежды. И от их образа затеплилось в груди. Почувствовала: «Вмиг умирятся мыслей неродостных рой...»

ПУШИНКА

«По переулкам бродит лето, солнце льется прямо с крыш...» Не переставая, крутятся в памяти, бодрят строчки из песни моей юности... Сейчас раннее утро, и солнышко еще не поднялось высоко. Приятно холодит лицо нежный ветерок. После душной комнаты, вобравшей в себя от раскаленных кирпичных стен дома весь дневной жар щедрого солнца, легко дышится.

Не спеша иду по центральной улице, радуясь прохладе. Выходной. Людей нет на дорогах. И вдруг слышу за спиной: «Давай быстрее!» Оглядываюсь назад. Передо мной такая картина: в сторону близлежащего магазина направляется женщина, а на некотором расстоянии от нее следом важно двигается кошка. Не породистая, но грациозная и красивая. Серая шерсть пушистая и вся как в нарисованных ярких белых пятнах.

Я заинтересовалась, что же это за кошка, которая не «гуляет сама по себе», как ей положено, а сопровождает хозяйку, словно собака.

«Дали мне ее котенком,— рассказала женщина,— лет пять назад. Назвала я ее Пушинкой. Все время с ней разговаривала, как с человеком. Она росла умной, ласковой и общительной. И стала потом за мной ходить. Все удивляются. Куда я, туда и она. Сейчас у нее дома остался котенок».

Хозяйка любовно погладила кошку и продолжила путь. Пушинка, перебирая лапками, с достоинством последовала за ней.

Я долго смотрела им вслед. Видела, что женщина останавливается иногда, поджидая свою питомицу.

Мне стало тепло и уютно. Будто коснулась щекой мягкой нежнейшей кошачьей шерстки. Вспомнилась книга известного английского ученого Конрада Лоренса «Человек находит друга», в которой он говорит, что есть только один способ узнать, любит ли тебя кошка: возьми с собой на прогулку. Пойдет ли она с тобой или своей дорогой...

ЧУДО - САЛФЕТКА

Иду по садовой тропинке. Вдруг сбоку сквозь траву что-то сверкнуло. Я наклонилась, раздвинула кустики сорняков и увидела нечто удивительное. Параллельно земле на расстоянии нескольких сантиметров от нее, цепляясь краями за стебли травы, раскинулась прозрачная, сверкающая, как в сказке, серебром вязаная салфетка. Нити не видимы, только в местах их переплетений нанизаны крошечные бусинки, кажущиеся сделанными из драгоценного металла.

Кто же выткал этот чудесный узор? Наклонилась ниже. Протянула руку. Да это паутинка после дождя. И волшебные бусинки — капельки воды. А искусный умелец — паук.

Природа не только храм. Но и город Великих Мастеров.

СТРОКОЮ ОБЕРНУЛСЯ МИГ...

Время уходит, словно песок меж пальцев. В который раз соглашаешься с выверенной поэтом истиной: чем дальше живем мы, тем годы короче.

И невольно стараешься не только успеть сохранить, оставить в памяти все, что происходит с тобой, около тебя, но и осмыслить. При этом заглянуть куда-то дальше этого мига — в прошлое, в будущее.

ДАРИЛ НА СЧАСТЬЕ МУЗЫКУ...

Зимы оставалось совсем недолго ждать. Уже думалось о предстоящих холодах. И вдруг, явив благоволение, осень дохнула ласковым теплом. Такие светлые, лучистые дни дарила она! Будто улыбалась. Манящая щедрость природы и привела меня воскресным утром в городской сад Волжского.

...Деревья еще хранят остатки прежнего роскошного убранства. Но легкий шаловливый ветерок, игриво пробегая по кронам, продолжает их раздевать. К моим ногам «неслышим, невесом слетает желтый лист».

Я поднимаю его и вкладываю в букет, собранный из тех, что укрывают землю и аллеи разноцветным ковром. Любуюсь получившейся в руках композицией и вспоминаю под настроение тютчевское:

Как увядающее мило!

Какая прелесть в нем для нас.

Радостно видеть ярко-изумрудные травинки. Эта живая жизнь, которая осталась, теперь цепляется за каждую соломинку солнечно-го луча. Жаль, цветы на клумбах уже застыли в своем последнем дыханье. А небо над головой — голубое, чистое, безоблачное. В вышине на его фоне вдруг появляется клин проносащихся птиц.

Слышен прощальный клич. Это журавли. Взгляд стремится, насколько возможно, сопроводить их полет. Сердце при этом наполняется необъяснимой тоской и печалью. Может быть, причина в том, что осень года сегодня совпала с осенью в собственной жизни, которая тоже уходит куда-то, ускользает, тает...

Неожиданно в стороне раздались звуки духового оркестра. Они поднимались вверх, и струилась над старым парком чарующая мелодия вальса. Я поспешила на ее голос. Среди аттракционов, в конце боковой галереи, созданной сводами почти сплетающихся ветвей кленов, прячется летняя эстрада. На сцене музыканты, подчиняясь плавным движениям рук дирижера, вдохновенно играют. А рядом кружатся в танце пожилые пары. Завороженная этой удивительной, до слез трогательной картиной, я присела на скамейку. С волнением смотрю, слушаю. Кадриль, чарльстон, вновь вальс. Зазвучало танго «Брызги шампанского». Как светятся лица танцующих! Как построили их фигуры, и как легки движения. А ведь орденские планки некоторых «говорят», что пройден фронт. Несколько человек — инвалиды.

Игра «в живую» духового оркестра дает особые ощущения. Вся гамма человеческих чувств «приходит в действие». И забывается день насыщенный, проблемы, горести. Душа освобождается, очищается от всего ненужного, возвышается... Возвращается давняя юность. С мечтами о светлом, о счастье. Повелевает чувством времени духовой оркестр. И кружатся, кружатся в упоении пары...

Отзвучала последняя мелодия — старинный вальс «Березка». Ведущий программы объявляет, что концерт закончился. Кланяются, убирают инструменты в чехлы музыканты. Я тоже хочу поклониться. В знак благодарности за подаренный праздник осветления души.

Никогда не забуду этот потрясающий день. Оставлю, чтобы ничто исчезнуть не смогло, в самом надежном хранилище — в сердце — и светло-печальные приметы поздней осени, и танцплощадку с духовым оркестром в старом парке...

Сергей ОДИНОКОВ

(г. Тула)

СКАЗКИ С ЧЕРНОГО МОРЯ

...Что ни скажу — все правда. Кругом земляки, соврать не дадут. С.Г. Писахов. «Не люблю — не слушаю».

ДО ТУЛЫ ПО ВОДЕ

Что ни говори, а на море летом хорошо: и прохладно, и приятно, и весело, и интересно. Словом, так хорошо, что порой и уезжать неохота: вцепился бы в дверной косяк двумя руками да так и висел бы, пока тебя не оторвут и вместе с косяком в поезд не забросят. А иной раз вдруг о доме подумаешь. Вот плывешь так, плывешь, в ус не дуешь, и вдруг мысль в голову — бац! — а как там дома? Так и застынешь метрах в ста от берега, вокруг тебя — водные мотоциклы, бананы с таблетками кувыркаются, в небе чайки парят, в воде медузы и рыбы целыми стаями кружат. А ты не гребешь, руки-ноги опустил, и вот уже волны над тобою сомкнулись, и пузыри последние из тебя вышли... И вроде пора бы уже всплывать и себя спасать, а ты все не двигаешься, идешь потихоньку ко дну и думаешь: «Эх, сейчас бы на пару минуток домой! Чего бы только ни сделал, а только бы родных и близких чуток повидать!» И ведь понимаешь, что отдых пролетит в один миг, и всех ты вскоре увидишь, — а все равно волнует тебя мысль о доме, и никуда ты ее не прогонишь!

Мы с друзьями, если вдруг скучно на отдыхе станет — по родным да по знакомым затоскуем, — в море прыгнем и до родной Тулы вплавь доберемся. Маршрут известный: Черное море — Азовское — Дон — Волго-Донской канал — Волга — Ока — Упа — Тула. Сначала пробовали на пароходах да на катерах плыть — плохо. Во-первых, долго, пароход этот идет своими зигзагами, на каждом побережье останавливается. Во-вторых, везут не до конца, замучаешься до дома на попутках добираться. В-третьих, тесно: народу всегда набьется до отказа, не знаешь, где встать, везде давка. Ну и, в-четвертых, за все это «удовольствие» еще и деньги плати. Поездом тоже долго. И хлопотно, потому как билеты заранее надо брать. И скучно: опять ту же дорогу с обратного конца глядеть. А вплавь — оно и дешевле, и просторней, и быстрее. Плывешь коротким путем, с какой тебе надо скоростью, морем да созданиями подводными любуешься. Если захочешь, то к берегу подгребеешь, отдохнешь, с чайками на память сфотографируешься — и дальше плывешь. Мы приноровились с собой девушек брать: с ними и дорога веселее, и вещи везти удобней. Они за ручки возьмутся, на спинку в море лягут одной линией. Мы им на животики пакеты с подарками да сувенирами сло-

жим — и везем их по морю. К родным да друзьям заедем, подарки раздарим, привет от моря ракушками да камушками передадим — и назад. Обрато курортным друзьям на девушках тульские пряники, белевскую пастилу и филимоновские игрушки везем. Девушкам не в тяжесть: море спинку поддерживает, пряники с пастилой животик придавливают, жирок распределяют. Для фигуры очень полезно так плавать. Поэтому стройней наших девушек нигде нет. Мы их везем, а они нас развлекают: песни поют, анекдоты да забавные истории рассказывают. Иногда, если в настроении, то и на гармони играют: одна девица себе на грудь инструмент положит, а две другие ее под локотки держат, чтоб не уплывала. Так и путешествуем. Тульская гармонь над морем хорошо звучит, широко. Вокруг нас всегда стаи рыб собираются: не каждый день такие концерты услышишь. Иной раз и дельфины к нам присоединяются. С ними и плыть легче: мы с ребятами к ним на спины заберемся, а они девушек везут. И быстро так! Мы в пять минут до нужного нам курортного места добираемся. На прощание с дельфинами возле берега поплаваем, поиграем, пряниками и пастилой их угостим, с собой надаем — их дельфинятам к чаю — и в свой курортный домик отправимся. Как раз к закрытию турбазы и поспеваем.

МЕДУЗЫ РАДОСТИ

Самая большая радость на море — это, конечно, медузы. Без них и любой отдых — не отдых, и море — не море, а так, мокрота одна. Мы когда на пляж выйдем, если увидим медуз, — сразу бултых в воду и давай с ними в догонялки играть! Когда маленькими были, то в основном в догонялки да в прятки с ними и играли. А как выросли, уже более интересные игры у нас пошли: эстафеты разные, пионермедузобол, медузный аэрохоккей, водное медузное поло... У нас уже свои команды по всему побережью Черного моря составились! И медузы нас каждый год ждут: всю осень, зиму и весну размножаются, разминаются, откармливаются, отсыпаются, а летом в состязаниях участвуют. Мы с ними договариваемся, когда в следующем году приедем и куда им приплывать.

А как накупаешься, наиграешься с медузами, потом подплывешь, выберешь себе несколько, загребешь их — и с собой возьмешь. К берегу идешь — сотни по две в каждой ладони держишь. Мы когда в Краснодарском крае отдыхали, бывало, наберем их с парнями, в специальные корзины положим — и девушкам отнесем. А девушки увидят издали, что мы с медузами идем, — визжат! Это они, значит, нам радуются. Бегут навстречу, корзины из рук хватают, целуют нас, обнимают. А потом разложат этих медуз на столе и начнут всякие блюда из них готовить. Сколько же тогда они разных раскусышек делали! Одна девица — коса до поясницы — их размочит в кипяченой водиче, затем специями засыплет, уксусом зальет и в кастрюльке

поставит. Другая потом — без косы, но с хвостом — этих маринированных медуз на шампуры нанижет — и жарит, жарит! Третья какая девушка на кусочки их порежет, в банку понапахает — компот из них сварит. Иные девицы, что поопытнее, супы из них делали, запеканки, омлеты... А знающие черноморские женщины, которые в летах, даже настойки из них делают! Вот отыщешь такую знающую женщину, принесешь ей корзину медуз да в придачу денежку — она скажет: «Завтра приходи!» Встретишься вновь с ней — а настойка уж готова! Вкусна, ароматна — страсть! А как они ее делают — секрет большой. Никому не рассказывают. Так покупай, медуз им приноси, а секрет — ну уж нет!.. На то они и мастерицы в этом. Промышляют. Женщин этих зовут медузихами, а настойку их — медузовухой. Она у них разная бывает: какая через час уже сварится, а иную приходится целый год ждать. Такие медузовухи с выдержкой очень сладкие. Но дорогие. На них обычно пометки: одна звезда, две звезды, три... Чем больше звезд, тем больше выдержка. Тем напиток крепче и вкусней.

А мы с девушками как блюд медузых накупаемся, настоечки попробуем — так сразу в пляс! Я, значит, за гармонь сажусь, а девицы с парнями вокруг меня хоромы накручивают. Такие кренделя порой выписывают — загляденье! Ни в каком прочем состоянии подобное ни в жизнь не сделаешь!

У каждой медузы свой цвет, свой вкус. Синие медузы самые сладкие. От них потом весь рот сахарный, замучаешься чаем запивать. Красные — самые острые. Их без специй и без соли подавать надо, они и так хороши. Самые нежные и ароматные — это, конечно, розовые. Их часто еще просто так посередине стола в отдельном блюде ставят — для запаха: уж очень душистые! Если хочешь, чтоб блюда посочней да понаваристей были — берите фиолетовые. Их много возле Евпатории и Севастополя плавают. А прозрачные не берите. Это вообще не медуза, а так, одно название: ни цвету от нее, ни вкусу, ни запаху. Один воздух.

Приятного аппетита!!!

МОРСКИЕ БОГАТСТВА

Главная забава морская — ныряние. Вот встанем с ребятами пораньше, девушек разбудим — и идем соревноваться. Сначала ныряли на время: кто дольше в воде продержится. Мы в воду заныриваем, а девушки вдоль берега с секундомером ходят. Кто победит — тому конфета. Забавно было так состязаться. Но быстро наскучило: многие из нас до того натренировались, что могли сутками в воде сидеть. Однажды мы так засостязались, что весь отдых под водой и проторчали! Да мы бы и дольше торчали. Спасибо девушкам: перед тем, как на поезд садиться, за нами сплавали. Мы как узнали, что отдых уже кончился, — тут же дружно на берег и выскочили. Ничья получилась. В поезде конфету на шестнадцать частей делили.

Потом решили по-иному нырять: кто глубже. Тоже сначала нравилось. Но когда глубину в сто километров освоили — забросили. Стали тогда просто по дну ходить, разные диковинные вещи собирать. Любопытное занятие! У нас в Упе, конечно, тоже интересно так побродить: то диван себе новый отыщешь, то запчасти найдешь — мотоцикл соберешь... Но все-таки Черное море не в сравнении: оно и интересней, и шире, и светлей.

И вот иду я как-то по дну. Мы тогда как раз в Крыму отдыхали. Погода чудесная: солнышко светит, воду греет, дорогу освещает. Рыбы мимо плывут — приветливо улыбаются, медузы шляпу при встрече снимают: узнали. Иду я так, иду, подводным миром люблюсь. И вдруг вижу: блестит что-то. Подошел, нагнулся — пять копеек украинских. Подобрал, в плавки положил: вещь ценная, пригодится. Дальше иду. Опять что-то блестит. Подхожу — двадцать пять копеек. В плавки сложил, веселей зашагал. Вновь заблестело. Нагнулся — гривна! Так и иду по дну, мелочь собираю. Солнышко мне помощником служит: лучиками своими играет, все монетки на пути высвечивает. Я полные плавки монет насобираю. Идти тяжело стало: камни под ногами проминаются, в дно по колено ухожу. Вокруг меня стаи мелкой рыбы собралась: всем интересно, что это за подводный зверь такой тяжеловесный ходит. И тут смотрю: плывут четыре мелких рыбехи и зубами купюру в двести гривен тащат! Я быстро на этих мальков налетел, купюру отобрал, а чтоб рыбок не обидеть, дал им взамен этикетку от бутылки: она и красивше, и ярче, и по размеру больше. Рыбешки обрадовались, заулыбались, плавниками в восторге захлопали, головками закивали. Вокруг меня покружили с этикеткой, хвостиками мне на прощанье помахали и скрылись. Я им в ответ поклонился, спасибо сказал за денежку. Еще немного прошел, гляжу: по воде плавными кренделями еще одна банкнота спускается. Пригляделся — пятьсот! У меня аж слюна потекла. Вся вода вокруг слюнявой и скользкой сделалась. Я руки к банкноте протянул, а она покружила-покружила надо мной да в правую сторону и свернула. Я за ней. Хотел подпрыгнуть, ухватить — плавки вконец отяжелели, не пускают. Я их долой — и давай за купюрой гнаться! Гребу вволю, руками размахиваю. А она, хитрая, как будто играет со мной: я вправо гребу — она левее поворачивает, я влево — она назад вертается. Так вокруг меня и плавает, дразнит, портретом на своем брюхе подмигивает...

Я пока за ней носился, не заметил, как и акула ко мне подплыла! Услыхал только: что-то сзади чавкает, облизывается и прочие неприличные звуки издает. Обернулся — а она уж на меня летит! Я пригнулся. Так она вместо меня банкноту мою заглотала! И не подавилась! Отплыла чуток и на новый круг пошла: опять атаковать. На меня летит, пастью щелкает — жуть! Я ей в лоб плавками запустил. От удара животное всю сознательность растеряло: застыло в воде,

глаза выпучило. Я ему на спину вскочил, руки под плавники зацепил и стал подмышки щекотать. Акула как начала ржать! Из рта у нее всякая всячина посыпалась: рыба, якоря, трубы пароходные, зеркала, мебель, моряки, отдыхающие... Люди, свободу почуяв, от счастья чуть умом не тронулись. Ко мне подплыли, давай обнимать, целовать, за спасение благодарить. Я от них отбиваюсь: мне некогда, я купюру ищу. Нашел-таки: неподалеку от старинного комода кружилась.

Моряки и отдыхающие подхватили меня, и каков я был — мокрый, без плавков, — такого и в рестораны понесли, банкет заказали. Затем в Киев письмо правительству написали: дескать, вот какие люди на свете живут. Вызвали меня на торжественный прием в столицу. Долго все высокопоставленные мужи руку жали, за спасение людей благодарность выражали. Предлагали место в правительстве: «У нас, — говорят, — в Раде давно не было смелых и находчивых людей». Я человек не гордый — отказался. Сказал, что дома, в Туле, дел полно: неоконченное среднее, неоконченное высшее, работа... Да и маменька меня не отпустит: она мне всегда говорила, что от власти даже хорошие люди сильно портятся. Для пущей убедительности им портрет мамин показал. Они посмотрели — женщина серьезная, решили не связываться. Вздохнули тяжело, сказали, что верно мама говорит. Их в свое время мамули тоже во власть не пускали, да они не послушались — теперь мучаются. Лица у всех грустные стали. Я им в утешение пряников с пастилой надарил да филимоновских игрушек целый ящик вручил. На входе в здание вместо кулера огромный тульский самовар поставил, чтоб они после заседаний чаек попивали: он из самовара завсегда вкусней и наваристей. Поблагодарил всех за прием, спасенных моряков да отдыхающих со вторым днем рождения еще раз поздравил. Депутатов попросил только, чтоб мне пятьсот гривен обменяли: а то моя банкнота в брюхе у акулы желудочного соку напиталась, пахла скверно. Мне ее заменили и в придачу пароходик с инкерманскими винами подарили. Я на нем часто по крымским водам хаживаю. Плавки новые вручили, именные, с нашей совместной фотографией: я, депутаты да спасенные моряки с отдыхающими. А следующим летом мы с ребятами за моими старыми плавками экспедицией отправились. Еле со дна вытащили. Деньги поровну поделили. Каждый себе потом в России по квартире купил. И по конфетке девушке.

КАК ПЛЕЧЕВАЯ РУГАНЬ БЕРЕГ СПАСЛА

Однажды мы на пляже целый день провели: купались, загорали, снотом купались, ныряли, с медузами играли... Весело было! Да вот только ребята и девчата кремом солнцезащитным мазались — им хорошо. А я не мазался. У меня плечи-то и обгорели. Да так сильно, что я утром еле руки поднял, чтоб потянуться. Боль такая — ужас! Сел я на кровать, стал горевать. Но это еще полбеды. Плечи-то мои давай мне

свое недовольство высказывать: мол, такой ты и сякой-разедакий, совсем за собой да за нами не следишь, и ума-то у тебя нет, и совести ни на грош... Мне больно, неприятно да к тому ж еще и неудобно: проснулся рано, всех соседей своей плечевой руганью поднял.

А тут ребята с девчатами забегают, на море идти предлагают. Ну как я им откажу? Плечи, ясное дело, возмущаться стали. Я на них полотенце накинул, чтоб от солнца спрятать и их возмущения приглушить.

До пляжа дошли без происшествий. Плечи под полотенцем поворачивали-поворачивали — да и замолчали. Спать улеглись. Выбрали мы себе местечко, покрывала раскинули. Я полотенце придерживаю: плечи берегу. Тут друзья посидели-посидели и купаться пошли. А мне-то как в воду идти? С полотенцем-то неудобно. Ну, я по привычке его и сбросил. Плечи от солнечного света очнулись, встрепенулись — и как давай меня на весь пляж позорить! Слова-то такие неприглядные на меня кидают — и вспомнить стыдно! Я уши заткнул, гляжу: вся их ругань по мне скатывается да по всему пляжу разлетается. Люди ходят, об нее спотыкаются, мне за плечи мои тоже возмущение начинают выказывать. Весь пляж руганью покрылся! Я в воду забежал — вода от плеч запузырилась, зашипела, кипятком сделалась. Все отдыхающие на берег повыскакивали. На берегу меня ждут, разбирательство готовят. Я из воды не выхожу: гнева отдыхающих опасуюсь. Медузы мне на плечи сели, массируют их, успокаивают, воду остужают — все равно толку мало: кипит вода, да и только.

Вдруг замечаю: на берегу все всполошились, бегают как ненормальные, кричат, пальцами в мою сторону показывают. Я сначала подумал, что меня почему-то вдруг испугались. Затем обернулся — огромная волна к берегу катится! Сам перепугался не на шутку. Попытался к берегу плыть — куда там! Волна меня догнала, пендель дала, по башке огрела, в себе повертела, за шкуру схватила, на себя посадила — и к берегу покатила! Народ разбежался, попрятался кто куда. Волна в берег влетела, о ругань плечевую хребтом ударила — и всю силу растеряла: улеглась на песок, пошипела пеной и обратно в море отошла. А я с гребня волны прыгнул и напрямик до своего домика курортного долетел.

Вот так плечевая ругань берег спасла.

ВАЙ-ФАЮШКА НА ОГНЕ

Сейчас во всех барах, столовых да кафе, помимо ожидаемых еды да питья, еще одна не менее важная вещь имеется — вай-фай. Вот придешь в какое-нибудь общественно-питательное заведение, заказ сделаешь — тебе сразу и доступ к нему открывают: пароль дают. Это у них хитрость такая, чтобы ты не дай бог где-нибудь возле кафе не присел и бесплатно, без заказа, их благами не воспользовался. А дали

пароль — ты и входишь бесплатно в Интернет. Покушаешь, все свои виртуальные дела переделаешь — и домой. Благодарь!

И вот как-то после купания зашли мы всей нашей дружной компанией в кафе пообедать. Еды набрали, за столиком расселись. За телефоны и планшеты взялись — а вай-фаюшки нет! Мы поели — и к бармену: так, мол, и так, по какому такому праву удерживаете законно принадлежащие нам современные блага цивилизации?! А бармен такой серьезный: из всех ушей и ноздрей колечки свисают, по телу разноцветные узоры во всю ширь раскинулись. Он этими узорами на плечах поерзал, кольцом в носу пошевелил и ответил, что с проводкой у них беда, приехали мастера чинить да все электричество в кафе и выключили. Приносим, дескать, извинения. Сами страдаем.

Глядим — и правда: по кафе туда-сюда мужички в спецодежде и с инструментами снуют. Света нет. Мы еще в надежде по кафе побродили, отыскивали вай-файный источник — нет, не обманул бармен: огоньки на роутере не горят, он в стенке торчит, и ни пыхтит, и ни кряхтит, и огнями не блестит, — весь потухший висит. А нам в Интернет зайти до жути как нужно. Загрустили мы, стоим, не знаем, что делать. Кто-то из наших ребят в шутку сказал:

— Если роутер без тока не работает, нужно ему альтернативный источник энергии создать. Вот разведем вокруг него костер — будет у нас вай-файчик на дровах!

Посмеялись все, конечно. Я забавы ради горящей зажигалкой возле роутера провел... И только я пламя поближе к нему поднес — этот вай-файный ящик заработал! Включился, встрепенулся, как будто от сна глубокого очнулся. Я пламя убрал — роутер потух.

Мы как с цепи сорвались! Зажигалку долго держать горячо было, мы в ближайшем шкафчике керосиновую лампу нашли, зажгли ее и под роутер поставили. Завайфаело! Только скорость передачи данных очень маленькая, и на небольшое расстояние бьет: совсем вплотную к роутеру стоять надо. А нас-то, парней и девчонок, много. Мы фитилек посильней выдвинули — мощней заработало: и Интернет быстрее засоображал, и вплотную стоять уже не надо. Мы друг от друга отошли, стульчики себе поставили, расселись. Сидим, почту проверяем, ответные письма шлем.

Тут бармен заходит. Увидал нас.

— Вы чего тут делаете?!

— Тихо ты! Интернет спугнешь! — отвечаем мы и на роутер показываем.

Он как керосинку под ним заметил — кольцами затряс, узорами махал, крик поднял:

— Да вы что?! Пожар может случиться!!!

— Не бойсь, — говорим, — мы потихонечку. Сейчас еще минут пять посидим — и пойдем.

Он вышел. Потом забегает:

— А вы... это... не могли бы посильней врубить? А то до барной стойки не долетает, а персоналу тоже охота!

Нам-то чего? Если всем во благо — мы и с радостью. Врубили керосинку на всю. Роутер разогрелся, оживился, всеми огонечками заморгал. У нас скорость еще увеличилась: ничего уже не тормозит, с одной страницы на другую переход быстрый. Мы новости последние прочли, прогноз погоды на будущую неделю посмотрели — ничего интересного: опять жара, +36-39⁰, то облачность, то безоблачность, то переменная облачность...

Вдруг смотрим: керосин кончается! Мы к бармену:

— Еще есть?!!!

— Нет, — говорит, — мы вообще этой лампой не пользуемся. Она у нас так, для красоты и антиквариату стоит.

Мы тогда на улицу сбегали, сухих веток натаскали. Разложили вокруг роутера, подожгли — еще лучше заработало! Светло вокруг стало. И уютно: вроде как у камина сидишь. Скорость такая — мама дорогая, только успевай скачивать! Пятигигабайтовый фильм на планшет за три секунды скопировался. Мы себе с Сети всякой музыки и видеозаписей понакидали: пока прет, надо пользоваться!

Тут другие посетители дознались, что вай-фай заработал, кричат: «И мы хотим! И нам дайте!» Мы не жадные: раз всем надо, для всех и будет. Девушки сухих веток опять натаскали, а мы с парнями огромное бревно с улицы приволокли. Здоровенное такое, сухое, горбатое. И все в сучках. Швырнули его на огонь — а оно пламенем как возьмется! Искры от него во все стороны полетели — и на обои, занавески, тумбочки, шкафчики... Полкафе огнем занялось! Посетители с подносами и тарелками наружу повыскакивали. Стоят, глазами по сторонам стреляют, лапшу руками в рты закидывают, галдят.

Примчались пожарные, все в один миг затушили. Стали крайних искать. Быстро нашли: мы как раз с краю стояли.

— Все, — кричит нам бармен, — вы во всем виноваты, так что с вас деньги на ремонт и восстановление кафе!

А сам злой такой: глазища красные, кольца дыбом, узоры по всему телу ходуном ходят, изо рта искры сыпятся, из ушей дым валит... Сразу забыл, что мы и для него, и для всех посетителей вай-фай добывали.

Ничего не поделаешь. Мы все деньги, которые у нас с собой были, отдали. Извинились за причиненные неудобства и нанесенный ущерб. Потом еще в море зашли, со дна мелочи насобирали, часть себе оставили, а остальное им принесли. Они на эти деньги и кафе отремонтировали, и магазин открыли, и гостиничный комплекс с бассейном и тренажерными залами построили. Вот так-то! Не было бы счастья — да вай-фаюшка помог...

Наталия СИЛАЕВА

(г. Серпухов Московской обл.)

ВРЕМЯ

В современном мире существуют разные виды часов: настенные, настольные, наручные, электронные, механические, солнечные, песочные... Их предназначение — следить за временем, отсчитывать его, измерять, показывать его нам, напоминать нам о нем.

Но даже если часы остановить, время не остановится: оно все равно, вне зависимости от каких-либо внешних факторов или нашего желания, идет вперед... идет — и забирает свое. Иногда нам выгодно это: когда время забирает с собой болезнь, лечит душевную рану. Но чаще время уходит от нас слишком быстро и забирает с собой то, что мы не хотели бы ему отдавать.

Если бы оно остановилось, замерло, не забирало бы человеческие силы!

Но оно беспощадно. Оно жадно отнимает, как бы поглощая, то, что ему попадется на пути, властвуя над чередой событий и возвышая себя над всеми и над всем: не только нами — «человечками», но и над болью и радостью, над горем и счастьем, над болезнью и здоровьем, над жизнью.

А часы могут только измерить время, но не в силах его поторопить или остановить...

(НЕ) ОБЫЧНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Это было обычное воскресенье. Как и обычно Вероника приехала к Роме, как обычно он ее встретил у метро, поцеловал...

Только день был каким-то серым и мрачным. То ли из-за того, что осень навевала холод, то ли оттого, что Вероника устала за рабочие будни, а может быть, из-за того, что ее планы провести весь выходной с любимым были нарушены. У него оказались дела: друзья попросили в чем-то помочь. И она в одиночестве слушала, как воет на улице ветер, напоминая о холоде.

День подходил к концу. Еще несколько часов — и нужно ехать на последний автобус. Завтра понедельник — рабочий день. А смысл ждать эти пару часов? Провести их в одиночестве, чтобы приехать домой уже ночью и снова не выспаться...

Она, молча и не спеша, оделась, дошла до Ромы и попросила его довезти ее до метро. Все ее мысли и чувства отражались в глазах, голосе, в выражении лица так, что Рома легко все прочитал. Странная взаимосвязь: при слове «прости» наворачиваются слезы... но нет, не у него, а у нее.

Она не помнила, как ехала до метро, что ей говорил Рома по пути,

а может быть, он просто молчал, как и она. Отвернувшись в окно, она сжимала в руках карточку на одну поездку в метро. Сжимала ее так, как сжималось в тот момент сердце. Уже в метро около турникета она поняла, что происходит: ее карточка не работает. А рядом уже стоит Рома с новой карточкой и все с тем же «прости...».

Она молча взяла у него из рук карточку, прошла через турникет и быстро стала спускаться по лестнице. До нее донеслось: «Вероника!» Она остановилась, обернулась — позади только серая толпа. И снова знакомый до боли, родной голос: «Я тебя...», — но его заглушил звук прибывавшего на станцию поезда. А вокруг только толпа. Вскоре она рассосалась: кто ушел к выходу в город, кто — в вагоны. И она осталась одна на пустой платформе. Опять звук поезда... только уже отъезжавшего... и последний вагон, удаляющийся в темноту, словно ее мысли, чувства, сердце.

Как легко обидеть другого человека! Как часто мы ссоримся из-за пустяков. Но еще страшнее остаться одному, когда вокруг столько людей!

А ведь никому нет дела до чужих проблем. Молодой человек, который спускался по лестнице за ней, так и не передал ей слова Ромы, хотя он его об этом искренне попросил, надеясь на простое чудо. Но день был совсем обычным, без какого-либо волшебства...

Наталья ПРИХОДЬКО

(г. Серпухов Московской обл.)

Приходько Наталья Александровна, 1992 год рождения. Начала писать прозу и стихотворения с 2004 г. В 2011 г. вступила в молодежное литературное объединение г. Серпухова «Клио». Имеются публикации в коллективных сборниках Московского Совета ЛИТО «Созвучие» за 2012, 2013 гг.

СЛУЧАЙНЫЕ ВСТРЕЧИ НЕ СЛУЧАЙНЫ

В городе без конкретного названия, в мире без особых предрассудков, где-то на лестнице обветшавшего дома сидела бездомная женщина лет сорока. Прохудившаяся куртка, грязные помятые джинсы с огромной дыркой на коленке, ярко-красная кофта, выглядывающая из-под куртки, и огромные, явно не по размеру, мужские ботинки. Длинные коричневые волосы небрежно убраны в некое подобие хвоста, а умные карие глаза спрятаны за огромными черными очками. Перед ней стоит баночка из-под некогда бывшей тушенки и надпись на картонке: «Деньги на еду за совет».

Мимо проходила высокая и элегантная шатенка. Длинное платье и джинсовка на удивление прекрасно сочетались. Были слышны ее

уверенные шаги издавала. Она брезгливо посмотрела на бродяжку и бросила:

— Каким советом ты можешь помочь? Тебе самой совет нужен!

Девушка прошла мимо и вдруг услышала позади себя хриплое:

— Постой!

От такой наглости она резко обернулась на каблуках:

— Что тебе надо?

— Я могу дать тебе совет. Если я окажусь неправа — я больше никогда здесь не появлюсь. Но если я буду права...

— ...То я проведу тебя в самый фешенебельный ресторан и накормлю всем, чем пожелаешь — закончила шатенка.

— Идет, — бродяжка сделала пригласительный жест. — Присядь со мной. Сколько тебе лет?

— Двадцать пять, — буркнула шатенка и присела на ступеньку.

«Как подросток, ну право...»

— Ты красива и успешна. В твоей жизни есть все. Ответь лишь на два простых вопроса: что такое дружба? И есть ли у тебя друзья?

— Ну, ты глупая, — возмутилась шатенка. — У меня полно друзей!

— Ты уверена в этом?

— Эмм... — девушка задумалась. — Абсолютно!

— Хорошо, — протянула бродяжка, — я буду ждать тебя здесь через три дня в это же время, и ты мне расскажешь о существовании своей дружбы. А раз они твои друзья, ты, должно быть, уверена, что любят они тебя не за деньги. Скажи им, что ты обанкротилась, и у тебя больше нет ничего. Попроси их о помощи.

— Я? — шатенка вскочила, — я? Как церковная мышь?

— Церковная мышь побогаче тебя будет, — выдохнула бродяжка, — внутренний мир гораздо богаче...

— Вот увидишь, мои друзья самые настоящие!

Прошло три дня. Май радовал погодой. Бродяжка сидела все на том же месте, но куртка теперь лежала рядом. День уже потихоньку превращался в вечер, но никто так и не появился. Бродяжка терпеливо ждала. Ближе к десяти вечера на горизонте появилась шатенка. Взгляд в землю, голова поникла, вместо бывшего повседневного платья на ней было коктейльное.

Подойдя ближе, она внимательно посмотрела на бродяжку:

— Идем в ресторан...

— Конечно, но для начала, ты Расскажи мне.

— Не все способны радоваться и вместе переживать горе с другими людьми. К сожалению... Не всем так важен сам человек и его душа... Только внешность, богатство, популярность — но это все тленно! Мне помогли лишь мой старший брат и мама с отцом...

— Мне нечего добавить. Слава Богу, ты поняла все о своем окружении, прежде чем тебя укусили бы все эти змеи. Я наивно просчиталась со своими друзьями. А когда поняла, кто они на самом деле,

было слишком поздно. Я лежала на холодной земле в одном платье и с письмом угрожающего содержания. Я была абсолютно одна. Все мои деньги, а с ними и «друзья», вмиг выскользнули из моих рук. Так что, поверь, я знаю, что говорю,— бродяжка начала вставать со ступенек.

— А-а-а...— у штенки округлились глаза.— А вы случайно не Эльвира Милевская, директор компании, обанкротившаяся и пропавшая десять лет назад?

Бродяжка подмигнула и пошла вперед по улице. На губах ее была хитрая ухмылка, которую штенка не могла видеть, так как плелась позади.

— Ну?— попробовала вызвать она бродяжку на разговор.

— Сегодня я — твоя компания в ресторане, сегодня я — та, кого ты кормишь. Сегодня я просто Элла, для тебя, дорогая. Мне претит сама мысль о том, чтобы посвящать в свою жизнь девушку, которая так нахально разговаривает со всеми, кто беднее ее в материальном плане, судя только по внешности. Неужели ты сама не убедилась в том, что внешность бывает обманчива? Пошли скорее в ресторан. А то я голодна, как та церковная мышь, которую ты упоминала три дня назад.

Случайные встречи не случайны. Судьба сталкивает нас только с теми людьми, которые готовы поставить нас на место, вернуть умение здраво рассуждать, которые делают нас сильнее. Но все ли встречи нам необходимы? А у тебя? Сколько друзей у тебя?

Роман РОМАНОВ

(г. Тула)

Родился в 1966 году. После окончания средней школы №46 работал на различных предприятиях. Начал публиковаться в армейской, тульской, центральной прессе, газетах других регионов. Произведения выходили в коллективных сборниках и альманахах. Автор двух книг.

САУДИ ДАУД

Достаточно повидал за свою непродолжительную жизнь Сауд. Один старичок выучил его читать по-арабски, и через руки парня прошло немало свитков с бязью и вытянутыми знаками. Потом он несколько лет жил в Индии, где познал философию сидящего на корточках Божества. Сауд оказался знаком и с греко-римскими взглядами на жизнь богачей и бедняков, слышал и читал о многобожии других народов. Но услышанное им в северных областях

Египта поразило его настолько, что после нескольких лет подготовки принял веру в распятого на кресте Сына Божьего. Он даже нашел небольшую обитель, в которой жил с единовѣрцами. Зимой они молились, постились и укреплялись в вере под руководством опытного наставника, а летом нанимались к землевладельцу Дауду за несколько мешков риса и пшеницы, небольшое количество фиников, иногда получали новую одежду. Хозяин оказался неплохим человеком — содержал их в хорошей пристройке, нормально кормил и честно рассчитывался за работу. С его лица редко сходило довольное выражение, иногда он даже делился с ними своими наблюдениями. Выбрав однажды момент, Сауд спросил у него:

— Послушай, Дауд, ты знаешь о том, что после смерти наши души отходят в райские кущи?

— Я не думал об этом, потому что уже сейчас живу там. Ведь я знаю, что Бог есть. И моя жертва угодна Ему,— ответил он.

— Как это?— удивился Сауд.

— Каждый вечер я ставлю у пальмы мисочку козьего молока, а утром забираю ее опустевшей,— ответил Дауд.

— Так это кто-то из животных приходит пить молоко. Хочешь проверить?!— предложил Сауд.

И они провели часть ночи неподалеку от пальмы. Едва веки Дауда стали, словно намоченные сиропом, слипаться он получил легкий толчок. Очнувшись, увидел, как к его дару пришла пустынная лисичка и стала пить молоко. Когда все было закончено, оба наблюдателя пошли спать, при этом Сауд не заметил в темноте появившихся на лице Дауда складок. А несколько дней спустя после разговора Сауд подошел к Дауду.

— Прости меня за то, что я, недостойный, попытался пошатнуть твою веру,— сказал он, опуская очи долу.

— И ты меня прости, ведь я тоже просто так не уступил тебе,— ответил Дауд.— Ведь я продолжил кормить пустынную лисичку — не даром, выследил и то, где она прячет появившихся лисят. Для этого Бог и послал ее ко мне.

Помирившись, они продолжили жить как прежде.

**Владилена
СТАНИСЛАВСКАЯ**
(г. Серпухов Московской обл.)
ИСТОРИЯ О БУМАЖНОЙ РОЗЕ

"Я не хочу ни с кем говорить, черт возьми! Мне хорошо в моем тесном мирке. Глаза закрыты, в ушах — наушники". Девушка включила музыку еще громче, чтобы не слышать этих людей вокруг, монотонный гул метро и перестук колес о рельсы. При первой возможности девушка прижалась к стенке вагона — держаться

особо не за что, но так, по крайней мере, не упадешь.

Поезд подкатил к следующей станции. Кольцевая. Много народу вышло, зашло еще больше. Толпа буквально вносит всех внутрь. Но девушке нет до этого абсолютно никакого интереса. Она приоткрыла глаза только на секунду, когда один парень врезался в нее. Он что-то пробормотал, обращаясь к ней, что — она не имела представления. Девушка успела заметить в руках парня какой-то листок бумаги, сложенный в самолетик. Девушка снова закрыла глаза, уйдя в себя.

Поезд едет дальше, все по-прежнему. Парень что-то мастерил из своего листка бумаги. Поезд продолжает двигаться. Толчок. Девушка невольно вновь открывает глаза. Парень смастерил из бумаги розочку и держит в руках. «Нет!» — глаза мгновенно закрыты снова. И снова она предоставлена сама себе. Музыка в наушниках — и больше ничего. Даже нет каких-то четко оформленных мыслей в голове. Так бывает, когда думаешь обо всем сразу и ни о чем одновременно, или когда много думаешь и устаешь от этого до чертиков. Вот наконец-то нужная станция. Девушка вышла на улицу и, только спустя какое-то время, понимает, что ее правая рука кроме пакета сжимает что-то еще. Это та самая роза из бумаги! Тот парень оставил ее — больше некому. Он как будто почувствовал, что она не хотела ни с кем говорить. Понял всю ее тревогу. Девушке стало немного легче. Даже если ей придется делать операцию и побрить для этого голову из-за чего она станет похожа на солдата Джейн, значит, так тому и быть. Теперь ей будет легче.

Где-то в другом конце города парень вышел на своей станции и подумал: "Пусть у вас все будет!"

Елена АЛЕКСЕЕВА
(г. Серпухов Московской обл.)

*С отличием окончила Московский областной педагогический институт имени Н.К. Крупской (ныне — МГОУ). Препо-
дает русский язык и литературу в средней общеобразователь-
ной школе и русский язык в техникуме. Ведет в школе курс
«Основы православной культуры» и активную работу по ду-
ховному и нравственному воспитанию детей.*

Член ЛИТО «Клио» г. Серпухова.

СПРЯТАННАЯ РАДОСТЬ

60-е годы XX века. Трудное и страшное для церкви время: многие храмы закрыты, в семьях Православные праздники отмечают тайно...

...Мне пять лет. Я веселая крупная девочка с коротенькими светлыми косичками. У меня большая семья: бабушка (она кажется мне такой старенькой-старенькой!), папа (он военный, очень им горжусь!), мама и старшая сестра. Живем все в двухкомнатной квартире. В ней уже три дня идет генеральная уборка. Специальной мастикой натирают паркетные полы, чтобы они блестели: праздник будет! Но взрослые почему-то не велят громко радоваться. Вот на Новый год пекут маленькие пирожки с изюмом и большие с капустой. И можно громко радоваться! На 8-е Марта пекут и можно веселиться. На наши Дни рождения тоже. А тут почему-то нельзя. Но мне так хочется крикнуть: «Пасха идет!» Взрослые не велят, и я шепчу: «Пасха! Пасха будет!» — и радуюсь тихонько...

Сегодня вечером папа привез чудо сдобное! Оно называется «кулич»: высокий хлеб, верхняя корочка посыпана сахарной пудрой и еще чем-то ярким, разноцветным, невиданным. У кулича в пышном боку видны запеченные изюминки и орешки. Один маленький орешек выглядывает острым уголочком сверху, у самой корочки. Кажется, что он меня дразнит! Пока бабушка ушла (марлю достать и чистый платочек на голову), аккуратно выковыриваю орешек (не дразнись!), жую... вкусно-то как! Бабушка ничего не заметила. Приготовила марлю (блюдо с куличом завернуть), платочек (белый с синими точечками, наглаженный). Пойдет «святить». И опять об этом говорит тихо, почему-то повторяя: «Не заметили бы... Зять-то военный...»

Утром будят меня рано. У бабушки торжественное выражение лица. Она строго говорит: «Умойся быстро! Зубы почисть! Не вздумай есть!» Умывшись, бегу к столу. На белом блюде — кулич, вокруг него — крашеные яйца. Взрослые торопят: «Садись скорее!» Отец уже в военной форме, ему на дежурство уходить. Он отрезает от кулича пять кусочков, каждому кладет на блюдечко. Потом очищает яркую бордовую скорлупку с яичка (знаю, его луковой шелухой красили!), кладет на ладонь и на ладони режет на пять тоненьких бело-желтых ломтиков: в Пасху надо утром семье первое крашеное яичко съесть всем вместе («Чтоб дружной были», — бабушка говорит). Я с папиной ладони беру бело-желтый (как ромашка!) ломтик, а с блюдца — кулич. Ем, а бабушка строго следит, чтобы ни одна крошечка не упала — все освященное. Мне кажется, что я чувствую серебряный вкус святой воды. Правда, правда...

Мария ЯКОВЛЕВА-АЛЕКСЕЕВА

(г. Серпухов Московской обл.)

Окончила Московский государственный университет печати и Российский государственный социальный университет. Журналист, выпускающий редактор газеты «Серпуховские вести» и городского детского журнала «Вестенок», заместитель руководителя молодежного ЛИТО «КЛИО».

СЛУЧАЙ ВО ВРЕМЯ БОМБЕЖКИ

Война... При этом слове возникают страшные картины: разрушенные здания, обгоревшие деревья, разбитые надежды, боль, отчаяние... Слава Богу, выросла я в мирное время, но с войной соприкасалась с раннего детства. Бабушка была школьницей, когда немцы в 1941 году напали на нашу страну. Поэтому о войне я услышала много рассказов, оставивших глубокий след в моей душе на всю жизнь...

Были в военное время и забавные случаи. Часто только благодаря юмору люди боролись с лишениями, находили силы идти вперед. Но часто смешно становилось уже после, когда действительность превращалась в воспоминания...

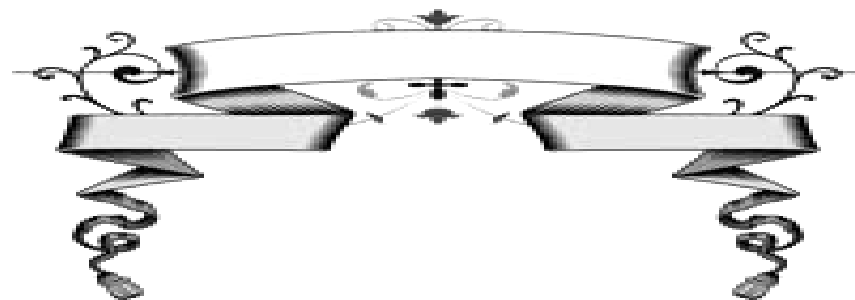
Бабушка Нина... В то время она была молоденькой девушкой — веселой рыжеволосой хохотушкой и «страшной трусихой» (как

сама говорила): очень боялась бомбежки. Однажды немец был совсем недалеко от Серпухова. Часто над городом летали самолеты и скидывали снаряды. Однажды такой налет был особенно сильным. Взрыв раздавался за взрывом. Нина вскочила с кровати и побежала будить отца, чтобы уходить из дома. Он сел на кровати и велел ей идти будить сестру Антонину. Нина побежала к Тоне. Та открыла глаза, сказала, что одевается, и попросила пока сходить за отцом. Нина снова побежала к отцу. Он тихо посапывал. Проснувшись от ее криков, он отправил ее будить Тоню. Так продолжалось несколько раз. Рыдая во весь голос, Нина начала трясти Тоню за плечи. Та встала, потянулась и полезла... в печь! На удивленное восклицание сестры: «Что ты делаешь?» — Тоня просто ответила: «Я голодной умирать не собираюсь!». И начала с аппетитом есть. Нина, подымая от ужаса, снова побежала к отцу. Тот спал... Вернувшись к печи, она обнаружила, что сестра поела... и уже видит какой-то сон. Неизвестно, сколько бы все это продолжалось, но вдруг дверь открылась, и вошли военные. Принесли они добрую весть: «Немец отбит! Спите спокойно!» Правда, не спала только Нина.

Автор фото: А. Холубова (1945 г.)

ПУБЛИЦИСТИКА

ЛЮДМИЛА АЛТУНИНА
СЕРГЕЙ ОВЧИННИКОВ

АНДРЕЙ МОЖАЕВ
РУДОЛЬФ АРТАМОНОВ
ЯКОВ ШАФРАН

Людмила АЛТУНИНА

(г. Тула)

ДА ВОЗРОДИТСЯ ДУХОМ ЧЕЛОВЕК!

(О Всероссийском молитвенном походе, о Православном кинофестивале «Семья России» — устами их участника — тулячки, автора статьи)

В текущем году в России случилось событие, поистине историческое, уникальное. Более ста человек со всех уголков нашей страны, из ближнего и дальнего зарубежья стали участниками Молитвенного похода по пятнадцати российским городам и весям: Москва — Боровск — Меццовск — Екатеринбург (Ганина Яма)

— Санкт-Петербург — Царское Село — Суздаль — Боголюбково — Владимир — Дивеево — Нижний Новгород — Кострома — Ярославль — Сольба — Сергиев Посад. Поход осуществлялся, по патриаршему благословению, в рамках Всероссийского православного форума творческой общественности «Родительское благословение», организованного автономной некоммерческой организацией «Семья России», и был приурочен к 100-летию Молитвенного похода Царской Семьи в мае 1913 года, в год 300-летия Династии Романовых и пролегал по ее маршруту.

Следующий такой Поход пройдет только через сто лет! В год 500-летия Дома Романовых.

В программе Форума — и Десятый, Юбилейный, Всероссийский кинофестиваль короткометражных фильмов «Семья России», который в год 400-летия Дома Романовых и укрепления Российской государственности проводился под девизом «Царская Семья — Семья России».

Знаменателен тот факт, что в этом историческом Походе участвовали православные не только со всей России и из ближнего и дальнего зарубежья — Беларуси, Украины, Киргизии, Казахстана, Иерусалима и Палестины, — но и из Тулы.

Посчастливилось участвовать в нем и мне, родившейся и выросшей в Сибири, но уже около сорока лет живущей в Туле.

...Попала я в этот уникальный Поход как раз в качестве финалиста Десятого Всероссийского кинофестиваля короткометражных фильмов «Семья России», который вносит весомую лепту в духовное оздоровление нации, — даже удостоен награды «Национальное достояние». Организуется фестиваль ежегодно автономной некоммерческой организацией «Семья России», под Первосвятительским покровом (по патриаршему благословению), при поддержке Президента и Правительства РФ. И все больше завоевывает популярность

среди кино- и тележурналистов (помимо меня, из Тулы была еще и

тележурналист Галина Цой, вышедшая в финал с документальным фильмом-призером «Добрые встречи»), а также среди публицистов. В рамках фестиваля проводятся в разных номинациях литературные, фото и песенные конкурсы. Автор этих строк стала победителем среди прозаиков, выступив в номинации «Добрая семейная история» (рассказ-эссе о семье под рубрикой «Родительское благословение»).

Нынешний, юбилейный, кинофестиваль проходил именно в формате Молитвенного похода, в рамках Всероссийского православного форума «Родительское благословение». С таким же названием — «Родительское благословение» — участниками Похода был торжественно открыт и освящен памятник в Костроме, но об этом еще будет сказано в материале...

ПО СЛЕДАМ ЦАРСТВЕННЫХ СТРАСТОТЕРПЦЕВ

— Мы, учредители кинофестиваля, с благодарностью посвятили X Всероссийский кинофестиваль короткометражных фильмов «Семья России» нашим венценосным собирателям России, которые сумели отвести наше Отечество от историко-драматической черты невозврата, положив конец Смутному времени, и темой Юбилейного кинофестиваля стала «Царская семья — семья России», которая проявила полярные отклики в сердцах сегодняшних наследников Российской Империи, — сказала Г.Г. Алексеева, президент АНО «Семья России» и кинофестиваля. — Поэтому своей первоочередной целью мы поставили просветительскую задачу — помочь нашим современникам переосмыслить импортированные советские штампы и избавиться от исторической зашлакованности, преодолев социологические и исторические конфликты XX века, исцелившись в XXI веке сыновней почтительностью к любимой России — уникальному духовному наследию, оставленному как бесценный дар нашими предшественниками.

Но сначала — о Молитвенном походе. Его программа была очень насыщенной, духовно содержательной. Посетили более двух десятков главных христианских святынь России и монастырей, среди которых такие столпы русского православия, как Свято-Троицкая Александро-Невская (Санкт-Петербург) и Свято-Троице Сергиева (г. Сергиев Посад) лавры. И всюду, во всех храмах и монастырях, в разных городах мы участвовали в Божественных литургиях, совершали молебны с акафистом Царственным страстотерпцам, читали утреннее и вечернее правило. Всенощное бдение в мужском монастыре во имя святых Царственных страстотерпцев, молебен у Креста на Ганиной

бург); молебен в Царском Селе в нижнем храме Феодоро сударева собора; экскурсии по Екатеринскому и Александровским дворцам; посещение знаменитой Янтарной комнаты, недавно восстановленной после полного ее разорения фашистами в годы ВОВ, музея-заповедника «Петергоф»; научно-практические конференции «Русская голгофа», творческая встреча «За веру, Царя и Отечество» и другие; мастер-классы и просмотры фильмов-призеров Всероссийского кинофестиваля короткометражных фильмов «Семья России» на палубе теплохода; культурная программа в Свято-Троицкой Александро-Невской Лавре; Крестный ход по Канавке вместе с сестрами женского монастыря в Дивеево; молебен у раки прп. Серафима Саровского, а в Троице-Сергиевской лавре — у раки прп. Сергия Радонежского; музыкальные и читальные салоны, беседы с пастырями; губернаторский прием в Костроме и многое-многое другое.

Добираясь из Нижнего Новгорода до Костромы на огромном пассажирском теплоходе «Михаил Фрунзе», участники Похода под пастырским водительством епископа Бишкекского и Кыргызстанского Феодосия и других священнослужителей всю ночь присутствовали на Божественной службе, совершаемой на верхней палубе речного лайнера. Так, в молитвах, и встретили чудесный рассвет на Волге. Столько впечатлений!

РОДИТЕЛЬСКОЕ БЛАГОСЛОВЕНИЕ — ПУТЕВОДНАЯ ЗВЕЗДА

18 мая 2013 года, в дни Юбилейных торжеств кинофестиваля, проходящих в форме Молитвенного похода, в богохранимой Костроме, на берегу Волги, состоялось торжественное открытие и освящение мемориально-архитектурного комплекса «Родительское благословение», возведенного на средства российского родительства, по инициативе АНО «Семья России». На этой торжественной церемонии присутствовали все участники Молитвенного похода, среди которых было много представителей духовенства (священнослужители сошли с теплохода с большой иконой Феодоровской Божией Матери), в том числе епископ Бишкекский и Кыргызстанский Феодосий, настоятельница игуменья Елисавета из Иерусалима, сестра Макрина (Проферансова) из Палестины, член жюри фестиваля; гости из ближнего зарубежья, в числе которых — В.В. Грозов из Минска, директор Издательства Белорусского Экзархата РПЦ, председатель правления Международного Благотворительного фонда «Семья — Единение — Отечество», профессор МКАСП, лауреат Государственной премии «За духовное возрождение», тоже член жюри фестиваля. В. Грозов многое делает для укрепления связей с Россией на

воспитания молодежи. Со всеми ними мы бок о бок прошли духовное единение в Молитвенном походе.

Мемориал скульптурно запечатлел исторический момент — благословение инокиней Марфой в 1613 году своего сына Михаила Романова на Русское Царство. С этого момента и начался Царский род Романовых, 400-летие которого отмечается в этом году. Это событие четырехсотлетней давности, положившее конец Смуте и польско-литовской интервенции, укрепив тем самым Российскую государственность, берет истоки именно на костромской земле. Над скульптурами инокини Марфы, благословляющей коленопреклоненного в смиренной позе сына Феодоровской иконой Божией Матери, особо почитаемой на Костромской земле (в Костроме, в Бого-явленско-Анастасином монастыре, хранится Феодоровская икона Божией Матери, у которой, завершая Поход, мы совершили благодарственный молебен) возвышается белая с золотом ротонда, купол которой венчает золотая царская корона — все символично!

Мемориал «Родительское благословение» будет торжественно встречать всех въезжающих в город Кострому, который, по праву, называют Колыбелью Царственной Династии Романовых. Памятник послужил главной своей цели, с которой он возводился, — объединил российское родительство в общем добром благородном деле. Прекрасный мемориально-архитектурный комплекс призван помочь осознать современной молодежи то, во многом ныне утерянное, что родительское благословение — это начало всех начал, духовный фундамент всей жизни — путеводная звезда. Можно многое потратить в жизни, но, как гласит мудрая русская пословица, «родительское благословение никто не исхитит».

СЕМЬЯ — ДУХОВНАЯ ОСНОВА

Расскажу подробнее о Всероссийском кинофестивале короткометражных фильмов «Семья России». Он заслуживает того.

Первый кинофестиваль стартовал в 2004-м году в древнерусском городе Галиче Костромской области под девизом «Мир вашему дому». Средствами кино каждый фестиваль рассказывает о российской семье, как главной духовно-нравственной основе, на базе которой формируется личность с момента ее появления на свет. Россия — многонациональная страна, где под Православным омофором многие века мирно живут люди многих культур и конфессий, поэтому герои фильмов — люди различных социальных слоев, разного материального достатка, вероисповедания, но всех их объединяет одно — создание добрых семей, в которых поселились гармония, взаимопони-

мание и любовь. «Картины фестиваля, проникая в сердце каждого зрителя, духовно очищают, пробуждая потребность в добродетель-

ной благопристойности, супружеской добропорядочности, благословенной многочадности», — так их расценивают и устроители, и участники, и зрители. Значит, кинофестивали достигают своей главной цели — способствовать духовно-нравственному оздоровлению российского общества средствами кинематографа и иными видами искусства через популяризацию традиционных православных семейных ценностей. И успешно решают поставленные задачи: «поэтизировать институт семьи; способствовать идеализации многодетности; формировать стремление к целомудренным добрым отношениям; воспитывать вкус к красоте благочестивого супружества; укреплять традиционные семейные устои; создать интернет-ресурс кино- и фотоматериалов о семейном благополучии и родительской успешности».

— Для нас очевидно, что фундаментом духовно здорового и экономически процветающего общества является традиционная семейная укладность, которая ставит человека-гражданина на крыло социально-психологической выносливости и создает условия для реализации созидательного потенциала творчески устремленной личности», — говорит президент Всероссийского кинофестиваля «Семья России» Г.Г. Алексеева, академик Евразийской Академии телевидения и радио.

Если на первый конкурс в 2004 году было прислано 78 работ из 28 регионов, то в этом, 2013 году — более двух тысяч работ! Со всех уголков России и из ближнего зарубежья — география участников значительно расширилась, что свидетельствует о востребованности в российском обществе добрых семейных фильмов. Сейчас в фонде кинофестиваля более 7000 творческих работ из всех российских регионов и стран ближнего зарубежья.

Кстати, всем финалистам кинофестиваля были вручены не только Грамоты Министерства культуры РФ и ценные подарки, но и фильмы-призеры за все десять лет! — более ста часов просмотра доброго духовного кино!

За годы деятельности фестиваль вышел за границы киноискусства. На базе творческих работ конкурсантов (фильмов, клипов, социальной рекламы, фотографий, рассказов, песен о семье) **сформировалась целостная общецерковная просветительская система «Всероссийские проекты АНО «Семья России»**, под Первоверховенным покровом, включающая в себя киноакции, кинолектории, кинодиспуты, телемарафоны, фотоконкурсы, которые синхронно проводятся в регионах России, духовно оздоравливая российское информационное пространство. Большинство проектов, учрежденных автономной некоммерческой организацией «Семья России», включены в план культурно-просветительских мероприятий субъектов РФ.

Просветительской продукцией АНО «Семья России» является ежегодный научно-популярный журнал «Семья России»; DVD-

сборники фильмов-призеров; видеоциклы «Летопись рос семьи»; слайд-фильмы; учебное пособие «Культура семьи»; тительские буклеты, брошюры, календари, проспекты. Выставочные стенды организации украшают церковно-государственные форумы, конференции, церемонии чествований, фестивали, на которых поднимаются вопросы демографии. Ежегодно все участники Международных Рождественских образовательных чтений получают комплект ее просветительской продукции.

2008 год благодаря активному и постоянному взаимодействию АНО «Семья России» с федеральными и региональными органами государственной власти был объявлен Годом Семьи в России. С 2009 года организацией учреждены новые просветительские инициативы: Всероссийская киноакция «Подари мне жизнь»; Всероссийское движение «Семейные родники России» (обустройство семьями заброшенных родничков); Всероссийские студенческие стройотряды «Моя Россия в 2017 году» (восстановление Православных храмов и монастырей силами российского юношества).

С 2010 года учрежден Открытый Всероссийский конкурс культурологических, образовательных, социально-просветительских, информационно-медийных проектов «Семья — основа государства», региональные этапы которого проводятся в большинстве российских регионов.

Всероссийский кинофестиваль «Семья России» неоднократно отмечался грамотами церковных и государственных структур, общественных объединений и организаций. Финалисты и участники кинофестиваля «Семья России», получив необходимую организационно-консультативную поддержку, организовали региональные кинофестивали: «Семья Белоруссии», «Встреча», «В кругу семьи», «Лучезарный ангел», «За жизнь», «Верное сердце», «Семья Зауралья», «Свет, побеждающий тьму» и ряд других, которые в своих регионах и странах, используя лучшие фильмы Всероссийского кинофестиваля «Семья России», стремятся в молодежной среде наглядно продемонстрировать преимущества доброго супружества над стихиями порока, бушующими в постмодернистском мире.

Православный кинофестиваль «Семья России» стал уникальным духовно-нравственным оазисом в нашей стране, границы которого из года в год расширяются, потому-то и в адрес нынешнего Юбилейного кинофестиваля приветствия прислали первые лица государства: Председатель Совета Федерации РФ В.И. Матвиенко, Председатель Госдумы РФ С.Е. Нарышкин, министр культуры В.Р. Мединский, мэр г. Москвы С.С. Собянин, губернатор Санкт-Петербур-

га Г.С. Полтавченко, председатель Союза кинематографистов РФ Н.С. Михалков; губернаторы и главы ряда российских областей и городов; одиннадцать митрополитов, архиепископов и епископов

— главы митрополий из разных уголков России; члены Свящ Синода РПЦ.

Представительное жюри кинофестиваля, в которое вошли академики и профессора, доктора наук, а также представители духовенства, видные писатели, кинематографисты, артисты, журналисты, телевизионщики, наряду с московским режиссером О.И. Ракутько, членом Союза кинематографистов РФ, лауреатом Государственных премий, возглавлял митрополит Ростовский и Новочеркасский Меркурий, член Высшего Церковного Совета, председатель отдела религиозного образования и катехизации РПЦ, глава Донской митрополии. И, конечно же, ими были отобраны лучшие из лучших работ и в области кинематографа, и в области литературы, и в области музыкального, и фото- творчества. Эти работы финалистов фестиваля будут использованы в духовно-нравственной, просветительской деятельности среди российской молодежи. И каждому финалисту, и лично мне, тулячке, конечно же, приятно и ответственно осознавать, что мое творчество может реально послужить в столь важном и крайне актуальном для России деле.

СОБИРАТЕЛИ ЗЕМЛИ РУССКОЙ

Все мы, финалисты кинофестиваля, вышедшие в победители в разных его номинациях, ставшие участниками Молитвенного Похода, получили пастырское благословение нести дальше людям добрую весть о том, что мы видели и слышали. А видели мы очень многое!

Многу пастырское благословение было воспринято, как сигнал к действию, к своего рода миссионерству, поэтому провела ряд встреч и в Туле, и в Горном Алтае, на моей малой родине, на которых рассказывала и о Молитвенном Походе, и о кинофестивале, а главное — о том, как через православие возрождается народ русский, как благодаря поистине подвижническому труду служителей церкви, монахов и монахинь, обычных прихожан поднимаются из руин по всей России великолепные храмы, открываются новые приходы, обретает духовный смысл жизнь многих и многих людей, опустившихся на самое дно в смутные 90-е годы, но ныне воцерковившихся и ставших активными прихожанами, помогающими в богоугодных делах.

Ярчайший тому пример — Николо-Сольбинский женский монастырь, находящийся в глубине ярославских лесов, дивное возрождение которого, а вокруг него и местных жителей, состоялось благодаря настоятельнице матушке Еротииде, приехавшей сюда, на развали-

ны бывшего мужского монастыря, зимой, в самом конце 90-х годов совсем молодой, но тяжело больной, с двумя юными монахинями. И поначалу жить им пришлось в холодном подвале разрушенного храма вместе с бомжами и уголовниками, скрывающимися от правосу-

дия, и самим ходить с протянутой рукой, прося милостын питание и для себя, и для этих несчастных деклассированных. Но, с Божьей помощью, вера, доброта, по словам матушки I победили. Она знает, что во всех их делах и начинаниях им незримо помогают святые Николай Чудотворец, Спиридон Тримифунтский и Ксения Петербургская — покровители их обители, которым возносят насельницы свои молитвы. Имя Николая Мирикийского Чудотворца носит один из прекрасных храмов Сольбинского монастыря, восстановленный матушкой Еротиидой из руин.

Сегодня Николо-Сольбинский женский монастырь не только восстановлен и засиял золотыми куполами новых великолепных храмов, при нем есть и средняя школа, и современная гостиница для паломников, и свое большое подсобное хозяйство, но главное, здесь нашли кров, сестринскую заботу более сорока воспитанниц от четырех до семнадцати лет, с которыми занимаются три десятка монахинь, в большинстве молодых, под пастырским водительством матушки Еротииды. Девочки учат и рукоделию, и овладению разными прикладными ремеслами, и готовить. А как замечательно в хоре поют они духовные песни! А какие добрые спектакли разыгрывают на сцене! Причем и костюмы, и красивые нарядные платья шьют собственными руками вместе с сестрами, под матушкиной ненавязчивой опекой. Все это мы видели своими глазами. «Пастырь добрый», — несомненно, скажет каждый, кто встречался с Матушкой, видел ее участие и внимание в самом малом. «Пастырь добрый», — подтвердит любая из нас, сестер и девочек из приюта, ежеминутно чувствуя ее переживание, материнскую заботу, болезнование о каждой душе, вверенной ей Богом», — говорят о ней в монастыре. Сейчас матушка Еротиида, с Божьей помощью, при участии добрых людей со всей страны, возводит крупный культурно-духовно-просветительский центр «Сольба» со своей инфраструктурой, медицинским городком, ведь до ближайшего медпункта в Переславле-Залесском — не менее 70-ти километров. По ее замыслу, он должен стать духовным светочем России.

С Сольбинским монастырем у меня завязались контакты. Я, будучи там, подарила матушке для воспитанниц свою новую книгу «Исповедь моей души» — стихи, рассказы, эссе на духовные темы, которую посвятила Православному движению «Семья России», презентованную мною в Санкт-Петербурге, во время Молитвенного похода. Ныне получаю по «электронке» «Сольбинские весточки» — монастырскую газету, из которой узнаю о жизни на Сольбе. Знаю, им очень нужны помощники, и мне бы тоже хотелось быть в их числе...

Таких примеров бескорыстного созидания далеко не мало на земле русской, со многими воочию встретились и мы, но обо всем в статье

не расскажешь. Упомяну лишь еще об одном человеке, русском художнике, поэте Владимире Молчанове, который на свои средства возвел в Костроме прекрасный храм, торжественное открытие и освящение которого состоялось в мае сего года. Происходило это

ясным, солнечным днем. Вдруг случилось настоящее чудо! В момент освящения храма мы, присутствовавшие при этом событии, увидели, как с неба спустилась яркая радуга и одним концом уперлась в золоченный купол нового храма. «Хороший знак подает Господь, значит, творим на земле Богоугодное дело», — сказал батюшка, освящавший храм.

«СЕЯТЬ РАЗУМНОЕ, ДОБРОЕ, ВЕЧНОЕ...»

...Наверное, мы все вернулись из Молитвенного похода и с кинофестиваля несколько иными людьми. Были просто потрясены, увидев, как силен духом русский православный человек, как может он буквально из руин и пепла поднимать храмы и дух в других людях, спившихся, пришибленных, раздавленных тяжелыми девяностыми годами. Вот обо всем этом и многом другом я и рассказываю на встречах, показываю буклеты, фильмы-призеры фестиваля и сделанные мною в Походе фото.

В моем сердце будто вспыхнуло некое свечение и зародилось горячее желание передать этот свет другим. Вот я и «пошла в народ», как нас и благословили нести дальше людям добрую весть о духовном возрождении России через Православие.

Рассказала о Молитвенном походе, о людях-подвижниках земли русской, которых мы узнали в ходе его; о Православных святынях и монастырях, где побывали, на встречах в Туле: в Православных литературных клубах «Ковчег» и «Родник», в городской библиотеке им. Л.Н. Толстого, со студентами, о чем выше уже упомянула. Продолжила эти встречи уже за тысячи километров от Тулы, на моей малой родине, в Горном Алтае, куда ездила летом. И там встречалась с прихожанами возрожденного храма Сошествия Святого Духа в селе Майма (настоятель о. Георгий (Балахнин), благочинный Республики Алтай), самом крупном в России. Показывала им и фильмы-призеры, вышедшие в финал X Всероссийского кинофестиваля короткометражных фильмов «Семья России», повествующие о славных семьях, о добре, гуманности в людских сердцах и душах; о Царской Семье, которую отличали эти важнейшие христианские добродетели. Выступала и в Майминской районной библиотеке; делилась впечатлениями с родными и знакомыми, — в общем, везде, где имела возможность это делать.

А затем мои встречи в Республике Алтай перенеслись высоко-высоко в горы, в самый удаленный райцентр Кош-Агач, где когда-то

я появилась на свет, находящийся на границе четырех государств: России, Монголии, Китая и Казахстана. Там я также встретила в местной церкви во имя святых Петра и Павла с прихожанами, среди которых не только русские, но и казахи, и алтайцы, принявшие кре-

щение. В Кош-Агаче доброе православное слово особенно Исполнен века народы разных национальностей, русские, алтайцы, казахи, монголы, жили в дружбе и согласии, по-братски (наряду с Православной церковью есть там и мусульманская мечеть). Но в последние годы туда стали проникать радикально настроенные исламисты и представители разных христианских сект, которые несут раскол среди жителей, стремясь разделить их по национальному признаку, социальному статусу и вероисповеданию. И этот яд уже потихоньку начал проникать в души людей, настраивая их друг против друга, поэтому-то крайне важно донести до местных жителей доброе слово, рассказывая на конкретных примерах о духовном возрождении России через Православие, как о единственно верном пути, что я и стремилась сделать, в силу своих сил, возможностей и знаний. Православие укрепляется и на Кош-Агачинской земле. Народ своими силами возводит в живописном месте, у слияния рек Чуи и Чаганки, новый большой храм по чертежам прежнего, разрушенного в безбожные 30-е годы прошлого века. Рядом построили новый просторный деревянный двухэтажный дом для многодетной семьи настоятеля храма о. Павла, кстати, алтайца по национальности. Отдельный дом неподалеку благоустроили и даже обставили (новую мебель пожертвовали прихожане) для церковного регента, но пока такого не нашлось. Там тоже очень нужны помощники, как в строительстве, так и на ниве духовного просвещения...

Наметила для себя провести еще ряд встреч в Туле, среди молодежи, в чем нашла заинтересованность и поддержку у многих людей, в частности, и со стороны М.А. Михалевой, возглавляющей духовно-просветительский Центр «Фавор», существующий при Тульской духовной семинарии; Е.И. Самарцевой, д.и.н., профессора, заведующей кафедрой истории и культурологии ТулГУ. Так что лично для меня Молитвенный поход продолжается. Все, что духовно он дал мне, его свет стремлюсь нести людям, и не только воцерковленным, в надежде, что и мое слово может послужить толчком к тому, чтобы подвигнуть человека к Православию.

И ВСЕ ЕДИНО! ЛАМПАДЫ ВЕРЫ НАД РОССИЕЙ

...Те, юбилейные, дни кинофестиваля «Семья России» и Молитвенного похода лично для меня завершились, по Божьему промыслу, неожиданно и необычно: еще и посещением древней святыни Православия — Нового Иерусалима (Истринский район Подмосковья) и чудесной патриаршей службой в мужском Николо-Угрешском монастыре (тоже Подмосковье), куда меня пригласили мои московские друзья. Кстати, история возникновения этой обите-

ли, занимающей особое место в истории России и Русской Православной Церкви, тесно связана и с Тульской землей, с Куликовской битвой. Основана она в 1380 году святым благоверным великим князем Димитрием Донским в память о русских воинах, погибших на Куликовом поле. Монастырь на протяжении шести веков своего существования хранит память о славной победе православного воинства, сыгравшей решающую роль в образовании Русской Державы. Именно здесь, на берегу реки Угреши, по преданию, Димитрию Донскому, возглавившему русское войско, явился св. Николай Чудотворец, благословил его на битву с поработителями и предсказал победу. На том самом месте установлена часовенка в честь святителя Николая Мирликийского (Чудотворца). Здесь, в величественном Преображенском соборе, установлен ковчег с частицей его мощей и рака с мощами преп. Пимена Угрешского, прославленного в лике святых, в честь которого рядом с его могилой на монастырском кладбище возведен великолепный белоснежный храм, по образцу церкви Покрова на Нерли, носящий имя этого святого.

Монастырь любили посещать русские цари и патриархи. Для Царской династии Романовых Николо-Угрешский монастырь был особо памятен и почитаем, ведь именно он стал местом сбора в 1611 году первого земского ополчения, двинувшегося на освобождение Москвы от поляков, что и обеспечило восшествие на престол царской фамилии. Вот так все в этом мире взаимосвязано, все едино! И все не случайно, и все — от Бога. Юбилейные даты исторической для русского народа Куликовской битвы, произошедшей на Тульской земле, и монастыря, возведенного в память о ее павших воинах, людей православных, широко здесь празднуются, ведь они не просто совпадают...

«...Николо-Угрешская обитель имеет великую духовную притягательную силу, не исчезающую во времени...», — пророчески говорил Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II. «Лампада веры и молитвы, более шести веков назад зажженная на Угреше, снова озаряет Православную Русь», — говорят православные.

...Колокольный звон угрешских колоколов словно перекликается с колокольным звоном колоколов храма Сергия Радонежского, возносящихся над полем Куликовым, полем воинской славы номер один, ставшим таковым, по благословению преподобного Сергия Радонежского, 700-летие которого празднуется в этом году. И звон всех российских колоколов сливается в единый чистый и мощный звон, раздающийся над просторами нашей страны, возвещающий о возрождении Православия, а через него — и Человека!

Андрей МОЖАЕВ

(г. Москва)

Андрей Борисович Можаяев родился 17 сентября 1955 г. Сценарист, прозаик, публицист, литературовед. Окончил ВГИК (мастерская Л.Н. Нехорошева и Н.А. Фокиной-Кулиджановой). Автор сценариев документальных картин, 2-х книг и публикаций в периодических изданиях. Лауреат нескольких Международных кинофестивалей. Доцент кафедры драматургии кино ВГИК. Сын писателя Б.А. Можаяева.

НА ПОКЛОН В СИМОНОВО (Религиозно-исторический очерк)

Москва не безмолвная громада камней холодных, составленных в симметрическом порядке... нет! у нее своя душа, своя жизнь. Как в древнем римском кладбище, каждый ее камень хранит надпись, начертанную временем и роком, надпись, для толпы непонятную, но богатую, обильную мыслями, чувством и вдохновением для ученого, патриота и поэта!

М.Ю. Лермонтов

В пяти верстах от Кремля на высоком левом берегу Москва-реки стоял когда-то богатый и славный Симонов монастырь. Сегодня память о нем почти утрачена, а от бывшего великолепия остались три обветшалые башни из красного большемерного кирпича, две стены, Тихвинский храм и братская трапезная. Да и тем недолго еще стоять при нынешнем полном равнодушии.

Жизнь обители начиналась в тысяча триста семьдесят восьмом году. К здешним дубовым, березовым и липовым рощам пришел издавна монах Федор с двумя иноками: бывшим брянским воеводой Александром Пересветом и братом его Андреем Ослябей.

Расчистили они место, срубили избу-келью да церковку во имя Рождества Пресвятой Богородицы. Место для молитвенных трудов от-

менное: тишь и глушь, но в то же время вся Москва с бугра — перед глазами. И братия монашеская из Свято-Данилова — близко, чуть наискось за рекой. Но, в отличие от соседей заречных, что в пойме размещались, здесь, на горе, воздух здоровее: суше и теплей.

Уединенное иноческое житье длилось недолго. Скоро из окрестных слобод потянулся за духовным советом крестьянский люд. Полетела молва о богомудрых подвижниках, и вместе с нею зачастила из города уже знать. А следом сам князь Дмитрий избирает своим

духовником иеромонаха Феодора, которого, впрочем, хор еще по Троицкой обители, где тот с двенадцати годков жила в послушании у родного дяди, старца Сергия Радонежского.

Через год Феодору стало суетно в своей юной Симоновой обители, и он решил отделиться. О ту пору пришел из Троицы дядя его Сергей, выбрал новое место для кельи, чуть ближе к краю горы, благословил и велел перенести монастырь сюда, а главный престол устроить во славу праздника Успения Божией Матери, и огородить обитель стеной от мира. Старо-Симоново же с храмом Рождество-Богородицким сделали иноческим погостом.

Так заложена была духовная колыбель, где вскармливалась идея государственной независимости. Да, именно здесь, недалеко от сегодняшней станции метро «Автозаводская», долгих два года обсуждал князь Дмитрий со своим духовником будущие пути самостояния земли нашей, нащупывал в беседах средства достижения цели. Здесь же укреплялась решимость биться насмерть с разбойничьим войском узурпатора Мама. Отсюда уходили на Куликовскую битву богатыри святорусские Пересвет и Ослябя. Сюда потом и вернулся их прах, в крипту церкви. А в закрепление той победы, вырабатывалась в Симонове монастыре духовная? (завещание) Дмитрия Донского, где впервые со времен Батыевых передавал русский князь детям власть и земли без ханского на то соизволения.

Архимандрит же Феодор, спустя четыре года после Куликовского сражения, был возведен в архиерейский сан и поставлен на кафедру Ростова Великого. Этим событием род преподобного Сергия Радонежского вернулся в свой город и навсегда духовно соединил его с Москвой. В те поры земли объединяла своими трудами, служением, прежде всего, Церковь. Она создавала общее исповедно-культурное пространство. Так, например, святитель Феодор являлся одновременно едва ли не самым крупным иконописцем, украсившим образами многие церкви Москвы и Ростова.

С конца четырнадцатого века Симонов монастырь растет быстро. Сам Патриарх Константинопольский взял его под свое управление,

что ограждало от какого-либо вмешательства в дела внутреннего устройства. И вот уже в начале нового столетия обитель — одна из самых на Руси крупных и населенных. С тем и встретила эпоху землепроходчества — широкого освоения окраин.

И опять в этом движении первостепенное значение имела Церковь. В диких лесах, среди болот, уходившие на молитвенный подвиг иноки основывали скиты, обители. Вокруг этих центров, где вырастали храмы, оседали приходящие из плотно заселенных или

вечно разоряемых мест крестьяне. Люди шли на поиски б земель, свободного труда, на поиски мужицкого счастья. И с своими руками это счастье — разворачивалось землепашество, промыслы, ремесла и торговля. Эта эпоха вошла в историю как рождение «русской Фиваиды».

Симонов Успенский монастырь воспитал двух ярчайших подвижников тех времен — святых Кирилла и Ферапонта, вышедших с московского холма и основавших великие обители-киновии на Белом озере.

И в те же самые времена здесь, в Симонове, проходил послушание один молодой инок. Как-то раз митрополит Московский решил после соборной службы обойти обитель, благословить и напутствовать каждого насельника. В пекарне он увидел юношу — тот, разморенный от духоты и усталости, дремал на лавке, а пальцы правой руки непроизвольно были сложены в форме пастырского благословения. Владыка запретил будить послушника и высказал настоятелю: тот сделается великим первосвятителем и столпом Русской Церкви. Спустя десятилетия эти слова сбылись — юноша стал святым митрополитом Ионей.

С именем Ионы связан важнейший исторический шаг нашей Церкви к автокефалии, а затем и полной самостоятельности, патриаршеству. В тысяча четыреста сорок восьмом году собор русских епископов предложил Вселенскому Патриарху утвердить на Московской кафедре владыку Иону. Но пока тот добирался до Константинополя, там уже утвердили на московский престол грека Исидора, принявшего раскольникую Флорентийскую унию. Она печально знаменита тем, что Патриарх от лица православных всего мира признал главенство Ватикана (за отказ от этой унии заплатились тогда жизнью многие. Самый известный из мучеников веры — великий чех, православный архиерей Ян Гус, сожженный католиками на костре, что послужило началом широкому национально-освободительному движению Чехии).

Великий князь Василий Второй, а следом за ним — и Русская Церковь, отказались принять Исидора. Вскоре в Византии сменился Патриарх. Новый первоиерарх не пошел на прямое столкновение с Русью. Греков всегда соблазнял денежный интерес, а наши отчисления были самыми богатыми (корысть оплаченных греческих епископов позже станет запалом величайшей трагедии — раскола, сначала церковного, а затем и общенародного, культурного. Даже сегодня, вопреки тому, что со старого обряда были постепенно сняты все те обвинения греков, последствия раскола преодолеваются крайне тяжело).

Итак, впервые Византия отдала право выбора в руки наши, и на митрополию был возведен Иона. Вскоре Византия покорена турками, как и большинство других православных стран, и свободная Русь начнет осознавать себя хранительницей Православия, его догматов и канонов. А митрополит Иона возьмется за труднейшее дело примирения ветвей великокняжеского рода в борьбе за престол, предотвратит духовным авторитетом и властью начинавшийся новый распад государства на уделы с вечно присущей ему междоусобной войной.

В начале шестнадцатого века Симонов становится центром общественной мысли и попадает в поле острых политических страстей. При Великом князе Василии Третьем впервые возникает идея сверить русские богослужебные книги с исходными греческими. За века накопились некоторые погрешности переписчиков, и знатоки уставов обратили на это внимание. К тому же, государь пожелал перевести древние книги из библиотеки своей матери Софии Палеолог. Дело приняло государственный разворот, и по просьбе Москвы, Патриарх Вселенский прислал с Афона, из Ватопеда, ученого грека-монаха по имени Максим. Тот был одним из образованнейших людей Европы. До своего пострига он учился в Париже, Венеции и, наконец, во Флоренции у богослова-доминиканца, великого в католичестве исповедника Савонаролы. У него Максим Грек перенимал, вдобавок к глубочайшему познанию в языках и общей образованности, дар полемиста и пламень веры. Такой верой когда-то Савонарола обличал ренессансные преступления папства, те, из-за которых уйдет от римского престола половина Европы. Этой верой поднял Савонарола всю Флоренцию против французских оккупантов, пришедших спасать право Ватикана управлять Италией. Этой верой дважды восходил исповедник на костер инквизиции, и оба раза чистое небо вдруг заволакивалось тучами, и огонь кострища на глазах у изумленной толпы заливал сплошной ливень.

И вот такой же исповеднической силой отличался его ученик Максим Грек. В нашей истории он впоследствии получит прозвание «русский Савонарола».

Его крестный путь начинался в Симонове с того, что он отказал митрополиту Даниилу в переводе церковной истории Феодорита, где содержались тексты писем Ария, самого кровавого в христианстве ересиарха. «Сие опасно для простоты», — был его ответ владыке.

Затем правдолюб-монах вывел из старинных книг и убедительно доказал, что монастырям не следует владеть землями и крестьянами. Это пагубно скажется на будущем Церкви, внесет соблазн в души верующих, даже несмотря на то, что налоговое бремя у мона-

стырских крестьян более легкое.

Таким заключением Максим Грек поддержал общее церковное движение «нестяжателей» против оппонентов-«иосифлян», имевших поддержку светской власти. А Симонов монастырь стал центром свободной мысли. Здесь ученый подвижник разрабатывает основы русской лингвистики, как части философии. Сюда же к нему приезжают на беседы и диспуты «набольшие люди», бояре и «дети боярские», недовольные возрастающим давлением правящей верхушки на общественную и личную волю.

Да, государь Василий Третий был владыкой тяжелым, жестоким, склонным к деспотизму. В церковных кругах он опирался на Иосифа Волоцкого, крайнего противника «нестяжателей», проповедника огосударствления Церкви. С подачи последнего начался разгром кружка «православныхлюбомудров» при Симоновой обители. Первым был насильно пострижен в иноки и сослан крупнейший публицист своего века Вассиан Косой. Следом в заточение отправились его единомышленники.

В ответ Максим Грек в стенах Симонова впервые на Руси составляет письмо-трактат к Великому князю о принципах просвещенного абсолютизма, где напрямую говорит о необходимости человеческого отношения к подданным, об уважении свободы личности в рамках нравственных требований.

И следом «русский Савонарола» гласно осуждает самого Великого Государя за то, что повелел тот постричь и посадить в монастырский застенек свою бесплодную супругу Соломонию ради новой женитьбы.

Максима обвинили в умышленном искажении текстов церковных переводных книг и посадили в тюрьму Иосифо-Волоцкого монастыря. После шести лет одиночного заключения он был переправлен в Тверской Отроч монастырь, где просидел еще двадцать лет.

Но там уже сердобольный епископ давал сидельцу негласные по-
благжи.

Эти десятилетия несвободы обратились для монаха высоким ду-
ховным достоинством. Он писал книги, слагал стихи-каноны, кото-
рые поют на службах и сегодня. Он приобрел дар прозорливости, о
котором пошел слух по всей Руси. Вступивший на престол Иоанн
Васильевич приехал к нему со своей супругой-«голубицей» Ана-
стасией Романовой и младенцем-первенцем за благословением на
паломничество в «северную Фиваиду». Старец велел отправляться
обратно в Москву, предупредив: если не послушает, быть беде. Но
молодой норовистый царь поступил по-своему. А на переправе че-
рез реку нянька вдруг уронила со сходней младенца в воду, и тот

утонул. Потрясенные супруги вернулись в столицу. Царь сле-
желой болезни-расстройстве. Вскоре скончалась Анастасия. И
мучимый тяжелыми подозрениями о боярских заговорах, отравле-
нии, вступает в десятилетия жестокой борьбы со своим окружени-
ем, отчего страдает и вся страна, и становится уже совсем другим
человеком, тем, которому народ дал историческое имя "Грозный".

Но старца Максима царь освободил, и тот поселился в Троице-
Сергиевой Лавре, где и захоронен.

Тяжелая эпоха Грозного пощадила монастырь. Более того, он взят
в опричнину, чем избежал погрома. Странное было время: полово-
дье жестокости, и вместе с этим — подъем, расцвет книжности, где
пример подавал сам царь.

В Симонове была собрана огромная библиотека, впоследствии
исчезнувшая. Любопытно, что вплоть до восьмидесятых годов
прошлого века среди москвичей, поколениями выраставших в си-
моновской округе, ходили предания о том, что под монастырем, в
сторону Крутиц и Кремля, ведет тайный подземный ход, и где-то
там спрятано знаменитое собрание книг царя Ивана...

И с той же эпохи Грозного в Успенской обители начинают хоро-
нить Великих князей и ближайших царских родственников. Позже
их прах будет перенесен в Архангельский собор Кремля, в Чудов и
в Ново-Спаский «романовский» монастырь.

Во времена несчастливого Царя Бориса Годунова приходит Си-
монову срок переустройства и укрепления. Ведь московские мона-
стыри, помимо прямого их назначения, несли еще службу воин-
скую. Укрепления на этом холме затрудняли врагу подход к Крем-
лю с юго-востока. Это направление всегда было опасным и потому
решено возвести здесь первоклассную фортецию. За исполнение
взялся величайший наш градостроитель Федор Конь.

Работа началась с возведения опорной башни «Дуло», круглой,
многоярусной и очень высокой. Зодчий нашел для нее целую гроздь
новаторских решений. Она и сегодня взмывает к небу с высокого
бугра над Москва-рекой. Она заметна издали и видится воздушной,
легкой, несмотря на всю свою мощь.

Позже Федор Конь использует свои находки при исполнении это-
го шедевра в башнях Смоленского кремля и Пафнутьево-
Боровского монастыря. Увы, от тех памятников мало что уцелело и
тем дороже оттого «Дуло», единственно дошедшее до нас в своей
первозданности сооружение. Но недолго стоять башне, если сего-
дняшнее отношение не переменится. Остатки Симонова давно за-
быты, заброшены, их обходят стороной все экскурсионные мар-
шруты. Некому заботиться о ветшающих стенах, о «Дуле», чье тело

разорвано огромными трещинами от вершины до самого
опирающегося на старинные валуны. Не спасут и стальные
стяжки, портящие облик памятника (за последние пятнадцать лет в
Москве уничтожено более четырехсот драгоценных архитектурных
памятников истории и культуры).

Рядом — в подобном же состоянии две другие башни, значитель-
но меньшие, шестигранные и напоминающие малые кремлевские.
Они были выстроены гораздо позже, во второй половине семнадца-
того века вместе с высокими крепостными стенами (труд Федора
Коня был оборван Смутным временем). И в таком же точно запусте-
нии пребывает одно из крупнейших по тем временам московских
зданий — трехэтажная братская трапезная красного кирпича со
стройным объемным декором наличников, карнизов и с орнаментом
из вставок белого камня.

Следующая эпоха, петровско-екатерининская, принесла и всей
Церкви, и Симонову в частности, разгром и запустение. Монаше-
ская жизнь затухает — вот когда сбылись те давние предупрежде-
ния «нестяжателей»!

Восемнадцатое столетие — время разрастания раскола, разделе-
ния народа, гибель половины населения страны в стройках и войнах
века с их дикими методами, разгром и мельчание родовой знати
(это также станет важными составляющими долгой подводки к «ве-
ликим потрясениям»: бунтам и революции).

Вся симоновская округа в тот век будто вымирает, местность ди-
чает. Рождество-Богородицкий храм на погосте с могилами Пере-
света и Осляби обветшал и превратился в приходской для немно-
гочисленных жителей слободки. И редко сыщешь кого теперь в неко-
гда шумной и людной округе.

Что представляло из себя тогда Симоново, можно прочитать у Карамзина в повести «Бедная Лиза». Эта повесть лежит в основе нашей современной прозы с ее новым языком, с ее интересом к простому человеку, с выведением типов и поиском причин разлада важнейших явлений жизни.

Вот выдержка из этой повести: «Часто прихожу на сие место и почти всегда встречаю там весну; туда же прихожу и в мрачные дни осени горевать вместе с природою. Страшно воют ветры в стенах опустевшего монастыря, между гробов, заросших высокой травой... Там, опершись на развалинах гробных камней, внимаю глухому стону времен, бездною минувшего поглощенных, стону, от которого сердце мое содрогается и трепещет. Иногда вхожу в келий и представляю себе тех, которые в них жили... Иногда на вратах храма рассматриваю изображение чудес, в сем монастыре случив-

шихся... Все сие обновляет в моей памяти историю нашего государства — печальную историю тех времен, когда свирепые та литовцы огнем и мечом опустошали окрестности российской столицы и когда несчастная Москва, как беззащитная вдовица, от одного Бога ожидала помощи в лютых своих бедствиях. Но чаще всего привлекает меня к стенам Симонова монастыря воспоминание о плачевной судьбе Лизы, бедной Лизы».

И дальше Карамзин рассказывает историю любви доверчивой крестьянской девушки. И эта история становится в России самой известной. Она трогала своей человечностью сердца многих поколений. Описанный же в повести пруд, где с отчаянья утопилась девушка, получил прозвание «Лизин». Еще в середине шестидесятых годов прошлого века на его месте можно было увидеть низинку с остатком большого пня от липы или дуба, уже на одном уровне с землей. После дождей вода стекала в эту низину и образовывалась широкая лужа. Ну, а сейчас это место, что прямо через площадь против выхода со станции метро «Автозаводская», попирает какой-то склад-сарай при магазинчике, и совсем уже некому помнить, где на самом деле находился тот пруд.

...В начале девятнадцатого века с воцарением Александра Первого монастырская жизнь восстанавливается. А по изгнании Наполеона, Симонов вместе со всей Москвой обновляется, строится. У главных ворот, что были со стороны Крутиц, возносится красавица-колокольня по типу Троице-Сергиевой (тогда по всей стране ставили подобные — проект в честь победы над «нашествием двенадцати языков»). И сам монастырь в плане своем точно повторяет Лавру.

Также широко разворачивается подсобное хозяйство: сады, огороды, пруды, мастерские, мельница. Иноки сами кормят себя, дают работу слободским, помогают с помолотом.

На башне «Дуло» оборудуется знаменитая смотровая площадка — широчайший вид на всю первопрестольную. Вот как описывал юнкер Лермонтов тогдашний вид на обитель в своем фрагменте «Панорама Москвы»: «Далее к востоку на трех холмах, между коих извивается река, пестреют широкие массы домов всех возможных величин и цветов; утомленный взор с трудом может достигнуть дальнего горизонта, на котором рисуются группы нескольких монастырей, между коими Симонов примечателен особенно своею, почти между небом и землею висящею платформой, откуда наши предки наблюдали за движениями приближающихся татар»...

В течение всего девятнадцатого века и дальше, до революции, в монастыре текла размеренная тихая жизнь. Москвичи любили Симонов — здесь долго хранился природный лад, хотя сама окраина

превращалась в фабричную (еще до семидесятых годов XIX столетия эта округа выделялась каким-то буйством зелени, монастырской стены тянулась пыльная, даже не асфальтированная улочка Липки с колонками водопровода у бревенчатых домов).

В стенах обители вырастает новый некрополь, один из самых чтимых в Первопрестольной. Одна из характерных черт исторического быта Москвы — тщательный, строгий выбор семьями и родами будущих мест упокоения. О многом говорили москвичам эти монастырские усыпальницы...

Здесь, в Симонове, был похоронен так много обещавший своим даром юноша-поэт Дмитрий Веневитинов. Его идеальная безнадёжная любовь к княгине Зинаиде Волконской стала одной из ярчайших историй времени. А в культуру он вошел как душа кружка «любомудров», открывших следующий за «декабризмом» период в развитии общественно-философской и литературной мысли. Это поколение образованных молодых москвичей, служивших в архиве министерства иностранных дел, стало первым сообществом, связанным единым направлением мысли и ценностным подходом к бытию, как гармоническому целому, универсальной личности мира. Они положили начало тому явлению, которое через полвека впервые назовут интеллигенцией. А следующим шагом в этом развитии станет рождение «западничества» и «славянофильства».

Спустя десятилетия рядом с могилой Веневитинова опустят в землю гроб с телом Константина Сергеевича Аксакова. Блистательный критик, «знамя славянофилов», он поражал современников своей исключительной наивно-детской честностью. Беседы в обще-

стве были для него мучительны. Он не мог смолчать, когда сталкивался даже с мелким бытовым лукавством. Он краснел от стыда за человека и прямо называл вещи своими именами. Дошло до того, что Аксаков просто перестал выходить в общество...

И именно в Симонове монастыре, на его похоронах, в первый раз собрались и пожали друг другу руки непримиримые идейные противники — «славянофилы» и «западники».

Впоследствии, во времена разгрома Симонова, прах только этих двух людей будет вывезен и перезахоронен.

Тысяча девятьсот тридцатый год ударил по монастырю из всей своей силы. Но и этой страшной разрушительной силе не удалось сразу смести Симонов. На защиту поднялись искусствоведы, историки. Ими был разработан проект открытия в зданиях обители культурно-выставочного центра музейного типа.

За этот свой почин многие расплатились свободой и жизнью — в ответ власти провели агитационную акцию. Ее возглавил Михаил

Кольцов, эта, до сих пор еще культовая фигура в журналистском бойке, отвязанное от любых запросов духа, перо.

Этот убежденный борец «за атеистическую веру в победу света человеческого разума над мракобесием средневековья» вел в печати все главные кампании эпохи — от пропаганды публичных казней «врагов народа, окопавшихся в высших эшелонах партии», до воспеваания «воспитующей силы труда» на стройках Беломорканала, Северной Печорской железной дороги и в прочих отдаленных местах. За свои заслуги он пожизненно носил почетное звание «лучшего пролетарского журналиста».

Если бы у кого-нибудь появилась охота изваять памятник подобным «мастеровым пера», его можно было бы исполнить как залитую кровью от головы до пят фигуру с журналом «Огонек» в руке, подпирающую пьедестал в виде груды черепов из верещагинского «Апофеоза» на фоне полуразрушенной стены архитектурного шедевра...

Кольцов развернул в печати визгливый шабаш. Партийный актив местных заводов выступил с почином субботника, на который собрали рабочих под лозунгами борьбы с «тошнотворными испарениями монастырских трапез». Здания Симонова были взорваны, а их остатки сброшены бульдозерами под гору. Отстоять удалось только «Дуло», еще две башни с их стенами, трапезную и Тихвинский храм постройки восемнадцатого века с элементами барочной отделки.

Чуть позже по проекту братьев Весниных на месте некрополя выстраивают конструктивистский Дворец культуры завода ЗИЛ, а на остальной части разобьют парк с летней эстрадой и танцполом, и

верхний сквер стадиона «Торпедо». В уцелевших монастырских постройках расположится заводик «Сатурн» по штамповке морышек, блесен и просто крючков для рыбалки. Старо-Симоново отойдет заводу «Динамо», и в Рождество-Богородицкой, не так давно возрожденной, церкви над прахом Пересвета и Осляби полвека будут работать компрессоры.

Сегодня остатки великой исторической обители на краю окончательной гибели. Для консервации и восстановления нужны большие деньги, а заинтересованных лиц нет. И лишь в Тихвинском храме затеплился уголок веры — здесь основался приход глухонемых, где службы ведутся на языке жестов.

Над Симоновым — сосредоточенная, символическая тишина...

Сергей ОВЧИННИКОВ

(г. Щекино Тульской обл.)

НАРЫШКИНО

(Статья)

Если из Москвы или Тулы выехать по симферопольской трассе, после 215-го километра свернуть на Ефремов и перед Теплым взять еще раз влево, миновав последние три версты неплохого асфальта, вы окажетесь в селе Нарышкино.

Впервые я приехал сюда несколько лет назад с бидоном для меда — тут нет больших предприятий, вокруг прекрасные луга-медосборы, чистая Упа, несколько частных пасек. В селе, кроме прекрасного меда, обнаружилось маленькое чудо природы: несколько сильных родников наполняют в запруде озерцо с ледяной и чистой водой, которая стекает серебряным водопадом в извилистый ручей, обрамленный ветлами. Рядом выстроена опрятная купальня, посвященная Святителю Николаю, над заливным лугом вдали возвышается сельский храм, сбереженный местными жителями в годы богоборчества. Очень приятно бывать здесь летом, когда цветут на лугу ромашки, в ручье плещутся гуси, из ветел витийствуют соловьи, да звенят над полями жаворонки.

Раньше при храме жил старенький священник дворянского рода, сейчас по воскресеньям и праздникам наезжает батюшка из Тепло-го. Церковка выстроена в конце 18 века, нарышкинцы привыкли ходить в храм, с детства многие крещены, исповедуются, причащаются,— и кажется мне, такие люди все же чуточку другие, как будто плоть у них медленнее изнашивается, глаза светлее и душа чище. Конечно, и здесь хватает Иванов, не помнящих родства, выращенных в страшной лаборатории 20-го века, но все же манкурты не бросаются здесь на тебя со всех сторон, а в городе порой так и бывает.

Я очень ценю людей, которые сохранили отеческую веру и приязнь к земле — для меня это почти родственники. В России тяжело им, едва выживают. Оставаясь в селе, они почти брошены государством, терпят ежедневные унижения, живут как полярники на зимовке, отрезанные от материка. Лишены магазинов, школ, больниц, родильных домов, театров и филармоний, университетов, ресторанов, центрального водоснабжения, дорог, автозаправок, автосерви-

сов, турагентств, аэропортов и еще многих вещей, которые городскую жизнь комфортной. Но не уезжают, и это в мои есть высочайшее служение России. Они сохраняют брошенную землю (мы даже со своих огородов на шести сотках сбежали), если б не они — остались бы нам для жизни только городские резервации, вскоре пришлось бы покупать лицензию у олигарха, чтобы прогуляться по нашей земле, до которой много охотников.

Для меня сейчас работающий сельский человек доблестнее космонавта: у воздухоплавателя и зарплата хорошая, и льготы большие, бесплатная квартира, известность, ранняя пенсия. У сельских ничего нет, кроме земли, натруженных рук, скудного домика. Они годами не видят зарплату (работать в селе негде), цены на их продукты сбиваются иностранными фермерами, живущими в теплом климате на дотации от своих государств. Но наши селяне вцепились в родную землю как герои-панфиловцы. Уйдут они — исчезнет Россия.

Во все времена держат страну трудяги. Сейчас — рабочие уцелевших заводов, селяне, ученые и конструкторы, солдаты и офицеры, участковые врачи, медсестры, учителя провинциальных школ. А маклеры, брокеры, спикеры похожи на блох. Сосут кровь страны — нефть, газ и валюту,— перепродают иностранное, а как насосутся, норовят скакнуть подальше за границу. Они переносят тиф равнодушия к своей стране и предательства, им хорошо только там, где есть деньги. От их обилия страну лихорадит, Россия сейчас очень сильно завшивлена.

Селянам, городским работягам не о чем даже поговорить с олигархом и брокером, которые изыскаются на другом языке (креатив, позитивно, блог, сайт, тренд), дети у маклеров учатся в особых школах, отдыхают они только за границей. К сожалению, у нас теперь в стране живет не один, а несколько народов, с разной логикой: что хорошо одним, то смерти подобно в глазах другого. Нет у нас больше одного, цельного народа, не уберегли мы его, это плохо для страны, и опасно для маклеров, спикеров и марчендайзеров. Обманутые люди, сейчас надежно связанные по рукам и ногам телевизором и спецслужбами, при удобном случае примутся громить дома и поселки нуворишей, неизвестно еще, успеют ли брокеры и маклеры доехать до спасительного аэропорта. Да и там, за границей, с нуворишами церемониться не будут — составят очередной список Магнитского, развернут борьбу с «русской» мафией, введут банковскую десятину, налог на вклады, и прощай непосильным трудом заработанные миллионы.

Если я долго не вижу сельских людей, мне плохо становится ли? Пашут ли поля? О чем говорят? Сколько у них детей? Есть ли у нашей страны будущее?

Россия наполовину состоит из сел и маленьких городков. Почти все мы родом из сельской России. Но русский двадцатый век был к нашей деревне предельно безжалостен, мы и сейчас продолжаем убивать нашу деревню. За что же? Ради чего?

Говорят, деревни сейчас нерентабельны, прибыльны большие города, промышленные центры, здесь инфраструктура компактнее. Но все главное на земле — любовь, родина, вера, дети,— если считать на калькуляторе, нерентабельны. При этом ведь нормальный человек не отказывается от родины, веры, любви, детей! Конечно, разрушение сельской России началось не сейчас, переселение людей в города — веянье времени, в котором промышленность стала важнее сельского хозяйства. Да, выращивание продовольствия сейчас сделалось индустрией, огромные комбайны фермеров и агропромышленных фирм заменили многих селян. Все понимаю, но где-то среди вереска и пижмы, среди ржи и зарослей репейника, возле сельского храма с домиком старенького священника гнездится душа нашего народа, не потерять бы нам ее, живя на чужой лад, заемным умом.

Наши деды и прадеды обидели Россию своим молчанием, ведь мы в большинстве дети тех, кто выжил молчанием и попустительством.

Тех, кто настаивал на своем, в большинстве заставили уехать или уничтожили, русскую жизнь безжалостно бросили под ноги чужим идеям. Как вспомнишь, что мы натворили за последние сто лет, страшная мысль является — может, мы и не имеем уже права жить на этой земле? С чего, помимо красивых деклараций, начиналась Советская Россия? Со страшной, чудовищной, вызывающей к отпущению от Неба и людей священнической и детской крови.

Уже 31 октября 1917 года, сразу после крестного хода в Царском Селе, был зверски убит священник Иоанн Кочубей. 7 февраля 1918-го возле Киево-Печерской Лавры каратели расстреляли благословляющего их («Господь вас да простит!») святителя Владимира, митрополита Киевского и Галицкого. 29 июня 1918, под дикий хохот палачей, был избит и брошен с палубы парохода в руку Тура, с привязанным к рукам двухпудовым камнем, епископ Тобольский и Сибирский Гермоген. 3 июля 1918-го был заживо погребен в могиле, выкопанной своими руками, архиепископ Пермский Андроник. 17 июля 1918 в Екатеринбурге зверски убили царскую семью. Ни в чем не

повинных девочек Марию, Анастасию, Ольгу, Татьяну и маку Алексея Романовых после расстрела докалывали штыками, с еще дергающихся тел срывали одежду, грабили мертвые тела, резали на куски. 5 сентября 1918-го расстреляли (вместе с двумя сыновьями, героями Первой мировой войны) настоятеля Казанского собора в Петрограде, организатора многих детских приютов и больниц, протоиерея Философа Николаевича Орнатского. 5 сентября 1918-го в Москве зверски убили гениального проповедника и миссионера, духовного преемника Иоанна Кронштадского, протоиерея Иоанна Восторгова. 5 января 1919-го епископа Пермского и Соликамского Феофана в сильный мороз окунали в прорубь, пока не заledenел, чтобы затем утопить в Каме. Епископа Новгородской епархии Исидора в Самаре посадили на кол. В декабре 1919-го, в монастыре Святителя Митрофана, прямо на царских вратах храма повесили архиепископа Воронежского Тихона. Иеромонаха Нектария, преподавателя Воронежской Духовной семинарии, убили, «причащая» его расплавленным оловом, в голову ему забили деревянные гвозди. Архимандрита Аристарха, из храма Спаса Нерукотворного в Борках, убивали вместе с иеромонахом Родионом, сдирая с них скальпы. Пермского священника отца Игнатия схватили прямо во время богослужения, привязали к хвосту лошади и гнали ее, пока батюшка не скончался. Чердынского протоиерея Николая Конюхова облива-

ли водой на морозе, пока он не превратился в ледяную статую. Протоиерея Евграфа Плетнева из Семирежья вместе с сыном Михаилом сожгли на медленном огне в паровой топке...

К 1920 году число зверски убитых священников и монахов достигло десяти тысяч человек, а затем увеличивалось с каждым годом. Где у Карла Маркса написано, что революционеры должны насилловать монахинь и сажать на кол священников? Это все делали инородцы, ненавидящие Православие? Нет, среди палачей было много своих, русских людей. И кроме этой кровавой жутки богоборчества была еще Гражданская война, когда русские долго, жестоко, бесконечно убивали, пытали, насилывали: красные белых, белые красных. Какое «светлое будущее» может быть у страны, которая начиналась таким образом? Как могут быть счастливы нераскаянные внуки людей, которые делали это?

Нечего удивляться, что Советская Россия пала, порушив сама себя, после стольких успехов и достижений. По сути, в 90-х годах двадцатого века наша страна удавилась, как Иуда, после того, как предала Христа. Лишь сроки между отступничеством и самоубий-

ством у человека и страны разные. Советскому государству дательства Христа до самоубийства потребовалось не семь дней, как Иуде, а семьдесят лет.

Да, многие русские люди не отказались в душе от Господа, не уронили себя и в богоборческое время, остались добрыми, помогали слабым, заботились о Родине, отстояв ее в чудовищной мировой войне. Да, в жизни Советской страны было много хорошего, но случилось то, что случилось — наше государство самоуничтожилось, и мы остались на земле беспризорными, живые атомы мертвого тела. Теперь у нас два пути — окончательно раствориться в пространстве, как расплывается, растаскивается червями мертвое тело, или начать жить по-новому.

Нет зрелища более жуткого, чем разрушенный сельский храм среди умирающей деревни. Во многих русских селах и городах сейчас каждый третий мужчина алкоголик или наркоман, который живет на пособия и подачки, обирая кладбища и дачи пенсионеров. Каждый второй отпал от веры, прилип к растленному телевизору, предал то, чем жив был предок, например, православный Суворов, который любил говорить: «Я — русский, какой восторг!» Наши прадеды после революции ломали храмы, строили из них дома, сараи и

свинарники. Но в доме из кирпичей разрушенной церкви не будет счастливой жизни, не вырастут здоровыми дети, рядом с таким домом даже картошка не уродится! Если твоими предками разрушен храм, а ты не озаботился восстановить его, вокруг тебя неизбежно возникнет разруха и запустение, будет выть ветер в оконных проемах покинутого родительского дома с провалившейся крышей, останется разграбленным отеческое кладбище с оскверненными могилами твоих предков.

Когда есть храм, все другое. В Нарышкино ведет изрядная дорога, много справных домов, работает магазин, люди помнят о грехе и не обижают друг друга. Да, в сельском храме поют безыскусно, оклады икон кое-где выкрашены масляной краской, на стенах тут и там осыпается штукатурка, но главное — храм жив. После воскресной службы у притвора церкви разговоры домашние, теплые:

— Вчера подкапывали концы, картошка хорошая...

— А мы еще ветки не косили...

— Колхоз давно не работает? — спросил я у бабушки лет семидесяти. По-стариковски красивая, опрятная, в черной кофте и черной юбке, она сидела у церковных ворот, радуясь осеннему солнцу.

— Давно, — вздохнула она, — теперь у нас ЗАО. Такие м что им много людей не нужно. Два комбайнера, четыре водителя, и все. Машина сама все делает.

— На что же вы живете?

— Мамки с дитями здесь живут, старики. А папки все в городе. Две недели работают, две недели дома. Ни коров, ни свиней больше не держим — невыгодно. Сейчас выгодно зерновые. А у частников — картошка, капуста, куры, гуси, мед...

Бабушка говорила, вокруг сияли поля такого сложного цвета, который бывает на картине лишь очень талантливого художника. Этот художник — Господь. И Русь наша — одна из любимых Его картин. Он то и дело ее переписывает — добавит красного, забелит, нарисует кресты и купола. Вечны здесь только донник, пижма и вереск по берегам узенькой речки, оранжевые тыквы на табуретах вдоль дорог.

Я уезжаю, везу в город картошку, зерно и мед. Зову сельчан приезжать к нам — лечиться, в магазин, за книгами. Не след нам отдаляться, забывать друг друга. Без такого вот крепкого села с намо-

ленным храмом не хочу я жить на земле, чужой тогда родина для меня станет.

Но шевелится Нарышкино, выживает. Самое главное, чем я утешился — детей в этом селе много, и дети очень красивые, — на руках у мамок и бабок, румяные, глаз не оторвать. Сейчас главное для русского, кроме верности Господу и своей земле — родить и воспитать ребеночка, лучше двух или трех. Так воспитать, чтобы твой ребенок любил Родину. Иначе как народ мы исчезнем, и не будет ни великого языка, ни песен, ни книг, ни великой культуры. Иначе остывшие, равнодушные, потерявшие память дети забудут наши могилы, и ничего от нас не останется, кроме плачущего осеннего ветра на огромном пространстве убитой России. Только остовы церквей и заросшие травой могильные камни продержатся некоторое время, а после и они распадутся в пыль.

Рудольф АРТАМОНОВ

(г. Москва)

Родился и живет в Москве. По профессии врач-педиатр с пятидесятилетним стажем. Член Союза журналистов г. Москвы

О ГОМОСЕКСУАЛИЗМЕ (Ответ Штефану Шоллю)

Недавно в рубрике одной популярной газеты «Свободная тема» немецкий журналист опубликовал статью, пафос которой — Россия неправильно относится к такому явлению, как гомосексуализм. Причем неправильно с позиций Запада. Это и естественно, поскольку Ш. Шолль представитель западного мира.

Однако как немец отличается от русского, так и русский отличается от немца (в данном контексте, читай, российское общество от общества западного).

Тема деликатная. Осознание ее серьезности, значимости для морального, религиозного, идеологического и политического состоя-

ния общества, пересиливает страх навлечь на себя гнев публики. На Западе гомосексуализм обрел не только признание, но даже некоторый ореол привлекательности. А у нас же, в России, на взгляд Запада, ореол мученичества и гонимости.

Тем не менее, попробую изложить свою позицию по столь, вдруг ставшей актуальной проблеме. Она многофакторна, многогранна. И не может быть сведена только к тому, что не разрешают гейпарады, однополые браки или усыновление (удочерение) однополым семьям.

Может быть, самая злободневная для России тема — гомосексуализм и демография. Известно, что перенаселенный Китай в качестве меры поправить ситуацию со слишком бурным ростом своего населения решил не относиться к гомосексуализму так отрицательно, как было до недавнего времени. Если, как утверждает Ш. Шолль, «вне зависимости от политического или экономического строя примерно 5% населения гомосексуальны, значит, 2,5% однополых семей не даст потомства. Нетрудно подсчитать, какой урон в приросте населения в нашей стране с ее «Русским крестом» наносит это явление. Предвижу возражение: в России много детей-сирот и лишенных родительского попечения. Но усыновление (удочерение) однополыми семьями — проблема социальная, не демографическая.

Что будет с детьми, у которых вместо мамы будет еще один «папа»? Или вместо одной мамы две? С женщинами проще. Вторая мама может называться «тетей». Вообще с женщинами еще проще. Современные репродуктивные технологии позволят им иметь де-

тей, которым они будут настоящими мамами. Наконец, он забрать ребенка — «отказника» прямо из роддома. И вполне можно реализовать свой материнский инстинкт.

А мужская пара? Усыновить (а они могут только усыновить, вряд ли им разрешат удочерить) младенца из роддома они не могут. Не справятся. Значит, только ребенка младшего возраста или постарше. Если в детском саду ни у ребенка, ни у «отцов» проблемы, скорее всего, не возникнут, они возникнут, когда ребенок пойдет в школу или окажется во дворе на улице со сверстниками. Надобно знать будущим «папам», что детям очень трудно прививается толерантность. Дети по-своему жестоки. Нетрудно представить себе, какому тяжело испытанию подвергнется ранимая, неустойчивая психика ребенка, у которого «мама» — дядя; когда он окажется «чужим» среди своих. К тому же гей-парады, показываемые по ТВ, свидетельствуют, что их участники, по преимуществу, — молодежь, одетая самым экстравагантным образом и выделяющаяся не очень привлекательные телодвижения. Можно ли им доверить малых детей?

Ш. Шолль гомосексуальное меньшинство приравнивает к другим меньшинствам, в категорию которых попали мотоциклисты, рыжие, усаые (почему не бородатые?), филателисты и даже «верные супруги». Гомосексуалисты — меньшинство не социальное, в отличие от

мотоциклистов и прочих, а биологическое, увы, играющее социальную роль. Мотоциклисты, рыжие создают семьи, улучшают демографию. В западных странах с демографией тоже становится туго. Прирост населения происходит за счет мигрантов. Вместе с ними получают массу проблем — религиозных, социальных, политических.

«Борисы моисеевы, верки-сердючки, сергей зверевы, которые красуются на телеэкранах, — пишет немецкий журналист, — ...никто из них никогда не признавал, что он — голубой, хотя кокетничают они похлеще всех светских львиц». Очень ценное замечание. Гомосексуализм настолько вошел в конце XX века в моду, что быть голубым едва ли не ценное качество, привлекающее публику к такой персоне. Не только «творческая элита», «звезды» грешат этим. Политики тоже перед выборами вдруг объявляют себя голубыми, чтобы привлечь на свою сторону толерантное до умопомрачения население в западных странах.

Когда грудью встают на защиту столь «милого недостатка», как гомосексуализм, поминают великих. Ш. Шолль где-то читал (вспомнить не смог), что «русский император Петр Великий являлся не только алкоголиком, но и азартным бисексуалом». Но, видимо, чтобы соблюсти баланс, находит, правда, косвенные доказательства того, что немецкий император, тоже Великий, — Фридрих может быть подозреваем в симпатии к некоему лейтенанту.

Особенно часто ссылаются на гомосексуализм П.И. Чайковского, на присутствие сего «привлекательного» порока в высшем свете

Российской империи, вплоть до великих князей. Но бедный Ильич жутко стеснялся и всячески скрывал свою принадлежность сексуальному меньшинству. Не выставил его напоказ, как это делает современная творческая элита второго и третьего «эшелона».

Секс дело интимное. Потому и прекрасное, что интимное. Каким бы способом секс не совершался. Выставлять это дело напоказ неэтично, противоестественно. Трудно себе представить, чтобы кто-нибудь оправдывал парады с плакатами, воспроизводящими страницы Камасутры. В любом обществе любая демонстрация, чтобы она не демонстрировала, сначала вызывает интерес, прежде всего молодежи, падкой до новенького, затем превращение в последователей, с меньшим злом — в сторонников и защитников.

Нередко в защите однополых любви прибегают к биологии. Природа (или Бог, как кому угодно) озаботилась о том, чтобы жизнь не прекращалась. Поэтому два пола — женский и мужской любого биологического вида, класса, отряда и подотряда населили землю. Ссылаются на то, что в животном мире (кроме человека) тоже существует некоторое подобие гомосексуализма. Сам видел на даче, как одна корова стала совершать некое подобие секса с подругой по стаду. Но ведь она, простите, быку не отказывает. И род коровий продолжается.

Подружились в последнее время гомосексуализм и политика. Как известно, среди лиц обсуждаемой сексуальной ориентации ВИЧ-инфицирование и СПИД распространены (в относительных цифрах, конечно) больше, чем в общей популяции. Писали, что Рейган выиграл президентские выборы, потому что сочувственно откликнулся на просьбу о помощи лицам, заболевшим какой-то непонятной и неизвестной болезнью, впоследствии названной СПИДом. Клинтон не отрицал, что победил в некоторых штатах благодаря поддержке лиц нетрадиционной сексуальной ориентации. Как известно, в предвыборных баталиях все способы хороши. Но допустимо ли ради сиюминутного результата, в поисках резерва электората активизировать некоторые специфические группы населения именно из-за их специфичности? Можно ли отклонение от нормы эксплуатировать в корыстных целях?

Этот материал не призывает «тащить и пушаты». Мне кажется, что в российском обществе нет «лицемерной, фарисейской атмосферы» относительно сексуальных меньшинств, которую приписывает нам Ш. Шолль. Нашему обществу нужно выработать взвешенное, ответственное отношение к гомосексуализму части нашего населения. Соблюсти при этом моральные, социальные, религиозные (почему бы нет), политические традиции. Государство Российское, как единое политическое образование, возникло на несколько столетий раньше, чем Германское, и обрело нужную самостоятельность, чтобы очертя голову не бросаться в «омут» глобализации.

Яков ШАФРАН

(г. Тула)

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ. НЕОБХОДИМО СВИДЕТЕЛЬСТВО О ВОЗРОЖДЕНИИ

Об интеллигенции сказано уже достаточно много, но заголовок статьи Александра Щипкова «Интеллигенция. Свидетельство о смерти»^{*} привлек своей безапелляционностью. Поводом написания статьи, как это видно из текста, послужило выступление литератора Дмитрия Быкова^{**}. Его слова: «Кроме интелли-

^{*} Александр Щипков, «Интеллигенция. Свидетельство смерти»: «Литературная газета» № 48 (6394) от 28 ноября — 4 декабря 2012 г.

^{**} Дмитрий Быков, «Новое вино в старые «Вехи»»: «Московские новости», № 369 (369) от 21 сентября 2012 г.

генции, давно уже ничего действующего, мыслящего, шевелящегося попросту нет...», по сути, верны. Потому что интеллигенция всегда более всех «мыслит и шевелится». Вопрос только в том, какое направление мыслей имеет место быть? И в чем вина народа, если эта «самая умная часть» оторвана от него? Вообще, давайте определимся, о какой интеллигенции идет речь. О той, что с Болотной, которая запустила «разведгруппу “Pussy Riot”», чтобы проверить, легко ли будет взять храм Христа Спасителя? Так разве это хоть в какой-то мере соответствует чаяниям народа? Нет, конечно. В народе-то как раз внутренне живет глубокое уважение к традиционным ценностям, и всегда можно определить наличие таковых в тех или иных конкретных личностях, в том числе выдающих себя, подчас, за их, ценностей, носителей.

Интеллигенция разделена. И чем дальше, тем это разделение все увеличивается. Критериями его стала реформа образования, образовательный стандарт и ЕГЭ. Часть интеллигенции всеми силами убеждает нас, что эти преобразования вовсе не приведут к чему-либо плохому, как то: роботизации людей, превращению их в «Полиграф Полиграфычей» или того хуже в разного рода зомби. Таким образом, они поддерживают, как правильно говорит А. Щипков, «многочисленные культы этого “дивного нового мира”» (здесь и далее А. Щ. Cit. op.).

В этом мы с автором статьи согласны. Но что же автор статьи пишет дальше? «Интеллигенция уходит в прошлое», она «была явлением глубоко почвенным и провинциальным». «Европейские интеллектуалы именно что создавали <...> Российская же интеллигенция жила тем, что пыталась продавать на внутреннем рынке ценности, созданные этими интеллектуалами...». **На рынке, прод, контрафакт и пр.** — слова, несмотря на более чем двадцатилетнюю новокapиалистическую историю России, все еще чуждые подавляющему большинству населения. Но даже если и опустить эти термины, так и хочется воскликнуть — неужели вся русская культура XIX—XX вв.: литература, музыка, живопись, философия, публицистика и наука были лишь подделкой под Запад для удовлетворения местного спроса? Неужели Запад не преклонялся и до сих пор не преклоняется перед произведениями великих писателей и поэтов, художников и композиторов России, перед гением великих наших ученых, одно перечисление которых может занять несколько страниц? Они ли были «вторичными» и неимевшими навыков духовного «самостояния»? А в чем вторичны наши писатели-почвенники и

философ А. Зиновьев? Хотя есть и такие деятели современной российской культуры и науки, которые *«симулируют свою былую идентичность»*. Да, это так, но они в меньшинстве. Русская культура и наука не могут погибнуть по определению, так же, как не может погибнуть Россия, ибо она — душа мира, его сердце. Как известно, остановка сердца ведет к летальному исходу. И если по Божьему замыслу мир наш еще должен жить, то будет жива и Россия, и ее культура, и ее наука. Речь может идти только о степени жизненности на данный момент, но уж никак не о смерти.

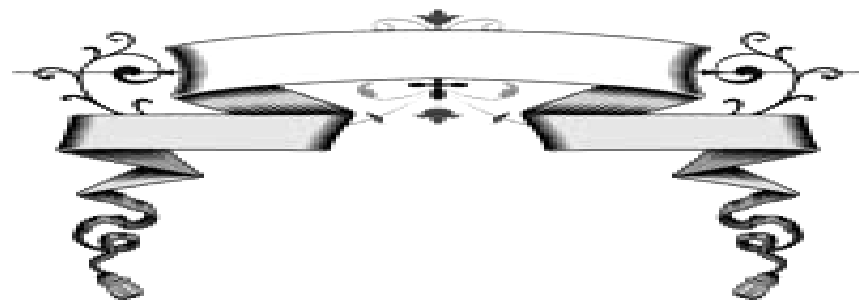
А если есть зерно, то будет и урожай, дайте время. Была бы почва цела, а генотип возродит и крестьянские руки, и рабочее мастерство, и культуру с наукой. Вот только противостояние будет серьезным, противостояние с «новыми», которых А. Щипков правильно определяет как *«креативный класс <...> новая примитивная общность, паразитирующая социальная прослойка»*, которая *«продает и навязывает массам не идеологию и мировоззрение, <...> а готовые стандарты потребления и модели поведения...»*. С этим трудно не согласиться. Но, извините, противостояние — это еще не поражение!

Таким образом, мы видим, что А. Щипков совсем не противник Дм. Быкова, как можно было судить по первым строкам статьи. Ес-

ли Быков переживает за интеллигенцию (читай, за ультра п/ настроенную ее часть, ибо другую он просто не признает неприятие народом и властью, то автор статьи спокоен и, идя еще дальше, говорит о необходимости просто *«похоронить усопшего со всеми полагающимися почестями»* (т.е. всю интеллигенцию, включая и ту, которую защищает Быков, и ту, которую он не признает). И получается, что данная статья замыслена А. Щипковым не просто статьёй, пусть и острого жанра, а не больше и не меньше как свидетельством о смерти всей интеллигенции (о чем и заголовок), то бишь русской культуры, науки и духовности как таковых. Были вторичны, да и те сошли на нет, а *«болотная»* часть, не без активной роли Гельмана и *«тусек»*, полностью дискредитировала себя в глазах народа и власти.

Заканчивая, хочется сказать — должно произойти возрождение интеллигенции, возрождение до того уровня, который она должна и обязана занимать (в широком смысле, ибо отдельные ее представители живы и активно действуют). Это еще возможно. Нужен новый

слой интеллигентов, живущих национальными ценностями, принципами социальной справедливости, нравственными нормами, а не просто уважающих их. Чтобы на трех основах: вере, слове и семье взрастить новый народ — народ Божий, для людей которого здоровье, здравомыслие, духовная свобода и одновременно духовная дисциплина, нравственность, высокая ответственность, разумное рациональное начало и несклонность к злу, греховой жизни, преступлениям и антисоциальным действиям станут в совокупности своей не идеалом, а нормой жизни. Вот какая нужна интеллигенция, способная вывести народ из трясины олигархического капитализма, всеядного нигилизма, деградации, потребительства, лишения нравственных ориентиров, разрушения традиций, культуры и истории, повреждения слова и уничтожения национального достоинства. Интеллигенция, которой будет явлено свидетельство о прохождении очередного этапа возрождения. Когда ее представители явятся преемниками и продолжателями великой русской культуры, а не продажными, с российской окраской, интеллектуалами, далекими от народа и от его интересов. Вот они-то, продавая на российском рынке заведомо прозападные ценности в российской лубочной упаковке, есть и еще более будут вторичны. Не дай Бог, если такие люди возобладают, вот тогда-то и наступит конец. А пока мы живем — будем надеяться, верить, любить и противостоять.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУР-
НАЯ
ПУБЛИЦИСТИКА И
КРИТИКА, РЕЦЕНЗИИ

ВАЛЕРИЙ МАСЛОВ
РУДОЛЬФ АРТАМОНОВ

ИГОРЬ КАРЛОВ
ЯКОВ ШАФРАН

Валерий МАСЛОВ

(г. Тула)

Маслов Валерий Яковлевич — член Союза писателей СССР и России. Членский билет с собственноручной подписью ему вручал Сергей Михалков. С 1976 года является членом Союза журналистов СССР и России. Заслуженный работник культуры Российской Федерации. Кавалер медали Ордена «За заслуги перед Отечеством». Директор Тульского отделения Литературного фонда России. Лауреат многих литературных премий. За патриотическую направленность своих произведений награжден памятной медалью «100 лет со дня рождения М.А. Шолохова». Автор 30 книг художественной прозы. Произведения стали бестселлерами и многократно переиздавались большим тиражом. Некоторые из них переведены на другие языки.

ИВАН БУНИН И ТУЛЬСКИЙ КРАЙ

— И цветы, и шмели, и колосья,
И лазурь, и полуденный зной...
Срок настанет — Господь сына блудного спросит:
«Был счастлив ты в жизни земной?»

Эти строки величайший русский писатель и поэт, лауреат Нобелевской премии по литературе Иван Алексеевич Бунин напишет на склоне лет в эмиграции, на французской земле. И навеяны такие строки были у него тоской воспоминаний и ностальгией по русской земле, по красотам Тульского края, с которым у поэта было связано много самых лучших и теплых воспоминаний.

Тульская земля всегда привлекала к себе творческие личности. Отсюда вышли многие выдающиеся деятели культуры, писатели, художники, композиторы. В наш край приезжали, здесь жили и творили люди, прославившие Россию на весь мир.

Одним из них был классик отечественной литературы Иван Алексеевич Бунин. Он неоднократно бывал в городах Туле и Ефремове, в его окрестностях. Здесь жили его мать и сестра. Особенно полюбилось писателю имение его брата Евгения Алексеевича — Огневка, расположенное в Ефремовском уезде Тульской губернии. Именно здесь он черпал вдохновение, когда писал одно из своих лучших произведений — повесть «Деревня». Да и многие его другие стихи, повести, рассказы и переводы (в их числе рассказ «Антоновские яблоки») Иван Бунин написал под впечатлением от красот здешнего края.

«И забуду я все — вспомню только вот эти
Полевые пути меж колосьев и трав —
И от сладостных слез не успею ответить,
К милосердным коленям припав».

Ефремовский край по праву называют «тульской Венецией». Великолепная русская река «Красивая меча», живописные берега, холмы, заливные луга, неповторимые красоты бескрайних просторов среднерусской возвышенности — все это не могло оставить равнодушным такого впечатлительного человека, как Иван Бунин. Недаром в письме к своему другу А.М. Федорову 1 августа 1900 года он сообщает: «Много пишу, читаю, словом, живу порядочной жизнью, а это... кажется, только и можно делать, что в Огневке».

Именно здесь поэт написал такие вдохновенные лирические стихотворения, как «Все лес и лес. А день темнеет», «Дымится поле, рассвет белеет», «Как светла, как нарядна весна» и многие другие.

А вот его строки письма из Ефремова, адресованного Ю. А. Бунину (28 мая 1901 года): «Я как в тумане от работы и сиденья, хотя благодаря жаре... и пыли дело плохо идет, и потому пишу тебе мертво. Положение дел таково: мать все время в Ефремове... Тружусь упорно...»

В это время здесь у него рождаются стихотворения, продолжающие классические традиции русской поэтической лирики. В стихотворном сборнике «Листопад» (1901 год) А.И. Бунин показал не только красоты родной природы, но и оскудение дворянских усадеб, гибельное забвение нравственных основ жизни. Ностальгическая поэтичность — так можно охарактеризовать лирику и художественный строй произведений этой книги.

Поэзия Бунина в тульский период его жизни отличалась преданностью классической традиции, и эта черта в дальнейшем пронизывает все поэтическое творчество классика русской литературы. Конечно, принесшая ему известность сложилась под влиянием Пушкина, Фета, Тютчева. Но она обладает только ему присущими качествами. Иван Бунин тяготеет к чувственно-конкретному образу. Картина природы в бунинской поэзии складывается из запахов, остро воспринимаемых красок и звуков. Особую роль в его поэзии играет эпитет, используемый Буниным как бы подчеркнуто субъективно, произвольно, но одновременно наделенный убедительностью чувственного опыта.

Как настоящий писатель, как поэт с острым восприятием жизни, как человек, который наблюдает и замечает все вокруг, он добавляет

в том же письме брату: «В Ефремове страшная нищета»*. Поэтому многое из увиденного и пережитого писателем в Огневке, Ефремове и описанное им в его «Деревне» и других прозаических и стихотворных произведениях, изображено так поразительно правдиво и интересно. Как пишет исследователь писателя А. Бабореко, автор интересной книги о Бунине, прототипом Горизонтова из рассказа «Чаша жизни» (1913 год) «отчасти послужил, по устному свидетельству писателя С. И. Малашкина, преподаватель духовного училища в городе Ефремове. Подобно герою рассказа, он обычно ходил с парусиновым зонтом и в калошах, купался летом и зимой в Красивой Мечи и продал свой скелет для анатомических целей»**.

Характерно, что поэт и писатель, уроженец деревни Хомяково Ефремовского уезда Сергей Иванович Малашкин, который неоднократно встречался с Буниным в Ефремове, оставил много воспоминаний об Иване Алексеевиче. И это еще раз свидетельствует о том, что Бунин и Тульский край неразрывно связаны.

Картины окрестностей Ефремова, природа и красоты родного края воссозданы им во многих стихотворных и прозаических произведениях. Бунин считал, что именно в Средней России, к которой относились Тульская губерния и Ефремовский уезд, зародился и постоянно обогащался прекрасный русский язык. В «Жизни Арсеньева» герой этого произведения попадает в Кропотово (у Бунина — Кроптовка), родовое имение отца М. Ю. Лермонтова. «Перед нами был выгон, за выгоном — давно необитаемая мелкопоместная усадьба, которую красил немного только сад, неподвижно поднимавший в бледно-голубом небосклоне, за небольшим домом, свои черные верхушки. Я сидел и, как всегда, попадая в Кроптовку, смотрел и думал: да ужели это правда, что вот в этом самом доме бывал в детстве Лермонтов, что почти всю жизнь прожил тут его родной отец? ...Да, вот Кроптовка, этот забытый дом, на который я никогда не могу смотреть без каких-то бесконечно-грустных и неизъяснимых чувств»***.

Писателю были интересны не только быт и жизнь, и нравы обитателей Тульского края. Он изучал и описывал деятельность других

* А. Бабореко. И. А. Бунин (материалы для биографии). М., 1967, стр. 80, 84.

** Там же, стр. 189. С. И. Малашкин, о котором идет здесь речь, является уроженцем Ефремовского уезда. См. также статьи Л. Крутиковой «Из творческой истории «Деревни» И. А. Бунина» (журн. «Русская литература», 1959, № 4) и А. Рохлина «Бунин и Тульский край» («Коммунар», 1966, 12 января).

*** И. А. Бунин. Собр. соч. в 9 томах, т. 6, издательство «Художественная литература». М., 1966, с. 156 - 157.

творческих личностей, связанных с Тулой и областью. Так, в наброске «К будущей биографии Н. В. Успенского», относящемся к 1890 году, И. Бунин рассказывает о некоторых фактах жизни этого писателя-демократа, уроженца Тульского края. В девятом томе собрания сочинений писателя* описывается, что И. Бунин собрал эти сведения в Ефремове и Огневке.

Иван Алексеевич Бунин закончил свой путь на далекой чужбине. Его тело похоронено на русском кладбище в Сен-Женьев де Буа во Франции. Но он, будучи в Ефремове, неоднократно восхищался красотами этой «тульской Швейцарии» и мечтал быть похороненным именно здесь. Мечта великого русского писателя, к сожалению, не сбылась. Но он оставил тулякам право гордиться, что с его именем теперь навечно связан наш край, что он прославил и нашу тульскую землю.

ГЛЕБ УСПЕНСКИЙ

В Туле, с которой тесно связана жизнь и творчество Глеба Ивановича Успенского, сохранилось много памятных мест, связанных с его именем. Каждый раз, когда я захожу, чтобы помолиться, в кафедральный Всехсвятский собор, существовавший и во времена писателя, то непременно посещаю и расположенный недалеко отсюда, на улице Тургеневской, дом номер 57. Сама судьба распорядилась так, что вокруг этого дома отца писателя Ивана Яковлевича, куда родители Успенского переехали вскоре после его рождения, образовался целый сонм улиц с литературными названиями (Пушкинская, Гоголевская, Тургеневская, Жуковского, Льва Толстого, Глеба Успенского).

Недалеко отсюда, в самом центре города, в сплетении многочисленных улиц старинной застройки, есть еще одно строение, связанное с памятью писателя. В доме №37 по улице Жуковского, — доме деда Успенского, — в основном и прошли детские годы автора знаменитых «Нравов Растеряевой улицы».

Характерно, что прототип Растеряевой улицы «Староникитская», за годы советской власти побывавшая улицей имени пославшего на смерть последнего русского царя Якова Свердлова, — и поныне сохранила в основном дореволюционные постройки.

Но вернемся к автору целого цикла очерков о нравах жителей Тулы. В советский период о нем писали не иначе, как о писателе-демо-

* Москва, издательство «Художественная литература», 1966 год, стр. 494-501.

крате. Еще бы: он, подобно Белинскому и Добролюбову, обличал мрачный быт и жестокие нравы людей дореволюционной России, в которой, по мнению литературных критиков СССР, просто не могло быть ничего хорошего и позитивного. Недавно я заново перечитал этот цикл очерков Глеба Успенского и ужаснулся: до чего же неприглядную картину он изображает в них о Туле, населявшем его рабочем люде, да и о прочих сословиях, проживающих в этом, далеко не самом худшем городе царской России. Сплошная запойная пьянка, драки, битье жен, сквернословие и прочие нравственные язвы так оплели жителей Растеряевой улицы, что нет в них никакого просвета. Добавьте к этому жуткую нищету, непролазную грязь и пыль на улицах, сплошные покосившиеся хибары,— и неискушенному читателю и впрямь покажется, что в той Туле жили одни монстры. Я обратил внимание на одну деталь в этих бытописаниях Успенского: даже яблони в садах Растеряевой улицы и те кривые, хотя по законам природы им положено иметь стройный ствол и пушистую крону. Какой там луч света в темном царстве! У писателя нет даже просвета в изображении кремешной мглы позора, разврата и беспробудного пьянства жителей уездного города Т., погрязших в обмане, стяжательстве и беспросветной тоске.

Такую мрачную картину жизни в этом городе Т. нарисовал писатель, что плакать хочется. Где же природная смекалка русского человека, его светлая душа, традиционное хлебосольство и гостеприимство? Где хоть какой-нибудь романтический Манилов или хоть и скаредная, но не забывшая накормить незваного гостя, Коробочка?

Главный герой «Нравов...» Прохор Порфирыч (заметим, по Успенскому,— человек грамотный, образованный) изъясняется таким тарабарским языком, что понять смысл его высказываний порой нет никакой возможности. Под стать ему изъясняются и другие герои повествования.

Видимо, поэтому в Тульском биографическом словаре (Т. «Пересвет», 1996), «Нравы Растеряевой улицы» скромно называются публицистическим словом «очерк», а не литературным термином «рассказ» или «повесть». Возможно, не случайно он не поставлен в один ряд не только с таким гигантом писательской мысли, как наш земляк Лев Толстой, но и с В. Вересаевым и другими современниками. В его произведениях я не обнаружил таких ярко выписанных образов и характеров, какими насыщены сочинения перечисленных мною авторов. Язык героев схоластичен, малопонятен. Мне кажется, что Глеб Успенский — это, в первую очередь, публицист, который написал немало хороших очерков. Возможно, еще и по этой причине, в Туле так и не поставлен памятник этому писателю, хотя память о Викентии Вересаеве и Льве Толстом увековечена прекрасными монументами.

тами. До сих пор в сквере у начала описанной им Растеряевой (Староникитской) улицы стоит закладной камень, который так и не стал памятником Глебу Успенскому.

Конечно, дело здесь не только в том, что Успенский не оставил после себя произведений крупных литературных форм — таких, как роман или повесть. Известно, что критика в адрес писателя высказывалась и за перехлест в изображении не только нравов городского захолустья, но и деревни, крестьян, других ее обитателей. После публикации цикла очерков Успенского «Из деревенского дневника», Плеханов раскритиковал их, а редколлегия журнала «Отечественные записки» выговаривал за публикацию этого произведения. Другая современница писателя Вера Фигнер при личной встрече бросила ему такой упрек: «Зачем рисовать деревню такими красками, что никому в нее забраться не захочется и всякий постарается от нее подальше». Либеральные же народники на страницах «Недели» прямо обвинили Глеба Успенского в клевете на народ и в измене народу.

Не щадил наш земляк и интеллигенцию. В письме к Н.К. Михайловскому 14 марта 1876 года, объясняя свой уход с очередной должности, он пишет: «Место... я должен был бросить, и как ни скверно это в материальном отношении, решительно не раскаиваюсь: подлые концессионеры глотают миллионы во имя разных шарлатанских проектов,— а во сколько же раз подлее интеллигенция, которая не за миллионы, за два двугривенных осуществляет эти проекты на деле?..»

Возможно, такая моя литературная характеристика нашего знаменитого земляка будет встречена с негодованием частью тульской общественности. Поэтому хочу сразу оговориться: это мое сугубо личное мнение, которое сложилось недавно после нового, внимательного прочтения трудов Глеба Успенского.

Впрочем, Успенский интересен современным читателям не только как бытописатель. В ситуации, когда у родственного нам славянского государства Сербии насильно отняли провинцию Косово, особо показателен его очерк «Письма из Сербии», написанные в 1876 году. В то время сотни и тысячи добровольцев из России прибыли в эту страну, чтобы защитить ее от турецкого порабощения. И уже тогда писатель подметил одну справедливую особенность: зажиточную, чистую, привольную жизнь тех, кого, жертвуя собой, ехали защищать нищие русские.

«Бродя по улицам Пешта, ...устривающего себе совершенно по-европейски, позволяющего себе даже во внешнем убранстве улиц чисто парижскую роскошь, я тысячу раз невольно спрашивал себя: ...неужели правда, что на эти широкие, асфальтовые тротуары

каждый божий день железная дорога высаживает тысячи простых русских людей, добровольно отдающих свою голову за угнетенного?»

Да, отдавали. Жертвовали последним. Выручали братьев-славян. И вот, через столетие, ситуация в благополучной, с прекрасными климатическими условиями, с благоустроенными дорогами и вымытыми шампунем тротуарами стране вновь обострилась. И вновь, как и тогда, Россия чуть ли не в одиночку отстаивает право Сербии на Косово.

А уж так ли эта исконно сербская территория нужна самим сербам? Глядя, какого президента они выбирают, как рвутся в Евросоюз, отнявший у них это Косово, начинаешь сомневаться. На двух стульях, как известно, усидеть невозможно. Пора бы нашим братьям определиться, чего им больше хочется: конституции или севрюжины с хреном. И России надо научиться сначала заботиться о своих интересах, а потом уже защищать чужое желание жить еще лучше.

Впрочем, это лирическое отступление на современную тему, на чутье настоящего писателя Глеба Успенского, который много десятилетий назад так верно понял и обрисовал ситуацию, что его творение сверхсовременно и сейчас. Перечитай, уважаемый читатель «Письма из Сербии» Глеба Успенского, и ты откроешь для себя не только много нового, но и поймешь, как оценивать современные события.

Однако вернемся к теме этого очерка — описанию жизни писателя в Туле. Отец будущего литератора Иван Яковлевич Успенский был сыном дьякона, окончил Тульскую духовную семинарию, но не стал священником, а получил место столоначальника палаты государственных имуществ. Таким образом, детские годы Успенского прошли в чиновничьей среде, что, видимо, и определило его первые жизненные наблюдения.

Так, в своем произведении «Разоренье», Успенский рассказал о трагической судьбе сына деда Михаила Глебовича Соколова, который рано умер из-за «насильственной ломки своих интересов». «С детских лет Ваня не был похож на то, что его окружало,— описывает Успенский в этом рассказе жизнь прототипа своего родственника.— Словно испугавшись того буйства и произвола, которые царили в его семье, он как будто бы отвернулся от всех, притаился и пошел своей дорогой».

Затем писатель расскажет о чиновничьих семьях, в которых «взятничество, казнокрадство... считалось настоящим делом жизни» (Чем не слепок с жизни современного чиновничества, которое увязло в коррупции и воровстве?).

Правда, уже здесь проявляется свойство Глеба Успенского доводить черты характеров героев своих произведений до гротеска и искажения: «Все это были только обыкновенные чиновники с зелеными, непривлекательными лицами, с потухшими глазами, сгорбленными спинами». Здесь так и просится вставить цитату из какого-нибудь издания советского периода, расхваливающего писателя-демократа, вроде: «Будущий писатель увидел в родном городе картины, типичные для крепостнической России». Да и сам писатель пишет в своих воспоминаниях: «Вся моя жизнь, вся обстановка моей личной жизни лет до 20-ти, обрекла меня на полное затмение ума, полную погибель, глубочайшую дикость понятий, неразвитость и вообще отдаляла от жизни белого света на неизмеримое расстояние»^{*}.

Может быть, именно отсюда истоки мрачного мировоззрения писателя, изображение окружающей действительности, в основном, в негативном свете? Ведь были и иные примеры в те времена: в сотнях произведений были описаны такие лучшие качества русского народа, как доброта, гостеприимство, высокая нравственность и духовность. Были, есть и будут в русской литературе такие примеры жизни нашего народа, в том числе и туляков, в какие бы времена это не происходило. Ведь любознательный от природы Глеб стал рано читать книги, уже в раннем детстве знал все сказки Пушкина.

Возможно, на такое мировоззрение писателя повлияли и многочисленные трудности, с которыми столкнулась семья. Ему пришлось, не доучившись, бросить Московский университет. В 1864 году умирает, не дожив до пенсии, отец. Как старший из детей, Глеб вынужден заботиться о материальном положении матери, трех братьев и четырех сестер.

Но ведь первый очерк Успенского «Михалыч», появившийся в 1862 году, о старике-приживальщике, пронизан теплым авторским чувством, светлый и прозрачный по манере повествования. Именно эти качества произведения, его простота и задушевность, привлекли к нему внимание Льва Толстого, опубликовавшего очерк в приложении к журналу «Ясная поляна». «Очень даровитым писателем» назвал тогда молодого Успенского и Н.А. Некрасов.

Но вот в 1866 году появляются «Нравы Растеряевой улицы», и оценки нового произведения писателя становятся иными. Пролетарский писатель А. Горький подчеркивал «социальную ценность» этой повести. В советский период оценки стали еще жестче и прямолинейнее, в полном соответствии с идеологией правящей партии: гневное обличение «растеряевщины», «неприкрашенная правдивость», «истинное художественное воссоздание действительности».

^{*} Глеб Успенский. Собр. соч.: 9 т. М., 1955, т. 2, с. 46.

«В г. Т. существует Растеряева улица.

Принадлежит к числу захолустий, она обладает и всеми особенностями местностей такого рода, то есть множеством всего покосившегося, полуразвалившегося или развалившегося совсем. Эту картину дополняют ужасы осенней грязи, ужасы темных осенних ночей, оглашаемых сиротливыми криками «караул!» и всеобщая бедность, у которой с незапамятных времен томится убогая сторона».

Написано талантливо, хлестко, прекрасным литературным языком. Только вот «ужасы» людей, живущих здесь, в его произведениях оказались непреходящи, а устранение их представлено безнадежным и бесперспективным делом. А ведь сам Успенский в своей «Автобиографии»^{*} пишет: «Несомненно, народ этот был душевный, добрый и глубоко талантливый...». Правда, до конца осознать эту истину ему, видимо, мешала природная ипохондрия, хотя современники пишут о нем, как о человеке необыкновенного обаяния, рассказывают о его темно-карих глазах, отражавших бесконечную доброту, о ласковой, застенчивой улыбке, об оригинальной, с юмором речи.

Да и другие литераторы, описывающие Тулу тех времен, все же находят в «растеряевцах» хорошие черты. Например, о них пишет этнограф Д. Успенский, участвующий в переписи населения Тулы в 1897 году, в рукописи своих воспоминаний, хранящейся в Тульском краеведческом музее. Автор, как и Глеб Успенский, описывает домики с покосившимися крышами, в которых целые семьи умирают от голода. Но, наряду с «темным горем жизни», он увидел здесь и высокие нравственные качества трудовых людей, их тягу к знаниям, к образованию. Он рассказывает о слесаре, который «самоучкой выучился грамоте», о гармонщике, тратящем «значительную часть своего заработка на книги и проводящем за чтением все свободное время». Он не увидел «никакой особенной дикости и грубости», о которых так много пишет в своих «Нравах...» Глеб Успенский. Годом раньше, в 1896 году, в Туле вышла книжка М. Северной «Ольгушка из Подъяческой», где она пишет, что была «часто поражена, встречая рядом с грубостью, подчас даже дикостью нравов, примеры самой высокой нравственности» обычных тульских ремесленников, мастеровых, приказчиков, горничных. А ведь это были те же люди с Растеряевой улицы, которых Успенский так гротескно описал в своем произведении.

Писатель никогда, даже в годы высоких литературных заработков, не жил богато, так как совершенно не умел даже на короткое время сохранить у себя заработанные деньги. Он постоянно оста-

вался без копейки, жил в обычных для него долгах и нужде, был вынужден браться за любую работу, лишь бы заработать хоть немного денег. Например, в Тульском государственном архиве сохранилось прошение бывшего студента, в котором Успенский просит директора училищ Тульской губернии о месте простого учителя. Но даже в захолустном в то время Ефремовском уезде ему отказали.

В 1883 году сорокалетний Успенский пишет Е.С. Некрасовой: «Со мной какое-то необычайное нервное расстройство, чего никогда не бывало,— право, я иногда думаю, как бы мне не сойти с ума. Что-то вообще со мной ужасно худо, необычайно худо, смертно». В начале 90-х годов у Глеба Ивановича было обнаружено тяжелое душевное заболевание. В течение десятилетия он находился на лечении в разных психиатрических больницах. В 1902 году писатель умер от паралича сердца и был похоронен на Литературных мостках на Волковском кладбище в Петербурге.

Я не собираюсь оценивать творчество этого талантливого писателя, тем более что оно огромно. Только одно Полное собрание сочинений Глеба Успенского, выпущенное в 1949 году Академией наук СССР, насчитывает 14 томов. Несомненно, что его произведения отразили существенные стороны жизни за большой исторический период, поставили актуальные общественные вопросы, отличаются большим разнообразием тем, идей и образов. Глеб Успенский — новатор жанров, мастер в использовании неисчерпаемых богатств русского языка.

И все же, в той же «Автобиографии», он, например, так отзывается о своих братьях-писателях, среди которых в ту пору были Лев Толстой, Достоевский, Чехов и многие другие гениальные авторы: «Не было у них читателя, они писали неизвестно для кого и хвалили только друг друга...».

Человек всегда хочет позитива, солнечных дней, радости в жизни. Как бы он не был ничтожен и безграмотен, как бы не одолевала его «питейная болезнь» и другие слабости и пороки, он способен к возрождению, к стремлению стать лучше. И я верю в то хорошее, доброе, вечное, что заложено в нем от природы. Иначе не имеет смысла не только работать и созидать, но и жить.

^{*} Журнал «Русское богатство», 1902, IV.

Игорь КАРЛОВ

(г. Тула, Россия и г. Мапуту, Мозамбик)

Игорь Викторович Карлов родился в Туле в 1966 г. Окончил ТГПИ им. Л.Н. Толстого. Много лет преподает русскую словесность. Является к.п.н., показывает возможность и необходимость внедрения в современную педагогику принципов духовности, разработанных славянофилами. Много сил отдает популяризации русской культуры за рубежом. Публикуется в региональных газетах и журналах, коллективных сборниках, постоянный автор журнала «Приокские зори». Подготовил и провел множество тематических радиопередач, в том числе и о Православии. Лауреат литературной премии «Левша» им. Н.С. Лескова, дипломант конкурса «Белая скрижаль».

ДВЕ МОЛИТВЫ

В 2014 году ценители поэзии отмечают юбилеи двух русских гениев, двух поэтов, отразивших в своем творчестве не только свою эпоху, но и вневременные основы национального характера, вневенациональные человеческие сущности: в 1804 году родился А.С. Хомяков, в 1814 — М.Ю. Лермонтов.

На первый взгляд, это два имени как бы из разных миров. Хомяков — основоположник славянофильства, историк и философ, публицист, практик, примерный семьянин; он всегда воспевал соборность русского народа. Лермонтов предстает в обыденном сознании гордым одиночкой, заносчиво противопоставлявшим себя государственным и общественным уложениям, неисправимым романтиком, певцом экстремальных проявлений человеческого духа.

Антагонизм этих поэтов-современников приметит первый же (поверхностный!) взгляд. Но при вдумчивом чтении станет ясно, что Хомяков и Лермонтов — две планеты одной русской галактики, две планеты, чьи орбиты неоднократно и замысловато пересекались; две планеты, которые не так уж удалены друг от друга, и только наша неосведомленность или инерция ума мешает увидеть синхронность их движения в высших сферах, заданную общими для всей галактики параметрами и законами развития.

Насколько тесно они общались? В Москве первой половины позапрошлого века трудно было бы разминуться таким величинам, как Хомяков и Лермонтов. Достоверных сведений о времени и обстоятельствах их первой личной встречи нам не удалось разыскать, однако общими знакомыми они могли бы быть представлены друг другу уже в начале тридцатых годов. Такой авторитетный исследователь творчества Лермонтова, как И.А. Андроников, убедительно

доказал, что стихотворение М.Ю. Лермонтова «Эпитафия» (1830) посвящено памяти поэта Д.В. Веневитинова, настоящего кумира московских Любомудров, среди которых выделялись и Хомяков, и Иван Киреевский. В свое время Андроников пришел к однозначному выводу: «Лермонтов оказывается связанным с московским литературным кругом гораздо прочнее, нежели это можно было предполагать до сих пор»*. И с этим утверждением трудно не согласиться.

Вполне обоснованно было бы и другое предположение: Лермонтов познакомился с Хомяковым в 1838 году через Самарина, с которым был довольно близок.

С не меньшей долей вероятности можно также допустить, что Лермонтов и Хомяков встречались в Петербурге, в салоне Софьи Николаевны Карамзиной, дочери Н.М. Карамзина. В 1838 году, когда Лермонтов вернулся в столицу из ссылки, полк, в котором он служил, стоял в Царском Селе, и поэт почти ежедневно бывает у Карамзиных, по словам современников, «не выходит» от них, засиживается у гостеприимных хозяев допоздна. А.С. Хомяков — тоже среди постоянных посетителей салона С.Н. Карамзиной: всякий раз, наезжая в Петербург, он обязательно посещал этот дом.

Очень убедительно выглядит еще одна гипотеза, о том, как произошло знакомство Хомякова и Лермонтова. Они наверняка встретились 9 мая 1840 года на именинном обеде у Гоголя, когда в саду дома Погодина на Девичьем Поле собралась вся литературная Москва.

Во всяком случае, вероятность личных, светских контактов Лермонтова и Хомякова высока. Интересно, но не так уж важно, пожали ли они друг другу руки десятью годами раньше или позже. Гораздо существеннее проследить их творческие и мировоззренческие взаимовлияния. По свидетельству исследователей, «Хомяков хорошо знал лермонтовские стихи: особенно ему нравилась «Песня про царя Ивана Васильевича...» Чрезвычайно высокого мнения был Хомяков и о прозе Лермонтова; к маю 1840 г. относится отзыв о Лермонтове как о человеке «с истинным талантом»**.

Очевидно, и Лермонтов, как мы уже указали выше, близко знакомый с Самариним, не только поддерживал личные связи с представителями православно-русского лагеря, но и следил за развитием славянофильской идеологии. Вряд ли поэт-романтик мог пройти мимо романтической по своей сути философии Хомякова, мимо притягательных образов его лирики и драматургии. Как и большинство литераторов (собственно говоря, большинство всех широко образованных, думающих людей своего времени), Лермонтов не

* Андроников И.Л. А теперь об этом. — М.: Советский писатель, 1985. — 544 с. С. 408.

** Ирина Чистова. Страницы московской биографии М.Ю. Лермонтова.// Прометей, т. 14. — М.: Молодая гвардия, 1987. — 383 с. С. 262

мог не понять и новизну, и актуальность, и глубинную ценность славянофильских взглядов.

Об интересе автора «Вадима», «Песни про ... купца Калашникова» и «Бородина» к представителям «славянского воззрения» свидетельствует следующий факт: одно из последних своих произведений («Спор», 1841) Лермонтов передал для публикации в журнал «Москвитянин», который славянофилы стремились сделать своей трибуной.

Думается, выбор Лермонтова был неслучаен. Баллада «Спор» — звучный гимн пробуждающейся русской силе, силе осознающей свою цивилизационную миссию и мобилизующуюся ради выполнения этой миссии. Но помимо патриотического пафоса, который вполне разделили бы и Хомяков, и братья Киреевские, и Самарин, в произведении Лермонтова явственно угадываются отклики на славянофильскую историософию.

Напомним читателям, что А.С. Хомяков в своем труде, озаглавленном соратниками «Семирамида», высказал оригинальный взгляд на философию истории, и его подход стал впоследствии благодатной почвой для построений многих мыслителей XIX — XX веков. Основоположник славянофильства считал, что с древнейших времен в мире действуют два начала, воплощенные в историческом творчестве отдельных этносов. Начало, названное им иранским, — деятельное, устремленное к созидательной свободе. Начало, обозначенное как кушитское, детерминируется реальностью, связано с принципом необходимости. При этом славянофильская историософия, к разработке которой имеют прямое отношение как А.С. Хомяков, так и И.В. Киреевский, указывает на то, что народы поочередно передают друг другу эстафету созидания, что божественным изволением на Земле как бы высвечивается то один, то другой этнос, призванный к активному действию в истории. Русская цивилизация была отнесена славянофилами к т.н. иранскому типу, а XIX век осознавался как эпоха передачи исторической эстафеты от народов Западной Европы к их восточноевропейским, славянским соседям.

В полном соответствии со славянофильской историософией в балладе М.Ю. Лермонтова «Спор» как раз и рисуется дряхлая Азия, давно завершившая свою миссию, и пассионарная Россия, подхватившая эстафету православного Востока, поднимающаяся для великих свершений. Есть в произведении Лермонтова даже терминологические совпадения с теорией Хомякова: упомянуты Персия и Египет, что соответствует понятиям об «иранской» и «кушитской» цивилизациях.

А знаменитая «странная любовь» Лермонтова к России (стихотворение «Родина», 1841)? Что это, как не славянофильское сочетание патриотизма с непредвзятой критикой пороков Отечества?

Думается, что влияние творчества и самой личности А.С. Хомякова на поэзию Лермонтова имело место и на более глубоком пси-

хологическом уровне. Попробуем доказать справедливость этого тезиса, который иному покажется неожиданным, а то и провокационным, на примере сопоставительного анализа стихотворного послания А.С. Хомякова «К детям» и «Молитвы» М.Ю. Лермонтова. Оба произведения написаны в 1839 году, и вряд ли мы вправе называть это всего лишь совпадением: в конце тридцатых годов контакты Лермонтова со славянофилами заметно интенсифицировались.

Однако 1839 год для каждого из двух поэтов был окрашен полярными переживаниями... В конце октября этого года два малолетних сына Хомякова, Степан и Федор, заболели скарлатиной и в одночасье умерли. По воспоминаниям близких, в ночь их смерти Алексей Степанович начал сесть. Лишь слова молитвы помогли безутешному отцу пережить трагедию.

Для Лермонтова 1839 год — год начала его восхождения к литературной славе. Ширился круг почитателей лермонтовского таланта. Молодой поэт был известен в качестве автора любимых читающей публикой стихотворений, «Демона», повестей, вошедших позже в роман «Герой нашего времени». Готовилось к выходу в свет первое собрание сочинений Лермонтова, которое поклонники заранее называли «прекрасным подарком нашей литературе». В том же году офицер лейб-гвардии Гусарского полка получает несколько царских поощрений, повышение в чине... Однако рядом нет ни родных, ни друга, ни любимой женщины, способных утешить и поддержать, а одинокая душа так изболелась... Остается лишь молиться.

Следовательно, появление лирических произведений, содержащих молитвенные мотивы, и для Хомякова, и для Лермонтова оказывается вполне закономерным. Сопоставим тексты стихотворений «К детям» и «Молитва».

В произведении А.С. Хомякова лирический герой вспоминает свою отцовскую молитву за детей и то умиление, которое он испытывал, крестя на ночь малюток, любуясь ими; мысли его обращены к самым светлым и радостным сторонам бытия. После смерти сыновей лирический герой испытывает сильные душевные муки. Это выражено не только при помощи прямой номинации чувств («мне грустно», «сердце так больно сожмется»), но и подчеркивается повторением сем, связанных с отсутствием света («везде темнота», «в лампаде погас... свет») и воцарившейся в детской комнате пустотой («нет жизни», «кровать пуста», «малюток моих уже нет»). Единственным исходом в такой ситуации видится благодатная молитва. В соответствии с православным миропониманием эта молитва является взаимной: живые молятся об упокоении душ умерших, способствуя тем самым устройству их загробной жизни, а умершие оказывают молитвенную поддержку живым. Молитва же скончавшихся без грешных детей тем более должна быть действенной, ведь Бог обязательно ее услышит.

Может показаться, что чувство скорби отражено в стихотворении недостаточно выразительно, однако сомневаться в любви лирического героя к детям нет оснований: первые две строфы рисуют образ любящего, нежного отца. Дело в том, что Хомяков как истинный христианин никогда не ропщет на Бога, видя проявление Его любви даже в том, что человеку принять неимоверно трудно. В стихотворении «К детям» перед нами предстает не только скорбящий отец, но и подлинно, глубоко верующий человек.

В произведении М.Ю. Лермонтова обращение к словам молитвы тоже происходит «в минуту жизни трудную», однако причина возникших неурядиц не конкретизируется, что открывает для читателей возможность увидеть за проблемами лирического героя стихотворения свои личные проблемы. Молитва животворной силой и непостижимой для смертного святостью приносит удивительное облегчение. Последняя строфа дает нам понять, каково было внутреннее состояние лирического героя до начала молитвы: он нес в душе неимоверную тяжесть сомнений и неверия. И вот через слова, обращенные к Богу, человек получает долгожданное облегчение; он потрясен настолько, что на глазах его выступают слезы. Причем, указанный процесс периодически воспроизводим. Поначалу кажется, что речь идет о единственной «трудной минуте», что грусть лишь однажды стеснила грудь лирического героя стихотворения. На это же, вроде бы, указывает и грамматическая форма глагола настоящего времени: «твержу». Однако лексическое значение глагола «твердить» подразумевает постоянное повторение одних и тех же слов; да и сам тот факт, что молитва известна лирическому герою «наизусть», подтверждает многократность обращения к ней.

Перед нами — выражение самой сути религиозной психологии: надежда на спасение через искреннюю молитву, открытая даже для того, кто пока не до конца укоренился в вере, сочетается с пониманием необходимости возвращаться к молитве вновь и вновь, поскольку земная жизнь самым ходом своим обрекает человека на греховность. По народной пословице, «не согрешишь — не покаешься; не покаешься — не спасешься».

Трудно представить себе поэтов, более разнонаправленных по своим творческим интенциям, трудно найти более непохожих друг на друга людей, чем Хомяков и Лермонтов. Но в этих стихах они сошлись в одной точке, сошлись внутренне непротиворечиво, хочется сказать: «соборно»; хочется употребить слово: «ладно».

Бессмысленно теперь гадать, как бы двигалась планета Лермонтова, продлись ее полет, еще хотя бы десяток лет. Незачем проецировать ее возможный небесный маршрут на атлас звездного неба русской литературы и спорить о том, пошла бы она вслед за планетой Хомякова... Лермонтов сказал то, что ему предназначено было сказать. И сказанного довольно для вдумчивого читателя.

Рудольф АРТАМОНОВ

(г. Москва)

БОЛЕЗНЬ ПОЭТА И ЕГО СТИХИ

Иногда ловлю себя на том, что, читая художественную литературу, всматриваясь в портреты работы великих мастеров, не перестаю оставаться врачом. Подмечаю симптомы, мысленно ставлю диагноз.

Перечитывая еще с молодости полюбившегося Афанасия Фета, теперь, уже будучи зрелым врачом, вдруг стал замечать, что он часто пишет о «томительном дыхании»:

*Не жизни жаль с томительным дыханьем,
Что жизнь и смерть? А жаль того огня,
Что просиял над целым мирозданьем
И в ночь идет, и плачет уходя.*

Или:

*Мне не спалось. Томителен и жгуч
Был темный воздух, словно в устьях печки...*

«Стоп!» — сказал я себе. — Ведь это симптом». По этим углам зрения, с этой «диагностической версией» я стал вчитываться в стихи поэта, стремясь получить подтверждение своему предположению.

Вот опять:

*Кто дышит с равным напряженьем,
Того, безмолвна, посети,
Повея полным примиреньем...*

Это строки из стихотворения «Смерти» двадцатисемилетнего Фета. Может быть, это поэтическое преувеличение или поэтическое провидение?

Читаю дальше:

*И этих грез в мировом дуновеньи
Как дым несусь я и таю неволью.
И в этом прозреньи, и в этом забвеньи
Легко мне жить и дышать мне не больно.*

Эти строки написаны уже сорокачетырехлетним человеком. Я далек от попыток литературоведческого анализа их, но, как врачу, мне за этими строчками видится человек, испытывавший, каким трудным, каким тяжелым, «болезненным» может быть обычно незаметный акт дыхания.

Мы знаем из биографии поэта, что Афанасий Афанасьевич всю жизнь стремился жить в деревне и даже зимы проводил там. Он не любил город. Биографы и его друзья пишут, что Фет увлекался хозяйством, был рьяным, как бы теперь сказали, фермером. Но вот другая версия, найденная мною в его стихах:

*Вы знаете, деревню я люблю
И зимний быт. Плохой я горожанин,
Я этой жизни душой не люблю...
(из поэмы «Талисман»)*

Очевидно, что речь идет о городской жизни, которая представляется поэту «душной». Город и в те времена был экологически нечист.

Читая далее стихи Фета, я замечаю, как с возрастом чаще и драматичнее он пишет об этом симптоме — томительном дыхании. Явно тяжесть болезни нарастала. Было также ясно, что в ранних стихах попадавшиеся слова о «томительном дыхании» не были случайными, не были только поэтическим приемом.

1884 год:

*Я в жизни обмирал и чувство это знаю,
Где мукам всем конец и сладок томный хмель,
Вот почему я вас без страха ожидаю,
Ночь беспросветная и вечная постель.*

Поэту шестьдесят четыре года. Видимо, приступы болезни становились чаще и тяжелее, сопровождаясь чувством «обмирания».

Годом раньше:

*О, если бы небо судило без тяжких томлений
Так и же мне, оглянувшись на жизнь, умереть.*

И вот 1890 год. Поэту семьдесят:

*Покуда на груди земной
Хотя с трудом дышать я буду,
Весь трепет жизни молодой
Мне будет внятн отовсюду.*

Поэт тяжело болен, но жизнелюбие и бесстрашие перед смертью не покидало его. Об этом пишут все, кто близко знал Афанасия Афанасьевича.

Согласитесь, поэты чаще пишут о сердце, а не о «томительном дыхании». В поэтическом лексиконе слово «сердце» занимает особое положение. Поэтому, когда мы читаем о самых разных состояниях поэтического сердца, вряд ли у нас возникает мысль о том, что поэт страдал болезнью этого весьма отзывчивого на переживания человеческого органа.

Кстати, Афанасий Афанасьевич редко упоминает это слово в своих стихах. И только один раз — в предсмертном послании «Поэтам» (1890 г.) он пишет о сердечной боли:

*Сердце трепещет отрадно и больно,
Подняты очи и руки воздеты,
Здесь на коленях я снова неволью
Как и бывало, пред вами, поэты.*

Эти стихи, конечно, не о болезни сердца. Они о восторге прича-

стности к «поэтическому цеху», Поэт благодарит «собратьев по перу», даривших его своей дружбой. Это — «отрадная боль».

Так чем же болел поэт Афанасий Афанасьевич Фет?

В воспоминаниях друзей, в переписке упоминаются два диагноза — одышка и бронхит. Друг поэта, философ и литературный критик Н.Н. Страхов пишет: «Уже лет тридцать страдал Афанасий Афанасьевич одышкой, постоянно усиливавшейся, несмотря на всякие предостережения».

Сергей Львович, сын Льва Толстого указывает, что «он (Фет — Р.А.) страдал болезнью дыхательных путей — одышкой и бронхитом».

Более точного, как бы мы теперь сказали клинического, диагноза больше никто не указывает.

Однако, если обратиться к описанию признаков болезни, содержащихся в письмах и воспоминаниях современников, кажется, можно ближе подойти к более детальной характеристике болезни, которой страдал поэт.

И.П. Борисов, друг и родственник Афанасия Афанасьевича, часто видевший его, пишет в феврале 1865 г. (поэту сорок пять лет): «Голос хриплый-сиплый, кашель, переходящий в непрерывное эх-хе-хе-хе». В октябре того же года случилось И.П. Борисову делить с Фетом ночлег на постоялом дворе: «Фет со свистом в груди и кашлями во всю ночь не давал мне заснуть».

Думаю, что врачу, читающему эти строчки, уже этих симптомов достаточно, чтобы подумать о вполне определенной болезни. Но в мемуарной литературе имеются еще более яркие описания.

Известно, что Фет был дружен с семьей Льва Николаевича Толстого, часто гостил в Ясной Поляне. Воспоминания членов семьи Толстого особенно ярки и по-своему живописны. Илья Львович: «Он (Фет. — Р.А.) говорил густым басом и постоянно закашливался залившимся, частым, как дробь, кашлем. Потом отдышал, низко склонив голову, тянул протяжное гм-гм-м-м-м-м-м. Проводил рукой по бороде и продолжал говорить».

Софья Андреевна Толстая пишет мужу в октябре 1892 г.: «Он не может почти говорить, дышит ужасно тяжело, кашляет, задыхается, стонет... Скажет тихо, почти шепотом, слово, другое и замолчит, передышит, опять скажет». И при этом «лицо опухшее».

Это настолько, по-моему, яркие и клинически точные описания симптомов болезни, что диагноз ее вполне очевиден — бронхиальная астма.

Характерно не только это «ужасное, со свистом дыхание», но и тихая, почти шепотная речь. Известно, что при бронхиальной астме мощность выдоха (есть такой патофизиологический термин. — Р.А.) резко падает, и поэтому больные говорят во время приступа болезни тихо, почти шепотом.

По-видимому, в последние годы жизни Афанасия Афанасьевича приступы болезни становились все более и более тяжелыми, а главное, затяжными. И близким поэта были привычны такие его «одышки». Иначе как объяснить, что Фету удалось в свой последний, предсмертный, час отослать свою жену за покупками, а самому остаться одному.

Вот как Софья Андреевна в письме Н.Н. Страхову описывает смерть поэта: «Она (*жена Фета*. — Р.А.) уехала. Он стал метаться, что воздуха мало, пошел в кабинет, сел на стул, опустил голову и скончался». Афанасий Афанасьевич умер в приступе бронхиальной астмы.

Яков ШАФРАН

(г. Тула)

«НЕ ТОЛЬКО ДЛЯ СЧАСТЬЯ ЖИВЕТ ЧЕЛОВЕК...»

(О романах *Ирины Кедровой «Войной украденная юность»** и
*«Девять жизней»***)

1.

Во время величайшего как отдельного человека, так и всеобщего народного воодушевления, на краткий, но вмещающий в себя, может быть, все, миг душу озаряет некий неземной свет, поднимающий ее, не отрывая — что важно! — от земли, над всем происходящим, наполняет верой в реальное Божественное присутствие и собственное бессмертие, в невозможность, немыслимость какого-либо повреждения Общего и побуждает действовать, не взирая порой на смертельную опасность, вплоть до самопожертвования, до отдавания собственной жизни, вливая ее в океан будущей великой Общности — Человечества, где будут высокочтимы собственный народ, страна, малая родина и род, к которым своими корнями принадлежит душа человека, по сути, гражданка Вселенной. Ведь другого пути у нее нет, — как принадлежать, жертвовать, любить и созидать.

Передо мной две книги известной писательницы Ирины Кедровой: «Войной украденная юность» и «Девять жизней». Вначале хотелось написать о каждой из них отдельно, но когда прочел, по-

* Ирина Кедрова. Войной украденная юность. М.: Издательство «Авторская книга», 2013. — с. 272.

** Ирина Кедрова. Девять жизней. М.: Издательство «Авторская книга», 2012. — с. 208.

нял, — несмотря на разные и по эпохе, и по затрагиваемым темам планы повествования, — их объединяет глубочайшая связь времен, поколений и судеб.

Известно, что в *иные* минуты перед человеком проходит вся его жизнь. Как кинолента: у кого-то от начала жизни к концу, у других — наоборот, но всегда с большим эмоциональным накалом, словно душа, осознавая происходящее, сама выносит вердикт: сожалея или радуясь содеянному ранее. Так и перед читателем этих двух романов будто бы разворачивается жизнь одного человека.

Автором найден удачный ход. Описывая в книге «Девять жизней» судьбы своих героев в различные времена русской истории, она предлагает читателю осознать это как жизнь одной души, когда ничего не возникает на пустом месте, когда из поколения в поколение передаются традиции веры, любви, воспитания, служения и подвига. Как это происходит? Сие не является предметом данной статьи. Важно то, что через ошибки и преодоление их, через трудности и обстоятельства идет возрастание душ человеческих, воспитание их и самовоспитание.

В жизни все настолько взаимосвязано, что мы до конца никогда этого, может быть, и не поймем, не осознаем. Судьба каждого зависит и от того, как прожили свои жизни многие люди, совершенно ему неизвестные, и которым он неведом. Это словно в природе — в геофизических, климатических и иных процессах, происходящих на планете.

Роман «Войной украденная юность», рассказывающий о Нине Красновой, простой девушке, еще только начинающей жить, но волею судьбы брошенной, как и миллионы людей, на съедение войне, осознается как логичное продолжение «Девяти жизней». Это несомненно.

Однако хочется сказать и о другом. При всей глубинной прорисованности образа Нины и всей привлекательности образов княжеской дочери Предславы, жены русского воина Ирины, Федора — тихого старца Иоакима, боярынь Настасьи и Натальи, воспитанницы Смольного Лизоньки Сердецкой, актриссы Любви Светицкой, маленькой девочки Таши и директора музея Инны Сергеевны из «Девяти жизней», за ними перед читателем незримо предстает главное действующее лицо этих книг — Автор.

Ирина Кедрова не просто рисует высокохудожественные полотна истории, быта и нравов от Киевской Руси до начала XX века и периода Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг., но она и бытописатель современной жизни, ее живого биения и того, как она зависла и зависит от прошлого, от поступков *каждого* человека на протяжении всей истории человечества. Автор одновременно и наш современник, глядящий на прошедшее из настоящего, и связующее

звено между дальним и ближним прошлым, ибо все это живет в ее душе, которая вневременна, что, безусловно, признак высокого таланта и духовности.

2.

Все же рассказывать о двух книгах одновременно невозможно, поэтому начнем с романа «Войной украденная юность», держа рядом раскрытой и вторую книгу.

На первых страницах автор дает характеристику своей героине — отроку Нине Красновой: «Оторва последняя». Однако важно не это, а то, какой пример девочка держит перед своим взором, к чему она стремится. А Нина пишет В. Чкалову: «Я так хочу быть, как Вы!..» Она мечтает «пойти... за горы и моря. Все увидеть и узнать».

Но... началась война, оборвавшая все девичьи мечты и продиктовавшая *свой* ход ее жизни. Как же часто на протяжении всей русской истории война своей жестокой железной хваткой вмешивалась в судьбы людей. Так и юная Предслава потеряла своего Любомира, отправившегося защищать землю от печенегов; и многодетная мать Ирина осталась одна после гибели воеводы Петра в битве с татарами...

Первое же, с чем столкнулось еще неокрепшее сознание Нины, было неоднократное упоминание Бога в разговорах родителей. Ирина Кедрова не объясняет нам, почему такое — в годину опасности — происходило, но разве могло быть иначе, если из поколения в поколение, почти что тысячу лет предки Нины веровали, строили храмы, молились в них, обращались к Богу с мольбой о помощи. И о том говорят страницы «Девяти жизней». Вчитаемся в строки:

«Храм словно храбрый воин, готовый сразиться за землю русскую»... «Тишина храма настраивает на всемирное спокойствие и личное раздумье... Благодатная тишина творит успокоение в людских сердцах...» И иконы предостоят людям как окна в Божий мир и прошлое, которое проходило перед их ликами. Вот и Богоматерь словно говорит людям с иконы: «Люди, ...отдаю вам самое дорогое, что есть у меня. Не будьте жестоки...» Но знает Она, люди расправятся с ее сыном. И мы знаем — этот же лик Богоматери взирал и на тех, кто рушил храмы уже в нашей истории.

А сколько молитвенников было в веках! «День за днем, год за годом молил он (старец Иоаким — *прим. авт.*) Господа о спасении русской земли». «Отпусти меня, Ярослав, в Предславинский монастырь... молиться за вас за всех».

Автор между строк как бы говорит нам: а как без веры, без Бога? Если на пути зла не встает добро, если зло в душе не вытесняется добром и не побеждает прощение и любовь, то ответное зло и грех рождают еще большие, и так — до катастрофы, до крушения всей жизни и гибели души.

Но когда Отечество в опасности, когда речь идет о существовании самого народа, одним прощением и любовью не победишь врага. И обращается к воинам прп. Сергей Радонежский: «Братья мои! Защитите землю от врагов! Ждет вас кровопролитие ужасное, но и победа великая, погибнут многие герои за правую веру, но спасется Русь Великая! С вами идут на бой Пересвет и Ослабя, наши иноки...»

Вот и в мирную жизнь страны 22 июня 1941 года пришла страшная война. И что сработало: генетическая память, воспитание, традиции? Но из глубин души вырвалось у атеистов обращение к Богу!..

Москва в те дни вмиг преобразилась: «вечером на улице — никого, даже кошки исчезли», везде проверяют документы, эвакуация заводов, по вечерам на улицах темно, витрины магазинов заложены мешками, маскировка и светомаскировка, ежедневные ночные бомбежки. «Нечисть вылезла наружу... норовили вывезти из города продукты и денежную выручку, мародеры проникали в квартиры».

Таким стал еще недавно красивый жизнелюбивый город.

Но «немногие оказались способными на безнравственные действия».

Тема войны для России — одна из важнейших тем, и Ирина Кедрова, тысячами нитей связанная с родной землей, описывает те дни не как отдельно взятое явление, а во всей взаимосвязи времен и делает это мастерски.

«Фронт — огромная зияющая пасть, пожирающего людские жизни чудовища, которое поглощало и поглощало, и никак не могло насытиться... Жены и матери тихо плакали, пряча слезы, непослушно вытекавшие из глаз...»

Вот и в «Девяти жизнях» читаем о разорении земли, о сожженных городах и храмах, о массовой гибели людей, о том, как оставшимся в живых «предстояла ... страшная работа: передать земле тела защитников и погибших горожан...»

Все войны на Руси почему-то начинались с поражений. Но народ знал и верил, что будет грядущая победоносная битва (и тогда, после Калки, она произошла на Куликовом поле). «...Что плакать? Надо силы собирать. Нужна народная воля, которая состоит из воли каждого жителя страны. Только так можно остановить пожирающее чудовище...»

«Братья! — крикнул, собрав последние силы, плененный Владимир (князь — *прим. авт.*). — Лучше умереть перед Золотыми воротами за нашу Богородицу, за дело наше правое, нежели быть в их воле нечестивой!»

И осенью 41-го — речь Сталина и слова: «Братья и сестры!..», «Москву не отдадим!»

Многих людей в годы войны воодушевили подвиги Зои Космодемьянской, летчика Гастело и других героев. И когда стало очень тяжело, человек, никогда не державший в руках винтовки, плохо

видел и слышал, ... возраст звал к отдыху от трудов, ... шел туда, где такие же люди желали Родину защищать».

И. Кедрова в своих книгах четко подметила тенденцию — от слабости и разъединенности, через работу по объединению сил и консолидацию русского духа: «Вставай страна огромная, вставай на смертный бой!..», к победе, будь то победа на Куликовом поле, над поляками в 1612-м году, над Наполеоном или под Сталинградом и впоследствии битвы вплоть до падения Берлина.

Но в то время, преодолевая повседневные тяготы и работая на Победу, никто об этом не размышлял. А работа по связи времен — залог успеха — шла, что позже проявилось и в строке гимна: «...Сплотила навеки великая Русь!».

Не могла быть в стороне и Нина Краснова, написавшая когда-то давно (а ведь совсем еще недавно!) В. Чкалову: «Хочу быть, как Вы!». Мать, трудившаяся в военном госпитале, одна не справлялась, и девочка, которой не было шестнадцати лет, пошла работать санитаркой. Затем решила идти в армию, и была направлена в один из районных батальонов ПВО Москвы, в санитарную роту. Практически еще ребенок с детскими представлениями о взводе, как многогосемейном доме, роте, как улице, батальоне, как городском районе, и полке, как городе, она с подругами «по двенадцать часов сидели в холоде и темноте на крышах московских зданий, ... бегали по этажам, проверяя светомаскировку...», щипцами подхватывали «зажигалку», упавшую на крышу, и сбрасывали вниз, где ее тушили другие бойцы роты. Однажды сильный удар взрывной волны чуть не сбросил ее с большой высоты, и она погибла бы, не оказавшись рядом бойца-пожарного.

На долю девушек приходилось лесозаготовки — валили деревья, пилили, таскали бревна, на торфозаготовках работали, находясь по колено в холодной воде, с вокзала в госпиталь на носилках таскали раненных. Притом — тяжелые и жесткие шинели, большие и не удобные ботинки или сапоги, полуголодное питание, порой отсутствие самых необходимых бытовых условий. Но «все это — ерунда по сравнению с «критическими» днями женщины».

Однако, что характерно, «обо всем вышесказанном Нина и ее подруги не думали, они жили в данных им условиях и действовали, отзываясь на страстное желание защитить Родину, близких, себя, дожить до Победы и вступить в мирную жизнь...»

Да и могло ли быть иначе у Нины, если на протяжении тысячелетней истории из рода в род, из семьи в семью передавались традиции суровой жизни, жизни-борьбы за существование от отдельного человека до самой страны, самого народа. И это хорошо показано в образах Предславы, Ирины, Федора, Настасьи и других геро-

ев. Ирина Кедрова в книге «Девять жизней» так определяет свою позицию: «Жизнь добавляет и добавляет страданий: то войны, ... то подводная лодка... уходит на дно, ... то рушатся от злокозненных взрывов здания, то падают... самолеты. И хотя, на первый взгляд, тебя эти беды не касаются, это успокоение мнимое...», так как «все в жизни взаимосвязано, и ничего не проходит, нас не касаясь». «Боль и страдание за «други своя», которые не только люди, но и все, что нас окружает — путь к спасению души».

Это неравнодушие побуждает героев И. Кедровой и ее самую ощущать себя соавтором всего, происходящего вокруг. И что очень важно — оно передается через времена и эпохи, из семьи в семью, может быть, периодически ослабевая, но в итоге, в будущем, только усиливаясь.

Писательница, хоть и прозаик, проявляется как поэт, ярко и образно живописующий, как художник, точными и выразительными мазками рисующий. Вот, например, картина Москвы, когда опасность захвата ее ушла:

«Город, несмотря на тяготы военного времени, жил, сохраняя привычки прежних лет: люди ходили в кино, стояли в очередях за театральными билетами, покупали книги... Как тот маленький росток, что вылез в непопущенном месте, на стене дома, или пробился сквозь асфальт, и жить ему неудобно, однако жить надо, и росток тянется к солнцу. Так и люди...»

Однако люди были, есть и будут разные. Вот и Нина пережила предательство сослуживицы и донос по поводу записи в дневнике о плене своего брата Павла. «...У нас считают предателем того, кто побывал в плену. Говорят: испугался и сдался... Неправильно это!..» Ведь ее брат бежал и сражался в партизанском отряде. «Сколько людей оказалось в плену? Разве за это отказать людям в доверии?»

Предательство, в числе прочих отрицательных проявлений, также имеет свои глубокие корни в прошлом и традиционные связи. Не будем углубляться вплоть до Каина и Иуды Искаротиота, скажем лишь о Святополке.

Он — «племянник, сыном нареченный (князя Владимира — прим. авт.) — женился на дочери польского короля Болеслава, даже не спросив княжеского дозволения...» И когда великий князь Владимир умер, Святополк утвердился на киевском престоле. Убил брата. Чем не «духовный» отец Мазепе, Петлюре и иже с ними — былым и современным бендеровцам?

3.

Увлечшись, безусловно, серьезными темами, мы на минуточку забыли, что наша героиня, Нина, совсем еще юная девушка, «входящая в пору любви». И вот знакомство — случайного ничего не

бывает,— «и в дневнике появилась новая запись: «...Я теперь не одна! Он — замечательный! Сильный и ловкий! И умный! Я счастлива!». Простим первой любви выплеск столь сильных эмоций, тем более, что видется им довелось недолго — Виктор отправился на фронт. И Нина, вовсе не зная о традиционной верности жен русских князей и воинов, а просто от нормального народного склада души своей, решила во что бы то ни стало ждать, оставаясь верной своему возлюбленному. (Здесь можно порассуждать, возникает ли склад души из традиций, или наоборот, но это, опять же, тема отдельного исследования). Однако нужно отметить, что быть преданной своему любимому в тех, военных, условиях было отнюдь не просто, ибо «девушки-бойцы оказывались в зависимости от военных начальников, которые не стеснялись...» Нина выдержала и это.

Но судьба отказалась быть милосердной к ней, «подарив» еще одно испытание — гибель Виктора. «Она почти не реагировала ни на тяжелый бытовой труд, автоматически выполняя поставленные задачи, ни на жестокие условия жизни, ни на радостные события, приближавшие окончание войны».

«Почти девять месяцев Нина вынашивала в себе, словно ребенка, потребность в жизни. (Как здорово сказано! — *прим. авт.*). Все эти месяцы ей помогали подруги, а также знакомые и незнакомые люди».

И вновь проведем параллель — «Отказалась Предслава от замужества. Любила она Любомира и другого в мужья не желала...»

Какой пример традиционной верности мужу, возлюбленному, даже после его смерти, пример многим современным «попрыгуньям», да и «попрыгунам» тоже.

И раз мы уже коснулись смерти,— а как ее не коснуться, говоря о войне? — вспомним, что Нина столкнулась с ней еще в самом начале войны, когда во время бомбежки в чистом поле, на ее глазах, погибла подруга. Потом, во время налета, в Москве погибла мать. Умер отец. «Сорок восемь ему было, а маме — сорок шесть. Оба еще могли жить, детей поднимать, добро творить, да война оборвала их жизни... Сколько еще людей унесла жестокосердная!»

Потому, чтобы быстрее закончилась война и меньше погибло, отправляли люди из тыла на фронт со своего скудного пайка посылки. Девушки-бойцы, кроме того, слали «неизвестным солдатам... мысленные пожелания уцелеть и вернуться домой невредимыми. Кто знает, вдруг эти мысли защитили солдат?» Что это, как не пример любви высшей, всеобщей, агапэ (?)?

К этой же области относится и любовь к Родине и народу. Ирина Кедрова в романе «Войной украденная юность» рассуждает: «Что такое Родина? Это твой дом, улица, город, край, страна. Это твоя земля, где жили твои родители, и деды, и прадеды... Это твоя семья — жена, сын, дочь, брат, сестра, мать, отец... Ты сегодня должен

отстоять свою землю и передать ее потомкам». И еще: «Разве можно справиться с народом, который способен бесшабашно веселиться, самозабвенно плясать, находить в самые тяжкие минуты время для смеха и развлечения? Никогда такого народа не победить!..»

В напряженном труде и лишениях прошли военные годы. Да и впервой ли это было на русской земле — страдать и отдавать все силы и здоровье, вплоть до самой жизни, за самое существование всего того, что составляет смысл человеческого бытия? Потому всегда современно звучат слова матушки Предславы, сказанные дочери во сне: «Не только для счастья живет человек, доченька. Терпи на земле. Здесь счастье обретешь, когда его достойна станешь»...

Закончилась война. И о том положении, в котором оказались девушки-бойцы санитарной роты, лучше И. Кедровой не напишешь. «Полное освобождение от государственных работ... получили лишь спустя три года. Не имея ни жилья, ни бытовых предметов, не получив образования, не овладев профессией, многие из них, отдав еще три года подневольному общественному труду, в 25 — 27 лет начинали жизнь сначала. Они в большинстве своем ощущали себя старыми и никому не нужными. За ними шли молодые — образованные, красивые, свободные, не знавшие тягот обязательных работ и воинской службы. Наступило их время, и им не хотелось упускать свой жизненный шанс».

Вот и приходилось нашим героиням, имея небольшой заработок, в свободное время трудиться уборщицами в подъездах и квартирах и растить детей.

«Нина и ее подруги справлялись с тяготами жизни, старели, обзаводились болезнями, провожали друзей в последний путь, однако навсегда сохранили боевой дух защитниц Родины. И хотя война украла у них молодые годы, они душой навсегда остались молодыми».

4.

Книга «Девять жизней» начинается авторскими словами: «Я люблю рассматривать фотографии и картины, развешанные на стенах, перекладывать настольные предметы, глядеться в потемневшее зеркало, дышать воздухом старины. Мне кажется, что души живших здесь людей возвращаются и поддерживают нас...»

Память о былых временах, сконцентрированная в музеях, книгах и лентах кинохроники, велика. Память отдельного человека,— семейная, родовая, — хранит порой много невысказанного, ненаписанного, неовещественного и, казалось бы, пропадает, уходит вместе с завершившим свой путь человеком.

Но наука и жизнь все более и более подтверждает наличие того, что в психологии называется коллективным бессознательным, где концентрируется опыт жизни многих поколений людей, всего наро-

да, всех составляющих его национальностей и народностей, живущих на этой земле.

Каждый человек имеет свою судьбу, идет путем своей души и своего страдания. Но испытывает колоссальное воздействие на свою жизнь коллективного бессознательного, его архетипов, его смыслов. И это очень хорошо, по-своему, художественно емко и выразительно показывает Ирина Кедрова в своих книгах. Она говорит читателю о том, что жизнь, поощряя и наказывая, учит.

«Люди обязательно совершают ошибки и исправляют их. Иначе жизни не получится. Важно, какие совершают ошибки и как исправляют».

«Человек создает себя сам! Достиг вершины — идет к новой. Не достиг — топчется на месте. Захочет — найдет дальнейший путь. Если же не захочет — никто его не научит!»

Как верно сказано!

Герои книг И. Кедровой «Войной украденная юность» и «Девять жизней» и, безусловно, их главный герой — Автор — это пример того, как нужно относиться к жизни и жить, прежде всего, не внешними достижениями и событиями, а внутренним бытием души: «живи тайком, а ежели не умеешь, хоть помирай тайком», давать людям то, что сам не имел, не испытывал от других, вести себя и людей по пути совершенства, делая мир вокруг себя хоть немного лучше.

ЧУДО ИСЦЕЛЕНИЯ

*О повести Натальи Квасниковой «Горизонт за карнизом»**

*Есть что-то в ней, что красоты прекрасней,
Что говорит не с чувствами — с душой;
Есть что-то в ней над сердцем самовластной
Земной любви и прелести земной.*

Евгений Баратынский, «Она»**

Течет река воспоминаний, плавно огибая или, наоборот, вспениваясь у встречающихся на пути островков. Таковыми могут быть разговоры о былом и фотографии с изображением дорогих тебе или знакомых людей. Воды этой реки — здесь, перед тобой, но еще час

* Наталья Квасникова. «Горизонт за карнизом»: повесть. «Приокские зори», №4, 2012 г., с. 86

** Баратынский Е. «Мой Элизий»: [стихотворения и поэмы] / Евгений Баратынский. — М.: Директ-Медиа: М.: ИД Комсомольская правда. 2012 — 238 с.: ил. — (серия «Великие поэты») — с. 95.

тому назад были далеко от тебя, а те, которые сейчас далеко, через некоторое время будут рядом, и все это — одна непрерывная река, река времени, и нет у нее ни прошлого, ни будущего, а все есть только настоящее. Это и есть главное свойство памяти — все, как бы давно ни происходило, воспринимается как происходящее в эту минуту. Потому-то самые сильные, оставляющие неизгладимые следы в подсознании и формирующие стереотипы поведения впечатления ранних лет жизни всегда рядом. И от того, позитивны ли они или негативны, зависят проявления самого человека, порой по обратной связи влияя и на тех, кто стал в той или иной степени причиной этих впечатлений, этих стереотипов.

Повесть известной писательницы Натальи Квасниковой предваряется вступлением «От автора», которое заканчивается двумя, замечательными по своей глубине и силе воздействия, мыслями. Первая — все люди хорошие, только они об этом не знают, отсюда и грешат; и вторая — аналогия нашей страны с личностью, которая на протяжении всего своего детства, юности и молодости встречала много бед, горестей, страданий и обмана, и потому привыкла с недоверием относиться к хорошим опытам и удачам, постоянно уходя в страдание, в трудности, чтобы их преодолевать. (Отсюда «А родом-то мы, ... из многострадального города Ржева») (Здесь и далее Н.К. Cit. Or).

Но ведь зло, недобрые деяния и уныние со страданием — это все болезни, духовные немочи, которые, как и всякая болезнь, должны лечиться. И лечатся! Чем же? — Вот об этом и рассказывает автор в своей повести. Обратимся к повествованию.

Старая больная женщина целыми днями обездвиженная лежит на кровати. Два года назад произошел трагический случай — перелом шейки бедра, что для пожилого человека как приговор: в этом возрасте употребление мяса приводит к вымыванию кальция из костей, к остеопорозу — хрупкости костей и их очень плохому срастанию при травме...

Лежит Нина Яновна, и никуда не деться от воспоминаний — вот они, как будто только сейчас произошли те события, так остро душу будоражат. Да и осознание себя во всей красе не отпускает. И не мудрено — целыми днями одна, и все то же самое вокруг!

А ведь привыкла она, как и подавляющее большинство людей старой закалки, чтобы голова была полна заботами да делами, при-

выкла быть сильной. Но у этой силы и активности есть и обратная сторона — не любят такие люди, когда о них заботятся и ухаживают, не принимают участие других. И обездвиженность эта в доверок рождает ворчливость, усиливает эгоизм и раздражительность, вырастающую порой до нетерпимости.

И есть еще одно качество, корнями уходящее в ту самую силищу преодолевать трудности и страдания и в укорененное неверие в успех, удачу, по крайней мере, длительную. Отсюда стремление управлять всем и вся, отсюда и «Руби по себе!» Вот и Нина Яновна думает: «Ну, дак не замахивались бы на художника, выбрали бы что попроще и хватило бы! Кто мы такие, чтобы на художника идти? ... Шапка, говорю, по Сеньке должна быть».

Сюжет повести интересен. Истории наших семей различны благодаря личностям, их составляющим и обилию обстоятельств, но по некоторым моментам повторяют одна другую. Как говорил классик: «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему». История семьи, о которой идет речь, взята из самой жизни. Прадеды, живущие в традициях и строгости. Трудная во множественных личных и общественных коллизиях жизнь многодетных дедушки и бабушки. И, как правило, одно- или самое большее двухдетная мать, к тому же в трети случаях в одиночку воспитывающая их.

Сюжет еще и необычен. Повествование проецируется на экран памяти героини с помощью талантливо использованного Н. Квасниковой приема, такой своеобразной линзы.

Такой «линзой» в повести является теперешнее состояние Нины Яновны — состояние обреченной на окончательную неподвижность и вынужденную полную бездеятельность пожилой женщины. Как всякая линза концентрирует солнечные лучи в определенном фокусе, так и это состояние Нины Яновны всю историю их рода, всю ее прошлую жизнь, жизни и отношение к ней близких людей, нынешние и сиюминутные обстоятельства, чувства, мысли и эмоции концентрирует в настоящем моменте во всей их последовательности и взаимосвязи. И не просто концентрирует, а заставляет все переживать: старое заново, нынешнее — более остро, но в любом случае уже в проекции на теперешнее положение вещей.

Да, сильный человек, личность, наделенная явными бойцовскими качествами вдруг, оказывается бессильной что-либо изменить и в своем состоянии и в жизни окружающих ее людей. И эта энергия,

* Л.Н. Толстой. «Анна Каренина»: роман, часть I, гл. I. (Собрание сочинений в двенадцати томах: М., Издательство «Правда», 1984 г., т. 7).

не имея выхода в сферу деятельности, переходит в сферу эмоций. Отсюда: «А твоя-то сегодня о тебе позабыла!..», «Сварит кастрюлю супу на неделю — и кормит им, не переставая!..»

Однако чем дальше идет повествование, тем все более проступают те качества и черты характера основных героинь, ради которых собственно и нужно жить, страдать и преодолевать. Но об этом несколько позже.

Для Господа важно состояние души человека, и даже если он грешный искренне раскается в последние минуты своей жизни, то может обрести спасение. Пример очень ярко показан нам в Евангелии*.

О состоянии наших душ можно говорить много. Вся беда в том, что речь об этом ведется либо келейно, либо на практически не посещаемых телеканалах и сайтах, либо в духовных книгах. А вот все популярные СМИ наполнены только новостями о состоянии наших дел. Но ведь дела определяются состоянием душ! Истина простая, но, как правило, забывается, либо целенаправленно игнорируется. Об этом, в частности, ведется речь в статье «Потребить и наследить»**, опубликованной отнюдь не в центральной и даже не в местной официальной печати.

Кому как не литературе, на примере произведений великих русских писателей XIX и XX веков, поднимать вопрос о необходимости превалирования позитивных духовных и душевных качеств человека и показывать пути к их созиданию. К сожалению, современная литература, где преобладает в основном детективное, «дамско-романное», порнографическое и политическое чтиво наряду с «лишь-бы-не-касаться-современных-дел» нырянием в близкое, далекое и даже очень далекое историческое прошлое, не касается этих вопросов за очень редкими исключениями.

Тем более приятно встретить произведение, которое, как и положено произведению глубокого и талантливого автора — писателя и психолога (а настоящий писатель не может не быть психологом), — не прямо, а исподволь подводит читателя к мысли о необходимости изменения себя и показывает, как это можно делать, несмотря на весь эмоционально-чувственный груз прошлого и на теперешние, порой тяжелейшие обстоятельства жизни. Таковым произведением по праву является повесть Натальи Квасниковой «Горизонт за карнизом».

* Новый Завет. Евангелие от Луки — 23:39-43

** Яков Шафран. «Потребить и наследить». Статья. <http://www.proza.ru/2009/11/23/1597>

Сложное дело судить о душе другого человека, к тому же помним: «Не судите и не судимы будете*». Но одно дело осуждать, а другое — рассуждать. В приведенной цитате имеется в виду «осуждать», а мы рассуждаем.

Как понять слова матери, обращенные к дочери: «...Позвонила мне давняя подруга из Абакана, поведала новости. Соседка моя бывшая, мне ровесница, померла недавно, а на другой день ее дочь, Сашка, одноклассница, следом от инфаркта на тот свет ушла. Так они и лежали рядом, две старухи... Я своей сообщила, да возьми и добавь: “Вот бы и нам с тобой так же!”»

Этот отрывок говорит о многом.

Да, была трудная жизнь, тяжелая работа, воспитание детей, обстоятельство. Но о состоянии души никто не освобождал думать, несмотря на господствующий атеизм и собственное мышление неверующего человека, из чего и проистекает: «То верю, Бога прошу меня опять на ноги поставить, а то сомневаться начинаю, бранюсь, что нет, мол, Его,— иначе, за что Он меня мучает?».

Много тяжелого было в жизни у Нины Яновны. Но с какой теплотой она вспоминает былое. И в этом мы тоже видим позицию автора — во всем найти хорошее, доброе, светлое.

Мы читаем с любовью и художественно написанные строки о родных, о местах, где приходилось жить семье героини, о быте тех лет. Описания перемежаются и острыми эпизодами, как то: встреча с огромным и свирепым быком, похищение хлеба голодными детьми из столовой детдома, ночной пожар в избушке, болезнь и смерть дочери и близких, встреча с волками, несчастный случай на железной дороге, бандитское нападение, наводнение. Всяко было... Но все преодолевалось.

А самое горькое событие в жизни Нины Яновны — арест по подлему навету ни в чем не повинного отца. «...Стр-раш-ную сказку сочинил!» — кричала маленькая Клава. И такая страшная сказка была в судьбе героини, как и в судьбах многих наших соотечественников, в годы служивого рвачества, мстительных доносов, ощерившегося «левачества» и порой просто недосмотра и недомыслия. Но добро торжествовало и во время лихолетья, в лице и майора НКВД, спасшего молодую девушку Нину от верной дороги в ГУЛАГ; и прокурора, давшего ей добрый совет, как получить

* Новый Завет. От Матфея святое благовествование, 7: 1

необходимый документ; и комсомольского секретаря, поверившего ей на слово. А ведь они могли ничего этого не делать!

Да, в прошлой нашей истории и голод бывал, и страх пробирал в некоторые периоды, и дефицит суету создавал лишнюю... «Но, правду сказать, люди в целом лучше были, не те, что нынче, потому и в войне победили, из пепла в считанные годы отстроились, в космос первыми полетели... По мне — так лучше тот застой, чем нынешние убийства в подъездах да взрывы в метро...» Неоценим опыт прошедшего, непростая жизнь человека тех лет для молодых. Только бы слушали, а еще важнее — слышали. Вслушайтесь читатели в эти мудрые слова, идущие из глубин сознания: «При любом строе человеку невозможно существовать без тяжелых проблем. Вспоминаю из истории инквизицию, рабство и крепостничество, гладиаторские бои, казни, войны и прочую гадость... Не знаю по каким критериям оценивать разновидности общества. Приходит в голову один критерий — способность воспитать народ на высокосознательном уровне. Вот и выбирайте! Издержки, по-видимому, все равно останутся, так или иначе, и при самой раскрепощенной организации попадать в их число больно и трудно, но кому-то приходится...». Согласитесь, трудно не подписаться под каждым из этих мудрых слов.

Но вернемся к тому, чем же все-таки лечатся, по мнению Натальи Квасниковой, наши духовные немощи, к тому, с чего мы начали наш разговор. Думается, это — главное в повести.

Так уж повелось в жизни человеческой, что в начале ее мы с удовольствием читаем книгу жизни внешней, в том числе книги чужих жизней, а к концу — «только книга собственной жизни и интересна», — как думает Нина Яновна. — «И шрифт крупный, и каждая строка вполне ясна». «Иногда задумаюсь так... будто заново далекие годы перестрадала». Однако не только это важно. Жизнь неотрывна от корневой системы народа, к которому относит себя человек. (Недавно в одной телепередаче, в сюжете, записанном на Кипре, выступала русская женщина. Она сказала, что живет здесь уже шестнадцать лет и Кипр — ее родина...) От плода может появиться только соответствующий плод, это известно. Поэтому русскому человеку, будь он таковым по крови и духу, либо только по духу (дух, видится, главнее — см. выше. *Прим. авт.*), не свойственна роскошь, жажда наживы, потребительство, и смыслы для него главнее денег. В повести маленькими драгоценными камушками эти смыслы проблескивают во многих местах. Вот, например: «А я не

могу пять персиков враз употребить, не каша, мне душа не позволяет!» (И это при теперешнем, относительном, конечно, но достатке). Или вот: «Ждали меня с нетерпением — тесто уже подошло, пора земляничную начинку класть. Вот и я, с пустыми руками, никчемными медяками. Никто не сказал мне сердитого слова, долго смотрели на меня и молчали, горько, разочарованно. Плакала я о несостоявшемся пироге сладком, о походе лесном, о животе пустом...» — вспоминает героиня из своего детства.

Интересно, что когда «свалилась снопом» Нина Яновна, то посаженная ею на даче калина болела целый год. Как все взаимосвязано в этом подлунном мире! Но не бóльшая ли связь существует между людьми?

На Александру и ее жизнь также очень сильно повлияло случившееся с матерью. На первый взгляд кажется, что в повести Саша находится как бы на втором плане. Но это далеко не так. И сейчас поговорим об этом.

А вначале скажем о предсмертной мысли главной героини повести. «Почему во все времена у человека столько горя? Проблема нашего недавнего прошлого, по-моему, в том, что стремились к счастью общности, упорно и жестоко забывая о каждом в отдельности. Однако человека воспитать сумели и в войне победили, и после страну восстановили ... Будьте же объективны — и благодарны! Есть за что!» И далее: «...Нельзя мешать человеку — жить, любить, стремиться к своему предназначению ... Кажется, и я в этом провинилась?.. Жаль мою старшую... всех, всех жаль!..».

Итак, мы видим, как человек пришел к любви к ближнему. Это уже немало, тем более для атеистического по сути сознания, и, памятуя о важности именно предсмертных слов и мыслей, когда человек не жет ни себе, ни другим, истинно.

В последние дни жизни Нины Яновны самым ближним человеком и практически единственной связью с миром оказывается ее дочь Александра. И если для матери, неверующей в Бога, несмотря на чудо исцеления маленькой Саши после молитв в церкви, все заканчивается в ее сознании с окончанием земной жизни, что подчеркивается последними строчками повести: «Глазами раскрашенной фотографии смотрю им вслед с памятника...», то для Александры — нет, судя по ее жертвенности и терпению, судя по ее реакции на порой грубые, резкие и нетерпеливые слова матери. И, может быть, именно те молитвы так повлияли на ребенка, что она не только исцелилась, но и душа приобщилась к божественному свету. О чем может свидетельствовать поступок, когда она девочкой-подростком

из жалости стала отвечать на письма своей одинокой, страдающей и тоскующей по дочери тети, сестры матери, которой та отказалась писать.

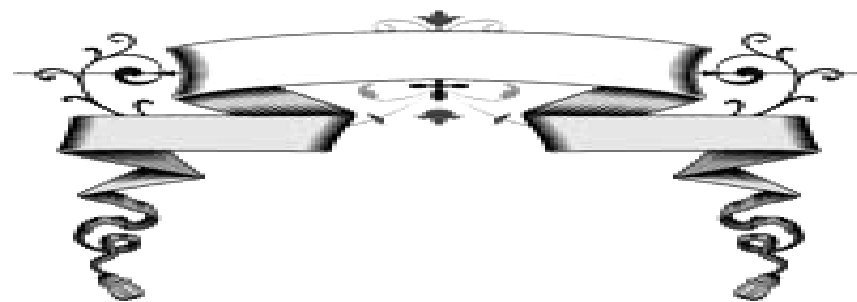
Александра ходит в церковь, молится и не скрывает это от матери, а, напротив, рассказывает, пытается как-то мягко приобщить. Автор прямо не описывает жизнь Саши, но через воспоминания Нины Яновны. Она постепенно, по крупицам рисуется автором — незатейливая и скромная, несчастливая, но чистая. Александра терпелива и смиренна в ответ на раздражение, а иногда и на обидные слова старой и очень больной матери. «Переварив» все внутри, она отвечает только добротой и заботой, как и полагается христианской душе.

И мы видим, как Александра к концу повествования, несмотря на свою второплановость по сюжету, постепенно выходит на первый план по смыслу и становится — тихая, скромная, незаметная, — главной героиней произведения, близкой по духу автору.

Образ Саши в повести является, если так можно сказать, продолжением образа ее матери. Если мать только в конце жизни создает, приходя от общего к частному, что нужно любить каждого конкретного человека и, не подчиняя его своей воле, позволять быть самим собой, то дочь всей своей жизнью, вначале неосознанно, потом все более осознанно осуществляет христианское служение, тем самым идя уже от частного к новому общему, основанному на совершенно иных принципах межчеловеческого взаимодействия — на принципах добра и любви.

Через ее образ Наталья Квасникова показывает единственно верный путь преодоления духовной немощи, декларируя и свои главные жизненные принципы — ясность и простоту жизни, доброту и сострадание, — все то, чего нам так не хватает сегодня!

ПРОИЗВЕДЕНИЯ
О ДЕТЯХ
И ДЛЯ ДЕТЕЙ

ВЛАДИМИР ГУДКОВ
СЕРГЕЙ РЕЗВЯКОВ

РУДОЛЬФ АРТАМОНОВ
НИНА ПОПОВА

ОЛЬГА ОСЕНСКАЯ

Владимир ГУДКОВ

(г. Тула)

ДВА БАРАНА

Два барана разбежались и ударились лбами. Сильный треск разнесся по округе! Они разбежались и ударились еще раз. В головах у обоих загудело. Один баран, не желая испытывать судьбу, повернулся и ушел. Идет и думает:

— Пусть этот баран побудет главным до следующей весны — он упрямее, а я — умнее. Еще один удар и мы бы сильно пострадали оба! Я лучше уступлю...

Ставший главным баран прилег на траву — его пошатывало от головокружения.

— Да, повезло мне.... Я бы не вынес третьего удара и не стал бы главным,— размышлял он.— Но я оказался упрямее! Я — настоящий баран!

Так более слабый мозгами, но более упрямый баран стал главным!

КАПУСТА

Капуста любовалась собой. Разглядывая росших рядом с ней соседей, она в очередной раз убеждалась, что она — самая видная и привлекательная!

— Я пышная, сочная! А сколько на мне блузок?! Морковь, красная девица, хороша собой, а сидит в земле — только и видны ее пышные кудри... Подсолнух — худющий, головастый, лицо в веснушках — все загорает... А на огородное пугало противно смотреть: шляпа давно не чищена, костюм обтрепался, плащ полинял... Навешал на себя побрякушек и думает, что это красиво!

Вдруг, в Подсолнух вцепилась крупная птица! Она вонзила в него мощный клюв и вырвала сладкое семечко.

— Ой, больно! — закричал подсолнух.

Пугало встрепенулось, замахало руками, загремело консервными банками и спугнуло прожорливую птицу.

Подсолнух, вздохнув с облегчением, поблагодарил своего спасителя.

— Это что! — разговорилось Пугало. — Вы-то первое лето де, а я уж не помню, сколько лет... Так вот. С наступлением холодов всякий раз заходит к нам заяц. Осмотрится и первым делом ищет своим косым глазом капусту — любит ее очень! Он и морковку любит, но она ж в земле, не на виду — чего с ней возиться! Слышу — отчаянный крик: "Раздевают!" На мне одежда задубела — руками-то не помашешь. Дернулся я из последних сил — загремели банки! Уши у зайца выпрямились в струнку — испугался он и помчался огромными прыжками прочь!

Капуста слушала и дрожала, будто эти холода уже наступили. Успокоившись, она, восхищаясь пугалом, сказала:

— Сколько же в вас героизма и благородства! Вы способны защитить слабых! Вы открылись для меня с неожиданной стороны! А давайте, друзья, сообща заботиться о нашей безопасности. Подсолнух — стройный, высокий, видит далеко: будет сообщать обстановку. Мы все будем звать на помощь Пугало — оно будет прогонять врага!

Только сейчас Капуста ощутила свою уязвимость: ее благополучие зависит и от высокого дальновидного Подсолнуха, и от неопрятного, но отважного Пугала.

— Все мы такие непохожие, нужны и огороду, и друг другу. Как же это правильно — жить сообща!

ПОДРУЖКИ

Лягушка выскочила из пруда на берег и поскакала на огород. Она поссорилась с подружками, и ей захотелось побыть одной. На ее пути оказалась тыква.

— Ты кто? — спросила румяная тыква.

От неожиданности лягушка открыла рот и оттуда вылетело:

— Ква!

— Ты — Ква, а я — Тыква! Вот здорово! Мы — разные, но у нас есть что-то общее. Давай дружить?!

— Давай! — обрадовалась квакушка и пригласила ее на пруд — поплавать.

— К сожалению, не могу... До осени я привязана к земле: она питает меня — я же еще расту!

— Жаль, а то бы все увидели, какая у меня подруга и престали бы обижать.

Тыква обещала осенью заступиться, а сейчас предложила запрыгнуть к себе на темечко — поболтать! Лягушка разлеглась на ты-

кве под теплым солнцем, и ей стало так хорошо!

— А мне ругаться нельзя,— сказала Тыква.— Я ж не могу деться и уйти, поэтому мы, тыквы, с уважением относимся друг к другу и тактично обходим спорные вопросы — уступаем...

Лягушка задумалась и сказала:

— Я все поняла! Теперь при общении с подружками я представлю себе, что я не Ква, а Тыква и мне никак нельзя ссориться!

Они еще долго болтали о том, о сем, и когда солнце укатилось к пруду, Ква попрощалась с Тыквой и поскакала налаживать теплые отношения со своими подружками.

СОЛНЕЧНЫЙ ЖУК

Маленький светлячок спросил маму:

— А почему мы светимся в ночи, а другие нет?

— Это наше предназначение — освещать всем дорогу и украшать ночной пейзаж, как новогоднюю елку!— ответила мама.

Их беседу невольно услышал усатый жук-дровосек:

— А чем вы питаетесь? Я тоже хочу светиться!

— Питаемся, как все... Дело не в питании, а в настроении. Мы радуемся солнышку, и оно оставляет в нас свои частички света,— объяснила мама.

— А мне радоваться некогда...— мрачно сказал жук.— Нужноковыряться в древесных завалах, отщипывать и тащить... Часами не видишь света! Питаешься на ходу!

— Мне вас жаль,— сказала мама-светлячок.— Наверное, у каждого вида свои задачи. Но поверьте, освещать темную часть суток — большое счастье! В ночи рождается праздничное торжество!

Жук пошевелил усами, и в нем затеплилась мечта — самому сотворить праздник!

Он прилетел на цветущую поляну и приземлился на пенек. Впервые за все лето он отложил дела и любовался солнышком. Оно было теплым и ласковым. Дровосек чувствовал — солнечный свет переливается в него! Усиливалось ощущение легкости и восторга! Он посмотрел на свои крылья и ахнул: на них был золотистый налет! Он пошевелил крыльями, и вокруг заиграли солнечные зайчики.

Жук взлетел и стал кружиться над поляной, расплескивая солнечные брызги.

Паучки, бабочки, пчелы, кузнечики и божьи коровки любили заораживающей феерией!

— Ура, я сотворил праздник!— радостно кричал усатый дровосек, лихо, закладывая солнечные виражи.

ХОМЯК

Хомяк вышел на прогулку, растрясись. Все в норе, да в норе — затекли мышцы... Его друзья, хомяки, побаивались отходить далеко от жилища, а он решился.

Раннее утро — можно умыться росой, почистить шубу! Хищники утром уходят вглубь леса. Он пересек глубокий овраг и оказался на пшеничном поле. От спелого зерна колосья затяжелели, клонясь к земле от легкого ветерка. Хомячок досыта наелся и, набив обе щеки пшеницей, двинулся в обратный путь.

Ходка за ходкой — засыпал все свои закрома!

— Ну, пора отвести на богатую ниву товарищей!— решил он.

Вдруг ему пришла идея. Он соорудил над лежбищем настил из жердочек и несколько дней носил зерно впрок.

— Ну, теперь-то можно сказать — пусть порадуются!— подумал он, но было поздно. В поле уже рычали комбайны. Машины работали до темна и убрали все поле.

Хомячок расстроился... Зерна хватило бы на всех. Нужно было отвести хомяков сразу! Было стыдно показываться на глаза товарищам, и он залег в норе. Идти никуда не надо, запаса под завязку!

Прошел дождь. В закромах зерно сухое, а вот над ним набухло от влаги. Жердочки над хомяком надломились, и его засыпало зерном. Он пытался выбраться, но острые жерди больно вонзились в тело. На крик прибежали хомяки и откопали бедолагу. Спасенный во всем признался:

— Братья, заберите это зерно, оно лишнее! Виноват я перед вами — не сообщил сразу о богатой ниве... Простите!

Товарищи простили его, но от общения воздержались. Лишь на следующий год, когда хомяк отыскал для всех зерно, забыли старое.

Пароход со стапелей

В сине море — плюх,
Будто бы поставили

На воду утюг.
Гладит ситец синий
С севера на юг
Ровно и красиво
Пароход — утюг!

ЗАБОЛЕЛА КУКЛА

У малышки Насти
Горюшко-несчастье:
Заболела кукла —
Жар, щека опухла...
— Чай попьем с малиной
И укроем спину,—
Лечит куклу Настя.
— Кончатся напасти —
Мы с тобою, Маша,
И споем и спляшем!

ПРОМОКАШКА

Во дворе грустят ромашки,
Рядом с клумбой — промокашка:
Димка сел — качается.
Плохо получается...
Подошел приятель Сашка —
Заскрипела промокашка!
Вниз, как в яму тянет — ух!
Вверх — захватывает дух!

Крепко спиться Ване
С Муркой на диване!
Утром киска сядет —

Будит в детский садик!
Теребит, как няня:
— Просыпайся, Ваня!

Рудольф АРТАМОНОВ

(г. Москва)

ДОМ С ПРИВИДЕНИЯМИ

— Папа, у нас в доме привидение!

В глазах сына я увидел не восхищение, не бахвальство, а неподдельный страх. Значит это не фантазия начитавшегося страшилок мальчугана, а, в самом деле, что-то такое произошло за время нашего отсутствия с женой.

— В новом доме, да еще недостроенном, они не водятся.

— Мы вчера легли с Наташкой спать, только выключили свет, как на потолке кто-то стал катать по полу шары, как раз над нашей головой. Мы так испугались. Я залез к Наташке в кровать, мы прижались друг к другу и дрожали всю ночь. А утром все исчезло. Что, по-твоему, это было? Привидение!

— Мне потом приснилось, что скелеты наверху свои кости катали по полу,— сказала дочь.

— И ты, такая большая, испугалась.

Оставив жене разбирать сумки, говорю детям: «Пошли, посмотрим, что за зверь завелся в доме.

Поднялись наверх. Дому второй год. На полу обрезки досок, брусков, инструменты — рабочий беспорядок в нежилом помещении. Ходим друг за другом, заглядываем за печную трубу, смотрим по углам. Ничего.

— Что-то не получается с привидением.

Задеваю ногой брусок, и он катится по полу.

— Вот, папа, точно такой звук,— радостно и испуганно говорит сын. Кто-то всю ночь катал эти бруски.

— Все, дети мои, за неимением привидения поиски прекращаются. Я принимаюсь за дела.

Спускаюсь вниз. Дети остаются на втором этаже.

Однако история имела продолжение.

Укладываясь на ночь, сын сказал: «Интересно, оно придет сегодня?»

— Придет, придет. Куда оно денется,— подзадориваю я.

— А вдруг не придет, тебя испугалось.

— Тогда — это не привидение. Настоящее никого не боится.

Мы разошлись по своим комнатам.

Ночью меня разбудил испуганный голос сына. Он стоял в нашей комнате в одной рубашке, белый как привидение.

— Папа, папа, вот оно. Слышишь?

Я прислушался. Через минуту раздался звук, какой был, когда днем на втором этаже задел обрезок бруска. Звук исходил сверху, со второго этажа. Хмыкнул. Звук прекратился, но через минуту он

раздался опять. Кашлянул. Опять пауза. Но после паузы :
дался снова. Что бы это могло быть? Ветра нет. Да если бы и был, как в замкнутом пространстве он мог бы сдвинуть с места кусок деревяшки?

Лезть наверх среди ночи не хотелось. Электропроводки на втором этаже еще нет, а без света что увидишь?

Я заснул под звуки, доносившиеся сверху. А сын, как оказалось потом, так и не заснул до утра. Хотя, по его признанию, боялся меньше: мама с папой находились рядом.

Когда я встал, он еще спал. Выйдя на крыльцо, увидел как занималось тихое солнечное утро. Это была даже не тишина, а покой, который пребывает в природе далеко за городом в раннее время суток. Начinalи петь птицы. Пахло свежестью. Я стоял тихо, боясь нарушить эту идиллию.

Вдруг над головой слышу шорох. Поднимаю голову и вижу его — «привидение». Из-под незашитого карниза крыши вниз смотрели две пары глаз. Там сидели два котенка — серый и рыжий. Гляжу на них, а они — на меня. Боюсь, мой вид был не менее удивленный, чем у них.

Стоило мне сделать движение, котята исчезли под крышей. Как они туда попали?

Подойдя к умывальнику за углом дома, я нашел разгадку. У края крыши, где был незашитый карниз, стояла лестница. Мало того, увидел, как по ней взвилась верх большая рыжая кошка и исчезла как раз там, где только что сидели котята.

Я поднялся на второй этаж и палкой постучал по полу. В окно увидел, как рыжая кошка с котятами нехотя покидала облюбованное жилище.

Спустившись вниз, переставил лестницу подальше от карниза, к фасаду дома.

Оставалось, как Эркюль Пуаро, собрать всех заинтересованных лиц и объяснить им разгадку истории с приведениями. За завтраком я так и сделал. И только что закончил свое разоблачительное повествование, как Гоша закричал: «Вот они!», — указывая на окно.

Мы все повернулись к окну. На лестнице была рыжая кошка с котятами. Она поднялась до середины и увидела, что лестница не ведет к карнизу. Мы глядели на нее. Она глядела на нас. Я знал, что кошки могут жмуриться, мурлыкая, иметь довольный или сердитый вид. Но чтобы так явно было написано недоумение и обида, как на мордочке рыжей мамыши, видел впервые.

Обмен взглядами длился мгновение. Кошки спрыгнули с лестницы и исчезли в кустах смородины.

В следующую ночь никто не гремел деревяшками на втором этаже.

— Жалко, — сказал сын утром, — если бы знать, что это были за приведения, лучше бы их не прогонять.

Сергей РЕЗВЯКОВ

(г. Тула)

Вот на нитке змей воздушный,
Он в руках моих послушный,
В небе над землей плывет,
И почти что — самолет.
Ну, а я — пилот умелый,
Самолетом правлю смело,
И, конечно, как героя,
Меня дома мама ждет.

ВРЕМЕНА ГОДА

Только лишь зима с порога
Снег последний уберет,
Станет рыхлою дорога,
А весна уже не ждет —
В свой черед идти готова,
Все нарядно в ней и ново,
И ее среди ветвей
Славят песней соловей.

Дни торопятся за днями
И проходят чередой;
Лето уж не за горами,
Путь начать готово свой
На лугу и в чистом поле.
Хорошо ему на воле
Средь лугов и средь полей
Хвастать щедростью своей.

Вянет пышная природа,
Клены в золоте стоят —
Осень в это время года
Примеряет свой наряд

То ли пышный, то ль печальный.
Сохранит в дороге дальней
Верность родине своей
Вереница журавлей.

Снег укрыл следы бывшего,
И блестит на реках лед.
Так устроено, что снова,
Снова к нам зима идет.
Вот она пришла с метелью,
С белой снежною постелью,
Все дороги замела —
Свой порядок навела.

ПОМОЩНИК

Чтоб варенье сварить, Нужно ягод набрать. — За малиной сходи,— Говорила мне мать,— Любишь кушать варенье?— Тогда потрудись И с малиной домой Поскорей воротись. — Я сегодня устал, Еле ноги несусь — За малиной ходил. — Где малина?— В лесу. Собирай я ее, Но собрать не сумел — Не ругайте меня, Зато вволю поел.	Если нужно вам снова Что-то собрать, Вы пошлите меня, Я согласен опять; Вон клубника поспела — Уже на лугу. Я такой работяга, Я вмиг добегу. — За клубникой, сыночек, Мы вместе пойдем, Чтоб не лопнул ты, Нитку с иголкой возьмем,— Мать смеется, вот только Не знаю над чем. Может, думает, что И клубнику я съем?
--	---

ВЕСЕННЯЯ ПРИМЕТА

Мне папа сказал, что весна наступает.
Я вышел на улицу — где же она?
Везде лежит снег, и сосулька не тает —
Нет верной приметы, что это весна.

Ему говорю я: — Ты шутишь со мною,
Нигде не видал я весенних примет,
На улице снег, и не пахнет весной.
А папа лишь только смеется в ответ:
— Ну, что ты, сынок, не шучу я нисколько,
Их нет еще в поле и нету в лесу.
Одна лишь примета: веснушки, да столько!
Но только они у тебя на носу!

МУЗЕЙНЫЙ ПОХОД

Гляжу я в окно на осеннюю слякоть.
Сегодня суббота, но хочется плакать —
Тоскливо и скучно одной без друзей.
Тут дед говорит: — Собирайся в музей.
Мне с дедом не скучно, мой дед заводной,
Он шутит всегда, он веселый такой.
Мы быстро собрались, оделись и вот —
Отправились с дедом в музейный поход.
Название музея читали вдвоем,
Затем, чтобы знать то, куда мы идем:
«Музей краеведческий» — вот так дела,
В музее таком я еще не была.
При входе скульптура: три воина в латах,
И дед рассказал: — Это было когда-то,
Они отстояли в жестоком бою
Свободу и землю родную свою.
Я долго смотрела, тоску позабыв,
Как лучник в кольчуге, стрелу наострив,
Готовится к бою. Другой поднял меч,
Готовый врага одним махом рассечь.
А третий татарской стрелой поражен,

Упал на колено и чувствует он:
 Уже не подняться, что нет больше сил,
 И голову низко к земле опустил...
 Мы после смотрели на птиц и зверей,
 А ночью во сне мне приснился музей:
 Три воина русских в кольчугах и латах
 И дедов рассказ о прошедшем когда-то.

Нина ПОПОВА

(г. Москва)

«АЛЕНКИНЫ РАССКАЗЫ»

ХОЧУ СЕСТРУ!

Рано-рано
 Утром встану
 И скажу — «Привет!» — коту.
 Бело-синий,
 Словно иней,
 Бантик в косу заплету...
 День Рожденья!
 Торт, печенье
 И пирог мне испекут,
 Две бабули,
 Два дедули
 В гости вечером придут!
 Соберется,
 Улыбнется
 Мне вся дружная семья.
 Папа спросит,
 Мама спросит,
 Что хочу сегодня я...
 Я скажу: «Такое дело —
 Мне одной быть на-до-е-ло!!!
 Я всегда одна играю
 И со мной лишь кукла Рая.
 У Буренки —
 Два теленка,
 Лижет кошка трех котят.

У несущек,
 Кур-пеструшек,
 Целый выводок цыплят!
 Я прошу себе одно:
 Ни скакалку, ни кино,
 Ни картинки, ни игру,
 Я прошу себе — СЕСТРУ!»

ПРО МУРАВЬЯ

Муравьишка-работяга
 Тянет щепочку домой.
 Попадает в передрягу —
 На пути вдруг жук лесной.
 Муравьишка — вправо... влево...
 Но и жук туда. Вот дело!
 — Что ты хочешь, жук-задира?
 Сам трудись, не отнимай!
 Не боюсь тебя, верзила,
 Ты меня не обижай.
 Ты забыл — у муравья
 Очень дружная семья,
 Прибегут сюда все братцы —
 Навсегда отучат драться!!!

ПРЯТКИ

Солнца луч скользнул в окошко, Заглянул в мои тетрадки, И, попрыгав у порожка, Стал играть со мною в прятки.	Прятался в моей панаме И в ботиночках терялся... И вернулся к солнцу-маме, Когда вдоволь наигрался.
--	--

ДОЖДИК

Кап-кап-кап... Малышка-дождик Пробежался по дорожкам, Намочил у кошки хвостик	И меня полил немножко. Прыг-прыг-прыг, скачу по лужам
---	--

Я в оранжевых сапожках.

Прибегай на каплях-ножках...

Дождик, дождик, ты всем нужен,

ВОРОБЬИШКО

Воробьишка расчирикался на ветке —
Хочет маленький, наверное, конфетки.
Я достану из кармана две ириски —
Одну птенчику отдам, другую — киске!

Ольга ОСЕНСКАЯ

(г. Тула)

КУКЛА ДАША

Кукла Даша заболела.
Вылечить — благое дело.
Приходила доктор Вика —
Приносила ей клубнику.

Ежевичное варенье —
Вкусное на удивленье.
Почитаем вместе книжку
Про веселого зайчишку.

Кушай, Даша, больше каши.
Вечером придет Наташа.
Вместе тортик испечем
И с лимоном чай попьем...

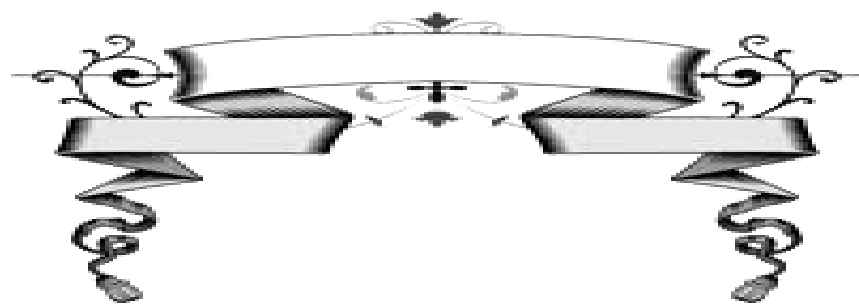
Даша всех гостей встречала
И ни разу не чихала.
Вот лекарство — дружба наша:
Вика, Даша и Наташа.

ДОБРЫЕ ДЕЛА

В книгу детки отмечают
Добрые дела

«Съел творог, помог я маме,
Спал я до утра
Канарейке корм насыпал,
Поменял водичку.
И отметку получил
За дела — «Отлично».

ПЕСНИ

ЯКОВ ШАФРАН

ВЛАДИМИР ПАШУТИН

«ТЫ УШЛА ТОГДА...»

Слова Якова Шафрана

Музыка Владимира Пашутина

Музыка Владимира Пашутина

Слова Якова Шафрана

«ТЫ УШЛА ТОГДА...»

КОНЕЦ. Ты у-

шла то-гда, вче-тве-ртом, кля-сся, всем по-да-рки, мне же се-мью-та. Ты гля-

-де-ла, как ти-хо, нко-га-снет, света, гла-зах и ви-снет не-мо-

-та. Ты у-шла, у-е-ха-ла, все-мье-ю, сло-во

в ве-чност, в да-ли, и кра-я. То-лько се-рдце, по-лю-е то-

-бо-ю, здесь о-ста-ви-ла, лю-бовь, ма-я.

«ТЫ УШЛА ТОГДА...»

Ты ушла тогда, в четвертом классе.
 Всем — подарки, мне же — пустота.
 И глядела, как тихонько гаснет
 Свет в глазах и виснет немота.

Ты ушла — уехала с семьей,
 Словно в вечность, в дальние края.
 Только сердце, полное тобою,
 Здесь оставила, любовь моя.

Да и мог ли нравиться красивой
 Девочке худющий, «дохлый» шкет?
 На меня глядела ты спесиво.
 Для других — улыбка и привет.

С той поры всю жизнь мою, в дороге,
 Мальчиком везде искал твой лик —
 Девочку на заревом пороге...
 Только мальчик тот — уже старик.

ПЕСНЯ НЕ ГРОМКАЯ И СОЛОВЕЙ

Слова Якова Шафрана

Музыка Владимира Пашутина

Музыка Владимира Пашутина

Гитара

1. СТА-РА-Я ТУ-ЛА, ДУ-ША ТАК И-СКА-ЛА

О-БРАЗ ТВОЙ МИ-ЛЫЙ ВДА-ЛЕ-КОМ КРА-Ю: ДОМ НА ГА-РМОН-НОЙ И

ЦЕ-РКОВЬ БЫ-ВА-ЛО, ВОТ, КАК СЕЙ-ЧАС ПЕ-РЕД НИ-МИ СТО-Ю.

СТА-РА-Я ТУ-ЛА, КАК ДО-ЛГО МНЕ ГРЕ-ЛА ДУ-ШУ СРЕ-ДИ НА-ДО-

Е-ДЛИ-ВЫДНЕЙ: У-ЛО-ЧКА ТИ-ХА-Я, СО-ЛНЦЕ УЖЕ СЕ-ЛО,

ПЕСНЯ НЕ ГРОМКАЯ И СОЛОВЕЙ

Старая Тула, душа так искала
Образ твой милый в далеком краю:
Дом на Гармонной и церковь, бывало,
Вот, как сейчас, перед ними стою.

Старая Тула, как долго мне грела
Душу среди надоедливых дней.
Улочка тихая, солнце уж село.
Песня негромкая и соловей.

Старая Тула, к тебе возвратился.
Новой ты стала — куда ни взгляну.
Только за новым мой город не скрылся —
Старую Тулу я вижу одну.

Дом с мезонином, резьба по оконцам,
Церковь средь лип, голубятня и пруд...
Старая Тула — души моей солнце,
И не затмит тебя зодчества зуд.

СОДЕРЖАНИЕ

ДУХОВНАЯ СТРАНИЦА

МИХАИЛ ДУНАЕВ. Православие и русская литература.
Литература конца XX столетия (выдержки из главы 18).....5

ПОЭЗИЯ

Валерий ХОДУЛИН (г. Тула).....	12
Валерий САВОСТЬЯНОВ (г. Тула).....	17
Виктор ИВАНОВ (г. Тула).....	21
Нина ПОПОВА (г. Москва).....	24
Игорь МЕЛЬНИКОВ (г. Тула).....	26
Наталья КВАСНИКОВА (г. Москва).....	29
Сергей НИКУЛОВ (г. Тула).....	32
Сергей РЕЗВЯКОВ (г. Тула).....	35
Валерий ДЕМИДОВ (г. Тула).....	37
Ольга ПОНОМАРЕВА-ШАХОВСКАЯ (г. Москва).....	40
Галина ЛЯЛИНА (г. Донской Тульской области).....	43
Любовь САМОЙЛЕНКО (г. Донской Тульской области).....	46
Вячеслав АЛТУНИН (г. Тула).....	48
Татьяна ЛЕОНОВА (г. Щекино Тульской области).....	51
Геннадий МИР (г. Щекино Тульской области).....	54
Олеся МАМАТКУЛОВА (г. Алексин Тульской области).....	56
Игорь БОРОНИН (г. Тула).....	58
Сергей ЛЕБЕДЕВ (г. Тольятти Самарской области).....	61
Владимир ПАШУТИН (г. Тула).....	64
Людмила ПЕНЬКОВА (г. Тула).....	66
Людмила РЕЗВЯКОВА (г. Тула).....	69
Елена СОКОЛОВА (г. Тула).....	70
Яков ШАФРАН (г. Тула).....	72
Татьяна ШЕЛЕПИНА (г. Алексин Тульской области).....	75
Наталья СИЛАЕВА (г. Серпухов Московской области).....	77
Валерий ВИНОГРАДОВ (г. Алексин Тульской области).....	79
Станислав ВОРОНЦОВ (г. Серпухов Московской области).....	82
Ольга ЕВСЮКОВА (г. Тула).....	83
Ольга ОСЕНСКАЯ (г. Тула).....	86
Сергей ОДИНОКОВ (г. Тула).....	89
Татьяна ЧЕРНЫШОВА (г. Тула).....	90
Мария МИХАЙЛОВА (г. Тула).....	93
Юлия СЕМИНА (г. Тула).....	94
Даниил АРТАМОНОВ (г. Тула).....	96
Ольга БОРИСОВА (г. Самара).....	97

Дмитрий ДАНИЛИН (г. Тула).....	
Марина КАРГИНСКАЯ (г. Алексин Тульской области).....	
Валентина КАРПОВА (г. Тула).....	
Александр КАРПОВ (г. Тула).....	107
Ольга ПАВЛОВА (г. Алексин Тульской области).....	109
Владилена СТАНИСЛАВСКАЯ (г. Серпухов Московской области).....	112
Василий ТАРАКАНОВ (г. Алексин Тульской области).....	113
Татьяна ТЮРИНА (г. Алексин Тульской области).....	115
Кира КРУПСКАЯ (г. Серпухов Московской области).....	115
Владимир ГУДКОВ (г. Тула).....	116

ПРОЗА

Алексей ЯШИН (г. Тула).....	119
Сергей НОРИЛЬСКИЙ (г. Тула).....	140
Сергей КРЕСТЬЯНКИН (г. Тула).....	149
Сергей ОВЧИННИКОВ (г. Щекино Тульской области).....	158
Елена СЕМЕНОВА (г. Москва).....	170
Вячеслав АЛТУНИН (г. Тула).....	175
Людмила АЛТУНИНА (г. Тула).....	180
Елена ГАДЕНОВА (г. Тула).....	191
Татьяна РОГОЖИНА (г. Тула).....	199
Владимир ГУДКОВ (Тула).....	204
Галина КЛИНКОВА (Волгоградская область).....	210
Сергей ОДИНОКОВ (г. Тула).....	214
Наталия СИЛАЕВА (г. Серпухов Московской области).....	222
Наталья ПРИХОДЬКО (г. Серпухов Московской области).....	223
Роман РОМАНОВ (г. Тула).....	225
Владилена СТАНИСЛАВСКАЯ (г. Серпухов Московской обл.).....	227
Елена АЛЕКСЕЕВА (г. Серпухов Московской области).....	228
Мария ЯКОВЛЕВА-АЛЕКСЕЕВА (г. Серпухов Московской обл.).....	229

ПУБЛИЦИСТИКА

Людмила АЛТУНИНА (г. Тула).....	233
Андрей МОЖАЕВ (г. Москва).....	244
Сергей ОВЧИННИКОВ (г. Щекино Тульской области).....	254
Рудольф АРТАМОНОВ (г. Москва).....	260
Яков ШАФРАН (г. Тула).....	263

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Валерий МАСЛОВ (г. Тула).....	268
-------------------------------	-----

Игорь КАРЛОВ (г. Тула, Россия и г. Мапуту, Мозамбик).....	278
Рудольф АРТАМОНОВ (г. Москва)	282
Яков ШАФРАН (г. Тула).....	

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ДЕТЕЙ И ДЛЯ ДЕТЕЙ

Владимир ГУДКОВ (Тула).....	304
Рудольф АРТАМОНОВ (г. Москва)	309
Сергей РЕЗВЯКОВ (г. Тула).....	311
Нина Попова (г. Москва).....	314
Ольга ОСЕНСКАЯ (г. Тула).....	316

ПЕСНИ

Владимир ПАШУТИН (г. Тула) — музыка,	
Яков ШАФРАН (г. Тула) — слова:	
«Ты ушла тогда...».....	319
Владимир ПАШУТИН (г. Тула) — музыка,	
Яков ШАФРАН (г. Тула) — слова:	
«Песня негромкая и соловей»	321

**УЧРЕДИТЕЛЬ
АЛЬМАНАХА «КОВЧЕГ»:**

ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО–ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
«ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
АЛЬМАНАХА «КОВЧЕГ»:**

ЯКОВ ШАФРАН – главный редактор и составитель
АЛЕКСЕЙ ЯШИН – составитель
ВАЛЕРИЙ ХОДУЛИН
ГЕННАДИЙ МАРКИН
СЕРГЕЙ КРЕСТЬЯНКИН – зав. отделом прозы
ЛЮДМИЛА АЛТУНИНА – зав. отделом
публицистики и литературоведения
ВЛАДИМИР РЕЗЦОВ – зав. отделом поэзии

16 +

*В соответствии со ст. 27 Закона РФ «О средствах
массовой информации» и Федеральным законом
от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей
от информации, причиняющей вред их здоровью
и развитию», альманах предназначен
для детей старше
16 лет.*

ИЛЛЮСТРАЦИИ В ТЕКСТЕ — ХУДОЖНИК Е.В. СОКОЛОВА

В МАКЕТЕ ОБЛОЖКИ ОБРАЗЦОМ ЯВИЛОСЬ
ФОТО АВТОРА ИРСЕН:
<http://fotki.yandex.ru/users/tvoi-druzia/view/405071/?page=1>

БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

КОВЧЕГ

ЛИТЕРАТУРНО-МУЗЫКАЛЬНЫЙ АЛЬМАНАХ

ОРДЕНА Г.Р. ДЕРЖАВИНА ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

ВЫПУСК 4

Произведения, опубликованные в альманахе,
даны в авторской редакции

Редакторы: С.О. Крестьянкин, Л.Д. Алтунина,
В.В. Резцов, А.А. Яшин, Я.Н. Шафран
Корректоры: С.О. Крестьянкин, Л.Д. Алтунина,
В.В. Резцов, Я.Н. Шафран
Компьютерный набор: авторы
Компьютерная верстка, изготовление
оригинал-макета и оформление: Я.Н. Шафран
Составление: А.А. Яшин, Я.Н. Шафран
Иллюстрации в тексте: Е.В. Соколова

Издатель – ордена Г. Р. Державина
литературно–художественный и публицистический журнал
«Приокские зори»
300025, Тула, а/я 920, e-mail: bonyans@yandex.ru
тел. 8- 953-443-14-69

Подписано в печать 21.07.2014 г.
Формат 60х84/16. Усл.-печ. л. 18.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж 145 экз. Заказ № 40.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии издательства «Папирус»
300041, Тула, ул. Ленина, 12
Тел.: (4872) 38-40-09

